

ЗВС-15
Люциан Антипин
Александр
Раппапорт об
архитектуре и
интеллигенции
Дизайн-коды для
Иркутска

2015 / 45

горожанство / urbanship

проект
байкал /
project
baikal

12+

МЫ НАЧИНАЕМ СТРОИТЕЛЬСТВО

**25 ЛЕТ
УСПЕШНОЙ РАБОТЫ**

ИНЖЕНЕРНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

- инженерно-геодезические изыскания*
- топографические съемки, специальные инженерно-геодезические и топографические работы*
- инженерно-геологические изыскания*
- инженерные изыскания грунтовых строительных материалов*
- инженерные изыскания источников водоснабжения*
- исследование грунтов оснований зданий и сооружений*
- контроль качества работ*
- инжиниринговые и консультативные услуги*

ООО «ИНГЕО»
Тел.: 200-001,
211-327, 211-329
E-mail: ingeo@list.ru

Говорят, коренной житель Полинезии может по вкусу океанской воды определить, в каком именно местородного архипелага он находится. Ночью, в тумане, с закрытыми глазами он ведет диалог со своей средой обитания, понимает ее, доверяет ей.

С того времени, когда «Проект Байкал» посвящал главную тему номера Среде и Рекламе, многое изменилось в наших городах, в том числе – к лучшему. Пришло понимание важности состояния городской среды, ее влияния на привлекательность города в конкурентной борьбе, влияние среды на качество жизни. Пример подает столица: яркие проекты набережных, бульваров и площадей быстро и качественно реализуются, Москва меняется на глазах.

А что в Иркутске?

Понимание пришло. Теперь не только креативный класс, но и городская администрация болеет за обновление зеленых скверов, благоустройство и озеленение. Не только на словах, но и на деле. Появляются новые скверики, более или менее уютные. Иногда холодные и бессмысленные. Почти всегда – не связанные в систему. Разрабатываются дизайн-коды для главной улицы.

Достаточно ли этого? Можно ли сказать, что городская среда находится на пути к выздоровлению? Что завтра мы, горожане, найдем общий язык с гением места, в котором живем? Можно ли надеяться, что уже скоро удастся ввести в разумные рамки дикую рекламу, дать приоритет пешеходам, воскресить гениальные идеи шестидесятников о балансе линейного и центрального принципов градостроительства?

Мы все еще недостаточно понимаем, что составляет смысл и суть городской среды. Сам этот термин слишком размыт и многозначен, чтобы строить на нем теорию и практику управления жизнью города.

Мы вводим новое понятие ГОРОЖАНСТВО и выносим его в титул номера. Горожанство – это способ видеть город, его проблемы и процессы сквозь призму отношений человека с гением места. Мы ставим вопрос именно о поисках метода, а не сборника рецептов по благоустройству городской среды. Ведь гений места – свой, уникальный в каждом месте города, как вкус воды у каждого острова в архипелаге. Даже самые удачные решения неповторимы, нетиражируемы, а повторению подлежат только метод (который еще предстоит осознать и сформулировать)...

Елена Григорьева

A native Polynesian can identify this or that place of the archipelago by tasting the Ocean water. In the fog of the night, with his eyes closed, he is engaged in a dialogue with his environment; he comprehends it and trusts in it.

Since the time when Project Baikal devoted the main topic of the issue to environment and advertising, a lot of things concerning our cities have changed, some of them for the better. It is increasingly recognized that the condition of urban environment is of the essence, that it can make the city attractive and competitive, and that it has an effect on the quality of life. The capital city sets an example: bright designs of embankments, boulevards and squares are realized quickly and to the highest standard. Improvements in Moscow are obvious.

And what about Irkutsk?

The awareness has increased. Now not only the creative class, but also the city administration calls for renovation of green parks, improvements and planting. Not only in word, but in deed. New mini-parks are appearing. Sometimes they are more or less cozy, sometimes they are cold and senseless. Almost in each case they are not integrated into a system. Design codes are being worked out for the main street.

Is this enough? Is the urban environment on the way to recovery? Are we, the urban dwellers, going to find a common language with Genius Loci of the place we inhabit? How soon will we manage to harness the wild advertising, to give priority to pedestrians, and to reanimate the sixties' brilliant ideas about the balance between the linear and the centric urban planning principles?

Our understanding of the sense and the essence of urban environment is still insufficient. This term is too indistinct and multivalent to build up theory and practice of urban life management on its basis.

We introduce a new term – URBANSHIP – and make it the title of the issue. Urbanship is a way to see the city, its problems and processes in the light of relationship between a human being and Genius Loci. We raise a question of how to work out a method, but not a collection of guidelines on improvements of urban environment. Each place of the city has its own Genius Loci, like each island of the archipelago has its own taste of water. Even the most efficient decisions are inimitable; we can replicate only a method (yet to be comprehended and formulated)...

Elena Grigoryeva, editor-in-chief

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала издателю Барту Голдхоорну, издательству **А-Фонд**, а также Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.11.2007

учредитель, главный редактор
Е. И. Григорьева
664025, Иркутск, пер. Черемховский, 1а

корректор
Инесса Бражникова
литературные редакторы
Инесса Бражникова,
Марина Ткачева
верстка
Татьяна Анненкова
переводчик, редактор раздела «новости МСА»
Анна Григорьева
редактор раздела «Дайджест»
Евгения Крайнева
адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3952 33-28-39
3952 33-28-40
e-mail: sar@irk.ru
www.projectbaikal.com

на обложке
Квартал 130 в Иркутске
фото Анатолия Бызова

адрес типографии
«Репроцентр А1»,
664023, г. Иркутск, ул. А.Невского, 99/2
Тираж 300 экз.
Подписано в печать 24.08.15

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
Периодичность 4 раза в год
Цена свободная

12+

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания» / Golden medal of the International Academy of Architecture "Interarch-2009" in "Periodicals" category

проект байкал/
project baikal
ISSN 2307-4485

45

горожанство / urbandship

новости	Анна Григорьева по материалам сайтов: www.uia.archi www.masa.ru	Новости Международного союза архитекторов..... 6
москва на марше	Никита Токарев Александр Раппапорт Виктор Логвинов	Уроки Крапивны..... 8 Архитектура и интеллигенция 10 Особенности национального менеджмента 12
коротко	Елена Григорьева	Перемен! Мы ждем перемен..... 17 Дальневосточное «Зодчество» 17 Город солнца 17 Саммит девелоперов 17
портрет архитектора	Елена Григорьева Андрей Ляпин Люциан Антипин	Люциан Федорович Антипин (10 августа 1932 – 12 июня 2015) 18 Творческое наследие архитектора Люциана Антипина 19 Проекты железнодорожного вокзала и гостиничного комплекса 26 Проекты и постройки Люциана Федоровича Антипина 27 Иркутск. Вчера, сегодня, завтра (проблемы, перспективы) 30
новости	Люциан Антипин Виктория Астраханцева Елена Григорьева Дарья Кремлёва Валентина Казакова	Братская организация Союза архитекторов России. Краткий экскурс в историю 36 История одного дома. Дом архитектора Артюшкова 40 БУХАРТ – АРХБУХТА: 10 лет..... 41
образование	Иван Пикнов Вероника Лихачева Дарья Кулеш	Блокированный жилой комплекс в поселке Листвянка 44 Лыжно-биатлонный комплекс в районе горы Соболиной..... 46 К семантике этнической архитектуры Прибайкалья 48
книга	Инесса Бражникова	Мы живем вокруг Байкала: русские в Сибири 50
события		XV межрегиональный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири – 2015» 51

спонсоры номера

Special thanks to Bart Goldhoorn and to A-Fond publishing house for their help and support in creating the journal; and to Frank van der Hoeven for his support and website development

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage. Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief
E.I. Grigoryeva
664025 Chermkhovskiy Pereulok 1a,
Irkutsk, Russia

proofreader
Inessa Brazhnikova

literary editor
Inessa Brazhnikova,
Marina Tkacheva

upmaking
Tatyana Annenkova

translator, editor of the "UIA News" section
Anna Grigorieva

editor of the "Digest" section
Evgenia Kraineva

address of the publisher and the editorial board
664025 Chermkhovskiy Pereulok 1a
Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839, +7 3952 332840
email: sar@irk.ru
www.projectbaikal.com

on the cover
130 Quarter by Anatoly Byzov

printed by
"Reprocenter A1"
Alexandra Nevskogo Street 99/2
Irkutsk 664023
print run 300
passed for printing:
24.08.15

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial staff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors.
quarterly publication
free price
12+

	Марина Ткачева	15 лет – не шутка! XV Межрегиональный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири – 2015»..... 54 Впечатления участников от ЗВС-15 56 Каталог 60 83
горожанство	Константин Лидин	Горожанство. В поисках универсального определения городской среды..... 84
	Марина Ткачева	Городская среда. Дискуссионный клуб..... 90
	Елена Багина	Наружная реклама и город. Что было? Что будет? Чем сердце успокоится? 100
	Ольга Железняк	Цветовое пространство города в контексте культуры 103
	Инна Дружинина	Градостроительная организация социально-пространственной среды городов Иркутской области 112
	Евгения Крайнева	Дайджест 117
	Елена Григорьева	Маленькое эссе о Большом бульваре..... 118
	Алла Мироненко	Архитектурно-художественный регламент улицы Карла Маркса..... 122
	Марк Меерович	Дизайн-коды для Иркутска исторического 128
	Константин Лидин	Перипатетический променад по спорному кварталу. Анализ горожанства одного иркутского квартала 134
	Франк ван дер Хувен	«Хоттердам»: создание карты городского острова тепла 138
	Александр Вандл	В Барбикане 146
	Ольга Смирнова	О монографии О. Е. Железняк «Цвет. Город. Культура» 150
	Ирина Добрицына	«Поляна» – первый спортивный парк в Иркутске 152
	Алиса Козак	Партиципативное проектирование сквера в Иркутске..... 154
	Евгения Ямова	Развитие территорий, прилегающих к Кайской роще, с целью сохранения природного наследия 156
	Анна Суродина	Открытые общественные пространства бывшей территории ИВАТУ 158
градо	Марк Меерович	Уникальность урбанизации в СССР: искусственное формирование системы расселения..... 160
	Елена Багина	Трещинка, пропасть, бездна..... 164
sos	Арина Шаравина	Что имеем – не храним... Дом Шиллинга в Чите 168

news	"Anna Grigoryeva using source material from the websites: www.uia.archi, www.maca.ru" UIA News.....	6	
moscow on the march	Nikita Tokarev	Lessons of Krapivna 8	
	Alexander Rappaport	Architecture and Intelligentsia..... 10	
in brief	Victor Logvinov	Peculiarities of National Management..... 12	
	Elena Grigoryeva	Change! We Are Waiting for Change 17	
		The Far East Zodchestvo 17	
		The City of the Sun 17	
portrait of the architect	Elena Grigoryeva	Summit of Developers 17	
		Lyutsian Fedorovich Antipin (August 10, 1932 - June 12, 2015) 18	
		Creative Heritage of the Architect Lyutsian Antipin 19	
	Andrei Lyapin	Projects for the Railway Station and the Hotel Complex..... 26	
news	Lyutsian Antipin	Projects and Realizations by Lyutsian Fedorovich Antipin 27	
	Victoria Astrakhantseva	Irkutsk. Yesterday, Today and Tomorrow (Problems and Prospects)..... 30	
		The Bratsk Organization of the Union of Architects of Russia	A Short Excursus to the History..... 36
		A STORY OF ONE HOUSE. Architect Artyushkov's House 40	
education	Elena Grigoryeva	BUKHART – ARKHBUKHTA: 10 Years..... 41	
	Darya Kremlyova	Integrated Housing Development in Listvyanka Settlement 44	
	Valentina Kazakova	Ski-and-Biathlon Complex at Sobolinaya Mountain 46	
	Ivan Piknov	Under the Semantics of Ethnic Architecture of Pribaikalie 48	
book	Veronica Likhacheva	We Live around Lake Baikal: Russians in Siberia 50	
	Darya Kulesh	The XV Interregional Festival Zodchestvo of Eastern Siberia 2015..... 51	
events	Inessa Brazhnikova	15 Years Are No Joke! T	
		he XV Interregional Festival Zodchestvo of Eastern Siberia 2015 54	
		The Participants' Impressions of ZES 2015 56	
		Catalogue 60	
urbanship	Marina Tkacheva 83	
		Urbanship. In search for a comprehensive definition of urban environment 84	
		City Environment. Discussion Club..... 90	
		Outdoor Advertising and the City. What was? What will be?	
		Due to what will the heart calm down?..... 100	
		An Urban Colour Space in the Context of Culture 103	
		The Urban Organization of the Socio-Spatial Environment in Towns of the Irkutsk Region 112	
		Digest..... 117	
		A Small Essay About a Big Boulevard..... 118	
		Architecture and Art Regulations for Karl Marx Street..... 122	
		Design Codes for Historical Irkutsk 128	
		A Peripatetic Promenade Around a Debatable Quarter	
		Analysis of Urbanship in Irkutsk's Quarter..... 134	
		Hotterdam, mapping the Rotterdam urban heat island..... 138	
In Barbican 146			
Review of the Monograph "Colour. City. Culture" by O.E. Zheleznyak..... 150			
Polyana is the First Sports Park Built in Irkutsk..... 152			
Participative Design of Irkutsk's Square..... 154			
Development of the Territories Adjoining Kaiskaya Roscha 156			
for the Purpose of Preservation of Natural Heritage 156			
Open Public Spaces of the Former Territory of the Irkutsk Military Aeronautical Technical School 158			
urban	Mark Meerovich	Uniqueness of Urbanization in the USSR: Artificial Formation of the Settlement System 160	
		A Crack, a Gulf, an Abyss... 164	
sos	Elena Bagina	WE KNOW NOT WHAT IS GOOD UNTIL WE HAVE LOST IT... Shiling House in Chita..... 168	
	Arina Sharavina		

Спальный корпус на 110 мест в ДОЛ "Огоньки"

- Спальный корпус на 110 мест в ДОЛ "Огоньки"
- Детский сад №213 в г. Слюдянка
- Центр детского технического творчества
- Детский оздоровительный лагерь
- Объекты детской железной дороги в Иркутске
- Реконструкция школы-интернат в г. Слюдянка

**ПРОЕКТЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ -
НАШ ВКЛАД В БУДУЩЕЕ РОССИИ!**

 **РОСЖЕЛДОР
ПРОЕКТ**

ИРКУТСКЖЕЛДОРПРОЕКТ

а/л-134, Иркутск, Россия, 664025

т: (3952) 64-40-27, 505-125

ф: (3952) 505-126

e: ipr@irk.esr.ru

e: ipr@org.irk.esr.mps

www.irdi.ru

International Competition to design MOLEWA township - CHINA

The jury meeting for the international competition launched by Hua Yan Cultural Investment Company to plan China's MOLEWA township took place on 6 & 7 May 2015, in the city of Ruichang. The competition brief laid out requirements for the design of a series of prestigious commercial and cultural facilities and residential units having a strong architectural identity. Its goal was to create a township called MOLEWA - the Mount Lu Estate of World Architecture.

Former UIA vice-president Mauricio Rivero Borrell chaired the jury. Ms. Marianne Burkhalter (Switzerland) and Mr. Chun Gyu Shin (Korea) represented the International Union of Architects for the commercial and cultural category, while Ms. Jennifer Lee

(United States) represented UIA for the residential category.

Following deliberations and a careful study of all the projects, the jury made the following declaration: "by unanimous vote, the jury felt that though the presented works included important proposals and interesting options for architectural solutions, none could be considered for first prize". Based on this appreciation, the jury selected four proposals for second prizes, six more for third prizes, and awarded seven honourable mentions.

Second prize in the commercial/cultural category: Nicolas Papier (France), José Muñoz Villers (Mexico).

Second prize in the residential category: Ingrid Moye (Mexico), Mara Gabriela Partida Muñoz (Spain).

Third prize, commercial/cultural category: Kristina Sahlestrom (Sweden), Joanna Moreira (Portugal), Stephen Chan Kwok Kin (PR of China).

Third prize, residential category: Gojko Radic (Serbia), Georges Hung (France), Gabriel Pablo Martinez (Argentina).

**See all winning projects on the UIA website: <http://www.uia.archi>
Visit the competition website: <http://www.creativersal.com/uia/>**

Japanese architects share their expertise in earthquake resistant design

After the 11/03/2011 earthquake, the Japan Institute of Architects (JIA) and the Japan Aseismic Safety Organisation (JASO) published a revised edition of their manual Earthquake-resistant Design for Architects.

The first edition appeared following the Kobe earthquake.

A collaboration between architects, engineers, and various specialists, this handbook shows how to reduce damages through conception, design, and construction. It is the result of many risk-reducing methods as well as individual experience and viewpoints.

The UIA applauds this generous initiative by JIA and JASO, and will participate by making Earthquake-resistant Design for Architects available for free download from the UIA website.

<http://www.uia.archi>

Malaysian architects working for homeless shelters in Kuala Lumpur

The municipal authority in Kuala Lumpur entrusted the Malaysian Institute of Architects'

Новости Международного союза архитекторов /
UIA News

^ Вторая премия в категории жилых объектов конкурса на проект города Молева в Китае. Мара Габриэла Партида Муноз (Испания) / Competition to design China's MOLEWA township. Second prize residential category. Mara Gabriela Partida Munoz (Spain)

Международный конкурс на проект города Молева в Китае

В городе Руйчанг 6 и 7 мая 2015 года прошло заседание жюри Международного конкурса на проект города Молева (MOLEWA) в Китае, объявленного компанией Hua Yan, занимающейся инвестициями в культуру. В конкурсе участвовали проекты престижных коммерческих, культурных и жилых объектов, отличающихся архитектурным своеобразием. Целью конкурса было создать город под названием MOLEWA – Mount Lu Estate of World

Architecture (Территория мировой архитектуры на горе Лу).

Председателем жюри стал бывший вице-президент МСА Маурицио Риверо Боррелл. Марианна Буркхальтер (Швейцария) и Чун Гю Шин (Корея) представляли Международный союз архитекторов в категории коммерческих и культурных объектов, а Дженнифер Ли (США) – в категории жилых объектов.

После обсуждения и тщательного изучения всех проектов жюри сделало следующее заявление: «По результатам голосования жюри

пришло к единодушному мнению о том, что, несмотря на важность и привлекательность представленных работ, ни один из проектов не может быть удостоен первой премии». Таким образом, жюри присудило вторую премию четырем работам, третью премию шести работам и почетную премию семи работам.

Со всеми проектами-победителями можно ознакомиться на сайте МСА: <http://www.uia.archi/en/s-informer/concours/9359#VY8U5KZVoRI> или на сайте конкурса: <http://www.creativersal.com/uia/>

Японские архитекторы поделились опытом проектирования сейсмостойких зданий

После землетрясения, произошедшего 11 марта 2011 года, Японский институт архитекторов и Японская организация сейсмической безопасности опубликовали исправленное издание Руководства для архитекторов по проектированию сейсмостойких зданий. Первый

выпуск вышел в свет после землетрясения в Кобе.

Это руководство, разработанное при тесном сотрудничестве архитекторов, инженеров и различных специалистов, показывает, как свети к минимуму повреждения при помощи надлежащей концепции, проектирования и строительства. Достичь этого помогают методы снижения рисков, а также индивидуальный опыт и собственная точка зрения.

Международный союз архитекторов пообещал сделать доступным Руководство для архитекторов по проектированию сейсмостойких зданий на своем сайте.

http://www.uia.archi/sites/default/files/earthquake-resistant_SM.pdf

Малазийские архитекторы проектируют укрытия для бездомных в Куала-Лумпуре

Муниципалитет Куала-Лумпура поручил жилищному комитету Малазийского института архитек-

^ Ступенчатое общежитие в Куала-Лумпуре – временное пристанище городских бездомных. Архитектор Мустафа бин Мохамед Саллех / KL Step Inn - Temporary Lodging for the Urban Homeless. Ar. Assoc. Prof. Mustapha bin Mohamed Salleh

well being and housing committee with the task of organising an ideas competition for the design of temporary structures to shelter homeless people in the city.

Nearly one hundred architects, students, and urban planners suggested pertinent and original solutions, that were exhibited and published in a work that can be downloaded from the UIA website.

This competition was intended to underline Malaysian architect's sense of solidarity and their ability to provide solutions for social needs. It further tried to dispel the idea that architects work only for the benefit of society's elite.

<http://www.uia.archi>

Region II
Minsk International Young Architects
Biennial

торов организовать конкурс на концепцию временных конструкций для размещения бездомных людей в городе.

Около ста архитекторов, студентов и градостроителей предложили соответствующие оригинальные решения, с которыми можно ознакомиться в материале, доступном на сайте МСА.

При проведении конкурса был сделан акцент на солидарность малайзийских архитекторов, их способность разрабатывать проекты, удовлетворяющие социальные нужды. Была предпринята попытка развеять представление о том, что архитекторы работают только на благо социальной элиты.

<http://www.uia.archi/sites/default/files/pam-dbkldraft4.pdf>

РЕГИОН II
Международная биеннале молодых архитекторов в Минске

Белорусский союз архитекторов организует шестую международную биеннале молодых архитекторов «Премия Леонардо – 2015», которая будет проходить в Минске с 3 по 5 сентября 2015 года. Биеннале состоится в рамках празднования XI городского фестиваля архитектуры, направленного на ознакомление общественности с национальной архитектурой и работами молодых архитекторов из разных стран.

Биеннале была впервые организована в 2005 году и с тех пор стала чрезвычайно популярна в Центральной и Восточной Европе. В последнем мероприятии участво-

The Belarus Union of Architects is organising the sixth edition of its international, young architects biennial, the 'Leonardo Prize 2015', in Minsk, on 3 to 5 September 2015. The biennial is part of celebrations for the city's 11th Festival of Architecture, organised to promote national architecture as well as works by young architects from around the world.

Created in 2005, the event has become extremely popular in central and eastern Europe. The last edition brought together 300 works from 28 European and Asian countries. The event is supported by the Belarusian Ministries of Architecture and Construction, and Culture, as well as the International Union of Architects. UIA Secretary General Thomas Vonier will represent the union at this year's event.

вало 300 работ из 28 европейских и азиатских стран. Биеннале проходит при поддержке Министерства архитектуры и строительства и Министерства культуры Белоруссии, а также Международного союза архитекторов. На предстоящей биеннале представителем МСА будет генеральный секретарь МСА Томас Вонье.

Концертный зал филармонии в Щецине получил две награды
Концертный зал филармонии в польском городе Щецине, спроектированный и построенный итальяно-испанским дуэтом архитекторов Бароцци и Виегга, практически одновременно был удостоен Премии Европейского Союза за современную архитектуру имени Миса ван дер Роэ и награды «Архитектура жизни» за лучшее здание, построенное в Польше в 2013–2014 годы, присуждаемой польским архитектурным журналом Architektura Murator и Ассоциацией польских архитекторов (SARP).

По мнению архитекторов, на строительство здания на месте старого концертного зала, разрушенного при бомбардировке во время Второй мировой войны, повлияла окружающая среда и соседние здания, в особенности «стремление вверх жилых домов, монументальность вертикальных орнаментов неоготических церквей и тяжелые объемы классических сооружений, а также башни как неотъемлемая часть силуэта города и портальные краны».

Philharmonic Hall Szczecin receives double honours

The Philharmonic Hall in the Polish town of Szczecin, designed and built by the Italian/Spanish team Barozzi - Veiga has almost simultaneously been awarded the European Union's prize for contemporary architecture, the Mies van der Rohe Award, and the "Life architecture" prize for the best Polish building built between 2013 and 2014, supported by the Polish architecture journal Architektura Murator and the Association of Polish Architects (SARP).

According to the architects, the building's construction, on the exact site of the old hall destroyed by bombings during the second world war, was influenced by the surrounding context and buildings, and specifically by the "verticality of the city's residential buildings,

by the monumentality of the upright ornaments of its neo-Gothic churches and the heavy volumes of its Classicist buildings, by the towers that dot its entire skyline and the cranes of its port."

An Emerging Architect Prize was also awarded to Catalan-studio Arquitectura-G for their single-family home "Luz House" within the framework of the Mies van der Rohe awards.

Barozzi Veiga, architects:
<http://barozziveiga.com/web/>
Learn more and see the Philharmonic Hall Szczecin in Archdaily online magazine:
<http://www.archdaily.com>
Using source material from the websites:
www.uia.archi, www.maca.ru

В рамках Премии имени Миса ван дер Роэ награду получили также молодые архитекторы – каталонская студия Arquitectura-G за дом для одной семьи Luz House.

Архитекторы Бароцци и Виегга:
<http://barozziveiga.com/web/>

Дополнительная информация о филармонии в Щецине в онлайновом журнале Archdaily:
[http://www.archdaily.com/628924/barozzi-veiga-s-philharmonic-hall-szczecin-receives-2015-eu-prize-for-](http://www.archdaily.com/628924/barozzi-veiga-s-philharmonic-hall-szczecin-receives-2015-eu-prize-for-contemporary-architecture-nil-mies-van-der-rohe-award/)

contemporary-architecture-nil-mies-van-der-rohe-award/

По материалам сайтов:
www.uia.archi
www.maca.ru/

^ Концертный зал филармонии в Щецине по проекту Бароцци и Виегга © Simon Menges / Barozzi / Veiga's Philharmonic Hall Szczecin © Simon Menges

Уроки Крапивны / Lessons of Krapivna

На примерах дипломного проекта 2010 года Мастерской экспериментального учебного проектирования МАРХИ, посвященного городу Крапивне, и программы развития Соловецкого архипелага, разработанной в школе МАРШ, автор рассуждает о проблемах архитектурного образования и тех образовательных механизмах, которые будут способствовать профессиональному становлению будущих архитекторов.

Ключевые слова: архитектурное образование, проект-исследование, соучастие, соприкосновение с жизнью, Соловки. / Basing on the example of the graduation project concerning the town Krapivna, which was worked out by the MARCHI Experimental Design Studio in 2010, the author features the problems of architectural education and the educational mechanisms that will contribute to professional formation of future architects.

Keywords: architectural education; research project; involvement; contact with life; Solovki.

1. Deplazes A. Making Architecture: Projects from the First Year Course, Paperback, 2012.
2. Из интервью газете СА (2015. № 6 (51). С. 6).

Один из наиболее частых упреков, обращенных к образованию, и в частности к архитектурному образованию, состоит в оторванности от жизни: учеба сама по себе, а реальная практика сама по себе, студенты учатся не тому, чем им придется заниматься в профессиональной жизни. Вы, преподаватели, ему все про Витрувия, а у нас тут «в окопах» AutoCAD в руки – и вперед! В результате вчерашний студент не находит работу, а работодатель тратит время и силы на доучивание на рабочем месте.

На это есть что возразить: Витрувий Автокаду не помеха, если правильно определить место того и другого, работа интерна сразу после окончания архитектурной школы – это еще не все, чем придется заниматься архитектору в жизни, он должен быть вооружен для успешной проектной деятельности на 10 и 15 лет вперед. Мы не знаем, с чем столкнется сегодняшний студент в следующем десятилетии, и научить его паре компьютерных программ, модных в этом сезоне, было бы по меньшей мере безответственно.

И все же осадок остается. С тех пор как ученик архитектора перестал быть подмастерьем на стройке, несбыточность студенческих проектов стала важной чертой обучения.

Есть остроумное сравнение архитектурного образования и спортивного¹. Учась фехтованию, молодой спортсмен проходит долгую и изнурительную школу подготовительных упражнений, прежде чем получит в руки рапиру. А вот в футболе настоящий мяч получаешь сразу, и поле с воротами в придачу. Это не значит, что хорошим футболистом стать легче, чем фехтовальщиком. Но контуры будущей реальности видны сразу, мы с первых минут живем в ней, играем по «взрослым» правилам, сравниваем себя с профессионалами. Так вот студент-архитектор все больше фехтовальщик, годами ждущий, когда увидит живого противника.

Один из путей, как преодолеть разрыв с реальностью, – сместить акцент с результата на процесс проектирования. Да, мы не все знаем и не все умеем, ограничены во времени и средствах, наш проект не будет реализован, но мы работаем с реальностью, и сами наши действия могут на нее повлиять. Тогда студенты и преподаватели – не наблюдатели, не имитаторы, а участники событий.

Примером может быть дипломный проект 2010 года Мастерской экспериментального учебного проектирования МАРХИ, посвященный Крапивне, городку в Тульской

области, рядом с Ясной Поляной. Он назывался «Крапивна. Воскресение». Проект был выполнен совместно с музеем «Ясная Поляна» с привлечением экспертов и жителей Крапивны. Несмотря на то что до непосредственной реализации дело не дошло, проект сыграл свою роль в истории городка, не раз выставлялся, обсуждался, и заложенные в нем идеи постепенно овладевали умами, находили сторонников, а многие из авторов и сейчас, через пять лет, продолжают участвовать в жизни Крапивны.

Принципа проектирования как со-участия, предполагающего вовлечение разных людей, мнений, заинтересованных сторон, придерживается и школа МАРШ.

В этом году темой одной из дипломных студий в магистратуре стала программа развития Соловецкого архипелага («Соловки: сакральное и мирское», руководители студии Наринэ Тютчева и Антон Петухов). Половину времени, отведенного на проект, заняло исследование, анализ ситуации, характеризующей невероятно сложным сочетанием интересов церкви, местных жителей, туристов, потрясающей истории места и хрупкой северной природы. «Мы исходим из убеждения, что архитектор должен быть исследователем, что в основе архитектурной деятельности лежит глубокое, внимательное и серьезное отношение к миру. Имеется в виду исследование не обязательно строго научное, а скорее заинтересованное погружение архитектора в реальность существующего мира. Исследование внутри проекта – это

Никита Токарев – член правления СМА,
директор Архитектурной школы МАРШ /
Nikita Tokarev – member of the UMA
Board, director of the Architectural
School MARCH

и есть основной образовательный механизм», – говорит ректор МАРШ Евгений Асс². В орбиту исследования вовлекаются самые разные дисциплины от теологии до экологии, как и было с Соловками, то, что не помещается ни в какие академические курсы. Исследовательская составляющая характерна для магистратуры, магистр – это специалист, способный не только выполнять задачи, но их формулировать, прежде всего для себя самого. «Проект рождается не в результате разглядывания потолка, высасывания из пальца или срисовывания чужих образцов, а в результате накопления внутреннего содержания», – продолжает Асс.

Проектирование шло в тесном контакте с администрацией Архангельской области и Соловков, нас поддержал Фонд развития Соловецкого архипелага. Дважды студенты и преподаватели выезжали на Соловки, один раз для сбора данных, второй для презентации исследовательского этапа и уточнения задания проектирования отдельных объектов, таких как мемориал, библиотека, гостиница, жильё, проведения обсуждения с экспертами, чиновниками и жителями.

Для успешного проекта-исследования, ориентированного на работу с территорией, необходимо несколько условий. Наличие внешнего партнера, заинтересованного «заказчика», который не просто предоставит исходные данные, но будет участвовать в обсуждении и оценке проекта.

Процесс требует тщательного выстраивания с точки зрения и его

структуры, и содержания, аспектов исследования, формата работы. Очень важны критика, дискуссии, привлечение внешних экспертов, вовлечение местных жителей, опросы, воркшопы, использование самых разнообразных данных. В нашем случае процесс сам по себе является важным результатом и средством обучения.

И наконец, фиксация и осмысление результата – как индивидуального результата работы каждого студента в виде скетчбуков, дневника проектирования, блога, так и коллективного в виде отчета, книги, фильма, выставки. Средства подачи проекта знакомы каждому архитектору, исследование и выводы из него требуют других навыков работы с текстом, диаграммами и инфографикой, версткой, искусства публичной дискуссии.

Конечно, Соловки не Крапивна. Крапивной со времен Льва Толстого никто не интересовался, и деятельность музея и наш проект стали заметным явлением в жизни городка. Для Соловков с их пяти-сотлетней историей проект МАРШ лишь маленький кирпичик, но провозглашенные в нем идеи, возможно, кого-то вдохновят, а главное, станут для выпускников примером соприкосновения с жизнью, частью жизненного опыта, воплощением которого и является архитектура. Полагаю, более важного опыта, чем последняя версия Revit. Revit от нас никуда не уйдет, а спроектировать библиотеку на Соловках в другой раз не доведется.

Никита Токарев / Nikita Tokarev

Культурный уровень профессии архитектора рассматривается как условие развития архитектурной мысли и влияния архитектуры на судьбу социальных процессов. Исторический анализ свидетельствует о неуклонном падении интеллектуального и культурного уровня в профессии, вызванном изменением ее социальных функций и утратой способности к критическому осмыслению происходящих в обществе архитектуры перемен, о растущей зависимости архитектуры от экономической и политической бюрократии.

Ключевые слова: Политическая партия, архитектура, интеллигенция, культура, образование, профессия, критика, интерпретация. /

The article observes intellectual and cultural level of architecture and its important functions in social process. Historical analysis shows constant decline of intellectual level of profession, as a reaction on radical changes in its social functions and mass scale, leading to degrading of individual critical reflection and growing dependence of architecture to political and economical bureaucracy.

Keywords: Political party; architecture; intelligentsia; culture; education; profession; critique; interpretation.

Архитектура и интеллигенция / Architecture and Intelligentsia

...Во всех частях возникающего мирового социально-экономического порядка гуманисты-интеллектуалы и техническая интеллигенция составляют новый класс, который оспаривает контроль над экономикой, до настоящего времени осуществлявшийся либо бизнесменами, либо партийными лидерами.

А. Гулднер

Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно. «Интеллектуальным силам», желающим нести науку народу (а не прислуживать капиталу), мы платим жалование выше среднего. Это факт. Мы их бережем. Это факт. Десятки тысяч офицеров у нас служат Красной Армии и побеждают вопреки сотням изменников. Это факт.

В. И. Ленин (из письма к Горькому 15 сентября 1919 года)

В дни советской власти и строительства коммунизма на одной шестой суши и далее в некоторых газетах, в том числе в газете «Правда», помещались весомые статьи (обычно так называемые подвалы, по редакционной терминологии, так как помещались внизу страницы), посвященные сложным и спорным вопросам духовной и политической

жизни. Один из таких подвалов, написанный, кажется, академиком Румянцевым, назывался, если я правильно помню, «Партия и интеллигенция».

Смысл этого со/противо-поставления был отчасти явным, отчасти тайным. Советская интеллигенция, оставаясь советской, в то же время неизгладимо напоминала свою связь с дореволюционной интеллигенцией, и это тревожило партию. Ведь партия, провозгласив себя умом, честью и совестью советского народа, невольно взяла на себя тяжкую ношу интеллигенции. И несла ее с соответствующей помпой. Разница, однако, была не в том, что интеллигенция, по словам Ленина, кажется, была не чем иным, как «говном» нации, но и в том, что интеллигенция, в отличие от КПСС, не имела строгой иерархической организации наподобие масонского ордена, не было никакого Политбюро интеллигенции, интеллигенция не избирала генсека, не вывешивала его портреты на улице в дни всенародных торжеств и не приравнивала его к бессмертным («Ленин и теперь живет всех живых» – так можно было бы сказать только о фараоне). Интеллигенция никогда не владела репрессивным аппаратом, который бы защищал ее от внешних и внутренних противников.

В одном, правда, было сходство: по какой-то традиции имена некоторых интеллигентов давались географическим и планировочным элементам планеты – улицам,

поселкам и пр. (улица Горького, площадь Пушкина, город Чехов). Так что тут, в топонимике, интеллигенция возвышалась до руководителей партии и героев войны, хотя, конечно, в меньшей пропорции.

Теперь, когда имена партийных лидеров постепенно с географических карт и уличных табличек исчезают, интеллигенция возвращается и становится гегемоном топонимии: в любом городе можно встретить улицу Чехова, площадь Льва Толстого, переулок Чайковского и пр. Встречаются даже имена архитекторов.

Проблема, однако, в другом. Партии, взявшей на себя миссию интеллигенции, приходилось теперь играть на публичной сцене сразу две роли – руководителя и учителя народа (в пределе – роль божества и его вестников) и самого народа как его авангарда, элиты или интеллигенции. Партия несла на себе функцию сразу двух элит – и партийной, и народной, что в пределе вело к слиянию народа и партии не только в моральном и идейном, но и демографическом единстве. Все люди должны были со временем, в гипотетическом будущем, стать членами партии (часть вместо целого становилась бы самим целым) и сделаться интеллигентными – к чему дело идет и по сей день, высшее образование становится уже всеобщей нормой, более всеобщей, чем воинская повинность.

В наши дни интеллигентность вменяется в обязанность уже и по уголовному кодексу. Ведь матерная

брань всегда считалась обиходной для «простого народа», интеллигенция (считалось) не матерится (Пушкин и Толстой, правда, сюда не попадают). Теперь же, когда материться запрещено уже всем, само собой получается, что сделан еще один шаг к всеобщей интеллигентности. Но тут и возникает проблема элиты. Интеллигенция в каком-то смысле всегда была элитой. А народ не может быть сам себе элитой.

В наши дни суверенной, но все же демократии, вопрос об элите повис в воздухе. Когда партия была единственной, проблемы не было. Но при множестве партий получается и множество элит, тем самым вопрос о беспартийной элите приобретает проблемную остроту.

Бюрократический путь решения этой проблемы состоит в нормативном положении, что интеллигентным называется всякий нефизический труд. Физики, например, им не занимаются, и, следовательно, они интеллигенция. Сложнее вопрос с профессиональными спортсменами и артистами, например, балета. Их труд (не считая шахматистов) все же физический. Но труднее всего в таком случае считать интеллигенцией чиновничество, которое, по крайней мере в дореволюционной России, к интеллигенции не относилось, хотя изредка могло и совпадать с ней.

Интеллигенция считалась не классом, а прослойкой. Получилась, однако, катавасия: классы исчезли, а прослойка росла. Дальнейший рост урбанизации и автоматизации приведет к тому, что все слои населения как один станут интеллигенцией, но как тогда быть с элитой и интеллигентностью?

Практически мы добились, что для того, чтобы числиться в интеллигенции, не обязательно быть интеллигентным. Достаточно иметь приличный заработок (и чиновничеству постоянно повышают уровень зарплат) и иметь какой-нибудь диплом. Теперь принадлежность к формально закрепленному социально положению определяется обладанием диплома, а не особой интеллигентностью как свойством этой социальной субстанции.

Итоги новой трактовки ощутимы. Интеллигенция, некогда питавшая ряды оппозиции, по новому своему определению стала лояльнейшим слоем общества – чиновничеством. Правда, самого этого слова не любят и предпочитают заменять его каким-нибудь термином вроде «сотрудник администрации» и т. п.

Бывшая интеллигенция отличалась своим общественным мнением, голосом. Новая интеллигенция, имея все права, голосом не обладает – это класс молчаливых. Но хоть молчание и есть знак согласия, в культуре современных наций имеется потребность своего рода гласности и обсуждения политики властей и духовного состояния нации. Одним молчанием эта функция не обходится. И тут формируется некий тайный союз власти и интеллигенции. Власть как бы не подпускает интеллигенцию к массовым СМИ, и потому голос ее не слышен. И на это жалуются все правозащитники и демократы: все, дескать, дело в свободе слова в СМИ. Но создается впечатление, что это скорее уход от проблемы. Те, кто мог бы и должен был бы по праву интеллигентной элиты подавать свой голос, сами предпочитают играть в молчанку.

Функцию имеющего голос исполняют, скорее всего, особые представители интеллигенции – дикторы радио и телевидения, журналисты и телеведущие и уж в крайнем случае артисты, эстрадные певцы, поэты и писатели.

Все прочие, ранее относившиеся к интеллигенции, – военные высших рангов, врачи, инженеры, ученые во всех областях науки, юристы, бизнесмены, педагоги, художники и last but not least архитекторы голоса не имеют. Это похоже на то, что Бодрийяр называл «молчаливым большинством», поскольку число их таково, что и к меньшинствам их отнести нельзя.

Но и это только малая часть проблемы. Самый состав людей, еще способных на ясное и критическое понимание ситуации, стал настолько истощенным, что нет гарантии изменения положения даже в случае радикальной перемены политики СМИ.

Допустим, властям это, действительно, на руку. Молчание знак согласия («промолчи – попадешь в богачи») – и слава богу. Но валишь всю вину на власть тоже неправильно. Ведь это молчание выражает тот факт, что людям либо нечего сказать (у кого есть, всегда находят способ это сделать, было бы желание), либо тем, что сама способность к интеллигентной речи исчезла объективно, в силу условий современного массового и специального образования.

Если интеллигентность сводится к наличию диплома, то вывод один:

дипломы будут подделывать и покупать. Корочками можно недорого обзавестись в любом подземном переходе. Интеллигентность же как свободомыслие, способное квалифицированно судить обо всех событиях духовной жизни, в подземном переходе не купишь. Судить обо всем по совести и с позиций образованности.

И тут придется заметить, что такая интеллигентность ни в коем случае не сводится к узкому профессиональному образованию. Судить о политике, новых научных и философских идеях, школах в литературе и искусстве, образе жизни, религиозных проблемах, экономике, судьбах нации, отношениях с внешним миром не учат ни в каком специальном институте (полагаю, что даже в МИЭМО и на философских факультетах университетов) это искусство добывается только путем самостоятельной работы, самообразования и интенсивного овладения культурной ситуацией.

Ссылаться на недостаток образования, времени или информации интеллигентное сознание не имеет никакого права, так как это медленно означает добровольный отказ от социальной ответственности. Еще недавно такие оправдания могли быть основательными. Не в каждом поселке можно получить доступ к собраниям книг центральных библиотек. Интернет эту проблему снял раз и навсегда. Сегодня каждый может получить ответ на любой вопрос, несколько разных ответов как по направленности, так и по глубине. Настало время, когда для интеллигентности не обязательно иметь двух домашних иностранных гувернанток и ежегодные поездки по Европе. Власть более не в силах контролировать распространение идей в сетях, которые ежедневно увеличивают мощь своей памяти. Бывший «мужик» Некрасова сегодня не нуждается в соседнем базаре с книгами Белинского и Гоголя.

Но для этого требуется и постоянная работа по обеспечению доступа к информации, которая в области архитектуры делает только первые шаги. В Интернете трудно найти оригинальные тесты трактатов по архитектуре XVI–XX веков, трудно найти отдельные статьи ведущих журналов XX века, книги, изданных в разных странах хотя бы по-английски, да и русские источники представлены выборочно. Но дело не только в специаль-

ной литературе. Интеллигентное владение профессиональным материалом предполагает достаточно свободное его истолкование в свете текущих научных, философских идей.

Мало процитировать, что сказал об архитектуре Маркс, Гегель, Фуко, Ницше или Деррида, – необходимо понять, какую роль играли их идеи в той или иной исторической и культурной ситуации и сохраняют ли они этот смысл сегодня и для нас в архитектуре. Такая способность воспитывается довольно упорным трудом и предполагает критическое понимание текстов. В СССР вместо этого предлагались цитаты, сопровождавшиеся идеологической интерпретацией. После крушения единой идеологии цитаты потеряли свой смысл. Нынешняя система школьного образования, как и обучения в архитектурных вузах, этой интерпретативной свободы не прививает.

Современная архитектурная критика обычно сводится к вкусовому описанию и подробностям, не дающим возможности взглянуть на вещи с исторически. Но обвинять в этом одни архитектурные школы было бы несправедливо, когда в нашей интеллектуальной среде и профессиональной печати исчезает критическая культура. Лишена интеллектуальной и социально-исторической свободы и критика кино и литературы, нет анализа организации научно-технических программ, что уж говорить о такой элитарной сфере, как архитектура.

Можно жаловаться на низкий уровень подготовки в вузах, но тут проблема в отсутствии соответствующих квалифицированных педагогов, и неизвестно, как восстановить уровень квалификации, еще имевший место в начале XX века. Упущено слишком многое, разрыв традиций слишком тотален. Тем более что в общей коммуникативной атмосфере присутствие интеллигенции утрачено. Сегодня радио и телевидение, изобилующие множеством интервью, ежедневно передают беседы с актерами или эстрадными певцами, но не слышно голосов ни ученых, ни инженеров, ни философов, ни педагогов, ни историков. Редкое исключение в отечественных СМИ давали программы Александра Гордона, но и их воспринимать было трудно. Так как в режиме обмена мнениями в этих беседах трудно было бы разъяснить суть дискуссий.

Газеты и журналы не имеют постоянных колонок архитектурных обозревателей. Дискуссии об архитектуре, кем бы они ни велись, остаются ниже современного состояния архитектуроведения, приспособиваясь к культурному уровню аудитории. В итоге сложилась атмосфера глухого недоверия к интеллекту как таковому. Он третируется как «умничание». Аудиторию и вольно, и еще чаще невольно удовлетворяют примитивным уровнем разговора. Но без возвращения интеллигентности в сферу общественного мнения архитектурная школа и профессия сама не способна поднять свой уровень, напротив, она его неуклонно понижает, приспособиваясь к общей безграмотности.

Иногда кажется, что академик излагает сложные мысли простым языком. На самом деле он простым (или нарочито усложненным) языком говорит о сложных ситуациях, не пытаясь раскрыть их действительный парадоксальный и проблемный смысл. И это уже не его вина, а его беда, так как он сам не получил в прошлые 50–70 лет должного образования и воспитания.

Положение дел в США и Западной Европе ненамного лучше.

Положение архитектуры и на Западе отражает разрушение тех интеллигентных слоев, которые имели авторитет и влияли на архитектурную конъюнктуру. Как только решающий голос в этом деле стали играть деньги, интеллектуальный уровень массовой печати начал падать, и лишь в университетах он еще держится, поскольку университеты в какой-то степени сохраняют свои традиции и независимость. В странах с тоталитарными режимами университеты и прочие высшие учебные и научные учреждения эту независимость сохранить оказались не способны, что привело и до сих пор ведет к разрушению стандартов профессионального мышления и образования.

Исправить это положение усилиями одиночек невозможно. Необходим общий социальный импульс, способный сдвинуть это дело с мертвой точки. Ведущаяся сейчас в РФ борьба с фальшивыми дипломами, плагиатом и прочими видами коррупции в академической сфере проходит на том же бессодержательном уровне бюрократической некомпетентности (механическая ловля плагиата в Интернете) и потому едва ли сулит какой-то прогресс. Круговая порука бюрократических и академических

кадров не обещает никаких изменений в этой сфере.

Здесь очень важно отдавать себе отчет в том, что такое очень высокая профессиональная культура одного академика или профессора, отдельная теоретическая концепция или любое другое частное совершенство не могут обеспечить полноценной архитектуры, что таковая достигается только в результате взаимопонимания референтных групп.

Некогда к этим референтным группам принадлежали монахи и аристократия. В XIX веке таковой стала интеллигенция. Но, не успев создать прочную культурную традицию, язык ее суждений оказался разрушен социальными процессами ускоренной урбанизации, демократизации, тоталитаризмом и консюмеризмом.

Восстановление этой согласованности во многом ложится на профессию, но одна профессия этого достичь не сможет, и никакая теория этого не обеспечит. Здесь только мировой культурный консенсус способен придать значимость интуиции и обеспечить индивидуальное мастерство.

Трудности достижения такого консенсуса невероятно велики. Если даже в сравнительно очевид-

ной для всех ситуации политических разногласий интеллигенции не удается добиться никакой внятной согласованности, то как представить себе ее в сфере архитектуры, захватывающей исторические судьбы, вновь на рубеже тысячелетий оказавшихся в состоянии радикальных перемен?

Никакая «теория» тут не поможет, так для ее понимания необходима согласованность культурных установок, достичь которой в современных условиях невозможно. Слишком глубоко разрушены традиции, которые даже и созреть-то не успели на рубеже XIX–XX веков.

На что же нам надеяться? Только на Господа Бога. Независимо от того, верим мы в него или нет. Тем более в ситуации, когда все противоборствующие группы могут сослаться на его волю.

Способна ли власть поставить этот вопрос на широком обсуждении или эта миссия ложится на плечи самой профессии, профессиональной интеллигенции, обеспокоенной судьбами страны и мира, – вопрос отчасти риторический, но все же принципиальный.

**Александр Рапппорт /
Alexander Rappaport**

Особенности национального менеджмента / Peculiarities of National Management

Автор размышляет об особенностях менеджмента в России, в частности о современном опыте менеджмента в архитектурно-строительной сфере. По его мнению, деятельность российских менеджеров часто подчиняется своей, непонятной профессионалам логике. Основываясь на примерах из советской и российской действительности, автор проводит мысль, что менеджеры имеют свое мировоззрение, идеалы, религию, самосознание и даже язык.

Ключевые слова: менеджер, архитектор, происхождение, идеология, язык, самосознание. /

The author studies the peculiarities of management in Russia and its current experience in the field of architecture and construction in particular. He believes that Russian managers' activity often follows a specific logic, which is incomprehensible to professionals. Basing on the examples of Soviet and Russian reality, the author concludes that managers have their own world view, ideals, religion, self-consciousness and even language.

Keywords: manager; architect; origin; ideology; language; self-consciousness.

Никто не может служить двум господам: ибо или одного будут ненавидеть, а другого любить; или одному станут усердствовать, а другому не радеть. Не можете служить Богу и мамоне.

Мф 6:24

Во глубине Сибири я как-то услышал жутковатую притчу. Оказывается, две извечные беды России наконец-то оставили измученное тело нашей несчастной Родины, но тут же объявились две новые, неведомые ранее еще более страшные напасти – Инфраструктура и Менеджеры.

С инфраструктурой все вроде понятно. Просто раньше все ругали только дороги (инфраструктуру транспорта), а ныне обнаружилось, что ненамного лучше у нас обстоит дело с инженерными сетями,

образованием, здравоохранением, энергетикой. Системы обеспечения всего этого для краткости (и маскировки) стали называть на модный аглицкий манер «инфраструктурой»!

А вот с менеджерами все гораздо сложнее. Наши менеджеры не глупее западных собратьев, а как раз наоборот. Просто у российского менеджера иная, непонятная для нас, профессионалов, логика. Да что там логика, у них иное мировоззрение, идеалы, религия, самосознание и даже язык. Но и по Гумилеву, и по Бромлею все это признаки нового этноса – народа – племени.

Ну как тут сдержаться и не закричать вслед за поэтом: «Здравствуй племя молодое, незнакомое!» Однако мы, люди интеллигентные, все же сдержимся и постараемся изучить новый этнос с примене-

нием методов науки этнологии (и, частично, этногенеза), чередуя их с методами сравнительного анализа нашего чуда с западными менеджерами и нашими профессионалами. И так...

Глава первая. Происхождение

В отличие от ихних Эдисонов, Фордов и Джобсов, бывших талантливыми инженерами с сильной предпринимательской жилкой, наши менеджеры имеют только последнюю, но очень и очень сильную. Вы не поверите, но родом наши отечественные менеджеры из... КПСС! Из революции, которая очень быстро обнаружила, что старые «спецы» – тормоз на пути к социализму. Слишком умные и в шляпах. К тому же их много, а верных партии комиссаров мало.

«Умные нам не надобны, надобны верные». И бросала Партия верных своих сынов и дочерей с одного фронта соцстроительства на другой, считая, что совсем не важно, кто они по профессии. Гораздо важнее, что они будет железной рукой проводить линию Партии. Более того, чем меньше комиссар связан профессиональными знаниями о предмете, которым он управляет, тем легче ему будет проводить революционные изменения.

Из этой «логики» возник институт НОМЕНКЛАТУРЫ. То, что в кухонных разговорах единодушно признавалось чуть ли не главной ошибкой социализма, приведшей его к краху, было для власти настолько необходимо, что отказать от приоритета верности над профессионализмом она не могла до самого конца. А в конце этому даже нашлось приличное научное обоснование: законы управления едины и не зависят от того, чем ты управляешь – тонким машиностроением, сельским хозяйством или культурой. И этот постулат стал основой кузницы номенклатуры – Высшей партийной школы при ЦК КПСС и ее «правопреемницы» – Российской академии государственной службы при... (сами знаете при ком).

Номенклатурные СОВ-КОМ-МЕНЕДЖЕРЫ (так называемые вторые секретари) сыграли свою, решающую роль в выборе пути для постсоветской России. То, что у радикальных рыночных реформ в России и у последовавшем за ними (и вместе с ними) переделом собственности не было альтернатив, просто ложь. И это не обязательно «китайский

путь». Ведь Китай был аграрной страной, создающей промышленность с нуля, а Россия мощная промышленная держава. Не нужно было уничтожать промышленность вместе с госсобственностью, считал нобелевский лауреат по экономике американец Василий Леонтьев.

Наш бывший соотечественник в 1992 году сделал совершенно обескуражившее российских радикал-реформаторов заявление: «Спилить дерево куда легче, чем посадить саженец и вырастить его. Политический, экономический и социальный порядок в России был быстро и спонтанно разрушен. Жесткое, но эффективное централизованное планирование позволило России достаточно быстро превратиться из относительно отсталой аграрной страны в мощную, хотя и неэффективную индустриальную державу. В конце концов Россия оказалась способна соревноваться с США в гонке вооружений!.. Теперь России потребуются как минимум 70 лет, чтобы построить эффективную рыночную экономику. Разрушить рынок, заменив его командно-административной системой, очень легко. Куда труднее построить эффективный рынок. Западным странам понадобится семь веков, чтобы достичь нынешнего уровня развития общества. Хотя Россия нашла свою роль в мировом разделении труда, эта роль ограничена поставкой сырьевых ресурсов... Главная проблема, с которой столкнулась Россия, – плохое качество менеджмента».

Но этим самым плохим менеджерам активно не нравился эволюционный вариант, и они выбрали путь с прыжком к «свободному» рынку, который открывал им лично головокружительные перспективы мгновенного перехода из категории менеджеров по управлению госсобственностью в категорию собственников.

Дальнейшее – дело техники. Забить головы массивной пропагандой о невозможности эффективного управления госсобственностью (непрофессиональные менеджеры действительно этого не умели и не умеют при любой форме собственности) и необходимости передачи ее в частные руки было не так уж сложно, благо мощная машина соцпропаганды еще работала. Еще легче было уговорить политиков пойти по этому пути, ведь верховная власть всегда падка на простые объяснения и обещания

скорейшего решения всех проблем одним махом. А тут такое искушение: оказывается, ничего делать не надо! Ранок сам все наладит и отрегулирует! Надо только уничтожить госсобственность! Понять, где подвох в этой умильной картинке может только профессионал экономист, но профессионалов и тогда, и сейчас никто не слушал, даже американских.

Второй особенностью второго пришествия капитализма в Россию бы то, что он с самого начала рос не на производстве, а на торговле. На то он и рынок (или базар). Слова предприниматель и коммерсант у нас синонимы. Торговля в смутные и нестабильные времена давала возможность сказочного и мгновенного накопления первоначального капитала. Опять же не парясь на производстве чего бы то ни было.

А на третье... самое сладкое – уходящий корнями вглубь веков «обычай делового оборота». Царь-батюшка служивших ему служилых людей жалованием не жаловал. Но давал им во власть и володение волости, грады и села с селившимися в них людишками – «на кормление». Во власть у нас испокон века шли, чтобы обогатиться, а потерявши власть, мгновенно теряли богатство, а то и жизнь. Отсюда исконное наше, до боли знакомое, единство власти и бизнеса; неискоренимая традиция «путать свою личную шерсть с государственной».

Непрофессионализм, спекулятивный характер и неразрывная связь с властью – вот «три источника и три составных части» второй реинкарнации российского капитализма. Они же родовые пятна отечественного менеджера или МЕНЕДЖЕРА (от англ. manager) в русском народном интернет-эпосе.

И когда новая партия Радикальных Рыночных Реформ России (РРРР) пришла к власти, она, естественно, взяла на вооружение и опыт веков, и методы строительства социализма. Менеджер – комиссар рыночной экономики с особенной идеологией и мировоззрением.

Глава вторая.

Мировоззрение и идеология
Специалист, прouchившийся 15–16 лет и решивший остаться в профессии, связывает с этой профессией не только свое будущее, но и зачатую будущее своих детей, надеясь, что они продолжат династию. Профессional не может не думать об

устойчивом развитии той отрасли или предприятия, в которой он трудится, стараясь при этом совершенствовать свое мастерство, от уровня которого зависит его карьера и благополучие семьи. Профессионал настроен на стабильность, созидание и качество.

Западный менеджер – это профессиональный управляющий, что сближает его с любым другим профессионалом. Его цель – эффективность управления в самом широком смысле. Как любой профессионал, он вынужден заботиться о своей репутации и профессионализме, руководствоваться кодексом профессиональной этики, в котором уважение к специалистам той области, в которой работает менеджер, на первом месте.

Рожденный в эпоху господства идеологии партии РРРР, не сдерживаемый никакими этическими, репутационными или профессиональными соображениями, наш родной отечественный менеджер настроен совершенно на другое – на ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО ПРИБЫЛЬ. И только ПРИБЫЛЬ. Ему по барабану отрасль или предприятие, на котором он получает (выбивает, выжимает, отчуждает, изымает) эту прибыль. Наш герой не привязан ни к делу, ни к городу, ни к стране. Отечественный менеджер, как перекасти-поле, легко перелетает из банковского бизнеса в нефтянку, энергетику или нанотехнологии, меняя города и страны, в любое место, куда его пошлет новая Партия и где есть большая прибыль. К специалистам, за счет которых он живет, МЕНЕДЖЕР относится с презрением, как к тягловой скотине.

После ряда техногенных катастроф в энергетике Анатолию Чубайсу задали вопрос: «Почему вы не вкладывали деньги в развитие вверенной вам отрасли?» Он ответил с обескураживающей революционной прямоотой: «Так команды не было!» Абсолютно дикий с точки зрения любого профессионала ответ совершенно логичен в системе координат менеджерской идеологии. Ведь А. Чубайса поставили не развивать энергетику или страну, а получать от оных максимальную прибыль. И если вклады в американские пенсионные фонды давали большую прибыль, чем вклады в отечественные трансформаторные подстанции, то он, как «честный менеджер», не имел право вкладывать средства в нашу энергетику, без специального распоряжения о

необходимости развития этой энергетике, разрешающего уменьшить прибыль ради будущего страны.

Команды не было, и трансформаторы горели синим пламенем в прямом и переносном смысле. Катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС, как и масса будущих катастроф, становилась неизбежностью.

ПРИБЫЛЬ ДОРОЖЕ РОДИНЫ, ЗДОРОВЬЯ И ЖИЗНИ (разумеется, не своей). Притягательная сила идеологии стяжательства столь велика для нового поколения граждан России, что стать менеджером мечтают также страстно, как в 90-е годы мечтали стать рэкетиром или проституткой. Сотни наших вузов по ускоренным скоростным программам готовят наших менеджеров; по их количеству мы уже обогнали все развитые страны. В ряде архитектурных вузов также готовятся менеджеры, которые, не будучи еще профессионалами, будут ими руководить после четырехлетнего образования.

Менеджер – представитель очень уважаемого рода-племени, порожденного рынком! Правда иногда с самого-самого верха (не оттуда, откуда вы подумали) раздаются призывы уважать врачей, учителей, инженеров, ученых и других не дающих прибыль шушеру. Но это как раз от того, что их никто не уважает.

Другое дело менеджер. Хороший, эффективный менеджер может выжать прибыль не только из науки или образования, но даже из каменной стены. Например, обанкротив вверенное ему учреждение науки или образования (ну не дает оно прибыли) и продав их здания и сооружения. Изобретательности российских менеджеров в способах отъема денег у государства и населения может позавидовать даже Остап Бендер.

В этом секрет эффективности и главная цель всех «реформ», вот уже двадцать лет сотрясающих нашу Родину. Поэтому призывать уважать менеджеров излишне. Власти всех уровней убеждены, что все вокруг предпринимательство и только предпринимательство. А главная цель оно – прибыль. А главный добытчик последней – менеджер.

Круг замкнулся, и кто в него не вписался – сам виноват, о чем приходится лишний раз напоминать. На последнем съезде профсоюзов пришлось даже защищать огромные зарплаты отечественных топ-менед-

жеров от «народного гнева». Действительно, почему наши бедные топ-менеджеры должны получать за свой тяжелый «популизаторский» труд меньше, чем иностранные профессиональные менеджеры? Это же не какие-то там врачи, педагоги и инженеры, которые делая свое дело не хуже иностранных специалистов, не могут даже мечтать об их зарплатах.

Поэтому менеджеры размножаются со скоростью деления. Менеджеры есть ныне практически во всех организациях. Если не знают, какую (не требующую образования) должность можно дать работнику без определенного круга обязанностей, то его величают красиво и непонятно – менеджер. Домоуправы переквалифицируются в хаус-менеджеров, а завхозы и секретари в офис-менеджеров. Снабженцы и продавцы стали менеджерами по комплектации и продаже, председатели исполкомов сити-менеджерами.

А еще появились сайт-менеджеры, менеджеры по работе с клиентами, по продаже вакансий, по персоналу и, конечно же, менеджеры по проектам, сильно запутывающие работу ГИПов и ГАПов. Менеджеры проникли во все отрасли бывшего народного хозяйства: ректоры и начальники отделов кадров, главные врачи, редакторы, инженеры в массовом порядке уже заменены на менеджеров – менеджеров.

Недалеко то счастливое время, когда народы и континенты наконец-то объединятся, и на месте России новое поколение образует новую сверхдержаву – ВЕЛИКУЮ ЕВРАЗИЙСКУЮ МЕНЕДЖЕРИЮ. Впервые в истории человечества название огромного государства возникнет не только из самоназвания самого многочисленного этноса, но и от рода занятий подавляющего большинства населения, объединенного единой идеологией, языком и...

И руководит Россией уже сейчас правительство топ-менеджеров. А над ними (страшно сказать)? Да не тот, о ком вы подумали. Над ними БОГ МЕНЕДЖЕРОВ, ибо у этого племени есть свой бог и все элементы культа.

Глава третья. Религия

Бог Мамона един, но у него множество имен: Деньги, Мани, Грины, Зелень, Капуста, Бабло, а также Акции, Ваучеры, Облигации, Котировки, Ставки, Фьючеры, Курсы и все иные

псевдо, квази, эрзац ДЕНЬГИ. Неважно, как называть Бога. Важно верить, что Бог всемогущ. Он может дать все: достаток, свободу, уважение, успех, власть, силу, здоровье, счастье. Это главный догмат любой религии. «Все, что можно купить за деньги, а купить можно все», – уточняет религия менеджеров. За очень большие деньги можно купить даже вечную жизнь. Так утверждает новая наука – крионика (не путать с «креативом»).

У любой религии должны быть Храмы. Храмы денег – это, естественно, Банки, Биржи, Офисы корпораций. По количеству банков на душу населения Москва уже обогнала всю Америку, несмотря на то (а может благодаря тому), что наш, пока что не удвоенный ВВП в восемь раз меньше американского. На храмы денег не жалели никогда, даже в самых бедных странах, и Россия здесь не исключение. Тем более грешно жалеть деньги на Храмы Денег, извините за тавтологию. Храмы менеджеров блестяще полированными мрамором и гранитом, хромом и позолотой. Они непременно должны поражать своим богатством и размерами, утверждая превосходство новой религии.

Если не удастся физически уничтожить храмы конкурирующих традиционных религий, то новая религия старается унижить их, уничтожить морально, воздвигнув свои храмы выше старых. В этом и не в чем другом смысл эпопеи со строительством «Храма Мамоны Питерской» – Башни Газпрома. Питерские коллеги хорошо знают, что в Охта-центре можно было построить офисы необходимой Газпрому площади без нарушения высотных регламентов и гораздо дешевле. И без всяких скандалов.

Но такой путь для новой агрессивной религии не приемлем. Надо было непременно «вставить свечку» всему старому Санкт-Петербургу, всей старой культуре, всем старым богам и их храмам, утвердив новую веру. Ради этой «высокой» идеи не жалко закопать в болотах Охты миллиарды рублей, тем паче не своих и народных денег, ведь Газпром – государственная корпорация.

И чем дальше от центров городов приходится отодвигать (по требованию рассерженных горожан) храмы новой религии, тем выше они будут становиться. Ведь цель остается прежней!

У всякого культа должны быть священные тексты и молитвы. На любом совещании непременно присутствуют молодые представители министерств и ведомств, «семинаристы – мидель-менеджеры», повторяющие как молитву:

– «Государственная собственность используется неэффективно. Надо передать ее в руки частных предпринимателей, приватизировать (по-русски «разворовать»);

– «Наша главная задача – освободить бизнес от государственного регулирования (по-русски «дать полную свободу воровства»). Бизнес сам выработает правила своего регулирования (и себя при этом не забудет);

– «Перестаньте кошмарить бизнес (пусть он свободно кошмарит потребителя)».

И на вопрос классика: «Что делают в России?» – следует классический ответ: «ВОРУЮТ». Воруют у государства, и у населения. Воруют не связанные никакими этическими нормами, не боясь ни божьего, ни земного закона и суда, общественного мнения, прессы. Ничего, так как можно все купить, тем более что для этого есть новая религия, не считающая подкуп, спекуляцию, воровство, взятки, откаты грехом. И кошмарят потребителя, убивая, травя, калеча, обманывая его, за его же деньги, ради новой святости – прибыли.

У всякой веры должны быть свои оракулы, проповедники, святые. Есть они и у нашего культа Мамоны: святая проповедница Маргарет Тэтчер, святой инквизитор Аугусто Пиночет, святой мученик Егор Гайдар. Почему святой – всем понятно. Но почему мученик? Вероятно потому, что он сильно мучился из-за загубленных им невинных душ? Мучился, но губил, свято веруя и верно служа новой вере. Истребляя проклятую госсобственность с таким же рвением, с каким дедушка рубил приверженцев проклятой частной собственности.

Глава четвертая. Язык менеджеров

Любой этнос имеет свой язык или по крайней мере свое диалект.

Понятно, что язык менеджеров – это своеобразное англо-американское наречие, в котором главные слова подчеркивают исключительность и превосходство нового правящего класса – «элиты» по-менеджерски. Главные приставки в этом языке «элит-, люкс- супер-,

хай-, топ-» годятся для приставки к любому нижегородскому слову. Естественно, при переводе английские слова часто приобретают новый смысл в зависимости от идеологии, господствующей в новой языковой среде. Слово «бизнес», переводимое просто как «дело», у нас означает только делание денег, желательно ничего не делая. И из ничего – из воздуха.

Однако нас интересует не бытовой менеджерский язык, а его применение в нашей профессии. «Менеджер» – по-русски «управляющий», и язык менеджеров – это язык управляющих. Переписанный с американских законов наш родной Градостроительный кодекс (как и большинство реформаторских законов РФ) со всеми его кажущимися для нас словесными извращениями в действительности имеет свою логику. Просто все эти реформаторские законы написаны не для созидания, а для управления (распределения и перераспределения ранее созданного).

Например, «план» на управленческо-менеджерском языке вовсе не то, что создает архитектор или градостроитель. В лучшем случае это «бизнес-план» или «план действий или мероприятий», он же «дорожная карта». Поэтому при переводе, дабы профессиональный язык не путался с менеджерским, планы заменены на «схемы планов» и «карты», несмотря на нелепость и прямую противоположность применения этих слов в нашей профессиональной деятельности. Просто слова «чертеж» в управленческом языке нет – им нельзя управлять, а создание чего бы то ни было менеджера не интересует. Все специалисты-планировщики в одночасье превратились в «картёжников», а архитекторы в «схематиков» и «отображателей фасадов».

Из нашего Градкодекса тщательно вычеркнуто любое материальное, предметное содержание, которое заменено административно-управленческими объектами. В нем нет и не может быть агломерации, города, любого поселения, здания, сооружения. Здесь оперируют только понятиями объектов управления типа «муниципальное образование, городской или сельский округ, объекты недвижимости» и т. д. Так как нет такого субъекта административного управления, как агломерация, то ее не может быть и в действительности.

Но любой новояз служит и другой цели – кодированию по типу

«свой – чужой». Феня менеджеров не исключение. Если кто-то с высокой трибуны вещает, что «нигде в мире не делают уже генеральных планов, а делают мастер-планы» или что профессия «градостроитель» отмирает и заменяется профессией «урбанист», то это не значит, что говорящий не знает английского и не может правильно перевести слова. Это сигнал собратям: «Я свой, я новая элита, я прогрессивный, западно-ориентированный менеджер».

Если некий заказчик хочет, чтобы ему сделали «дизайн-проект», то это не значит, что он придурок. Просто он считает себя прогрессивным заказчиком, а общается только с менеджерами от архитектуры. Но если это словосочетание применяет профессиональный проектировщик или дизайнер, то он точно полудурок.

Значительно сложнее перевести на русский словесную конструкцию о необходимости развить «кинжиниринг и промышленный дизайн». Лучшие умы Госдумы, НОПа и НОИЗа не так давно безуспешно пытались расшифровать эти записанные менеджерами Минпромторга в высочайший манускрипт формулировки. Что такое инжиниринг, лучше всего, по моему, сказал Лев Осико:

«В современном российском строительном бизнесе понятия «кинжиниринг» и «управление проектами» четко не разграничены ни на уровне семантики, ни в практике осуществления инвестиционных проектов. В особенности непонятно, где же здесь собственно специалист с высшим техническим образованием – инженер – и его деятельность согласно полученному диплому?»

Как называть эту деятельность – инженерия, инжиниринг? Есть ли между ними разница? Данное явление схоже с афоризмом брежневской эпохи: «Демократия отличается от демократизации, как канал – от канализации». По всему выходит, что термин «инжиниринг» был придуман как бы нарочно, чтобы продемонстрировать «обаяние» новой специальности, – по сути, носящей менеджерский характер, но с модным уклоном в сторону предметной области. Иными словами, можно не тратить усилий на углубленное изучение технических дисциплин, защищать диплом с чертежами и сложными расчетами, трудиться на производстве, а пройтись по самым вершкам

профессии и быстро создать себе имидж технаря: мол, я занимаюсь инжинирингом!» (Журнал «Энерго-Рынок», № 4 за 2010 год).

Так что надежды на то, что под этим загадочным словом из новояза скрывается понятие «инженерное дело» (проектирование и изобретательство), тщетны. Надо развивать только управление проектами и внедрение изобретений. При этом предполагается, что эти проекты и изобретения растут сами по себе, как полынь, имеются в избытке и развивать их «изготовление» не требуется.

Опять же ясно, что под «промышленным дизайном» не подозревается дизайн как искусство или промышленная эстетика. Как вы уже заметили в менеджерском языке вообще нет слов, связанных с созиданием. По аналогии с «дизайн-проектом» здесь наверняка имеется в виду управление проектами в области промышленности. При этом слово «проект» на менеджерском – это не проект промпредприятия, а управленческий проект.

По этой же схеме придумана и новая профессия – «урбанист»! В полном соответствии с тенденциями Градкодекса урбаниста, в отличие от градостроителя, не интересует практика создания города. Он строит не город, а бюрократическую модель управления городом.

Надо изучать языки иностранцев, чтобы знать, когда и откуда они на вас нападут.

Глава пятая. Самосознание

Становление нового этноса всегда связывается с осознанием принадлежности индивидуума к некой социальной (или национальной) общности на основе дихотомии «мы – они». Антипатия к другим этносам при этом почти обязательна. Л. Н. Гумилев считал, что это связано с вспышками на солнце, порождающими пассионарные личности. Однако в нашем случае совсем не обязательно обращение к высшим космическим силам. Есть и простое земное объяснение «пассионарности» наших менеджеров.

Для осознания своей исключительности-элитарности (аналогично национальной исключительности) нужно не только противопоставление своей общности другим, но и создание образа неполноценного врага. Менеджер не пролетарий и хозяин – собственник для менеджера не может быть врагом. Он,

скорее, идеал, бог и царь, которого, между прочим, не грех и обокрасть, чтобы самому поскорее стать «царем горь».

А вот профессионал – совсем другое дело. В ныне складывающейся в России иерархии профессионалы опущены на более низкую социальную ступень, а менеджеры делают все, чтобы закрепить это положение, доказать свою исключительную нужность, полезность и преданность хозяину. К тому же у менеджера генетическая неприязнь к профессионалу. Будучи по природе посредником, менеджер больше всего боится прямых связей хозяина с профессионалом, при которых обнаруживается ненужность посредника. Менеджер поэтому всеми силами пытается не допустить этой связи, видя свою главную задачу в борьбе за место у уха хозяина.

И хозяин – собственник – благосклонно к этому прислушивается, ведь прибыль производит профессионал, но получает ее хозяин из рук менеджера. Массовая замена старых директоров-профессионалов в проектных организациях на молодых «эффективных» менеджеров имеет одну только цель – контролировать денежные потоки, направлять их в нужное для хозяина или вышестоящего топ-менеджера русло, не забывая при этом себя любимого. Подразумевается, что на оставшиеся после такого «перераспределения» мизерные деньги всегда можно нанять каких-либо «безработных» трудяг, которые выполнят нужную работу. Качество этой продукции абсолютно никого не интересует, так как безусловный приоритет отдается прибыли.

Не интересует никого и экономическая эффективность работы проектных и изыскательских организаций, как правило, резко падающая в результате непрофессионального руководства. Пользуясь связями с властью, хозяин может надуть свою организацию госзаказом, превратив ее в посредническую контору. Прибыль все равно будет, даже при чудовищных откатах. В крайнем случае, можно получить прибыль, продав здание проектной организации или сдав его помещения в аренду. Это и есть «эффективный менеджмент» по-русски.

Менеджеры ведут непримиримую борьбу и на втором фронте за место у уха власти, благо границы между бизнесом и властью весьма условны. Менеджеры заполнили

все коридоры власти, весьма агрессивно выдавливая из них любых профессионалов. Ими настойчиво внушается мысль о том, что ни за что не надо слушать профессионалов и допускать их к работе над законами и нормативными актами. Они, мол, запутают всех непонятной профессиональной лексикой и сделают что-то полезное для себя и вредное для хозяина и власти. Отсюда чудовищная профессиональная безграмотность наших реформаторских законов, десятки «изменений», не способных хоть как-то улучшить их качество.

К счастью для менеджера у профессионалов есть одно неприятнейшее для хозяина и власти свойство, для которого Герман Греф специально изобрел по-немецки громоздкий термин «неклиентоориентированность». Естественно, этим званием награждается специалист любой профессии, который имеет наглость иногда говорить заказчику «нет». Но особую нелюбовь у нашего идеолога партии РРРР заслужили архитекторы вообще и главные архитекторы городов в частности.

Объяснить «первому топ-менеджеру России», что для главного архитектора города «клиентом» является не он, топ-менеджер, и даже не власть, а жители города, интересы которых приоритетны для профессионального архитектора, просто невозможно. Это он не поймет, так как не увидит выгоды ни для власти, ни для собственников, ни для менеджеров. И наоборот, преимущество беспринципного мажора перед профессионалом (для удобства воровства) столь очевидно, что захлестнувшая Россию массовая замена профессиональных главных архитекторов городов на менеджеров с невнятным образованием, но с внятным менеджерским мировоззрением, неизбежно. Это очень выгодно всем, кроме общества! И того самого клиента!

Поэтому менеджеры ведут наступление на профессионалов и на третьем фронте, на общественной ниве некоммерческих организаций. Здесь они создали свой особый рынок коммерческих услуг некоммерческого характера со своими расценками за все виды разрешений, согласований, лицензий, допусков, выдаваемых от имени государства или по законам о саморегулируемых организациях.

Менеджеры-директора СПО (с молчаливого согласия профессионалов – руководителей коллегий) захватили все ключевые посты

в системе саморегулирования. Теперь они присматриваются к нарождающимся палатам архитекторов и инженеров. Зачем им нужны палаты? Неужели для того, чтобы бескорыстно служить архитектуре и инженерному делу? «Не верю!» – кричал в таких случаях К. С. Станиславский. Менеджеров вообще не интересует никакое «дело» без бизнеса (извините за не тавтологию). И на ниве некоммерческих организаций они видят только возможность делать свою коммерцию и бороться с конкурентами.

Объявить войну профессионалам открыто (перед обществом) нельзя, здесь нужно нападение под дымовой завесой. Не могу в этой связи не привести цитату из письма в Союз архитекторов России.

Опубликовать имя автора не могу: письмо конфиденциально, но готов подписаться под любым словом:

«Любое разделение (на урбанистов и градостроителей) неизбежно влечет за собой такую процедуру, как перетягивание одеяла на себя. В данном конкретном случае такое перетягивание ставит целью дискредитацию деятельности архитекторов (в том числе и градостроителей), в глазах власти в первую очередь, как отжившей модели с устаревшими взглядами на градостроительство и архитектурную практику».

Дискредитация профессионалов или просто воинствующий непрофессионализм – один из главных методов борьбы менеджеров за место под солнцем власти и главный способ самосознания племени менеджеров-манagers.

Сколько можно терпеть «пассионарность» менеджеров? Может, пора и отпор дать? Прежде всего сорвав с менеджеров (в том числе урбанистов) маску прогрессивности и чрезвычайной нужности для государства и общества.

Глава шестая. Архитектор или менеджер

Разделение нашего цеха на профессионалов и менеджеров происходило постепенно и не всегда явно.

Первые делают архитектуру, вторые – деньги на архитектуре, продавая то, что создают первые.

Первые становятся вторыми, а вторые первыми, знаменуя великий поворот великой страны от эпохи созидания к эпохе распределения созданного.

Справедливости ради отметим, что все не так однозначно. Среди менеджеров есть и талантливые

архитекторы и не архитекторы – хорошие организаторы, умело подбирающие архитекторов, делающих хорошую архитектуру. Так что «на выходе» разница может быть практически незаметна. Но это не правило, а исключение из правила. В своей массе менеджерам (с архитектурным образованием или без оно) все равно, что продавать, лишь бы продать. А хозяевам все равно, как и что продает менеджер, лишь бы прибыль была.

Разница между творцом и продавцом в том, что является целью их деятельности: служение делу или бизнес как служение Мамоне. Маленький вопрос приоритетов целей становится решающим для России.

Качество жизни в России напрямую зависит от того, победит ли окончательно менеджер или общество и власть «реабилитируют» профессионала и защитят его законодательно. А качество среды жизнедеятельности человека и общества в России, являющееся основой качества жизни, напрямую зависит от дилеммы, вынесенной в название этой главы.

Менеджер сам по себе ничего не создает и, если он уничтожит физически или морально профессионала, если он победит в объявленной им войне, то создаваться ничего не будет.

Менеджер, в том числе и «урбанист», не может заменить архитектора и градостроителя, как бы он того ни жаждал. Но если все же заменит, то будет большая беда для наших городов и весей, для всей России.

Глава седьмая. Заключение (в хорошем смысле этого слова)

Зачем такие страсти? К чему эти или-или? Ведь существует в мире и на том же Западе понятие «архитектурный менеджмент», примиряющий честное профессиональное служение с экономически эффективной организацией работы. Отработаны механизмы профессионального контроля над деятельностью юридических лиц, осуществляющих архитектурное проектирование. Есть Соглашение Международного союза архитекторов (МСА) по рекомендуемым стандартам профессионализма в архитектурной практике, в котором перечислены все условия «мирного сосуществования дела и бизнеса».

Разница трудноуловима, но кардинальна. И архитектурный менеджмент, и инжиниринг, и

даже урбанизм – это не отдельная специальность, ведущая борьбу за свою исключительность и независимость, а всего лишь дисциплина традиционных специальностей. Это комплекс знаний и навыков по управлению проектами, которыми должен владеть любой профессиональный архитектор, инженер или градостроитель. Конфликт внутри профессии решается достаточно просто. Значительно сложнее решить конфликт между интересами общества (и служащих ему профессионалов) и частным капиталом.

В том-то и дело, что сытый и стабильный западный мир веками создавал и отлаживал механизмы защиты общества от «естественной» патологической жадности «лучших представителей» частного капитала и служащих ему менеджеров. Само Соглашение МСА является по существу одним из таких механизмов. Один из главных принципов этого Соглашения – принцип защиты общества от непрофессиональных действий в архитектуре и градостроительстве, имеются в виду и власть, и собственники, и менеджеры.

В России таких механизмов нет и в помине. Наши менеджеры не только не будут руководствоваться принципами профессионализма, но даже не поймут, о чем идет речь. На этот случай Соглашение МСА рекомендует всем странам закрепить принципы профессионализма законодательно.

Дилемма «архитектор или менеджер» решается законодательно очень просто: менеджером в архитектуре (и владельцем проектной мастерской) должен быть только профессиональный архитектор, а приоритеты архитектурной деятельности определены в преамбуле к этой статье и преамбуле к Соглашению МСА в области этики и поведения, которую не грех и повторить:

«Представители архитектурной профессии преданы высочайшим стандартам профессионализма, незыблемости принципов и компетентности и обеспечению сколь возможно высокого качества своей продукции, и они тем самым приносят в дар обществу специальные и уникальные знания, мастерство и способности, весьма существенные для развития архитектурной среды своих обществ и культуры».

**Виктор Логвинов /
Victor Logvinov**

Иркутск

Перемен! Мы ждем перемен

С марта 2015 года в Иркутске новым мэром – Дмитрий Бердников. К июню командные реформации дошли и до Комитета по градостроительной политике. Новые назначения произошли на нескольких уровнях. Главой КГП и новым вице-мэром стал Иван Готовский, знакомый постоянным читателям ПБ как идеолог и создатель СРО «Байкалрегионпроект» и успешный топ-менеджер одной из крупнейших проектных организаций, созданных в постсоветский период – СИПИ (Сибирский проектный институт). В управлении главного архитектора города произошли некоторые изменения, которые пока не тянут на реформацию, а скорее являются рокировкой: Сергей Александров стал исполнять обязанности главного архитектора города, а Инна Кондратьева заняла место его заместителя. Некоторые изменения коснулись и состава градостроительного совета города. Есть надежда, что перемены не будут формальными, а коснутся существа градостроительной политики на пользу Иркутску.

Хабаровск

Дальневосточное «Зодчество»

В Хабаровске с 21 по 24 мая в рамках специализированной выставки «Архитектура, строительная индустрия Дальневосточного региона – 2015», «Город. Экология» прошел очередной фестиваль «ДВ Зодчество-2015».

Гранпри завоевали магаданские архитекторы супруги Владимир и Елена Колосовы, авторы главного храма Колымской земли – Свято-Троицкого кафедрального собора в Магадане. По словам лауреатов, у них были серьезные конкуренты, так как на фестивале было представлено 94 объекта из Якутска, Владивостока, Хабаровска и других городов Дальневосточного федерального округа.

Латвия

Город солнца

В Латвии, недалеко от города Цесис, местный миллионер, в прошлом бизнесмен, а сейчас архитектор Айварс Звирбулис претворил в жизнь фантастический проект. Он купил 3 тысячи гектаров леса и построил «Город солнца», состоящий из 300 домов, рассказывает сайт Esonet. Все жители города следуют специальным установленным правилам.

Город называется Аматацием. Дома построены из экологических материалов, в городе есть центральная канализация, электроэнергия, высокоскоростной Интернет. На участках возле каждого дома есть лес и небольшое озеро.

Для обогрева используется теплоэнергия, получаемая из земли. Каждый дом оборудован геотермальным тепловым насосом со скважиной глубиной 90–100 метров. Он превращает энергию земли в теплоэнергию, которой хватает для подогрева воды и обогрева дома. Если зима выдается очень холодной, горожане разжигают камин – они также имеются в каждом доме.

Дома расположены так, что дом соседа не виден из окон. Это возможно благодаря грамотной планировке и особенностям ландшафта: город находится в холмистой местности.

Внутренние правила поселка требуют уважительного отношения к соседям. К примеру, вечером и ночью в Аматациеме нельзя шуметь. Еще в городе запрещены заборы. Основатель поселения стремился соблюсти баланс между современными технологиями и окружающей

приветственным слове участникам саммита Вера Сецкая, президент РГУД, президент GVA Sawyer (Москва). – Мы приехали сюда, чтобы увидеть опыт развития недвижимости в вашем городе, поделиться своим опытом и впечатлениями. Мы уже посмотрели наиболее

средой, создать гармоничное пространство для природы и человека. По городу гуляют косули и другие дикие безвредные животные, и заборы не должны мешать им свободно передвигаться. Также горожанам нельзя держать собак на цепи – их можно содержать только в домах, чтобы они не пугали диких животных.

По словам Звирбулиса, он хочет сохранить окружающую природу в ее первозданном виде. Лес не превращается в городской парк, засохшие деревья не вывозятся – они становятся убежищем для мелких обитателей леса. В чистом пруду живут лягушки, в траве вечером можно увидеть светлячков.

Звирбулис рассказал, идея построить экологически чистый город пришла к нему, когда он задумался о собственном жилье и захотел построить благоустроенный дом в лесу у воды. В итоге был построен Аматацием, где живет не только Звирбулис с семьей, но и множество его друзей и единомышленников.

<http://realty.dmir.ru>

значимые объекты рынка недвижимости в Иркутске – как жилого, так и коммерческого назначения, и нас потрясло, что некоторые из них сделаны на уровне мировых стандартов. Мы видим, что на базе промышленного потенциала Иркутска, реализуемых программ социальноэкономического развития создаются реальные перспективы для качественного развития рынка недвижимости в городе».

Деловая программа саммита оказалась насыщенной. Докладчики – представители РГУД, управляющих и строительных компаний, финансовых организаций из Иркутска, Москвы, СанктПетербурга, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга – поделились своим видением современных проблем и вызовов отрасли и предложили свои практические решения по четырем основным блокам: «Современные подходы и практические решения развития территорий», «Вызовы строительной отрасли. Новые решения, технологии, материалы», «Инвестиционные возможности в изменившихся экономических условиях» и «Знания. Информация. Конкуренция».

Иркутск

Саммит девелоперов

По словам организаторов Байкальского саммита, главной его задачей стало формирование в новых экономических условиях площадки для эффективного взаимодействия всех заинтересованных сторон в области недвижимости.

«Иркутск не случайно был выбран местом для проведения столь масштабного события, – отметила в

Люциан Федорович Антипин (10 августа 1932 – 12 июня 2015)

Люциан Федорович Антипин принадлежит к поколению шестидесятников. В пору оттепели молодые выпускники Московского, Киевского, Новосибирского и Ленинградского институтов приехали в Сибирь строить новые города. У этой плеяды была вера в то, что сила градостроительных и архитектурных идей может изменить мир к лучшему. Их усилиями и амбициями и были созданы крупные градостроительные проекты и замечательная архитектура. Теперь исследователи советского модернизма называют все это явление, феноменом, ренессансом Иркутска 1970–1980-х годов.

После окончания Сибстринна Люциан Антипин шесть лет работал по распределению в институте «Гипросельэлектро», и так случилось, что это был самый, пожалуй, ответственный период для этого института: проектами обеспечивалось переселение жителей из зон затопления Ангарского каскада гидроэлектростанций, это было накануне строительства Братской ГЭС. Затем – более двадцати лет, с 1963-го по 1984 год, – Люциан Федорович проработал в институте «Иркутскгражданпроект». Стал с годами одним из ведущих градостроителей Иркутска, создателем генеральных планов и проектов детальной планировки многих городов Иркутской области. Он автор ПДП Восточного района Шелехова, генплана Байкальска, ПДП Северного жилого района Байкальска, ПДП Марата в Иркутске, микрорайона Топкинского, микрорайона Звездочка.

Вместе с В. Воронежским он делал главную площадь Шелехова, с В. Павловым – площадь Конституции в Иркутске. Жаль, что не реализован один из лучших его проектов – террасная застройка на рельефе для поселка Никола, они делали этот проект с В. Бухом.

Люциан Федорович – мастер архитектуры. Его работы – жилые дома и спортивные сооружения в Байкальске и Иркутске, дома для ветеранов войны и труда в Иркутске и Шелехове, поликлиники и больницы, в том числе терапевтический корпус городской клинической больницы №1.

Энергией и стараниями шестидесятников была сформирована иркутская архитектурная школа. При непосредственном участии архитекторов-практиков Л. Ф. Антипина, М. Я. Ашихминой, В. Ф. Буха, В. К. Нечитайло, В. А. Павлова, В. Е. Суханова в Иркутском политехническом институте в 1973 году открылась специальность «архитектура».

С 1973-го по 1984 год Люциан Федорович совмещал проектную работу с преподаванием на архитектурном факультете Иркутского политехнического института. В 1984–2001 годах он – доцент кафедры архитектурного проектирования.

В 90-е годы параллельно с преподаванием Люциан Федорович практиковал на пару с Виктором Петровичем Шматковым в персональной мастерской, они вместе создали несколько интересных проектов, часто участвовали в

конкурсах.

Люциан Федорович – член Союза архитекторов с 1967 года. В 1976–1979 годах – председатель правления Иркутской организации Союза архитекторов, работал в правлении более 30 лет.

С 2004 года и до последних дней жизни был активным членом редакционной коллегии журнала «Проект Байкал». Кажется, что это общение по средам в Доме архитектора по редакционным делам и вокруг бильярда доставляло ему радость. Нам-то точно очень не хватало его, когда года три назад он болел, лечил сердце. Его сердце тогда начало вдруг останавливаться. Но подлечился, и снова мы были вместе. 10 августа, в его день рождения, каждый год устраивали выездную редакцию на даче Люциана Федоровича с душевными разговорами и песнями.

Теперь его сердце остановилось навсегда. Нам будет очень не хватать его тонкого юмора, саркастических шуточек, просто его участия и присутствия.

Замечательный архитектор и градостроитель, человек с активной жизненной позицией, ответственный товарищ, верный и надежный друг. Он ушел к своим друзьям, коллегам, ровесникам. А нам вечно тосковать и помнить...

ЕГ

> Терапевтический корпус Иркутской городской больницы.
Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1971, строительство – 1973–1977. Автор: Л. Антипин. Фото Анна Моисеева

В статье рассказывается о профессиональном становлении, формировании профессиональной направленности и творческом наследии иркутского архитектора и градостроителя Люциана Федоровича Антипина.

Ключевые слова: градостроительство, проектирование, недостатки директивного планирования, передовые методы городского планирования, педагогическая деятельность. /

The article features professional formation, development of professional direction and creative heritage of the Irkutsk architect and urbanist Lyutsian Fedorovich Antipin.

Keywords: urban planning; design; drawbacks of directive planning; advanced methods of city planning; teaching activities.

Творческое наследие архитектора Люциана Антипина / Creative Heritage of the Architect Lyutsian Antipin

Когда Люциан Федорович Антипин решил в 1951 году стать архитектором, во всей Сибири было две архитектурные школы – в Томске и Новосибирске. Люциан Антипин выбрал Новосибирск. К этому времени он уже целый год отучился в Иркутском горном институте и, успешно завершив первый год обучения, тем не менее твердо определил для себя – это не то, чем он хочет заниматься в жизни. На архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного института Люциан Антипин поступил уверенно: для него, окончившего среднюю школу с золотой медалью, был привычен напряженный учебный труд.

Обучение не было для него легким. Привыкнув делать все, за что брался, добросовестно и ответственно, студент Антипин постоянно добивался хорошей успеваемости. Для него было важно получать повышенную стипендию: уже в студенческие годы он стремился обходиться без финансовой помощи родителей. Его учителями были Виталий Семенович Масленников и Евгений Андреевич Ащепков, а также ученики Евгения Ащепкова – Людвиг Карлович Минерт и Борис Иосифович Оглы.

На годы обучения Люциана Федоровича на архитектурном факультете пришелся радикальный перелом в практике советской архитектуры – переход на функциональную теорию и решение задач индустриального домостроения. В один момент всем зодчим страны были даны новые ориентиры

проектирования и предложен очень ограниченный набор приемов, которые основывались на минимальных нормах.

После завершения учебы в 1957 году Люциан Антипин берет распределение на работу в знакомый и во многом родной для него Иркутск. Он получает должность архитектора в Иркутском отделении проектного института «Гипросельэлектро». Этот институт, расположенный в Иркутске, отвечал за проектное обеспечение при переносе сел и деревень из зоны затопления строящейся Братской ГЭС. Нужно было найти новое место, спланировать улицы, предложить типы зданий для застройки десятков переносимых сельских населенных пунктов. Из этих поселений старались сделать образцовые центры советской сельскохозяйственной индустрии. В них проводилось электричество, размещались сельскохозяйственные фабрики, строились машинотракторные станции и животноводческие фермы. Эти поселки радикально перестраивались: для жителей строились новые дома и набор зданий для образования и культурно-бытового обслуживания. Работа была срочной и ответственной: строительство огромной гидроэлектростанции, которая являлась основой для нового Братского промышленного узла, находился на контроле в правительстве страны. В 1957–1960 годах Люциан Федорович выполняет множество планировок и рабочие чертежи для поселков в рамках этой программы. Опереться на прошлый опыт здесь не получалось: такого опыта рань-

^ Жилой поселок Центральной усадьбы Усть-Ордынского совхоза Иркутской обл. Гипросельэлектро, 1962 г.

ГАП Л. Ф. Антипин, авторы арх. Л. Ф. Антипин, инж. Лаптева

v Поселок Ук Нижнеудинского р-на Иркутской области.

Проект планировки и застройки.

Гипросельэлектро, 1962 г. Авторы арх. Л. Ф. Антипин, инж. Лаптева

портрет архитектора

Микрорайон Звездочка в Иркутске.
генпроектировщик Иркутскгражданпроект, 1966 г. Авторы Л. Антипин, В. Бух

Основной (второй) вариант, по которому велась застройка микрорайона. Улица Жуковского превращалась только в пешеходную, справа и слева от которой размещались дворы, образованные кирпичными и панельными домами и объекты соцкультбыта. Так как застройка микрорайона продолжалась длительное время, со временем часть зданий была построена по индивидуальным проектам.

В конце 70-х годов, когда подошла очередь строить школу, заказчик (бывшая Сосновская экспедиция) заключил с

администрацией железнодорожного института альянс, по которому железнодорожники обещали построить здание школы и на два года (время освоения собственной площадки) взять его в собственную эксплуатацию. Авторы проекта и жители микрорайона категорически не советовали заказчику совершать такую сделку. Но в те времена к мнению архитекторов мало прислушивались, и сегодня жители микрорайона остались без школы, а институту некуда территориально развиваться. Разве что вырубить расположенную по соседству реликтовую сосновую рощу.

Люциан Антипин

Цит по: Проект Байкал. – 2013. – № 39–40. – С. 137.

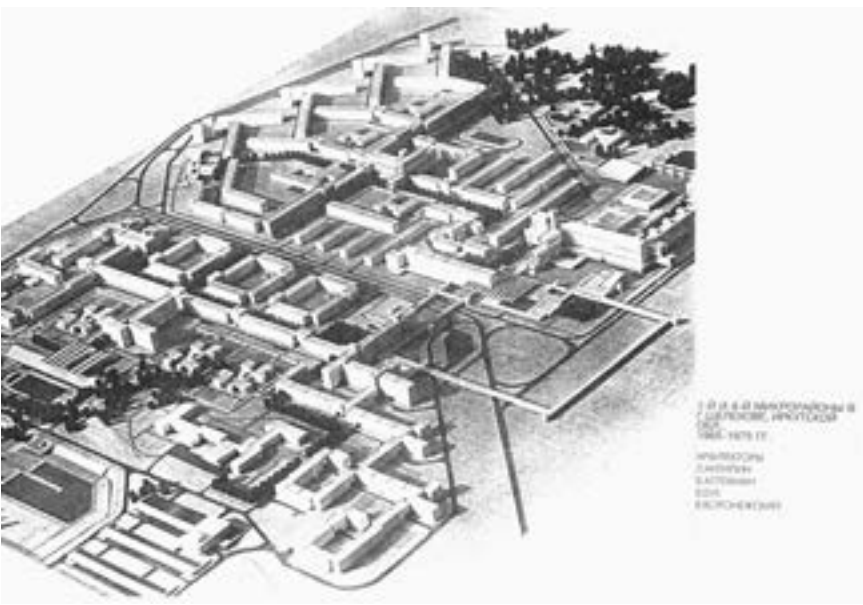
в 1-й и 4-й микрорайоны Западного жилого района Шелехова, 1965–1975 гг.

Авторы Л. Антипин, В. Аптекман, В. Бух, В. Воронежский

в Совхоз Байторский Эхирит-Булагатского р-на Иркутской области.

Гипросельэлектро, 1961 г.

Авторы арх. Л. Ф. Антипин, инж. Лаптева

ше не было. Приходилось принимать технические и планировочные решения исходя из собственной интуиции.

В других районах Иркутской области выполнялась другая правительственная программа по развитию сельского хозяйства – происходило укрупнение и перестройка сельских населенных пунктов в соответствии с задачей индустриализации сельского хозяйства. В соответствии с социалистической теорией градостроительства того времени были выбраны «перспективные» поселки, которые перестраивались и приводились в «социалистический» вид. Здесь планировались новые школы, сельские магазины, здания поселковых администраций. В эти «перспективные» поселки направлялись финансовые средства, в них велось строительство жилых домов за государственный счет. Наряду с поселками, переносимыми в связи со строительством Братской ГЭС, Люциан Антипин выполняет проекты планировок центральных усадеб совхозов Иркутской области – «Первомайского», «Байторского», «Уковского», «Тыретского», «Усть-Ордынского», «Железнодорожника», жилого поселка Иркутской птицефабрики.

Творческая проблема архитектора при решении этих красивых и утопических планов состояла в том, что разрешалось использовать только типовые проекты городского типа и нельзя было допустить даже малейшего отступления от нормативов. На деле это приводило к тому, что вместо задуманных светлых и

современных поселков городского типа получались неудобные и мало приспособленные для сельской жизни типовые поселения из сотен одинаковых блочных, брусовых и бетонных зданий. Люциан Федорович впоследствии признавался, что он тогда понимал то несоответствие с реальной жизнью, в котором окажутся подобные проекты, и переживал из-за этого. Наиболее очевидным недостатком этих планов было необходимое условие правительства использовать 5-этажные жилые дома типовых серий городского типа для жителей села, тем более что первые серии типовых жилых зданий были очень примитивны и их инженерные системы быстро выходили из строя в условия сельской местности. Через несколько лет, увидев недостатки такого директивного планирования, правительство приняло решение о разработке всех типов зданий, предназначенных специально для села, и возможности архитекторов создать что-то более удобное существенно увеличились.

Люциан Федорович вспоминал, что уже в начале 1960-х годов, при проектировании жилых поселков по новой правительственной программе – освоения целинных земель, он как архитектор уже имел больше возможностей для более разумного планирования для сел в условиях Восточной Сибири. По этой программе им были выполнены генеральные планы поселков целинных совхозов в Читинской области – «Даурского», «Чернозерского», «Целинного».

По проекту Байкальского национального парка предполагалось построить на западном побережье Байкала четыре крупных туристических центра, один из которых совместно с администрацией национального парка размещался на площадке в пос. Никола, где ныне располагается база МЧС.

Для обслуживания этих туристических центров необходимо было построить поселок на 6 тысяч жителей. Площадка для поселка была выбрана по соседству с туристическим центром в районе существующего поселка Никола.

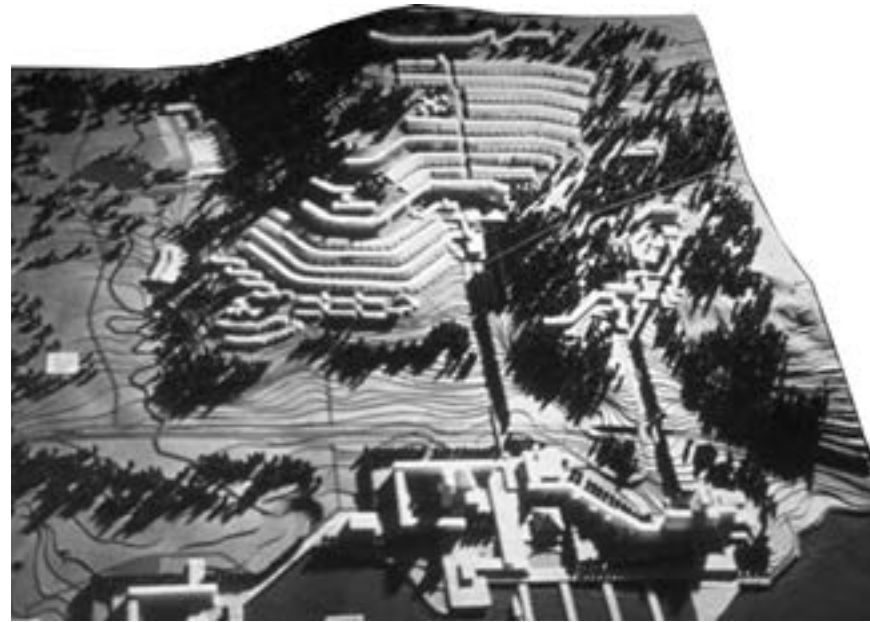
По требованию областной санэпидстанции на выбранной территории постоянное жилье могло размещаться только на

отметках рельефа выше верхнего уровня туманов, часто образующихся в истоке Ангары.

Поэтому поселок был расположен на склоне горы, подступающей к автодороге Иркутск-Листвянка. Активный рельеф площадки определил характер застройки террасными малоэтажными домами с полным комплексом инфраструктуры.

Люциан Антипин

Цит по: Проект Байкал. – 2013. – № 39–40. – С. 143.

Проект детальной планировки пос. Никола.

Иркутскгражданпроект, 1977 г. Авторы В. Бух, Л. Антипин

В начале 1960-х годов архитектор Антипин выполняет несколько проектов планировок и для городов – кварталы новых типовых крупнопанельных домов для Иркутска и Усолья-Сибирского.

В 1963 году Люциан Антипин переходит на работу в другой иркутский проектный институт – «Горстройпроект». Вскоре этот институт переименовывают в «Иркутскгражданпроект». С ним связана вся дальнейшая творческая жизнь архитектора Антипина. Первые годы работы здесь Люциан Антипин продолжает сельскую градостроительную тематику, а затем постепенно переходит к планированию жилых районов в городах. Здесь, в стенах Иркутскгражданпроекта, начинается его творческое сотрудничество с лидерами архитектуры Иркутска 1960-х годов – Владимиром Бухом, Вячеславом Воронежским, Владимиром Павловым.

Лучшим своим проектом сельскохозяйственной архитектуры Люциан Федорович считал проект экспериментально-показательного поселка Никольск, выполненный в 1970–1973 годах. Будучи руководителем группы, главным архитектором проекта, Люциан Антипин выполнил как технический проект, так и рабочие чертежи нового поселка. В эту работу он вложил весь свой уже не малый опыт возведения поселков, старался применить новые, передовые приемы архитектурной композиции, лучшие достижения советской архитектурной практики.

С середины 1960-х годов Люциан Антипин выполняет проектирование жилых районов в городах

Иркутской области: Черемхово, Усолье-Сибирском, Шелехове. Многие проекты этого времени были выполнены Люцианом Федоровичем совместно с ведущим специалистом-градостроителем «Иркутскгражданпроекта» того времени – Вячеславом Воронежским. Из числа этих работ выделяется архитектурный ансамбль, тщательно спланированный и возведенный в полном соответствии с проектом, – застройка главной площади Шелехова, выполненная авторским коллективом: В. С. Воронежский, Л. Ф. Антипин, В. А. Павлов. При создании общественного центра этого современного города-спутника иркутским архитекторам удалось добиться образа ясной деловитости, очевидной представительности и точной соразмерности и масштабности здания администрации города, площади перед ним и сквера с окружающей жилой среднетажной застройкой.

В 1965 году директор института «Иркутскгражданпроект» Б. И. Рабей поручает Люциану Антипину срочное задание – разработку первого полноценного генерального плана строящегося нового города Байкальска – и назначает его главным архитектором проекта. В число ведущих членов авторского коллектива наряду с Антипиным вошли Владимир Бух и Владимир Павлов. Впечатленный протестами ученых и общественности против строительства промышленного комбината на одном из самых чистых озер планеты, Люциан Федорович поначалу отказался от этой работы. Однако директор института рассказал, как

Проект застройки Привокзального жилого района в Усолье-Сибирском.

Иркутскгражданпроект, 1965 г. Авторы В. Чемерис, В. Бух, Л. Антипин, М. Ашихмина

Шелехов.

Авторы В. Воронежский, Озерова, Л. Антипин

< Байкальск. Проект детальной планировки Северного жилого р-на, 1975 г.

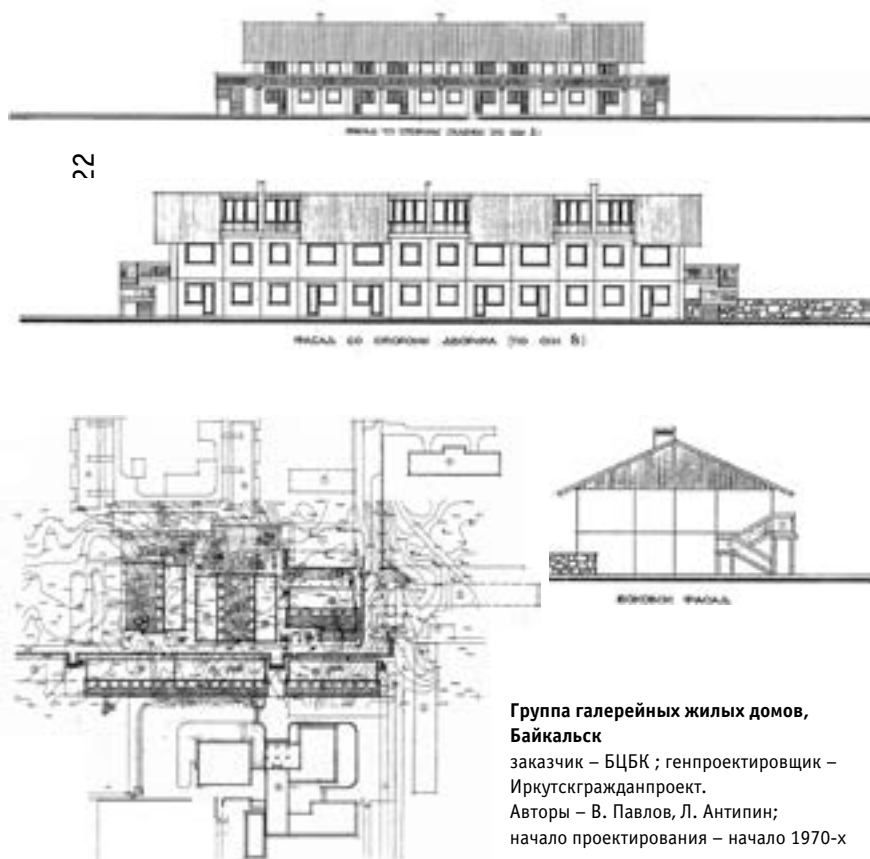
Главный арх. проекта Л. Ф. Антипин, авторы В. Ф. Бух, Л. Ф. Антипин

Проектирование застройки города Байкальска, известного на весь мир своим неуместным целлюлозным комбинатом (закрыт 13 сентября 2013 года), велось разными проектными организациями страны и с образованием Иркутскгражданпроекта» перешло к местной проектной организации гражданского профиля. В это время велась застройка северного района и общественного центра города.

«Иркутскгражданпроект» откорректировал проект детальной планировки района, выполненный до него другими проектировщиками, и начал разработку проектов отдельных жилых групп и общественных зданий.

Владимир Бух, Елена Григорьева

Из кн.: Владимир Павлов / В. Бух, Е. Григорьева. – Екатеринбург : TATLIN, 2003. – С. 46.

Группа галерейных жилых домов, Байкальск
заказчик – БЦБК ; генпроектировщик – Иркутскгражданпроект.
Авторы – В. Павлов, Л. Антипин;
начало проектирования – начало 1970-х

Определяющей особенностью выступает 10 балльная по шкале Рихтера сейсмическая опасность площадки, что ограничивает этажность ее застройки. Павлов предположил и разработал с соавторами трехэтажный панельный дом из освоенных местной стройиндустрией сборных конструкций по следующей схеме: квартиры первого этажа имеют каждая непосредственно выход на улицу, на второй этаж жильцы попадают с наружной открытой галереей вдоль фасада дома. Квартиры двухуровневые со спальнями в мансардном этаже. Такое решение имеет существенные экономические преимущества над стандартным жильем.

Владимир Бух

Из кн.: Владимир Павлов / В. Бух, Е. Григорьева. – Екатеринбург : TATLIN, 2003. – С. 47.

он пытался отказаться от этого проекта в обкоме партии, и настоял на своем решении поручить Антипину руководство проектом. Он уже знал обязательность и ответственность, с которой Антипин выполняет всякую работу. Директор заверил архитектора, что в связи с особым характером строительства города будут предоставлены возможности применения самых передовых архитектурных композиционных решений и разрешено использование лучших строительных материалов.

Строительство комбината уже шло полным ходом, но основная часть жителей пока проживала во временном поселке. Архитекторы изучили литературу о современном шведском и финском опыте. В качестве архитектурного образца для нового города проектировщики обратились к только что построенному финскому городу Тапиола. Этот пример современного градостроительства был признан одним из лучших новых городов в мире и широко пропагандировался архитектурными изданиями. Новый город на Байкале отличался от финского более сложным рельефом, более суровым климатом и более трудными геологическими условиями.

Архитекторы, тщательно изучив площадку строительства, приняли принципиальное решение – ничего не строить на берегу Байкала. Широкая полоса, в несколько сот метров, была отведена под рекреационную зону. Предполагалось, что здесь будет зона отдыха регионального значения не только для жителей Байкальска, но и для

иркутян, ангарчан, для туристов со всей страны. Проектировщики действительно получили широкую поддержку со стороны руководства комбината: директор и главный инженер предлагали архитекторам искать самые передовые и современные решения. Они говорили: «Делайте как можно интереснее, как можно лучше». В устье реки Харлахты был запланирован гидропарк, купальни, лодочные станции. Для сохранения ландшафта решили концентрировать застройку вдоль улиц, а существующий лес дотягивали до самого центра жилого поселка полосами, или «язычками». Таких улиц получилось три.

При проектировании жилой застройки широко применялось экспериментальное проектирование. Было разработано несколько типов среднетажных жилых домов, что позволило создать уютные жилые кварталы. Город планировался на 17–18 тыс. жителей и не предусматривал дальнейшего роста. Интересно сложился общественный центр города, с крупным универсальным магазином, гостиницей, спортивным комплексом, подчеркнутый высокой башней секционного жилого здания, на фоне выразительного силуэта горного хребта Хамар-Дабан. Генеральный план Байкальска, выполненный под руководством Люциана Антипина, был утвержден в 1972 году. Более 10 лет продолжалась реализация генплана, в ходе которой было построено более 80 процентов предусмотренных объектов. Итог работы был признан жителями. И горожане, и приезжие всегда при-

< Жилая застройка Байкальска.
Автор Л. Ф. Антипин

знавали жилые кварталы Байкальска удобными и уютными, несмотря на категорическое неприятие целлюлозного завода на берегах Байкала.

В конце 1960-х – середине 1970-х годов параллельно с выполнением генплана для Байкальска Люциан Федорович ведет проектирование жилого поселка солерудника в Тырети, микрорайона № 1 в Шелехове, нескольких микрорайонов в Иркутске. Из числа этих работ наиболее известным и признанным был проект микрорайона Звездочка в Иркутске. Выполненный совместно с Валерией Аптектман, этот жилой комплекс, один из самых удачных по планировке и архитектурному образу, оказался одной из лучших жилых построек Иркутска 1970-х годов. Размещенные на рельефе, блок-секции были спланированы со сдвигами по отношению к линии застройки, что наряду с индивидуальным характером кровель и тщательно подобранной фактурой и цветом фасадов образовало живописную и гармоничную композицию, очень уютную и спокойную. Ее ступенчатый характер раскрывался с высоких отметок на нижние, в сторону реки Ангары, что одновременно с хорошо проработанным благоустройством делало весь комплекс вписанным в природную среду. Этот проект был замечен архитектурной прессой. Чертежи и фотографии микрорайона Звездочка опубликованы советскими архитектурными изданиями и румынским журналом «Архитектура».

Работая над большими и сложными проектами, Люциан

Федорович использовал любую возможность для повышения квалификации. В 1970 году он прошел стажировку в Госстрое РСФСР по градостроительству, а в 1974-м обучался на семинаре по проектированию жилья в Вильнюсе. В следующем году, во время стажировки на кафедре градостроительства Московского архитектурного института, Люциан Антипин вновь изучает передовые методы городского планирования. Чувствовать себя увереннее как профессионалу помогало также общение с зарубежными коллегами во время зарубежных поездок с группой архитекторов в Японию и Индию в конце 1960-х – начале 1970-х годов.

В начале 1970-х Люциан Антипин выполнил проекты нескольких объектов лечебных зданий – иркутской городской поликлиники, терапевтического корпуса Иркутской городской больницы, поликлиники на 1200 посещений в Шелехове, комплекса Иркутской психоневрологической больницы. Тема лечебных учреждений была глубоко изучена Люцианом Федоровичем, и он детально представлял как потребности, так и архитектурные возможности этого типа зданий. В 1981 году совместно с архитектором Галиной Вязуновой Антипин представил конкурсный проект Всесоюзного центра хирургии в Иркутске. Впоследствии, определяя свою творческую специализацию в архитектуре, Люциан Федорович считал себя специалистом в градостроительстве и проектировании лечебных зданий.

^ ПДП Первомайского района Черемхово Иркутской области
Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1964,
строительство – с 1965 г. Авторы: Л. Антипин, В. Воронежский

^ Поликлиника на 1200 посещений в день в Шелехове
Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1971–1972,
строительство – 1975–1979. Автор, главный архитектор проекта Л. Антипин

Жилая застройка в микрорайоне Звездочка

Иркутск, ул. Гоголя, 79
 архитектор
 В. Аптекман
 при участии
 В. Павлова,
 Л. Антипина
 конструктор
 Н. Воробьева
 проект застройки
 архитекторы
 Л. Антипин
 В. Бух

Общезития переменной этажности института народного хозяйства на 1 200 мест по ул. Советской

Архитекторы: В. Павлов, С. Григорьев, Л. Антипин, 1986 г.

Застройка площади Конституции в Иркутске

Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1977, строительство – 1979–1980. Авторы: Л. Антипин, В. Павлов (главный архитектор проекта)

Во второй половине 1980-х Люциан Антипин много проектирует для Ленинского района Иркутска – Институт повышения квалификации работников авиационной промышленности, общественный центр поселка авиационного завода, ряд планировок для жилых кварталов. Проектирование в Ленинском районе было продолжено Люцианом Антипиным и позднее, в начале 1990-х годов, когда в содружестве с Виктором Петровичем Шматковым он выполнил ряд крупных проектов в этом районе города – жилой поселок авиазавода на 1500 коттеджей в Боково, парковую зону реки Ангары, индивидуальные жилые дома. Сотрудничество с Виктором Шматковым способствовало тому, что в творчестве Люциана Антипина появились новые темы и новые типы архитектурных объектов. В 1993 году они успешно и очень интересно работают для Восточно-Сибирской железной дороги (гостиница на 500 мест на привокзальной площади в Иркутске и сложный в решении проект реконструкции исторических железнодорожных построек на 137-м километре Кругобайкальской железной дороги). Здесь архитекторам пришлось не только мастерски реконструировать железнодорожную постройку 1915 года, приспособив ее для размещения небольшой гостиницы, но и выполнить самый сложный комплекс работ по благоустройству на сложном скальном рельефе.

Важной стороной творческого наследия архитектора была его педагогическая деятельность. С

первых дней основания специальности «архитектура» в Иркутском политехническом институте Люциан Федорович включился в преподавательскую работу. Он стал наставником для первых выпусков архитекторов в Иркутске, и многие современные мастера архитектуры города сегодня с благодарностью вспоминают его уроки. Особенно много внимания он уделял педагогической работе во второй половине 1980-х и в 1990-е годы. Тогда Люциан Федорович перешел работать доцентом на кафедру архитектурного проектирования, посвящая работе со студентами большую часть времени.

В 2000-е Люциан Антипин много сил отдавал общественной работе в Союзе архитекторов, где входил в состав правления Иркутской организации, до последних дней своей жизни он сотрудничал с архитектурным журналом «Проект Байкал».

Каким сегодня перед нами предстает творческое наследие мастера? Это около ста архитектурных проектов, большая часть из которых реализована и служит людям, умение вовремя выполнить обещанное, стремление даже в трудных условиях и при недостатке средств сделать архитектурное окружение человека удобнее и красивее, и главное – доброта и глубокий гуманизм как профессионала, так и человека Люциана Федоровича Антипина.

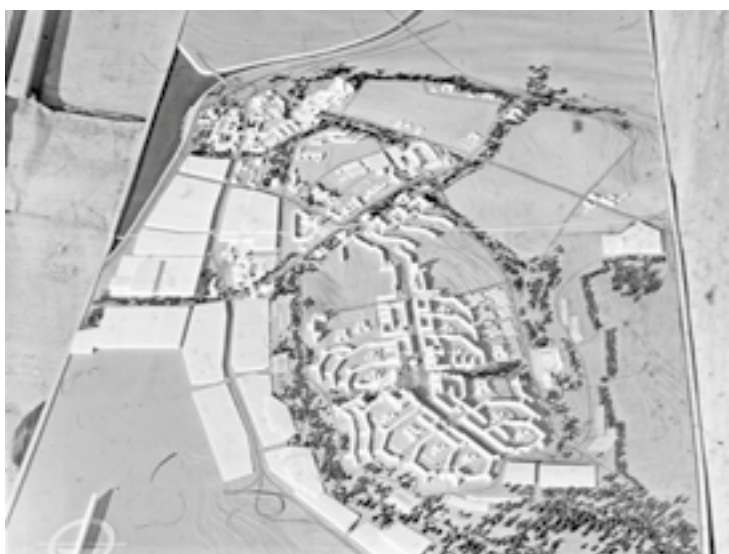
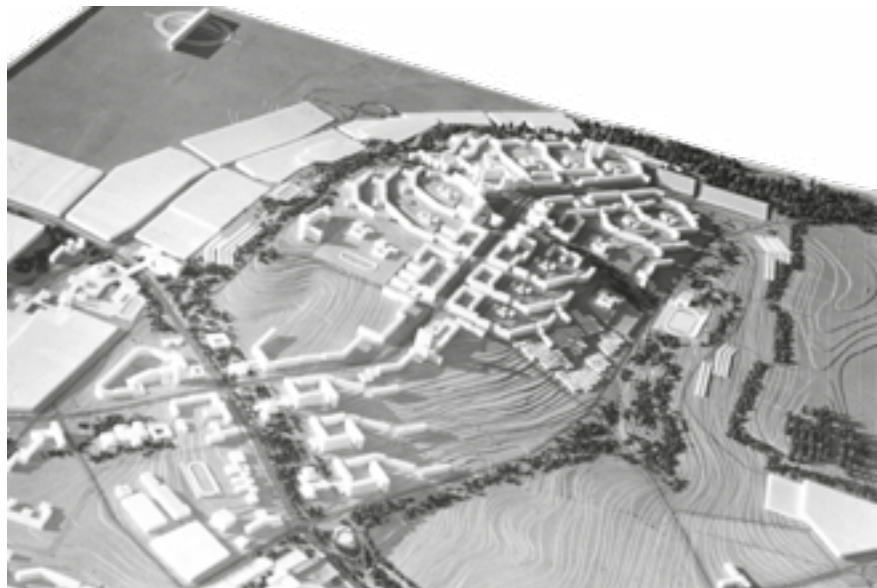
Андрей Ляпин / Andrei Lyapin

ПДП жилого района Марата в Иркутске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1978–1980. Заказчик УКС горисполкома. Авторы Л. Антипин, В. Бух, В. Павлов, В. Снежко-Блоцкий

Еще один пример следования описанным ранее принципам иркутской школы. Планировочная структура наподобие дерева. Стержнем композиции выступает девятиэтажный ствол со встроенно-пристроенными учреждениями соцкультбыта. Вдоль него проложена главная улица района. От ствола пятиэтажные ответвления, на которых плодами висят школы и детские сады-ясли. Впервые предложена ковровая застройка.

Владимир Бух

Из кн.: Владимир Павлов / В. Бух, Е. Григорьева. – Екатеринбург : TATLIN, 2003. – С. 95.

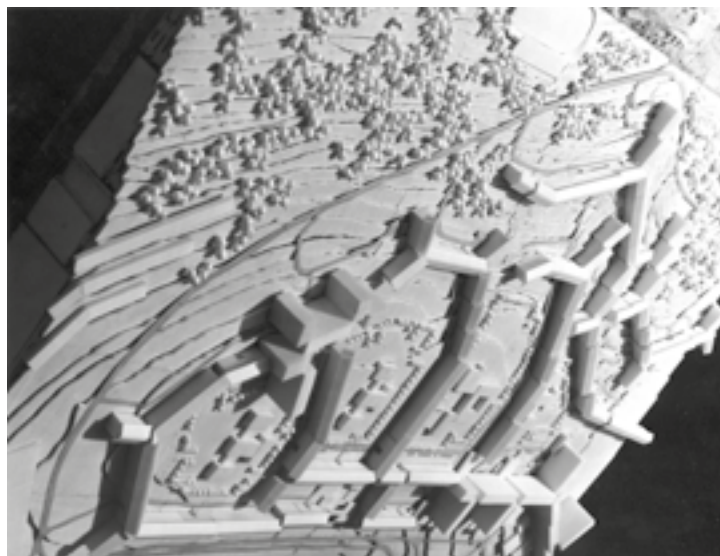

Проектом охвачена территория площадью 220 Га в Куйбышевском районе города в треугольнике от реки Ангары до поймы реки Ушаковки. На этой территории предполагается разместить три планировочных района, два из которых – жилые, один – промышленный. Каждый из районов формируется по осям главных улиц. В промрайоне (наиболее застроенном мелкими предприятиями) такой осью является улица Рабочего Штаба. В северном – улица Шевцова, в северо-восточном – улица Радищева. Эти магистральные оси-улицы являются своеобразными стволами деревьев, по обе стороны которых формируются ветви – микрорайоны с объектами обслуживания.

Предусмотрен широкий бульвар при пересечении всех районов через промзону до реки Ангары по трассе улицы Чапаева, вдоль которого размещаются объекты городского и районного обслуживания. Главный общественно-культурный центр планируется в районе Знаменского монастыря и госпиталя. Проект рассчитан на постепенный вывод жилья из промзоны, первоначальное освоение территорий на свободных площадях (микрорайон Топкинский) с последующей реконструкцией других территорий, занятых малоэтажной застройкой. Общая численность населения определяется в 100 тыс. жителей на расчетный срок.

Люциан Антипин

Цит по: Проект Байкал. – 2013. – № 39–40. – С. 141–142.

Проекты железнодорожного вокзала и гостиничного комплекса

авторы проекта гостиницы
 Виктор Шматков
 Люциан Антипин
автор проекта вокзала
 Виктор Шматков

26

Проект нового вокзала в Иркутске архитектора В.П. Шматкова уже публиковался в журнале «Проект Байкал» №5 «Утопия». Если внимательно посмотреть идею проекта, то окажется, что ничего утопического в ней нет: примененные конструкции и технологии строительства таких сооружений возможны были даже в далекие семидесятые годы,

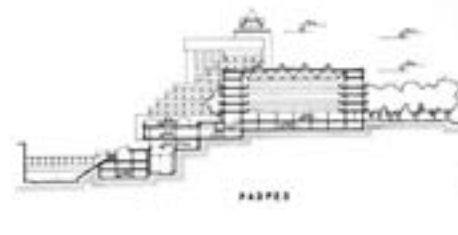
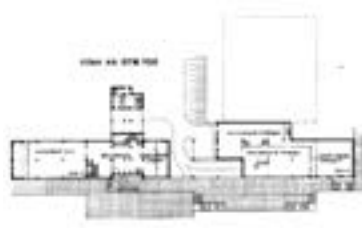
годы строительного аскетизма и борьбы с любого рода излишествами. Утопизм был скорее в головах людей, в чьих руках были средства реализации этого проекта. Привычнее было делать «как всегда и везде». А ведь как прекрасно было задумано проектом. Три вида междугородного и местного транспорта: автомобильный, железнодорожный и речной. Свободный доступ к любым посадочным платформам поездов без использования подземного тоннеля. Пересадка с одного вида транспорта на другой без транзитных поездов по городу. Разделение транспортных путей и пешеходных в двух уровнях. Возможность использовать левобережную набережную Ангары для отдыха людей и водного транспорта. Композиционная законченность всех разрозненных ныне объектов транспортного узла.

В девяностых годах прошлого века архитектором Виктором Шматовым в соавторстве с архитектором Люцианом Антипиным был разработан проект завершающего

этапа реконструкции привокзальной площади – проект гостиничного комплекса с большим составом вспомогательных, административных и технических помещений для железнодорожного хозяйства. Комплекс гостиниц размещался на привокзальной площади на высоких отметках рельефа и состоял из двух корпусов, в одном из которых предусматривались жилые номера обычного туристического класса, а в другом – номера ВИП-класса, образующие каре с перекрытым внутренним двором. В четырех террасных этажах, образованных за счет использования рельефа, размещались многочисленные общественные и развлекательные центры. С основными вокзальными корпусами гостиница связывалась стеклянным пешеходным переходом. К сожалению этот проект оказался до сих пор невостребованным.

Люциан Антипин

Антипин Л. Проекты железнодорожного вокзала и гостиничного комплекса // Проект Байкал. – 2014. – № 41. – С. 180–181.

Проекты и постройки Люциана Федоровича Антипина

1. Проекты планировок центральных усадеб совхозов Иркутской области: «Первомайского», «Байтогского», «Уковского», «Тыретского», «Усть-Ордынского», «Железнодорожник», Иркутской птицефабрики. Проектировщик – Росгипросельэлектро, Иркутский филиал. Проектирование – 1957–1962, строительство – 1957–1970. Автор проектов.
2. Проекты планировок и рабочие чертежи застройки поселков, переносимых из зоны затопления Братской ГЭС. Проектировщик – Росгипросельэлектро, Иркутский филиал. Проектирование – 1957–1960, строительство – 1957–1963. Автор проектов, главный инженер проектов.
3. Проекты планировок поселков центральных усадеб целинных совхозов Читинской области: «Даурского», «Черноозерского», «Целиннго». Проектировщик – Росгипросельэлектро, Иркутский филиал. Проектирование – 1962–1963, строительство – 1963–1973. Автор проектов, главный инженер проектов.
4. Технический проект и рабочие чертежи экспериментально-показательного поселка Никольск Иркутской области. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1970–1973, строительство – с 1973 г. Автор, главный архитектор проектов.
5. Проект застройки кварталов № 65, 66а, 59 в Усолье-Сибирском. Проектировщик – Росгипросельэнерго. Проектирование – 1958–1962, строительство – 1960–1972. Автор, главный инженер проектов.
6. Застройка кварталов № 185 и 59 в Иркутске. Проектировщик – Росгипросельэнерго. Проектирование – 1959, строительство – 1960–1968. Автор проектов застройки.
7. ПДП Первомайского района Черемхово Иркутской области. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1964, строительство – с 1965 г. Авторы: Л. Антипин, В. Воронежский.
8. ПДП Привокзального района Усолье-Сибирского. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1965, строительство – с 1965 г. Авторы: Л. Антипин (главный архитектор проекта), М. Ашихмина.
9. ПДП Восточного района Шелехова Иркутской области. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1966, строительство – 1967–1977. Авторы: Л. Антипин (главный архитектор проекта), В. Воронежский.
10. Застройка микрорайона Звездочка в Иркутске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1966–1974, строительство – 1967–1980. Автор, главный архитектор проекта.
11. Застройка микрорайона № 1 в Шелехове. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1968, строительство – 1970–1979. Авторы: В. Аптекман, Л. Антипин.
12. Застройка главной городской площади в Шелехове, деловой центр города. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1969, строительство – с 1969 г. Авторы: В. Воронежский, Л. Антипин (главный архитектор проекта).
13. Застройка микрорайона «Г» в Старо-Ленино, Иркутск. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1969, строительство – с 1969 г. Авторы: Т. Пагальникова, Л. Антипин (главный архитектор проекта).
14. Генеральный план Байкальска Иркутской области. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1972, строительство – с 1973 г. Авторы: В. Бух, Л. Антипин (главный архитектор проекта).
15. Жилой поселок Тыретского солерудника, проектное задание. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1969, строительство – с 1972 г. Авторы: В. Воронежский, Л. Антипин (главный архитектор проекта).
16. Сельский жилой дом с квартирами в двух уровнях для сейсмичных районов Иркутской области. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1971. Автор, главный архитектор проекта.
17. Индивидуальный проект жилого дома с продовольственным магазином в микрорайоне Звездочка в Иркутске. Проектировщик – Иркутскграж-

данпроект. Проектирование – 1969, строительство – 1970–1973. Автор, главный архитектор проекта.

18. Переработка проекта и разработка интерьеров спортивного комплекса с плавательным бассейном Сосновской экспедиции в Иркутске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1968–1969, строительство – 1969–1979. Главный архитектор проекта.
19. Проектное здание Иркутской городской поликлиники на 800 посещений в день. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1971. Автор, главный архитектор проекта.
20. Терапевтический корпус Иркутской городской больницы. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1971, строительство – 1973–1977. Автор, главный архитектор проекта.
21. Поликлиника на 1200 посещений в день в Шелехове. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1971–1972, строительство – 1975–1979. Автор, главный архитектор проекта.
22. Комплекс Иркутской психбольницы на 600 коек. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1968, строительство – 1970–1978. Соавтор, инженер А. Зверев.
23. Объединенный автобусно-железнодорожный вокзал на 200 пассажиров в Байкальске Иркутской области. Проектировщик – Жилдорпроект. Проектирование – 1973. Автор проработки фасадов и интерьеров.
24. Пригородный железнодорожный вокзал на 400 пассажиров в Иркутске. Проектировщик – Жилдорпроект. Проектирование – 1977, строительство – 1982. Авторы: В. Нечитайло, Л. Антипин.
25. Комплекс профтехучилища Иркутского мясокомбината, индивидуальный проект. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1973. Автор, главный архитектор проекта.
26. Универсальное здание для объектов первичного обслуживания микрорайонов в городах Иркутской области. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1972–1973. Автор, главный архитектор проекта.
27. Проект застройки микрорайона № 4 в Шелехове. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1974–1975, строительство – с 1977 г. Автор, главный архитектор проекта, при участии В. Буха.
28. ПДП Северного жилого района в Байкальске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1975, строительство – с 1976 г. Авторы: В. Бух, Л. Антипин (главный архитектор проекта).
29. Жилые дома из блок-секций в микрорайоне Звездочка в Иркутске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1975–1980, строительство – 1977–1980. Авторы: В. Аптекман, Л. Антипин (главный архитектор проекта).
30. ПДП жилого района Марата в Иркутске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1978–1980. Автор, главный архитектор проекта, при участии С. Петрова.
31. Микрорайон Топкинский в Куйбышевском районе Иркутска. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1978–1979, строительство – с 1980 г. Авторы: В. Бух, Л. Антипин (главный архитектор проекта).
32. ПДП поселка Никола на Байкале. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1977. Авторы: В. Бух, Л. Антипин (главный архитектор проекта).
33. Застройка площади Конституции в Иркутске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1977, строительство – 1979–1980. Авторы: Л. Антипин, В. Павлов (главный архитектор проекта).
34. ТЭО и проект застройки микрорайона Заводской в Иркутске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1979–1980, строительство – с 1981 г. Авторы: Л. Антипин, С. Петров (главный архитектор проекта).
35. Застройка городской площади Шелехова домами повышенной этажности с городским торговым центром. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1980. Главный архитектор проекта.

портрет архитектора

36. Генеральный план поселка Кутулик Иркутской области. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1979–1980. Авторы: В. Григорьев, Л. Антипин (главный архитектор проекта), А. Арбатский.
37. Спортивный комплекс в Байкальске Иркутской области. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1976–1978, строительство – с 1977 г. Авторы: В. Павлов, Л. Антипин (втор генплана и ряда спортивных сооружений), В. Сбродов.
38. Группа жилых домов из блок-секций по индивидуальному проекту в микрорайоне «Д» в Байкальске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1977–1980, строительство – с 1978 г. Авторы: В. Павлов, Л. Антипин.
39. Учебно-курсовой кабинет сельхозтехники в Иркутске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1973, строительство – 1975–1980. Автор, главный архитектор проекта.
40. Вторая очередь застройки микрорайона завода им. Куйбышева домами повышенной этажности в Иркутске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1981. Автор.
41. Генеральный план города Бодайбо Иркутской области и ПДП центра. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1979. Авторы: В. Григорьев, Л. Антипин (руководитель авторского коллектива).
42. Генеральный план поселка Ново-Мальтинск Иркутской области. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1980. Авторы: Г. Урлапова, Л. Антипин (руководитель авторского коллектива).
43. Генеральный план поселка Мегет Иркутской области. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1981. Авторы: Г. Урлапова, Л. Антипин (руководитель авторского коллектива).
44. Генеральный план поселка Алзамай Иркутской области. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1982. Авторы: В. Григорьев, Л. Антипин (руководитель авторского коллектива), А. Арбатский.
45. Микрорайон Заводской в Иркутске, технический проект. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1982. Авторы: С. Петров, Л. Антипин (руководитель авторского коллектива).
46. Микрорайон геофизического треста в Иркутске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1982, строительство – с 1982 г. Авторы: В. Григорьев, Л. Антипин (руководитель авторского коллектива).
47. Застройка улицы Курчатова в Иркутске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1982, строительство – с 1982 г. Руководитель авторского коллектива.
48. Дом охотника в Иркутске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1982. Авторы: Л. Антипин (руководитель авторского коллектива), Т. Потапова.
49. Профилакторий завода радиоприемников в Иркутске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1982. Авторы: С. Алексеев, Л. Антипин (руководитель авторского коллектива).
50. Дом для ветеранов войны и труда в Иркутске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1980, строительство – 1983. Авторы: О. Беседин, Л. Антипин (руководитель авторского коллектива).
51. Дом для ветеранов труда в Шелехове. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1980, строительство – 1984. Авторы: Л. Шарыгина, Л. Антипин (руководитель авторского коллектива).
52. Дом для малосемейных на 760 человек в Шелехове. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1979, строительство – с 1981 г. Авторы: О. Беседин, Л. Антипин (руководитель авторского коллектива).
53. Жилой дом с городской библиотекой в Шелехове. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1977, строительство – 1979. Авторы: Н. Давыдова, Л. Антипин (руководитель авторского коллектива).
54. Детская музыкальная школа в Шелехове. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1977, строительство – 1982. Авторы: О. Сбродов, Л. Антипин (руководитель авторского коллектива).
55. Группа жилых домов переменной этажности с библиотекой, кафе в микрорайоне Звездочка в Иркутске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1982, строительство – 1984–1991. Авторы: Л. Антипин, С. Алексеев (руководитель авторского коллектива).
56. Расширение Иркутского лесотехникума. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1982. Авторы: Г. Вязунова, Л. Антипин (руководитель авторского коллектива).
57. Расширение Иркутского промышленного техникума. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1981. Авторы: Г. Вязунова, Л. Антипин (руководитель авторского коллектива).
58. Школа на 20 классов в Байкальске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1976, строительство – 1979. Член авторского коллектива. Автор – Т. Потапова.
59. Школа на 33 класса в Иркутске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1982, строительство – 1985. Член авторского коллектива.
60. Пристрой к производственному зданию по ул. Урицкого в Иркутске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1980, строительство – 1984. Авторы: О. Беседин, Л. Антипин.
61. Всесоюзный центр хирургии в Иркутске, эскизный проект. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1981. Авторы: Г. Вязунова, Л. Антипин.
62. Проект планировки зоны отдыха на Иркутском водохранилище. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1983. Авторы: Г. Урлапова, Л. Антипин (руководитель авторского коллектива).
63. Институт повышения квалификации работников авиационной промышленности в Иркутске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1983. Авторы: Л. Шарыгина, Л. Антипин (руководитель авторского коллектива).
64. Общественный центр жилого района Иркутского авиазавода. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1983, строительство – 1986. Авторы: Л. Шарыгина, Т. Потапова, Л. Антипин (руководитель авторского коллектива).
65. Юридический техникум в Иркутске. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1983, строительство – с 1985 г. Авторы: С. Алексеев, Л. Антипин (руководитель авторского коллектива).
66. Дом культуры Иркутского радиозавода. Проектировщик – Иркутскгражданпроект. Проектирование – 1983, строительство 1-й очереди – 1987. Авторы: С. Алексеев, В. Павлов, Л. Антипин (руководитель авторского коллектива).
67. Группа жилых домов переменной этажности с элементами обслуживания для профессорско-преподавательского состава. ИПИ. Проектирование – 1986, строительство 1-й очереди – 1988. Автор проекта.
68. Спортивный комплекс. ИПИ. Проектирование – 1988, строительство – 1990. Автор проекта.
69. Спортивный комплекс Иркутского филиала СО АН СССР. ИПИ. Проектирование – 1988, строительство 1-й очереди – 1989. Автор проекта.
70. Гостиница «Сибсервис» в Иркутске. Проектировщик – Персональная творческая мастерская № 1 ИО СА РСФСР. Проектирование – 1989, строительство – 1991–1997. Авторы: Л. Антипин, В. Шматков.
71. Бизнесцентр «Сибсервис» в Иркутске. Проектировщик – Персональная творческая мастерская № 1 ИО СА РСФСР. Проектирование – 1990, строительство – 1991–1997. Авторы: Л. Антипин, В. Шматков.
72. Жилой поселок авиазавода на 1500 коттеджей в Иркутске с разработкой коттеджей. Проектировщик – Персональная творческая мастерская № 1 ИО СА РСФСР. Проектирование – 1990, строительство – начало 1991 г. Авторы: В. Шматков, Л. Антипин.
73. 2-этажный 4-комнатный коттедж в пос. Боково Иркутской области. Проектировщик – ТОО «Восход». Проектирование – 1992, строительство – начало 1994 г. Автор проекта.
74. 2-этажный 5-комнатный коттедж в пос. Боково Иркутской области. Проектировщик – ТОО «Восход». Проектирование – 1992. Автор проекта.
75. Парковая зона в поселке авиазавода в Иркутске, эскизный проект. Проектировщик – ТОО «Восход». Проектирование – 1992. Автор проекта.
76. Дворец правосудия в Ангарске, конкурсный проект. Проектировщик – ПТАМ № 1. Проектирование – 1993. Авторы: В. Шматков, Л. Антипин.

77. Комплекс гостиницы на 500 мест на привокзальной площади в Иркутске, эскизный проект. Проектирование – 1993. Авторы: В. Шматов, Л. Антипин.

78. Гостиница на 15 мест с реконструкцией существующих построек на 173 км. КБЖД. Проектировщик – ПТАМ № 1. Проектирование – 1993, строительство – с 1994 г. Авторы: Л. Антипин, В. Шматов.

79. Металлическая решетка ограждения здания ВЦ Госбанка по ул. Ст. Разина в Иркутске. Проектировщик – ПТАМ № 5. Проектирование и строительство – 1994. Автор проекта.

80. Жилой дом с обслуживанием для иностранных специалистов по ул. Ядринцева, 1, в Иркутске. Проектировщик – ПТАМ № 5. Проектирование – 1994. Автор проекта.

81. Металлическая решетка ограждения здания Востсибкомбанка по ул. Российская в Иркутске. Проектировщик – ПТАМ № 5. Проектирование и строительство – 1995. Автор проекта.

82. Храм Святых Апостолов Петра и Павла в Шелехове, конкурсный проект (поощрительная премия). Проектирование – 1995. Авторы: В. Шматов, Л. Антипин, В. Федорин.

83. Магазин на 4 рабочих места с летним кафе в поселке Нов. Разводная Иркутской области, эскизный проект. Проектировщик – ПТАМ № 5. Проектирование – 1998. Автор проекта.

84. Надстройка мансардного этажа над жилым домом по ул. Ф. Энгельса в Иркутске, эскизный проект. Проектировщик – ПТАМ № 5. Проектирование – 1998, строительство – 2001. Автор проекта.

85. 2-этажный 6-комнатный жилой дом на две семьи в п. Молодежный Иркутска. Проектировщик – ПТАМ № 5. Проектирование – 1998. Автор проекта.

86. 2-этажный 7-комнатный жилой дом в г. Назрань, Ингушская Республика. Проектировщик – ПТАМ № 5. Проектирование – 1999. Автор проекта.

87. 2-этажный 6-комнатный коттедж по ул. Комсомольской в Иркутске. Проектировщик – ПТАМ № 5. Проектирование и строительство – 1999. Автор проекта.

88. Производственно-вспомогательный корпус ЗАО «Востоксибстрой» в Иркутске, эскизный проект. Проектировщик – ПТАМ № 5. Проектирование 1999. Автор проекта.

89. 2-этажный жилой дом на 6 комнат в пос. Молодежный Иркутской области, эскизный проект. Проектировщик – ПТАМ № 5. Проектирование – 2001. Автор проекта.

90. 2-этажный жилой дом на 5 комнат в пос. Молодежный Иркутской области, эскизный проект. Проектировщик – ПТАМ № 5. Проектирование – 2001. Автор проекта.

91. Административно-производственное здание ОАО «Универсал» по ул. Франк-Каменецкого в Иркутске. Проектировщик – ПТАМ № 5. Проектирование – 2001, строительство – 2003. Автор проекта.

92. Гостиница на 10 мест в пос. Листвянка Иркутской области. Проектировщик – ПТАМ № 5. Проектирование – 2002, строительство – 2004. Автор проекта.

93. Радиотранслятор в пос. Листвянка Иркутской области. Проектировщик – ПТАМ № 5. Проектирование – 2002, строительство – 2003. Авторы: Л. Антипин, Ю. Таргашин (инженер).

94. Детский досуговый центр с подземной автостоянкой по ул. А. Невского в Иркутске, эскизный проект. Проектировщик – ПТАМ № 5. Проектирование – 2003. Автор проекта.

95. Усадьба кинолога в пос. Молодежный Иркутской области с разработкой коттеджа и гостиничного комплекса. Проектировщик – ПТАМ № 5. Проектирование – 2004, строительство – 2005. Автор проекта.

96. Реконструкция квартиры под офис по ул. Чехова в Иркутске. Проектировщик – ПТАМ № 5. Проектирование – 2004, строительство – 2005. Автор проекта.

97. 2-этажный жилой дом с мансардой в Саянске Иркутской области. Проектирование – 2004.

Гостиница «Звезда» на 30 мест по ул. Ядринцева в Иркутске, авторы: Л. Антипин, В. Шматов

Деревянный дом в п. Листвянка, автор Л. Антипин

Статья была написана в 1986 году к 300-летию присвоения Иркутску статуса города. Автор рассказывает об историческом прошлом Иркутска, его настоящем с позиций архитектора и градостроителя, освещает перспективы развития города.

Ключевые слова: Иркутск, перепланировка города, образцовые фасады, генеральный план, социалистическая индустриализация, исторический город.

Иркутск. Вчера, сегодня, завтра (проблемы, перспективы)

В 1986 году Иркутску как городу исполняется 300 лет, и нам, готовясь к этому юбилею, небезынтересно обратить взор в его прошлое, поговорить о настоящем и заглянуть в будущее, пройти, как поется в известной песне, «этапы большого пути» нашего города.

Своим рождением Иркутск, как и большинство старых сибирских городов, обязан приобщением к российскому государству обширных сибирских земель. В 1652 году на реке Ангаре при впадении в нее Иркутта, на острове Дьячем сыном боярским Яковом Похабовым с отрядом казаков было построено укрепленное зимовье. В 1661 году зимовье было перенесено с острова на правый, во всех отношениях удобный берег Ангары и по приказанию енисейского воеводы Ивана

Ржевского «приведено в совершенный острог и названо тогда Иркутским». Как видно из летописи, при выборе места для острога Похабов руководствовался не только стратегическими соображениями, но и чисто хозяйственными. В своем сообщении в Енисейск он пишет: «...изволил острог поставить и тут место самое лучшее, угоднее для пашень и скотный выпуск, и сенные покосы, и рыбные ловли, все близко».

Важное значение Иркутского острога как опорного пункта для укрепления Забайкалья за Россией и выгодное географическое положение, способствующее развитию торговых связей с Востоком, послужили быстрому росту Иркутска. Он вскоре стал центром самостоятельного воеводства и уже

в 1686 году получил титул города. К этому времени население Иркутска достигло тысячи человек.

Первые каменные постройки в городе появились в начале XVIII века. В 1701 году в южной стене острога была сооружена так называемая приказная палата, или воеводческая канцелярия, в 1706 году – Спасская церковь, положившая начало каменному культовому зодчеству Иркутска и всей Восточной Сибири. В 1718 году на месте старого деревянного возводился второй каменный храм – Богоявленский собор.

Приказная палата не сохранилась. А вот Спасская церковь и Богоявленский собор, будучи отреставрированными, являются замечательными образцами искусства первых Иркутских мастеров каменного дела.

И все же основным строительным материалом остается дерево. Квалифицированные каменщики были немногочисленны, кирпич сравнительно дорогой материал. Из кирпича строились в основном культовые здания, и не случайно поэтому, что первый частный каменный дом в Иркутске, заложенный в 1745 году, не был закончен еще в 1761 году.

Даже состоятельные жители предпочитали деревянные дома, отмечая, что «каменные постройки заключают в себе сырость и не так теплы зимой, в то время как деревянные, хорошо построенные, внутри и снаружи оштукатуренные, теплые и легко могут простоять столетия».

В 1726 году город по границе нынешней ул. Карла Маркса обносится крепостной стеной или палисадом и делится на две части: Малый город, или острог, и Большой город, так называемый посад, занимающий остальную территорию до крепостной стены. Вскоре после сооружения крепостной стены около нее возникает так называемая Солдатская слобода для размещения местного гарнизона. От слободы начинались и первые улицы, получившие название также Солдатских. Застройка распространяется в направлении реки Ушаковки и Иерусалимской горы.

В 1731 году Иркутск получил городской герб. В 1768 году впервые был составлен план перепланировки города Иркутска. План предусматривал выпрямление и расширение улиц, упорядочение размеров и конфигурации кварталов, устройства новых площадей торгового, казенного и других назначений. Предусматривались места для кирпичных сараев, стекольного завода, и других мелких кустарных предприятий.

Перепланировка города, застройка которого в течение столетия складывалась беспорядочно, без учета каких-либо градостроительных правил, требовала огромного сноса и оказалась непосильной.

После опубликования указа о перепланировке города жители обратились в Екатерининскую законодательную комиссию с просьбой «чтобы старых домов и никакого

строения для прямызни улиц не ломать дабы жители от того не могли понести себе разорения».

В 1775 году в Иркутске возник пожар, истребивший почти всю центральную часть города. Дальнейший рост торговых связей и развитие пароходства на севере восточного побережья Тихого океана потребовало строительства новых зданий и контор по организации и снаряжению многочисленных экспедиций и морского промысла. Все это способствовало быстрому развитию города. Так, после пожара за короткий период, до 1790 года, в Иркутске было построено более трехсот новых каменных и деревянных зданий в большей мере торгового и казенного назначения.

Первый генеральный план города Иркутска, разработка которого началась в 1780 году, был утвержден Екатериной II в 1792 году, что явилось важным градостроительным мероприятием, способствовавшим урегулированию всего городского строительства, улучшению качества архитектуры и проведению градостроительных мероприятий.

К генеральному плану прикладывались образцовые фасады домов, указывалось, по каким номерам фасадов должны возводиться различные партикулярные и жилые дома, давались основные нормативные положения по застройке, определявшие размеры участков, противопожарные разрывы и т. д. Устанавливалась единая окраска фасадов и заборов. Все проекты наиболее крупных зданий, составленные на месте, должны были быть непременно рассмотрены и утверждены. Например, в этот период в Иркутске строить двухэтажные деревянные жилые дома не разрешалось. Разрешение на строительство двухэтажных деревянных домов было дано только в 1864 году. Вся работа, связанная с застройкой и контролем над ней, возлагалась на наместнические управления, полицию и губернского архитектора.

Эти градостроительные мероприятия, несмотря на административные меры со стороны местных властей, приводились в жизнь очень медленно. Основной причиной было несоответствие первых образцовых проектов материальным возможностям застройщиков. Новое строительство требовало квалифицированной рабочей силы, а в Иркутске не было достаточного

количества плотников, каменщиков, в результате чего даже казенные дома строились в течение долгих лет.

В 1796 году Сибирь была разделена на две губернии – Тобольскую и Иркутскую. Превращение Иркутска в крупный административный центр способствовало дальнейшему увеличению городского населения. В начале XIX века в Иркутске проживало 2 тыс. человек. Задачи городского строительства в это время тесно связывались с социально-политическим развитием Восточной Сибири. Прогрессивная русская архитектура формировалась в обстановке нарастающей борьбы с самодержавием и крепостничеством. Архитектурное творчество во многом вдохновлялось идеями просветителей и исходило из понимания воспитательной и облагораживающей роли искусства. В Сибири эту историческую роль играли политические ссыльные, находившиеся на поселении в Иркутске и его окрестностях и образовавшие со временем костяк местной прогрессивной интеллигенции.

Строятся лучшие дома, проекты заказываются местным и столичным архитекторам. Наиболее интересным примером в этом отношении является Сибиряковский дворец (ныне Белый дом) выстроенный в начале XIX века. Авторство и точная дата постройки этого дома не установлены, но изучение архивных материалов позволяет установить, что дом построен по проекту, заказанному Сибиряковым в Петербурге.

Первое наиболее интересное упоминание о доме встречается у иностранного путешественника Мартоса, который, будучи в начале XIX века в Иркутске, отметил: «Между всеми зданиями в Иркутске дом градского главы Сибирякова, на набережной Ангары построенный, занимает первое место, фасад одного величественен, и средний портик коринфского ордера очень пропорционален».

В 1823 году в городе было 1645 домов, два гостиных двора с 219 лавками, три рынка, имевшие 90 лавок, 108 купеческих домов с лавками, целый ряд мелких предприятий, казенные складские магазины, провиантский, полевой, винный, пороховые склады, склады Нерчинских сереброплавильных заводов и рудников, казармы, адмиралтейство и т. д. В городе было четырнадцать

церквей и два монастыря. Из 1645 домов 53 были каменными, 30 из них принадлежали купцам.

В этот период застраивается Рабочее предместье и левобережная часть города – Глазковское предместье.

Рост города в период развития капиталистических отношений в Сибири во второй половине XIX века связан с еще большим укреплением его экономического положения. Этому способствовало золото Ленских приисков, реформа 1861 года и, наконец, укрепление торговых связей после заключения Ангунского трактата. С момента присоединения Приморья Иркутск становится административным центром Амурской и Приморской областей.

Население города к 1862 году составило 24,7 тыс. человек. В это время застройка вышла в нагорную часть, образовав новую систему Иерусалимского квартала (в недавнем прошлом Советских). Застраивается нагорная часть Знаменского предместья.

В связи с этим в 1868 году была произведена географическая съемка всей городской территории и дополнен генеральный план, который предусматривал урегулирование существующей застройки и частичное ее перспективное развитие. В 1872 году план был вновь исправлен и дополнен, он предусматривал незначительное увеличение селитебной территории.

Однако как и первый, так и дополнительный вариант плана не являлся действительно регулирующим документом и фиксировали по существу новые, стихийно сложившиеся кварталы самой произвольной конфигурации.

Благодаря торгово-экономической активности, население Иркутска в 1875 году увеличилось до 32 600 человек, и он становится самым крупным городом Сибири, обогнав Томск (30 тыс.), Омск (24), Тюмень (20) и Тобольск (1997 г. – 22,3 тыс.).

К 1870-м годам на 100 деревянных построек приходилось три каменные. Высокая концентрация деревянной застройки, отсутствие благоустройства и удобных проездов способствовали частым пожарам. В 1879 году в Иркутске возник самый опустошительный пожар, истребивший лучшую половину города, застроенную в основном в первой половине XIX века. Почти полностью была уничтожена

городская застройка от Ангары до Арсенальной (ныне Дзержинского) улицы.

В «Иркутских губернских ведомостях» сообщалось, что в 1879 году было уничтожено 75 кварталов, 856 частных домов, 105 каменных и 3038 деревянных строений. Сгорели все торговые и казенные постройки. Город утратил характерные черты и особенности застройки, сложившиеся на протяжении двухсотлетнего периода.

Для восстановления города после пожара в 1887 году был составлен новый генеральный план. Опустошительный пожар создал реальные условия для коренной перепланировки города и устранения недостатков первого генерального плана. Однако городская управа ограничилась по существу только упорядочением старой планировки.

Восстановление города шло очень быстро, и через два года была отстроена уже четверть сгоревшей застройки, а через 8 лет, т. е. к моменту составления генерального плана, было выстроено 2038 зданий, из которых 160 были каменные. Новая застройка города осуществлялась по контурам старой опорной схемы, так что планировочная структура города не претерпевала принципиальных изменений.

Пожар совпал с началом некоторого ослабления административного и торгового значения города в связи с временным упадком золотопромышленности на Лене и в Забайкальская, Амурская и Приморская области с подчинением их приамурскому генерал-губернатору. К началу 1890-х годов следы пожара почти совершенно исчезли, и городской центр был отстроен заново. В облике нового Иркутска уже не было того единства и своеобразия застройки, которые формировались в первой половине столетия.

В 1883 году из ведения Главного управления Восточной Сибири, находящегося в Иркутске, были выведены Забайкальская, Амурская и Приморская области с подчинением их приамурскому генерал-губернатору. К началу 1890-х годов следы пожара почти совершенно исчезли, и городской центр был отстроен заново. В облике нового Иркутска уже не было того единства и своеобразия застройки, которые формировались в первой половине столетия.

Погибли памятники архитектуры, множество ценнейших книг, древних рукописей, архивных документов, музейных коллекций.

Композиционным ядром нового центра становится обширная площадь, образовавшаяся на месте Спасской, Тихвинской, Базарной и

Гостинодворной площадью, получившая название Тихвинской. Все наиболее крупные торговые и деловые учреждения сосредоточились на центральных улицах, а площадь обстраивается по периметру.

В 1883 году по оси площади около Спасской церкви возводится монументальное здание Казанского собора (архитектор Розен), которое благодаря своему местоположению и размерам господствует над окружающей застройкой и культовыми сооружениями, расположенными по берегу Ангары.

Одной из значительных построек этого периода является здание театра, построенное по проекту академика архитектуры В. А. Шретера в 1892–1897 годах. Оригинальность общей композиции, компактная, рациональная планировка и высокое качество строительства позволяют отнести его к лучшим театральным сооружениям провинции.

В 1894 году в семи километрах от Иркутска со строительством железнодорожной сортировочной станции возникает поселок Иннокентьевский, послуживший в дальнейшем формированию обособленного жилого района (ныне Ленинского).

В связи с новыми требованиями застройки города в конце 1890-х годов Городской думой была образована специальная плановая комиссия, результатом работы которой явился генеральный план, одобренный Городской думой и удостоверяемый иркутским губернатором.

По этому плану разрозненные районы города объединялись в единый компактный городской массив, состоящий из четырех крупных районов, границы которых определялись естественными водными и топографическими рубежами. Это генплан для своего времени обладал определенным территориальным размахом и по площади селитебной территории в Правобережной части города несколько превосходил наметки генплана 1932–1940 годов.

Развитие капитализма в России вызвало к жизни совершенно новые типы зданий. В начале XX века в Иркутске появляются банки, торговые конторы, гостиницы, доходные дома, крупные магазины, пассажи, кинотеатры, особняки владельцев фирм и золотопромышленников.

Строительство Иркутска в советский период обусловлено

особенностями в развитии народного хозяйства страны, которые определили темпы роста, планировочную организацию и застройку социалистических городов.

До 1926 года Иркутск был центром Иркутской губернии в ее старых границах. В 1926 году он стал окружным городом в составе Сибирского края с центром в Новосибирске. В 1930 году этот край делится на Западно-Сибирский с центром в Новосибирске и Восточно-Сибирский с центром в Иркутске. В 1934 году выделяется Красноярский край и образовывается Восточно-Сибирская область, которая в свою очередь в 1937 году была разделена на Читинскую и Иркутскую в современных границах.

Хотя в довоенный период социалистическая индустриализация еще не затронула в полной мере уникального сырьевого и гидроэнергетического потенциала Восточной Сибири, народнохозяйственное освоение Иркутской области в этот период характеризуется развитием прежде всего горной промышленности (каменноугольной, слюдяной, золотодобывающей).

Иркутск становится областным промышленным и товарораспределительным центром этого района, здесь располагаются предприятия по переработке горнорудного и сельскохозяйственного сырья, заводы горнорудного оборудования и предприятия машиностроения.

Размещение новых промышленных предприятий в старых городах Сибири в этом числе и Иркутске, представляло тогда значительные трудности из-за отсутствия ясной картины перспективного расселения, планировочной организации и зонирования городских территорий. Все это вызвало ряд вынужденных решений по размещению промышленности, выбору территорий для жилищного строительства и ряда других объектов.

Следствием этого явилось неудачное размещение в 1929 году крупного машиностроительского завода имени Куйбышева с большим грузооборотом в центре города, изолированного от железной дороги.

В этот период формируется Жилкинский промышленный узел, строятся предприятия пищевой и кожевенной промышленности в предместьях Марата и Рабочем. Базой роста Глазковского предместья стало развитие пристанционного хозяйства железной дороги. Здесь

строится макаронная фабрика и реконструируется лесозавод.

С размещением промышленности вдоль Ангары и Ушаковки были уничтожены возникшие здесь в конце XIX века зеленые массивы, и центр города оказался на значительных участках отрезанным от водных акваторий (ТЭЦ-2, чаеразвешочная фабрика).

Касаясь вопроса застройки Иркутска в начальный период восстановления народного хозяйства и первых пятилеток, следует иметь в виду, что по объемам городского строительства Иркутск в значительной степени уступал промышленным центрам Урала, Западной Сибири и Кузбасса, хотя эти объемы были значительными, о чем можно судить по росту населения города: 1917 – 90 тыс., 1926 – 108 тыс., 1939 – 243 тыс. человек.

Важным событием в городе в налаживании внутригородских транспортных связей между правобережной и левобережной частью города явилось строительство моста через Ангару. Он был построен в удивительно короткие сроки. В июне 1935 года утверждается технический проект, а к ноябрю 1936 года мост был сдан в эксплуатацию.

Новым толчком для развития архитектурных и планировочных работ стал состоявшийся в июле 1931 года пленум ЦК ВКП (б), наметивший пути реконструкции и развития городов Советского Союза. С 1932 года начаты первые планировочные работы по Иркутску.

В 1936 году проводится конкурс на проектирование Дома советов в Иркутске. Начатое в 1938 году строительство было приостановлено, в результате чего один из интересных проектов этого периода не получил своего воплощения в натуре и был реализован в послевоенный период в измененной редакции фасадов архитектором К. М. Гурьевым.

Иркутск обогащается новыми интересными зданиями: центральная гостиница, Управление Восточно-Сибирской железной дороги, клубно-бытовой комбинат имени Куйбышева (1934–1936) по проекту известного советского архитектора профессора А. Оля. По проекту видного французского архитектора Андре Люрса, работавшего в то время в Советском Союзе, строится здание медицинского института.

Составленный в 1940 году Ленинградским отделением Горстройпроекта генеральный план города Иркутска явился первым после

революции документом для планомерной застройки, реконструкции и перспективного развития города. Однако осуществление работ по новому генеральному плану началось уже после Великой Отечественной войны.

Новый этап в развитии города наступил в послевоенный период. В 1947 году в Иркутске была проведена конференция по изучению производительных сил Иркутской области, в работе которой приняли участие сотни научных работников Академии наук СССР центральных и Сибирских научных учреждений, крупнейшие специалисты различных отраслей хозяйства, руководители партийных и советских организаций. Генеральной задачей в развитии народного хозяйства ставится приближение промышленности к источникам сырья, эффективное использование гидроэнергетических ресурсов Ангары, размещение в Иркутской области энергоемких предприятий, использование сырья для развития химической промышленности.

В 1950 году начинается строительство Иркутской ГЭС. Бурное развитие производительных сил Иркутской области не могло не отразиться на судьбе ее центра – города Иркутска. В 1951 году возобновляются работы над новым генеральным планом города, развивавшим основную идею генплана 1940 года. На перспективу намечался рост населения города с 260 тыс. в 1951 году до 350 тыс. в 1970-м.

Как и в плане 1940 года, генплан 1951 года включал четыре городских района: Центральный и Нагорный как единый планировочный контур, часть Октябрьского (ныне Куйбышевский район), Свердловский и Ленинский. Дополнительно предусматривалось освоение верхнего барельефа, создание поселка ГЭС как обособленного района. Площадь города в границах городской черты увеличивалась с 27 тыс. га до 30 тыс. га.

В основу решения была положена исторически сложившаяся планировочная схема, которая оценивалась как вполне удовлетворительная. Транспортная связь районов города предусматривалась кольцевой магистралью, проходившей по Ангарскому мосту и плотине ГЭС.

Ленинградским отделением Горстройпроекта был разработан проект детальной планировки центра, а также проект застройки

реконструируемых магистральных улиц Степана Разина, Ленина, набережной Ангары.

Размещение основной части многоэтажного строительства в центре позволило в сравнительно короткий период изменить облик улиц Ленина, Степана Разина, площади Кирова. Большинство созданных в центре города зданий по своему масштабу и архитектурной трактовке не выпадали из характера сложившейся застройки и завершали формирование улиц, занятых до этого деревянными домами.

Объем реконструктивных работ по главным улицам города в советский период до 60-х годов можно проиллюстрировать такими примерами. Из 60 зданий по ул. Карла Маркса половина построена в этот период. По ул. Ленина из 39 осталось всего 8 дореволюционных построек. Проводится асфальтирование центральных улиц. Создается набережная и бульвар Гагарина. В эти годы создается сквер на площади Кирова, ранее представлявший собой пустырь размером 500 на 800 метров.

В 1959 году завершается строительство Дома советов, лаконичный по архитектуре объем здания, решенный в строгих и четких формах, явился доминирующим звеном в общей композиции площади, придав ей вместе со сквером относительную законченность.

С постройкой здания цирка формируется второй важный узел центра – площадь Труда.

Переломным моментом в развитии советской архитектуры явилось всеоюзное совещание строителей и проектировщиков в конце 1954 года и Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» в ноябре 1955 года. Задачи, поставленные в области массового индустриального строительства, вызвали серьезные изменения в градостроительной политике Иркутска и прежде всего в отношении принципов организации жилых территорий, из размещения, общей архитектурно-градостроительной направленности. Это потребовало корректировки генерального плана с разработкой схем размещения жилищного строительства комплексно, крупными массивами на свободных территориях. Появилась новая градостроительная единица – микрорайон.

Кстати, мы до сих пор часто неправильно употребляем это слово по отношению к нашим новостройкам. Так, Солнечный и Синюшину Гору, Юбилейный, Первомайский мы называем микрорайонами, в то время как следует говорить – жилые районы. Эти жилые районы состоят из нескольких микрорайонов. Например, на Синюшиной Горе их четыре, в Юбилейном – три, а в Первомайском построено два, намечается строительство третьего. Оптимальный размер микрорайона колеблется от 9 до 20 тыс. жителей. В Иркутске есть микрорайоны двух размеров: на одну и две школы. Крупные микрорайоны на две школы строятся в Ново-Ленино и в Солнечном, остальные на одну школу.

Разработка нового генерального плана началась в 1959 году Московским Горстройпроектом. Новый генеральный план утвержден Советом Министров в 1970 году. Будет неточным говорить, что в настоящее время Иркутск не имеет генерального плана. Основные положения генерального плана, намеченные им территориальные ресурсы развития города не исчерпали себя.

Другое дело, что по некоторым позициям генеральный план не отвечает новым выдвинутым жизнью обстоятельствам и требует корректировки. На этом подробнее я остановлюсь позже.

Генеральный план 1970 года намечает освоение под массовое жилищное строительство свободные площадки на периферии города на вылетных магистралях на Байкал, в Ангарск, Шелехов (их освоение началось в процессе разработки генплана), закрепляет границы сложившихся промышленных районов, решает транспортные и другие инженерные вопросы из расчета роста города на перспективу до 550 тыс. человек. Следует заметить, что при утверждении генерального плана перспективная численность населения увеличилась на 100 тыс. человек без переработки чертежей самого проекта.

К двум существующим транспортным связям через Ангару добавляется еще два: мост в Жилкино, ныне действующий, и мост в створе телецентр – Академгородок.

По этому генеральному плану были разработаны проекты детальной планировки центра, Академгородка, верхнего бьефа, Ново-Ленинского района, поселка авиазавода, бывшего предместья

Глазково, нагорной части Октябрьского района, жилого района Топкинском, другими словами, районов интенсивной застройки последних 20 лет.

Реализация генерального плана 1970 года существенно улучшила планировочную структуру города (хотя далеко не все предусмотренные генпланом наметки претворены в жизнь) обновила его облик, улучшила состояние воздушного бассейна, оздоровила окружающую среду и с учетом индустриализации строительства позволила резко нарастить объемы жилищного и социально-культурно-бытового строительства. Для наглядности сравните такие цифры: в 1940 году в Иркутске было построено 18 675 кв. м жилья, в 1983 – 233 190 кв. м полезной площади; были годы, когда объемы ввода жилья в городе достигали почти 300 тыс. кв. м жилой (не полезной) площади.

Однако генеральный план 1970 года требовал корректировки. Фактические темпы роста города оказались выше, чем предусмотрено этим генеральным планом. Расчетная на 1995–2000 годы численность 550 тыс. человек (без учета 100 тысяч, при утверждении) уже перекрыта.

Пойма Иркутта, оценивавшая на момент разработки генерального плана 1970 года по сейсмической опасности в 9 баллов, после проведения микросейсмозонирования оказалась 7-балльной. Если ранее высокая стоимость освоения 9-балльной площадки и неподготовленность на эти условия строительной базы не позволяла смотреть на пойму как на реальную площадку для застройки, то сейчас при уточненной сейсмичности взгляд на нее меняется принципиально.

Возможность застройки этих территорий позволит изменить направление в застройке города и соединить Ленинский район с основным жилым массивом города. Остается решить одну, правда, не простую задачу: обеспечить ограждение этих территорий от паводковых подтоплений Иркутта. Также открывается возможность вести новое жилищное строительство на свободных территориях практически в центре города – напротив мемориала «Вечный огонь», на противоположном берегу Ангары.

В 1970 году, то есть в год утверждения генерального плана, Иркутск вошел в список городов исторических. Особый режим застройки исторического города

не мог найти полного отражения в прежнем генеральном плане.

В 1977 году было принято постановление правительства СССР о развитии городского хозяйства Иркутска в 1978–1982 годах, предусматривающее наряду с другими мерами вынос из города аэропорта.

В последние годы резко возросли требования по охране окружающей среды, не отраженные, естественно, в прежнем генеральном плане. Почти исчерпали себя разработанные на основе генплана 1970 года схемы транспорта и инженерных коммуникаций.

В 1981 году было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об ограничении роста крупных городов, запрещающее размещение и расширение промышленных предприятий, не связанных с нуждами развития этих городов. В число этих городов вошел и Иркутск.

Все эти и другие менее важные причины побудили город ставить вопрос о корректировке генерального плана города 1970 года, это нашло отражение в упомянутом постановлении правительства по Иркутску.

Корректировке генерального плана города, учитывая его размер и специфические особенности, предшествовала разработка технико-экономических основ (ТЭО) его дальнейшего развития. Эта работа выполнена институтом ЦНИИП градостроительства и дважды рассматривалась облисполкомом. Последний раз в декабре 1983 года. При этом вновь остро встал вопрос о выносе аэропорта из города.

На совещании, в котором принимал участие первый секретарь обкома КПСС В. И. Ситников, члены бюро обкома КПСС и горкома КПСС, облисполкома, заведующие отделами обкома КПСС и облисполкома, секретари райкомов КПСС и председатели райисполкомов Иркутска, представители Министерства гражданской авиации СССР, Госстроя РСФСР, Министерства здравоохранения РСФСР и ЦНИИП градостроительства, были обсуждены возникшие при разработке ТЭО проблемы, принято соответствующее решение и председателем облисполкома Соколовым подписан протокол в котором отмечается, что ЦНИИП градостроительства проработал большую работу по разработке к согласованию ТЭО генерального плана Иркутска в соответствии с решением облисполкома от 22

января 1982 года № 49, проектов детальной планировки центра и зон охраны памятников истории и культуры. ТЭО генерального плана города согласованно с основными министерствами и ведомствами. Утверждение ТЭО и окончание разработки генплана сдерживается из-за нерешенности вопроса о перспективе иркутского аэропорта.

В связи с задержкой утверждения ТЭО генерального плана Иркутска отстает подготовка проектно-планировочной документации на развитие инженерных коммуникаций города, на размещение строительства жилых домов и социкультурных объектов.

Определяющим для перспективного развития города и реконструкции его центра является вопрос о направлении развития аэропорта.

Институтом «Дальаэропроект» изучены три принципиально разных варианта:

1. Реконструкция аэропорта с удлинением существующей взлетно-посадочной полосы (вариант I, ориентировочная стоимость строительно-монтажных работ 50 млн руб.).

2. Реконструкция аэропорта со строительством новой ВПП для авиалиний союзного значения под углом 33° к существующей с изъятием 250 га пахотных земель (вариант II, 100 млн руб.).

3. Строительство линий союзного значения нового аэропорта в районе «Ключевая» в 25 км западнее Иркутска с сохранением существующего аэропорта для местных линий (вариант III, 150 млн руб.).

Вариант I, обеспечивая современный технический уровень работы аэропорта, сохраняя все факторы отрицательного воздействия полета самолетов над городом. Вариант II улучшает санитарно-гигиенические условия в городе лишь частично, в зоне повышенного шумового воздействия остается около 400 тыс. кв. м общей площади капитального жилого фонда. Ориентировочно перенос этого фонда связан с затратами 250–300 млн руб., с дополнительным изъятием сельхозугодий, соответствующей инженерной подготовкой территории. Вариант III на длительную перспективу коренным образом решает вопросы развития аэропорта, улучшения санитарно-гигиенического состояния и размещения жилищно-гражданского строительства в областном центре.

Учитывая необходимость внесения вопроса о перспективе развития аэропорта на рассмотрение Госплана и Госстрой СССР, институту «Дальаэропроект» и ЦНИИП градостроительства было поручено подготовить к 15 февраля уточненные расчеты по стоимости указанных вариантов и их градостроительной оценке.

В целях повышения уровня строительства в городе и обоснованности проектных решений облисполком посчитал необходимым:

– завершение в 1984 году согласования ТЭО генерального плана Иркутска;

– разработку силами ЦНИИП градостроительства совместно с институтом «Иркутскгражданпроект» и утверждение в 1984 году проекта размещения строительства на 1986–1990 годы с прогнозом до 1995 года, обратив при этом особое внимание на застройку города законченными градостроительными комплексами с их размещением с учетом реальных возможностей подрядных организаций в строительстве инженерных и транспортных сооружений;

– завершение и утверждение в 1985 году генерального плана Иркутска с использованием материалов проекта размещения строительства до 1995 года;

– разработку в 1984–1986 годах проектов упорядочения застройки производственных территорий города;

– разработку в 1984–1986 годах генеральных систем развития энергоснабжения, водоснабжения, канализации и санитарной очистки города, комплексной схемы развития городского транспорта;

– утверждение в 1984 году Проекта детальной планировки общегородского центра и проекта зон охраны памятников истории и культуры.

Также было принято следующее решение:

– Просить Госплан и Госстрой СССР рассмотреть ТЭО генерального плана Иркутска.

– Просить Министерство гражданской авиации СССР рассмотреть вопрос о сроках выноса аэропорта, разработать и осуществить мероприятия по уменьшению шумового воздействия на жилые районы города, в первую очередь в ночное время, для предоставления указанных материалов в Госплан СССР и Госстрой СССР.

– Просить Госстрой СССР:

– рассмотреть вопрос о возможности размещения жилищно-гражданского строительства на пойменных территориях рек Иркут и Ангара с учетом защиты территории только от затопления паводком 1% обеспеченности;

– поручить Иркутскому Промстройпроекту разработать в 1984–1986 годах проекты упорядочения застройки производственных территорий Иркутска;

– поручить ПромтрансНИИ-проекту разработать в 1984–1986 годах комплексную схему развития городского транспорта.

– Просить министерство жилищно-коммунального хозяйства РСФСР обеспечить выполнение в 198–1986 годах силами Иркутского отделения института «Гипрокоммунводоканал» генеральной схемы водоснабжения, канализации и санитарной очистки г. Иркутска.

– Просить Минэнерго СССР обеспечить силами Иркутского отделения ВНИПИЭнергопром выполнение генеральной схемы энергоснабжения Иркутска.

– Принять к сведению, что Госстрой РСФСР обеспечит в 1984 году выделение необходимых средств на разработку проекта размещения строительства до 1995 года.

Параллельно с корректировкой генерального плана города институтом ЦНИИП градостроительства осуществляется и корректировка проекта детальной планировки центра со связанной разработкой проекта охранных зон и зон регулирования застройки и ландшафта Иркутска.

В городе на государственной охране находится 92 здания, из них 42 деревянных и 50 каменных. Выявлено и предлагается поставить на охрану еще 225 зданий. Из них 172 деревянных. Кроме того, учитывается 161 здание (3 деревянных), которые предполагается сохранить как переходную зону между памятниками и новым строительством.

Для наиболее ценных участков исторической среды предусматривается такая форма охраны как установление заповедных зон.

Для всей территории центра устанавливаются различные в зависимости от конкретных условий режимы нового строительства: особые архитектурные требования, ограничение по этажности и т. п.

Проектом определяются принципы приспособления памятников истории и культуры для современ-

ных нужд. Крупные каменные здания используются для культурных целей. Так, например, в польском костеле организован зал органной музыки, Троицкая церковь – под филиал краеведческого музея, собор Богоявления – под филиал художественного музея. Некоторые культовые сооружения (Крестовоздвиженская церковь, Знаменский монастырь) используются по прямому назначению.

Деревянные жилые дома тоже предполагается использовать в основном по прямому назначению с доведением комфорта проживания к современному уровню, т. е. обеспечить их централизованным отоплением, водопроводом, канализацией.

В городе сохранились усадьбы известных декабристов Трубецкого и Волконского. В доме Трубецкого создан Музей декабристов. На основе этих усадеб образуется одна из заповедных зон деревянной архитектуры города по тематическому направлению, получившему название «Историко-мемориальный комплекс "Декабристы в Сибири"».

Одновременно с рассмотрением ТЭО в ОК КПСС были рассмотрены и эти два проекта. По ним принято решение в основном одобрить ПДП общегородского центра Иркутска и проект зон охраны памятников истории и культуры. ЦНИИП градостроительства поручили дополнительно проработать:

– вопрос о смещении мостового перехода через Ангару в районе завода им. Куйбышева;

– варианты организации транспортных узлов предмостовых площадей центрального района города;

– целесообразность пробивки магистрали по ул. Горького и организации транспортного движения по ул. Степана Разина;

– вопросы обогащения силуэта центральной части города с учетом размещения зданий повышенной этажности;

– вариант застройки предмостовой площади преимущественно жилыми зданиями;

– дополнительно разработать раздел природно-охранных мероприятий в центральной части города;

– внести коррективы в проект охранных зон памятников истории и культуры на основании материалов, представляемых управлением культуры облисполкома.

Управлению культуры облисполкома (Куницын), Иркутскому отделению ВООПИК (Пынько) совместно с архитектурно-планировочным управлением Иркутского горисполкома (Бух) и ЦНИИП градостроительства было поручено рассмотреть в первом квартале 1984 года список зданий, имеющих историческую и культурную ценность, с учетом возможности их сохранения и выполнения реставрационных и ремонтно-строительных работ и представить эти предложения на согласование в Министерство культуры РСФСР и утверждения в облисполком.

Иркутскому горисполкому (Шкуропат) поручено разработать мероприятия, направленные на повышение уровня благоустройства и улучшение качества строительства и реконструкции городской застройки с учетом подготовки к празднованию 300-летия присвоения Иркутску статуса города.

В последние годы строительство жилья в городе в основном сосредотачивалось на свободных участках – в жилых районах Первомайском, Топкинском, Университетском, Солнечном, на Синюшиной Горе, в Ново-Ленино, в микрорайоне Байкальском.

Застройка этих районов представляет собой значительный шаг по пути повышения качественного уровня жилищного строительства, обновления облика города на основе прогрессивных планировочных решений, применения новых серий жилых домов и объектов соцкультбыта, обеспечивающих выразительный силуэт застройки, разнообразие приемов архитектурного решения фасадов (применение так называемого минского опыта).

На проспекте Карл-Маркс-Штадт завершено строительство первого блока экспериментального жилого дома по индивидуальному проекту, на котором прошли проверку новые конструкции жилых домов повышенной этажности (до 16 этажей), предназначенные для застройки важных в градостроительном отношении узлов города. Жилые дома по типу конструктивного решения комплекса на проспекте Карл-Маркс-Штадт предполагается построить по бульвару Гагарина, на предместной площади, по набережной Ангары в Академгородке.

Наряду с жилыми домами в этих конструкциях строятся общежития повышенной этажности для педагогического, политехнического

институтов, института народного хозяйства на ул. 1-й Советской.

По индивидуальному проектам построены жилые дома и крупные общественные здания в центральной части города. Это жилой комплекс по бульвару Гагарина Восточно-Сибирской железной дороги, здание института «Иркутскгражданпроект», вычислительный центр Госбанка по ул. Степана Разина, музыкальный театр и др.

В конце 11-й пятилетки предлагается расконсервировать строительство музыкального театра и здание горисполкома. Таким образом, хотя и не так быстро, как хотелось бы, осуществляется планомерная реконструкция центральной части города. С целью сосредоточения внимания на обновлении облика главных городских магистралей горисполкомом разрабатывается комплексная программа по капитальному ремонту и реставрации существующих зданий, первоочередной застройке незастроенных участков улиц Карла Маркса, Ленина, Урицкого, Декабрьских Событий, бульвара Гагарина, с завершением застройки прилегающих к этим магистралям площадей, благоустройством бульваров, скверов, парков, с обновлением художественного оформления магистралей.

Институтом ЦНИИП градостроительства будет продолжена разработка и подготовка к утверждению проекта охранных зон и зон регулирования застройки, а также проекта детальной планировки центральной части города, предусматривающих на основе творческого использования градостроительных традиций, органического сочетания исторического наследия и нового строительства перспективы реконструкции центральной части города.

При этом наряду с обновлением ветхого жилого и общественного фонда для центра города принципиально новое звучание приобретает вопрос охраны памятников истории и культуры, планомерная, на серьезной научной основе их реставрация и приспособление для современных нужд.

Ведется корректура генерального плана города с современных позиций с учетом новых данных по микросейсмораионированию территории, экономическому потенциалу, природоохранным требованиям, рациональному использованию земель, в тесной увязке с планом экономического и социального развития уточняется перспектива и

направления роста города до 2005 года.

Внимание горисполкома, всех хозяйственных организаций сосредотачивается на следующих основных направлениях эффективности и качества застройки города:

- ускорения реконструкции центральной части;
- создание яркого, запоминающегося облика города путем формирования архитектурных ансамблей главных городских магистралей, набережных, площадей, выявления характерного силуэта города, отражающего своеобразие рельефа и других природных особенностей Иркутска;

- завершение на современном градостроительном уровне застройки и благоустройства новых жилых районов;

- преодоление однообразия и невыразительности жилой застройки применения широкого набора блок-секций, различных по этажности, по архитектуре фасадов, позволяющих в сочетаниях на основе блок-секционного метода добиваться коренного улучшения градостроительного качества застройки;

- органичное включение в архитектурную композицию окружающего пейзажа, произведений садово-паркового и монументально-декоративного искусства, малых архитектурных и скульптурных форм, художественного оформления как средств повышения художественной полноценности городской среды.

Генеральным планом города предусматривается дальнейшее развитие инфраструктуры города: строительство новых городских магистралей, обеспечивающих удобные транспортные связи между районами с выносом транзита из центральной части города; развитие сети трамвая и троллейбуса; расширение теплоисточников и строительство соответствующих инженерных коммуникаций.

Плотность городской застройки с 1940 по 1980 год значительно уменьшилась. Поэтому дальнейшее строительство города должно идти главным образом не за счет приращения новых земель, а путем использования всех внутренних территориальных резервов, как за счет рекультивации непригодных территорий, так и за счет повышения плотности застройки и создания подземных уровней в определенных зонах.

В последние годы в связи с пересмотром в советском законодательстве градостроительных законов получает права гражданства малоэтажная городская застройка как наиболее комфортная жилая среда, благотворно влияющая на психическое состояние человека. В современных условиях разгосударствления жилого фонда, приватизации и рыночных отношений в значительной степени пересматриваются многие стереотипы градостроительных проблем, что существенно влияют на реализацию основных положений генерального плана города. Для Иркутска проблема размещения малоэтажной жилой застройки не повлияла на общую планировочную структуру, а скорее дополнила ее развитие без существенного увеличения городских земель.

В каждом из административных городских районах (кроме Кировского) выделены по одной или несколько площадок, свободных от застройки, находящихся в резерве из-за сложности их освоения под многоэтажное строительство (крутые склоны, заболоченность территорий и т. п.). На этих территориях будет размещаться малоэтажная застройка, в том числе для частного строительства.

Малоэтажная высокоплотная застройка при соответствующем технико-экономическом и архитектурно-художественном обосновании может быть размещена и в исторической части Иркутска (в Кировском районе).

Для этого необходимо прежде всего провести научно-исследовательскую и проектную работу по выявлению типов жилья, пригодных для эксплуатации в условиях Восточной Сибири, затем необходима более совершенная заводская домостроительная технология: монолитный железобетон, высококачественный отделочный кирпич, достаточно широкое применение металла в конструкциях и изделиях, строительные синтетические материалы и т. п. В Иркутске должны быть продолжены и традиции деревянной застройки с учетом современных достижений и способов ее возведения.

Люциан Антипин

Освещается история Братской организации Союза архитекторов России – от создания Братской ячейки ИО СА СССР в 1974 году, преобразования ее в самостоятельную организацию в 1992 году и до настоящего времени.
Ключевые слова: Союз архитекторов, Братск, фестиваль архитектуры, рекламы и дизайна «FRESH», проектирование. /

The article presents the history of the Bratsk Organization of the Union of Architects of Russia, from formation of the Bratsk Branch of the Union of Architects of the USSR in 1974 and its transformation into an independent organization in 1992, until the present time.

Keywords: Union of Architects; Bratsk; festival of architecture, advertising and design "Fresh"; designing.

< Международный форум «Северные города», Братск, 1995 год.
Слева направо: архитекторы Н. Перцев, Н. Хаустов, художник В. Никишин, президент РААСН А. Рочегов, В. Пуляев, М. Мочалов. Фото В. Астраханцевой

Братская организация Союза архитекторов России Краткий экскурс в историю / The Bratsk Organization of the Union of Architects of Russia A Short Excursus to the History

Год 1974-й. Небольшая группа деятельных архитекторов – кандидатов и членов СА СССР, участвовавшая во всех значимых событиях, связанных с архитектурно-планировочными проблемами Братска, объединив усилия, создала ячейку в составе Иркутской организации Союза архитекторов СССР. Возглавил ее преподаватель вуза Лазарь Семенович Коханов. У истоков также стояли архитекторы Ефим Григорьевич Пиллер (первый главный архитектор Братска), Татьяна Ильинична Алексеева (преподаватель вуза, кандидат архитектуры), Виктория Вагановна Астраханцева (председатель ячейки с 1979 по 1992 год и председатель правления БО САР с 1996 года по сей день) и Арнольд Петрович Березовский (практикующие архитекторы). Иногда в протоколах, очевидно для придания

большей значимости решению вопросов, называли себя филиалом ИО СА СССР.

Братск, знаменитый своими грандиозными стройками (ГЭС, заводы, ЛПК, комбинат БГС...), был известен не только в стране, но и далеко за ее пределами. Его посещали главы стран, общественные деятели, популярные актеры, композиторы, поэты. О нем слагали песни, стихи, поэмы... Романтика, неизведанный край, интересная работа, масштабы деятельности – все это влекло сюда молодых, да и не очень, специалистов разного ранга.

«...Невозможно говорить о нашем сообществе САР в отрыве от архитектурной практики, от творчества архитекторов Братска. В Братске в 70–80-е годы работать было необыкновенно интересно, здесь находилось до ста архитекторов из

разных городов Советского Союза. Темпы жилищного строительства того периода были грандиозными: микрорайоны росли как грибы – за 4–5 лет. Площадки под строительство были фактически экспериментальным. База стройиндустрии ГПО «Братскгэсстрой» осваивала новые серии блок-секционных жилых домов. Использовалась их широкая номенклатура, что позволяло в условиях типовой застройки добиться относительной выразительности ее силуэта и некоторого своеобразия планировки микрорайонов.

Архитекторами проектировались объекты и для всей Иркутской области, отдельные объекты – и для других регионов страны. От генпланов городов и поселений до отдельных объектов: Нижнеудинска, Тулуна, Качуга... для строительства Байкало-Амурской магистрали – в городах Тайшет, Усть-Кут, Улькан...» (из доклада В. Астраханцевой, 2001 год).

Росли темпы строительства, объемы проектирования, росла значимость архитектурной деятельности. Город старался привлечь как можно больше архитекторов, институты гордились их количеством. Несмотря на предельную скромность архитектурных возможностей, вера

в прекрасное будущее города была непоколебимой!

И все же это было время высокой текучести кадров, огромного количества подрядных, субподрядных и иных организаций, а значит, прибывающих и убывающих специалистов разных профессий и статуса, что привносило разнообразие и придавало динамичность деятельности и, в свою очередь, радовало множеством интересных встреч, знакомств. Каждое начало дня несло в себе какое-то неожиданное событие, предвкушение неизведанного.

В те годы статус члена СА был очень высок. Главным стремлением почти любого архитектора было вступление в Союз. Знали мы москвичей, которые откровенно говорили об этой цели приезда сюда – поработать пару лет, получить должность и членство в Союзе. Правда, они недолго выдерживали сибирские условия проживания.

Уважение со стороны руководства и общности города к архитекторам было встречным, а вот «матерые» знаменитые руководители больших строек зачастую особо не деликатничали, безапелляционно принимали за нас решения.

Некоторые из наиболее памятных событий в нашем сообществе членов СА СССР с 1974 года:

< Братск, 2007 год. Архитекторы Братска и Усть-Илимска.
Слева направо в первом ряду: С. Баублис, во втором ряду: Л. Перетолчина, В. Астраханцева, В. Малюкина, в третьем ряду: И. Бусурманова, Л. Рыбак, М. Дьякова, Л. Каштыкина, А. Бельков, Т. Ким, А. Коган, в четвертом ряду: Ю. Коробко, О. Тюрюмин (Усть-Илимск), А. Леурин (Усть-Илимск), Е. Бебеза

– Регулярные совместные заседания членов Братской ячейки ИО СА СССР и художников секции Братского художественного фонда по всем ключевым вопросам архитектурного обустройства и художественного оформления города (агитационные плакаты были неотъемлемой частью жизни в СССР). Принимали участие в таких встречах представители общественности города и генпроектировщика Братска – специалисты госинститута «Гипрогор».

– В 1979 году Братск с рабочим визитом посетил первый секретарь правления Союза архитекторов СССР, депутат Верховного Совета СССР Георгий Михайлович Орлов. В Братском филиале Иркутск-гражданпроекта по этому поводу состоялось расширенное рассмотрение проектных предложений по застройке центральной части города с площадью Ленина, 17 и 18 микрорайонами и прилегающими территориями. В результате рассмотрения был выбран и одобрен вариант, предложенный БФ ИГП.

– В июле 1980 года состоялся творческий вечер встречи с испанскими архитекторами, организованный коллективом Братской ячейки ИО СА СССР. Присутствовали ведущие архитекторы Барселоны и Валенсии, председатель СА организаций архитекторов Валенсии, а также директор Европейской ассоциации туризма.

В Братском отделении «Интурист» состоялась с ними встреча главного архитектора города В. М. Зимина и председателя ячейки ИО СА СССР В. В. Астраханцевой по застройке Братска. Вопросы задавались нам животрепещущие, например: как регулируется тепло в квартирах и почему открыты форточки? Или почему мы не захотели построить один дом-комплекс вместо микрорайонов из множества домов? Мы выкручивались, как могли: тепло, конечно, регулируется, но сибиряки любят холодный воздух и т. д. (Очень хотелось им рассказать, как мной поначалу предлагалось сделать по периметру микрорайонов № 17, 18 длинные дома-балки на ногах, но это априори было исключено, да и темпы строек не допускали индивидуального строительства.)

Во всех значимых событиях, которые происходили в стране и городе, в какой-либо степени принимали участие члены СА. Это не воспринималось как обязательство или энтузиазм отдельных лично-

стей, а было само собой разумеющимся действием.

Очень теплой и искренней была первая встреча с коллективом ансамбля «Белый острог», только начинавшего свою гастрольную деятельность, а мы тогда предсказывали им большое будущее. На вечер были приглашены архитекторы и художники города, проектировщики, артисты. Примечательно, что после нее пятеро детей трех наших архитекторов выбрали профессию музыканта-скрипача, окончили консерваторию и достигли больших успехов в Братске, Новосибирске, Москве.

В декабре 1980 года коллективом Братской ячейки ИОСА СССР была организована выставка работ архитекторов и дизайнеров 9-ти организаций города, посвященная 25-летию города Братска и приуроченная к семинару городских и районных архитекторов Иркутской области.

С 1990 года по 1992-й велась подготовка документации к преобразованию Братской ячейки ИО СА СССР в самостоятельную организацию – БО СССР. На расширенном собрании Братской ячейки 5 января 1992 года было принято решение об отделении в самостоятельную Братскую организацию Союза архитекторов. Решением бюро президиума правления СА РФ № 10 от 21.4.1992 создана территориальная организация Союза архитекторов Российской Федерации в Братске. Председатель правления (1992–1996 годы) – В. И. Рыбак.

В феврале 1995 года члены СА России, архитекторы города стали активными участниками Международного форума «Северные города», проходившего в Братске. До этого он проходил в Тромсе (Норвегия), Су-Сент-Мари, Монреале, Йеллоунайфе (Канада), Анкоридже (Аляска). В секции «Строительство и архитектура» научно-практической конференции «Север и дети» с докладами выступили: президент РААСН А. Рочегов; профессор Норман Прессман (университет Ватерлоо, Канада), главный архитектор Иркутской области В. Исаков, Роуз Мари Стейнвик (архитектурный центр Тромсе, Норвегия), главный архитектор Института проектирования городов В. Постнов, ректор Института полярных исследований и архитектуры М. Бартон (г. Вайтхас, Юкон, Канада) и другие.

Вспоминается, если не ошибаюсь, мастер-класс Роуз Мари Стейнвик, которая довольно продолжительное время при огромном,

заполненном разными специалистами зале рассказывала о маленькой перегородочке в школьном классе, которая могла бы положительно воздействовать на эмоциональную обстановку. При наших масштабах строительства тогда нам это казалось смешным.

В рамках форума состоялись экскурсии для гостей по городу, на Братскую ГЭС, на заводы, БЛПК и другие производства, а также неформальные встречи архитекторов Братска с коллегами из Москвы, Иркутска, Ангарска, США, Канады в мастерской «Аллегро», в том числе с А. Г. Рочеговым, и это было чрезвычайно интересно. Незабываемыми были и наши песни под гитарное сопровождение академика В. П. Постнова.

Наиболее значимым мероприятием 2001 года для БО САР стало проведение в сентябре 25-летия создания Братской ячейки Иркутской организации СА СССР. Юбилей стал прекрасным поводом для оживления интереса к делам Союза архитекторов и встречи с коллегами из других городов Иркутской области. В праздничных мероприятиях принимали участие делегации из городов Иркутска и Усть-Илимска, многие представители проектных организаций и предприятий города.

По случаю юбилея в адрес организации поступило много поздравлений, телеграмма от президента СА России Ю. П. Гнедовского. С оригинальными поздравлениями и концертной программой выступили иркутские гости (Н. Кузаков, Е. Григорьева, А. Колесников, А. Красильников, И. Дружинина).

Мероприятия включали в себя: выставку работ и материалов архитекторов – кандидатов в члены СА России; проведение праздника в молодежном клубе Galaxy; творческую встречу в архитектурной мастерской «Аллегро». Состоялись экскурсии: по Братску, на гору Пихтовую (горнолыжную и санную трассы), на Братскую ГЭС, прогулка на катере по Братскому водохранилищу, в этнографический музей «Ангарская деревня».

По результатам рассмотрения выставки, что происходило традиционно, решением правления организации в члены СА России было принято несколько архитекторов, в том числе из Усть-Илимска.

Возможно, это характерно только для таких небольших организаций, как наша, но любой интересный гость или событие воспринималось нами, да и сейчас тоже, как

замечательный повод для общения, застолья, выезда на природу... Нужен был только сигнал к сбору!

К примеру, в июне 2003 года правлением БО САР были организованы творческие мероприятия, приуроченные к визиту в Братск академика РААСН Ю. П. Бочарова, возглавлявшего государственную аттестационную комиссию в БрГТУ. Состоялись встречи, дискуссии Ю. П. Бочарова с архитектурной общественностью города в управлении архитектуры и градостроительства Департамента по строительству и архитектуре администрации города Братска, на Братском алюминиевом заводе и целлюлозно-картонном комбинате, в архитектурной мастерской «Аллегро» и на базе отдыха на Братском водохранилище. Организовано посещение мастерских художников С. М. Арбатского и Ю. А. Скобелкиной.

Весь этап функционирования Братской организации сопровождался самыми тесными и дружескими связями с коллективом ИРО САР, особенно в период председательства Е. И. Григорьевой, – от торжественного момента открытия нового Дома архитекторов до множества других событий, знакомства с ведущими архитекторами страны. Традиция продолжается и теперь: члены БО САР регулярно участвуют во всех значимых событиях ИРО САР.

В октябре 2005 года Братск посетила делегация ИРО САР в составе известных иркутских архитекторов Е. Григорьевой, В. Стегайло, И. Козака, И. Дружининой. Члены делегации приняли участие в творческом мероприятии, состоявшемся 7 октября 2005 года в Братском драматическом театре. Гости познакомились с застройкой Братска, посетили Братскую ГЭС (водопад), прогулялись на катере по Братскому водохранилищу, была организована встреча в персональной архитектурной мастерской «Аллегро». Запоминающимся для всех участников экскурсии (в связи с уникальным событием – ремонтом одного из агрегатов в турбинном зале Братской ГЭС) стал спуск по тоннелю-улитке на дно Братского водохранилища.

Особое место в работе БО САР занимает проведение ежегодного фестиваля «FREШЬ», постепенно ставшего главной площадкой, своеобразным отчетом о деятельности архитекторов города и в целом организации.

Правление БО САР совместно с комитетом по строительству,

архитектуре и ЖКХ администрации города Братска организовало проведение I фестиваля рекламы «FREШЬ», проходившего в декабре 2005 года в театральном-концертном центре «Братск-АРТ», посвященного 50-летию Братска, где представлялись работы архитекторов города. По инициативе председателя правления БОСАР программа фестиваля «FREШЬ» пополнилась архитектурной составляющей. «FREШЬ» впоследствии стал ежегодным фестивалем архитектуры, рекламы и дизайна.

В ноябре 2006 года проходил II фестиваль «FREШЬ», на котором (в связи с 30-летием Братской ячейки ИРО САР) совместно с БОСАР проводились праздничные мероприятия. Состоялись соответствующие награждения архитекторов. Работали выставки работ архитекторов А. Когана, В. Пуляева, В. Астраханцевой.

В ноябре 2007 года при проведении III фестиваля архитектуры, рекламы и дизайна «FREШЬ», проходившего в ТКЦ «Братск-АРТ», были проведены конкурсы творческих работ по 11 номинациям. В числе членов жюри – представители Международного института рекламы, руководители фирм «ORIENTAL

advertising group», «ENTER MEDIA», «Авангард Россия» (Москва). В рамках фестиваля главным архитектором города А. О. Бельковым проведена презентация по теме «Перспективы развития города. Градостроительство. Архитектура. Дизайн» с рассмотрением нового генерального плана Братска, при участии архитекторов, представителей СМИ, общественности города.

Кругозор архитекторов от общения, работы круглых столов, дискуссий с именитыми рекламистами страны только расширился. Интересная встреча с гостями состоялась в рамках программы фестиваля в кинотеатре «Чарли» с показом в режиме non-stop (до утра) рекламных роликов – мировых шедевров. Там же состоялись и все награждения победителей.

Фестивали всегда стимулировали деятельность архитекторов. Так и «FREШЬ», в котором задействовано большое количество молодежи – студентов и выпускников вузов, училищ, колледжей и др. Иногда их число достигало 200 человек. Полезными для них были и доклады об особенностях генплана города Братска, участие в дискуссии в образовательном проекте креативного

кампуса «Grand Prix Приангарья – 2009» в Братске.

Во время работы фестивалей «FREШЬ» проводились открытые собрания БО САР, на которых председатель правления и члены организации подробно информировали участников о текущей работе САР, РААСН, всемирных конгрессов МСА, ежегодного Международного фестиваля «Зодчество» в Москве и межрегионального фестиваля «Зодчество Восточной Сибири» в Иркутске. Отчеты сопровождались, как правило, видеорядом наиболее интересных событий и проектов.

Оргкомитетом фестиваля «FREШЬ» была рассмотрена и одобрена инициатива Братской организации СА России по разработке концепции благоустройства территорий города с размещением системы произведений монументально-декоративного искусства и рекламы. Такие фестивали проводились в течение 9 лет.

Традиционными стали празднования Всемирного дня архитектуры. Как правило, кроме выставок работ, обязательно организовываются встречи архитекторов, проектировщиков, где, помимо профессионального, официального обмена информацией, проводятся мероприятия

и в неформальной обстановке. Это бывало на базах отдыха, с выездом на остров, на природу, в ресторане «Тайга», в залах и ночном клубе ТКЦ «Братск АРТ», в мастерской «Аллегро» и др.

В течение прошедших десятилетий в работе городского Градостроительного совета принимали обязательное участие члены БО САР.

В последние годы количественный состав членов БО САР колеблется от 14 до 16. Очень ограничилось пополнение города архитектурными кадрами. Нет прежних стимулов для специалистов, молодежи, а основной костяк организации достиг пенсионного возраста на пять лет раньше иркутян (Братск приравнен к районам Крайнего Севера).

Тем не менее БО САР – единственная на территории Братска организация, сохранившаяся и функционирующая как творческий союз и фактически объединяющая всех проектировщиков города.

Безусловно, важной в становлении и деятельности БО САР была и остается теснейшая деловая, творческая и дружеская связь с коллективом ИРО САР. Мы ощущаем себя единым целым, нам есть чем дорожить и что вспомнить!

Виктория Астраханцева

в Пленум Союза архитекторов СССР в Красноярске.

Экскурсия на Красноярскую ГЭС. Среди участников Григорян (Армения), А. Г. Рочегов, Г. М. Орлов, И. Шишкина (Москва), А. И. Шегера (Чита), В. И. Колпиков, В. П. Шматов, С. М. Григорьев (Иркутск)

Эти три фото предоставил «Проекту Байкал» архитектор Алексей Иович Шегера. Он обращает наше внимание на неподдельный интерес руководителей государства к проблемам градостроительства и архитектуры в стране. После съезда вышло постановление партии и правительства о дальнейшем развитии промышленного строительства и порядке его согласований на местах. Стоял вопрос и о градостроительном осмыслении всяческой хозяйственной территориальной деятельности. Сейчас это назвали бы «градостроительной безопасностью». Возможно, при следовании этой линии жертв от нынешних стихийных бедствий, наводнений и пожаров удалось бы избежать. Сам Алексей Иович Шегера говорил с высокой трибуны съезда о том, что при этом проектные работы и по стоимости и по содержанию имели бы большую эффективность.

^ VIII съезд Союза архитекторов СССР, 1987 год. Москва, Колонный зал Дома Союзов.

В первом ряду президиума среди руководства Союза архитекторов СССР – А. Г. Рочегов, А. П. Кудрявцев, И. Воскресенский, Ю. П. Гнедовский, Б. П. Канцоне. Выше – члены Политбюро ЦК КПСС, в том числе секретарь ЦК КПСС Е. Лигачёв, председатель Совета министров СССР Н. И. Рыжков, секретарь ЦК КПСС М. М. Громыко, генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачёв, председатель Президиума Верховного Совета СССР Лукьянов, 1-й секретарь МГК КПСС Б. Н. Ельцин

> Среди делегатов съезда Путерман (Ленгипрогор), А. И. Шегера (Чита), П. Г. Зильберман, Т. П. Садовский (Ленинград)

В статье анонсируется цикл материалов об архитекторе А. П. Артюшкове, работавшем в Иркутске с 1894 по 1938 год, и о доме, который он проектировал для себя, в котором жил он сам, его дети и внуки.

Ключевые слова: архитектор Александр Петрович Артюшков, Иркутск, модерн. /

The article announces a selection of materials about the architect A. P. Artyushkov, who worked in Irkutsk from 1894 to 1938, and about the house designed by him, where he, his children and grandchildren lived.

Keywords: architect Alexander Petrovich Artyushkov, Irkutsk, modern.

Старинные фотографии из личного архива Аркадия Васильевича Скуратова, внучатого племянника А. П. Артюшкова

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДОМА Дом архитектора Артюшкова /

A STORY OF ONE HOUSE Architect Artyushkov's House

По воспоминаниям внучки архитектора, помимо хорошего дома у Артюшковых был свой выезд: летом ездили на коляске, зимой на кошевке – утепленных санях. Сейчас дворовое строение имеет не столь интересный фасад, гораздо более банальный, «гааражный». При восстановлении усадьбы стоило бы воссоздать и интересный облик надворной постройки.

В Иркутске на северном отрезке улицы Халтурина, сохранившей еще дух и патриархальность старого Иркутска, стоит дом, о котором многие мои коллеги-архитекторы и не знают. А между тем его проектировал и строил известный архитектор и инженер, один из основателей Иркутской организации Союза архитекторов Александр Петрович Артюшков. Личность просвещенным иркутянам хорошо известная. Артюшков многое сделал для города за 44 года служения ему – и как архитектор, и как общественный деятель. Его основные постройки сохранились, находятся в благополучном состоянии и продолжают служить Иркутску: в первую очередь это здание магазина «Детский мир» по ул. Урицкого, построенное в конце XIX века, когда улица носила название Пестеревской, а здание предназначалось для магазина Л. Б. Мерецкого («Иркипедия» дает иные сведения – усадьба Черняевой); корпуса дрожже-винокурного завода Ф. Ф. Кузнецова на ЦЭСовской набережной, здание общества взаимного страхования имуществ от огня, позднее перестроенное Б. М. Кербелем для детского кинотеатра «Пионер».

В первый раз я встретила фамилию Артюшкова лет в 17, когда приехала в Иркутск учиться на архитектора. Подпись под старинным витражом и сам витраж в стиле модерн на главной лестнице «Детского мира» запомнились как одно из первых впечатлений от Иркутска архитектурного. Гораздо позднее я узнала о том, что история появле-

ния витража, выполненного, как говорилось в надписи, во Франции, связана с выставкой, проходившей в Иркутске в начале XX века.

Известными в городе людьми были и сыновья Александра Петровича, об одном из них рассказывал на страницах нашего журнала Юрий Анатольевич Бержинский в специальном выпуске, посвященном истории Иркутскгражданпроекта. Анатолий Александрович Артюшков был первым главным инженером этого славного проектного института, а до 1964 года возглавлял отдел гражданского строительства Востсибгипрошахта.

В июле этого года привела меня в этот дом Елена Творогова, известный общественный деятель, создатель и руководитель благотворительного фонда «Возрождение земли Сибирской». Привела и познакомила с Гузель Гизятовой и замечательным сообществом, объединяющим группу активных иркутян и лабораторию «Театрика», благодаря которым некогда заброшенный дом живет полноценной активной жизнью.

Этой публикацией мы анонсируем цикл материалов об архитекторе А. П. Артюшкове и о доме, который он проектировал для себя, в котором жил он сам, его дети и внуки. О доме, который продолжал жить интересной и сложной жизнью и после того, как потомкам архитектора пришлось его оставить городу. О доме, судьба которого нам не безразлична.

Елена Григорьева /
Elena Grigoryeva

В статье рассказывается об архитектурном фестивале «Архбухта», организованном Клубом молодых архитекторов при поддержке Союза архитекторов России. Освещаются история, становление фестиваля и планы на будущее.
Ключевые слова: Архбухта, БУХАрт, архитектурный фестиваль, Байкал, молодые архитекторы.

The article describes the Architectural Festival “Arkhubkhta” organized by the Club of Young Architects with the support of the Union of Architects of Russia. It features the history, establishment and plans of the Festival.

Keywords: Arkhubkhta; BUKHART; architectural festival; Baikal; young architects.

2014

БУХАРТ – АРХБУХТА: 10 лет / BUKHART – ARKHBUKHTA: 10 Years

В 2006 году при ИРО САР организован Клуб молодых архитекторов «Кандидаты в мастера архитектуры» с целью расширения информационного поля и общения архитектурной молодежи – обсуждения проблем архитектуры, дизайна, градостроительства. Среди разнообразных акций, мастер-классов, воркшопов, организованных КМА и ожививших творческую жизнь города, наиболее успешными стали фотоконкурс «Один день» и чемпионат по интеграции с природой «БУХАрт», который за семь лет своего существования стал чрезвычайно популярным, собрал на льду Байкала сотни участников из разных городов России и получил награды на всевозможных выставках. Преемником чемпионата БУХАрт стал фестиваль архитектурного искусства «Архбухта».

2009

72 участника. Фестиваль создала команда Клуба молодых архитекторов Иркутска при поддержке Союза архитекторов России. С тех пор фестиваль развивался и набирал обороты. За семь лет своего существования «БУХАрт» получил огромное количество наград на всероссийских выставках и дал мощный толчок развитию молодых архитекторов. Творческая площадка нашего города объединила более 1000 участников и гостей: это молодые архитекторы, дизайнеры, специалисты по рекламе, журналисты, критики, фотографы из разных городов России. За все годы в фестивале принимали участие команды из Москвы, Новосибирска, Красноярска, Владивостока, Читы, Иркутска, Улан-Удэ и других городов.

ЕГ

Фестиваль «Архбухта» – творческое продолжение нашумевшего архитектурного чемпионата по интеграции с природой «БУХАрт», созданного с целью реализации впечатляющих проектов, возведения пространственных композиций в рамках предложенной концепции.
 История фестиваля началась в 2007 году, когда был организован 1-й «БУХАрт», собравший

В 2014 году организаторы решили поэкспериментировать и вдох-

2007

2008

2010

2014

нуть новую жизнь в традиционный чемпионат. Фестиваль получил новый облик и новое название – «Архбухта». Цель этих изменений – стремление к повышению уровня инсталляций, расширение

информационного поля и развитие навыков участников, диалог с администрацией и жителями нашего города. Безусловно, это лишь часть целей и задач, которые организаторы поставили перед собой, и как

показал эксперимент, курс выбран верно.

«Архбухта. Эксперимент – 2014» прошел на 21-м км Байкальского тракта, на берегу залива Иркутского водохранилища, и собрал более сотни участников из 13 команд, море улыбок и позитива. Четыре дня упорной работы и драйва не прошли бесцельно. Экспертное жюри отметило сильнейшие инсталляции, которые впоследствии заняли свое место на территории Иркутска. Именно «выход в город» и связь с горожанами стали новым шагом в развитии фестиваля, его отличительной чертой.

В 2015 году фестиваль архитектурного искусства «Архбухта. Погружение» встретил участников лучами байкальского солнца на ледовых просторах кемпинг-отеля «Ёлочка». Подобные живописные пейзажи тут же улавливаются кистью художника или пером поэта, а в нашем случае вдохновляют команды и служат незаменимым фоном для инсталляций. В этом году на творческой площадке организаторы приветствовали 14 команд – от второкурсников до представителей городской администрации. Фестиваль прошел в уютной дружеской атмосфере, чему способствовали насыщенная развлекательная программа.

Мероприятия фестиваля, включающие возведение рукотворных объектов, также были направлены на всестороннее развитие и взаимодействие участников. По приезду команды презентовали и защищали свои домашние работы, с юмором,

видеороликами и театральными номерами. Такая практика помогает ребятам раскрыть новые грани своих талантов.

В последующие дни утренние зарядки перетекали в тематические лекции от гостей, участников и организаторов фестиваля (говорили об архитектуре и ее современном воплощении, о стартапах и реализации архитектурных навыков в действии, об эффективных коммуникациях и психологии человека XXI века). Развлекательная часть включала спортивные состязания и квесты, музыкальные вечера под аккорды гитары. В один из вечеров команда Клуба молодых архитекторов провела архитектурный «Заварник» – традиционное пятничное мероприятие. В этот раз оно было посвящено истории иркутского фестиваля (участники делились запоминающимися моментами и собственными впечатлениями) и фестивалям международного уровня, проводимым в других городах и странах.

В 2015 году организаторы предложили участникам ПОГРУЗИТЬСЯ В СТИХИИ, такие разные, изменчивые, непредсказуемые, стремительные. Это первооснова мира, это составляющие нашей матушки-природы, ее сила и мощь, награда и наказание. Стихии всегда привлекали поэтов и писателей, живописцев и рисовальщиков. Организаторы надеялись, что и участники фестиваля проникнутся философией стихий, ПОГРУЗЯТСЯ в них с головой и вдохновятся на создание интересных творческих работ.

2011

2012

2013

2014

2014

Каждая команда должна была выбрать одну из четырех стихий – землю, воздух, огонь, воду – и воплотить свою концептуальную идею в инсталляции, имеющей конструктивную основу и выполненную из природных материалов. И участники настолько погрузились в тему фестиваля, что компетентное жюри, прежде чем определить чемпионов и вынести вердикт, изрядно подискутировало. Высокий уровень инсталляций и концепций команд заставил судей не ограничиваться призовыми местами и наградить поощрительными дипломами еще три команды.

Призерами фестиваля стали: студенты 2-го курса, участники команды «Мамба», занявшие достойное третье место с инсталляцией «Наедине с собой»; команда «Lux Aeterna» с инсталляцией «Точка» – на втором месте. Первое место завоевала одна из самых опытных и креативных команд фестиваля – «Поп-корн», инсталляция которых, парящая в воздухе, приковывала взгляды участников, гостей и жюри.

Поощрительными дипломами были награждены команды «ProStore», «NEGRA», «Ёмуль». Гран-при фестиваля получила команда «Викинги».

Инсталляции, построенные на фестивале, снова попали на улицы нашего города и стали призерами архитектурных конкурсов и чемпионатов всероссийского уровня.

В 2016 году ожидается самый жаркий фестиваль – 10-й, юбилейный! Организаторы настроены вложить все силы, знания и опыт,

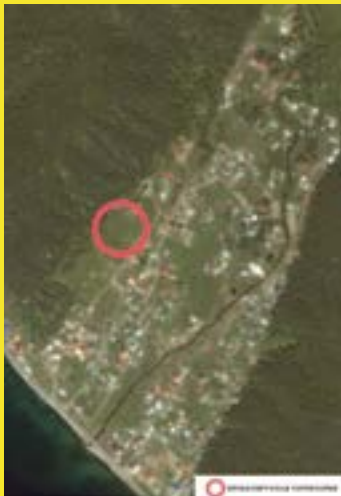
2015

чтобы сделать его незабываемым. «АрхБухта – 2016» традиционно пройдет в марте, на берегу Байкала и порадует своих гостей неповторимой атмосферой праздника!

Организаторы выражают особую благодарность постоянным спонсорам фестиваля: строительной компании «Главстройпроект», производственной компании «ZontCard», дизайн-студии «Цепелин», салону домашнего уюта «Мак», звукопрокатной компании «StudioJack-Jack» и торгово-выставочному пространству «Галерея Революция».

**Дарья Кремлёва /
Darya Kremlyova
Валентина Казакова /
Valentina Kazakova**

^ Схема функционального зонирования

^ Схема озеленения

^ Транспортно-пешеходная схема

Блокированный жилой комплекс в поселке Листвянка / Integrated Housing Development in Listvyanka Settlement

Генеральный план отражает основную идею проекта. Дороги расположены так, чтобы для транспорта уклон при подъеме был минимальным. Северная часть комплекса предназначена только для пешеходов и имеет свою собственную автостоянку. Дома спроектированы вдоль горизонталей рельефа и вдоль дорог, что сделает их легко возводимыми. В центре композиции находится небольшой парк, доступный для каждого жилого блока. Имеются и небольшие рекреационные территории по всему комплексу, пешеходные дорожки связывают между собой весь комплекс. Все это делает его комфортным для проживания и времяпрепровождения жителей.

Проектом предусмотрено максимально возможное сохранение естественного природного ландшафта, поддержание экологического равновесия на территории комплекса, а также обеспечение

безопасности жителей. Создано искусственное изменение рельефа для стабилизации процессов скольжения, сдвигов, течения и осыпей грунта.

Согласно трем вариантам планировки блокированного жилья дома предназначены как для постоянного, так и для временного проживания. Первый вариант предусматривает наличие гаража, комнаты более просторны, две спальни с санузлами, одну из которых можно будет сдавать. Второй вариант без гаража, в блоке три комнаты. Третий вариант самый экономный: в трехэтажном жилом блоке размещено четыре квартиры, каждая из которых имеет собственную спальню, кухню-столовую, санузел и другие помещения.

Конструктивное решение и выбор строительных материалов связаны с применением монолитных технологий. Это делает проект жилого комплекса

пригодным для строительства в районе с повышенной сейсмической активностью.

Из-за того что дома частично зарыты в грунте, к их тепло- и гидроизоляции предъявляются особые требования, соблюдение которых позволит избежать образования на стенах протечек и конденсата. Кроме того, дом оборудован системой приточно-вытяжной вентиляции.

Строительство на высокой точке поможет в решении проблемы водоотведения, которая на участках с ровной поверхностью весьма распространена. Благодаря линейному поверхностному дренажу можно благополучно отвести воду, стекающую со склона к основанию дома.

Индивидуальность и эстетическая выразительность жилого комплекса связаны с использованием свойств рельефа. Природный рельеф и естественное окружение стали исходными условиями для создания проекта.

Объемно-планировочное решение архитектурного комплекса имеет следующие особенности:

1. Гармоничное сочетание с природным рельефом.
2. Сохранение природных территорий, предполагающее ограниченное включение архитектурных объектов в окружающую среду.
3. Универсальность размещения на рельефе, что позволяет использовать под застройку непригодные территории (для размещения надземных зданий).
4. Устойчивость к влиянию окружающей среды (защита от воздействия воздушных потоков, осадков, перегрева или переохлаждения, сохранение равномерного теплового режима).
5. Размещение построек жилого комплекса на разных отметках (благодаря уклону), без закрытия обзора или затенения, что влияет на естественное освещение и инсоляцию.

Иван Пикнов / Ivan Píknov

дипломный проект

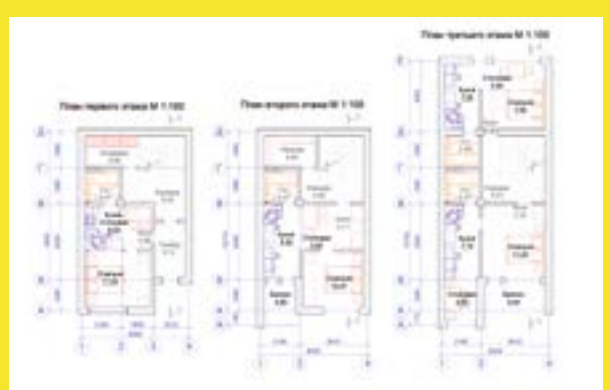
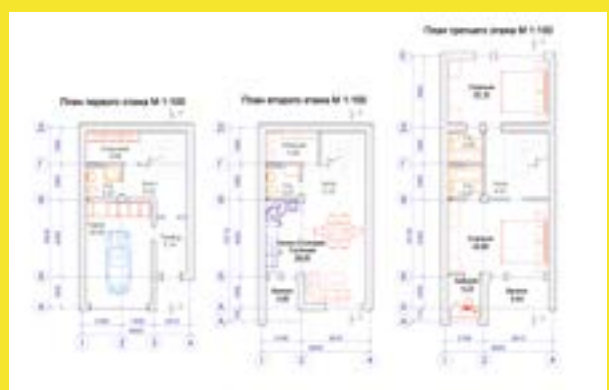
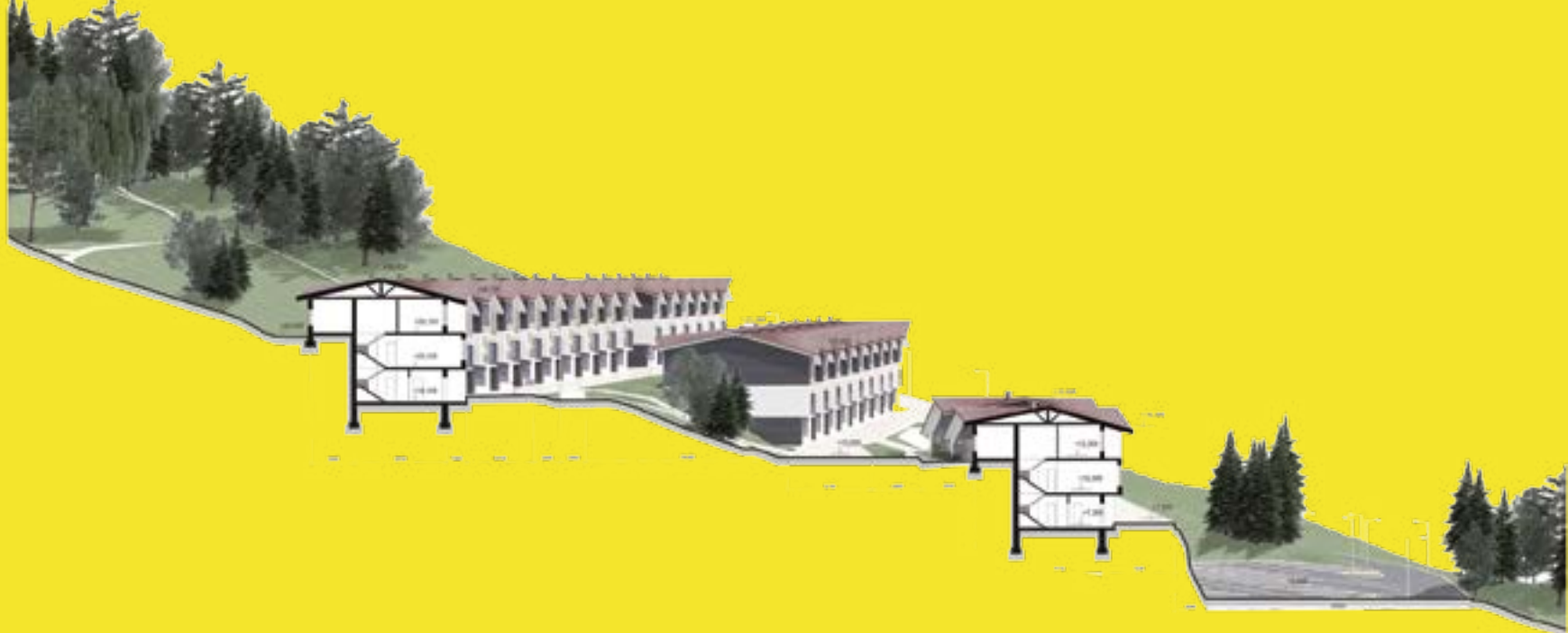
автор проекта

студент Института архитектуры и строительства ИРНИТУ Иван Пикнов

руководитель проекта

А. С. Иванова

Лыжно-биатлонный комплекс в районе горы Соболиной / Ski-and-Biathlon Complex at Sobolinaya Mountain

дипломный проект

автор проекта

студентка Института архитектуры и
строительства ИРНИТУ
Вероника Лихачева

руководитель проекта

А. С. Иванова

Проектирование и строительство тренировочного центра олимпийского резерва по зимним видам спорта в Байкальске включено в федеральную адресную инвестиционную программу на 2016–2018 годы по поручению Правительства Российской Федерации. Этим определена актуальность темы дипломного проекта как для Байкальского региона, так и для всей страны в целом.

Главная цель проекта – создание условий и базы для развития спортсменов олимпийского резерва, с тем чтобы поднять на новый уровень выступления биатлонистов и лыжников на общероссийской и мировой арене.

Байкальск более других территорий России приближен к условиям города Пхёнчхана Республики Корея, где в 2018 году пройдут XXIII зимние Олимпийские игры. Центр, с использованием инфраструктуры действующих и проектируемых курортов «Гора Соболиная» «Харлахта», «Мангутай», позволит готовить спортсменов по биатлону, лыжным гонкам, горнолыжному спорту, фристайлу и сноуборду.

В Байкальске популярным местом активного отдыха жителей Иркутской области является крупнейший в регионе горнолыжный курорт – «Гора Соболиная». Склоны горы предназначены как для массового, так и для спортив-

ного катания. Сертифицированные трассы позволяют проводить соревнования как регионального, так и всероссийского уровня. Обилие снега зимой и продолжительность его залегания, а также количество солнечных дней и мягкий климат – хорошие предпосылки развития здесь зимних видов спорта. Также высокую рекреационную привлекательность района создают озеро Байкал и его горное обрамление со множеством рек и малых озер и уникальной растительностью.

Главные задачи проектирования – приспособление территории для специализированного занятия спортом (лыжные гонки, биатлон); создание дополнительных рабочих мест для населения; организованное функциональное зонирование территории, удовлетворяющее экологическим требованиям; содействие экономическому развитию региона.

Проектируемый лыжно-биатлонный комплекс рассчитан на проведение соревнований для 300 спортсменов из 25 команд и 2700 зрителей. Комплекс позволит проводить соревнования всероссийского уровня и учебно-тренировочные сборы региональных центров. Кроме того, комплекс рассчитан на любителей лыжного спорта и будет оборудован прокатом лыжного инвентаря на 600 пар лыж.

Инфраструктура комплекса

v Визуализация блокированного дома

включает следующие объекты:

- здание гостиницы для гостей и спортсменов;
- блокированные домики для командного проживания спортсменов;
- основное административно-спортивное здание комплекса (учебный 50-метровый стрелковый тир на пять стрелковых рубежей, прокат лыжного инвентаря, кафе на 100 мест, универсальный спортивный и тренажерный залы, зал для игры в настольный теннис, раздевалки для спортивных команд, администрация комплекса);
- судейское здание (допинг-центр, пресс-центр, тайминг, секретариат соревнований, комментаторская, дикторская);
- здание для подготовки лыж и хранения снаряжения (25 вакс-кабин);
- гараж для специализированной техники (для хранения двух ратраков, четырех снегоходов, снеговых пушек);
- трибуны для зрителей на 2700 мест (с подтрибунным пространством для санузлов и продажи сувенирной продукции);
- полузакрытое стрельбище на 30 мишенных установок;
- асфальтированная лыжероллерная трасса (5 км);
- лыжные и биатлонная трассы (1 км, 1,7 км, 1,8 км, 2,5 км, 3,3 км, 3,75 км, 4 км, 5 км);

- два видеотабло;
- искусственный водоем для снегообразования, резервуара воды для противопожарных мероприятий.

Объекты жилой зоны отделаны натуральным камнем, штукатуркой и деревянной панелью, имитирующей брус. Цвета выбраны теплые, древесных оттенков - для создания благоприятной, комфортной среды проживания. Для объектов административной и спортивной зон выбраны цвета более строгие и холодные, синих оттенков с акцентами бирюзового цвета на витражном остеклении.

Следует отметить четкое выстраивание композиционного вектора между лыжно-биатлонным комплексом и сформировавшейся прилегающей территорией с развитием жилой, административной, спортивной, рекреационной зон вокруг него. Основные акценты работы связаны с соединением функциональной особенности лыжно-биатлонного комплекса и композиционного соответствия объемов зданий естественной природной среде.

**Вероника Лихачева /
Veronica Likhacheva**

> Визуализация административно-спортивного здания

Юго-западный фасад административно-спортивного здания

К семантике этнической архитектуры Прибайкалья / Under the Semantics of Ethnic Architecture of Pribaikalie

дипломный проект

Интерпретация этнических традиций народов Прибайкалья в формировании жилой среды

автор проекта

студентка Института архитектуры и строительства ИРНИТУ
Дарья Кулеш

руководитель проекта

Е. В. Хохрин

Исследуется традиционная этническая архитектура Прибайкалья, воссоздающая вековые мирозерцательные устои и являющаяся первоэлементом архаической культуры.

Ключевые слова: архаическая модель мироздания, мифопоэтический эпос, поэтика пространства, архитектурная семантика, этническая архитектура, традиционное жилище. /

The article studies traditional ethnic architecture of Pribaikalie, which recreates age-old world views and acts as a primary element of archaic culture.

Keywords: archaic model of the universe; mythopoetic epic; poetics of the space; architectural semantics; ethnic architecture; traditional dwelling.

В старых полевых очерках ученых, путешествующих по Прибайкалью, бывает, встречаются строки, которые не устаешь прочитывать вновь и вновь. В одном таком историко-этнографическом повествовании попутно пересказывались слова сибирского старца, живущего в восьмистенном аиле в горах: «Так и живу, действительность со всех сторон проходит через мой аил». И в этой фразе такая проникновенность и простота. Человек живет, раздумывая о мире, исполненном смысла: и о своем невеликом, восьмистенном жилище с горячим очагом, и о том необъятном, что начинается за горным перевалом. Встречая в книге такие истины, читатель склонен перелистывать страницы, задумываясь о сложной соотношенности человека этнической культуры и его мирозерцательных взглядов. И думается, что не так далеко, там, у побережья Байкала, начинается иная действительность, где тебя не оставляет чувство, что время здесь течет дву-

мя нескрещивающимися потоками: выше обветшалых домов деревень и сел, выше горных хребтов, обрамляющих озеро, плывет вечное синее небо из древних легенд.

Связь человека и его жилища с местом обитания несомненна, но таинственна. Она представлена известным с античной древности *genius loci* – гением места – как сакральным первоэлементом архитектурного целого. Но прежде чем приступить к изучению такого «места», как озеро Байкал, необходимо овладеть не только этнографическим материалом, но и идейным инструментарием, ведущим к пониманию и переживанию безмерности смысла, являемого здесь мифопоэтически, символически и отчасти архитектонически.

В лирическом вступлении названы основные представления, стоявшие у истоков будущего исследования. Мы надеялись рассмотреть образы пространства, повествующие о том, что этническая архитектура является истинным воспроиз-

ведением смысла и представляет некую древнюю мифопоэтическую модель мира. Ведь именно эта архитектура склонна к проявлению образов, преодолевающих и превышающих ее, пробужденных душой человека, преданного безграничным грезам природных стихий. Так, для изучения истинной ценности архитектурного пространства было выбрано традиционное жилище, вероятно представляющее собой совершенно особое образное целое, ибо Дом – это наш первомир. И разве не прекрасна архитектура жилища, пусть и скромного, но увиденного сквозь призму души древнего грезовидца?

Так, целью намеченной работы становится выявление интерпретаций архаического образа мироздания в архитектуре традиционного жилища народов Прибайкалья. В дополнение к названной цели возникает ряд взаимообусловленных задач:

1. Изучение мифопоэтического преобразования пространства на

основании источников, повествующих о сложении архаического миропонимания у народов Прибайкалья, с последующей реконструкцией модели мироздания.

2. Выявление этнических особенностей обустройства жизненного пространства; изучение обрядов и обычаев, сопутствующих основанию поселений и возведению традиционных жилищ.

3. Классификация построек каркасной и срубной этнической архитектуры, семантическое исследование структурных элементов жилого пространства в контексте архаических представлений о модели мироздания.

4. Выявление путей интерпретации этнических мировоззренческих представлений в формировании жизненного пространства народов Прибайкалья: на уровне структуры поселения, архитектуры и интерьера традиционного жилища.

Выполнение первой задачи было связано с изучением мифопоэтического эпоса народов Сибири: устных сказаний и поверий, величественных повествований, воспевающих героев древности. В дальнейшем исследование дополнилось пониманием семантики старинных графических образов, воспроизведенных в петроглифах сибирских писаниц, в тамговых и орнаментальных знаках, имеющих

древнее происхождение и становящихся ключами к первоначальному, забвенному смыслу произведений народного искусства. С течением времени стихи величальных песен и созерцаемые знаки окаменелых летописей стали зерном, из которого возшло понимание чарующего, иллюзорного мира, возникшего в мифопоэтических видениях древних. И как хороши были эти видения! Там семь старцев мерцающего северного созвездия Медведицы почитались как древние духи, и полудночный небесный навес, словно купол смиренного жилища, вздымался ввысь к дымовому отверстию – пылающей Полярной звезде. Там распаленное марево мира земного взвивалось к рдеющему зареву мира небесного, и люди ворожили счастье, воздевая к восходящему солнцу чаши, полные вина.

Дальнейшее изучение архаического миропонимания было преисполнено чувством, что каждое произносимое имя, изведавшее упоение легендой, каждый изумляющий образ, каждый созерцаемый знак – все ощущается как побуждение к архитектурной грезе. И встречая описания древней мифопоэтической модели мира, тающие в себе проникновенность истинного грезящего и мыслящего слова, понаитию чувствуешь, что мироздание будто говорит архитектурным

языком или архитектурой – языком мироздания.

Так, узловыми в изложении модели мира оказываются идеи, повествующие о том, что пространство обитания, обретенного незыблемого убежища соприкасается с пространством неизведанным и чуждым. И потому особую ценность имеет древнее иеротопическое действие, опережающее возведение жилища и понимаемое как созидание космизированного пространства в особо отмеченной точке мира. Человек этнической культуры останавливается в этой сакрализованной точке, разделяющей первоначальное пространство на мир небесный, земной и подземный, открывающей пути к восхождению вверх или сошествию вниз. И эта вертикальность – не метафора; это ось, взвивающаяся линия, сводящая предельно далекие миры.

Безусловно, эти описания иносказательны, но их смысл проявляется, стоит лишь прислушаться к ним как к урокам поэтики пространства, дарующей архитектурному произведению неземную, опозитизированную жизнь в телесном мире. Так, мифическая ось мира воссоздается в образе очага и летучего дыма – пушечной стрелы, что оттолкнулась от земной тетивы и скользнула вдоль гнутой дуги неба. Потому и небесный лазоревый шатер равня-

ется с юртовым навершием, расшиваемым «птичьими», крылатыми орнаментами. Потому и подземные воды нижнего мира отождествляются с сизым окаймлением войлочной юрты, устилаемым волновыми, змейчатыми узорами. Разумеется, эти образы – малая доля того, что было прочитано и изучено. Но именно такие интерпретации дают почувствовать волю к созерцанию мира звучащего, иллюзорного по эту сторону мира осязаемого, но безгласного.

Со временем, наверное, станет вероятным подведение черты под изучением этнического образа мироздания, воссозданного в архитектуре народов Прибайкалья. И в продолжение возникнет мысль о том, что выявленные смыслы и семантические прочтения этнического архитектурного пространства представляются взору истинным краугольным камнем будущей региональной архитектуры Прибайкалья. Архитектуры, созвучной грядущей эпохе, становящейся эссенцией созерцаемого мира и отзывающейся велегласным эхом прежних времен. И пусть для мыслящего человека, далекого от мироздательной философии древности, такое будущее архитектуры – не более чем мираж. Но, согласитесь, мираж чарующий.

Дарья Кулеш / Darya Kulesh

Представлен новый выпуск серии мини-книжек о культуре, традициях и обычаях народов Прибайкалья «Мы живем вокруг Байкала», выпускаемой Иркутской областной детской библиотекой им. Марка Сергеева. Выпуск посвящен истории появления русских в Восточной Сибири, их культуре, традициям, семейному быту.

Ключевые слова: Сибирь, русские, первопроходцы, коренные народы, традиции и обычаи. /

It is a new issue of the series of mini-books about culture, traditions and customs of the inhabitants of Pribaikalie - "We Live around Lake Baikal" - published by the Irkutsk Regional Children's Library named after Mark Sergeev. The issue is about the emergence of Russians in Eastern Siberia, their culture, traditions and family life.

Keywords: Siberia; Russians; explorers; indigenous people; traditions and customs.

< Русские в Сибири: культура, традиции, обычаи / сост. Е. Шульгина; худож. Сергей Григорьев. – Иркутск: Изд. обл. дет. б-ки им. Марка Сергеева, 2015. – 64 с. : цв. ил. – (Мы живем вокруг Байкала).

1. Подробнее о предыдущих выпусках серии «Мы живем вокруг Байкала» см.: Бражникова И. Мы живем вокруг Байкала // Проект Байкал. 2010. № 24. С. 75; Детская книжка о тофах // Проект Байкал. 2011. № 28. С. 150

Мы живем вокруг Байкала: русские в Сибири / We Live around Lake Baikal: Russians in Siberia

Мы продолжаем представлять серию мини-книжек о культуре, традициях и обычаях народов Прибайкалья «Мы живем вокруг Байкала». Серия выпускается Иркутской областной детской библиотекой им. Марка Сергеева в рамках издательского проекта «Диалог детей через диалог культур». Первые три выпуска были посвящены коренным народам Прибайкалья – бурятам, эвенкам и тофаларам¹.

И вот в серии очередное пополнение. В свет вышла книжка о культуре и быте русских, которые пришли в Восточную Сибирь в начале XVII столетия и уже несколько веков обустроивают этот суровый край в содружестве с другими народами. Автору-составителю Елене Шульгиной удалось создать книжку, которая, несомненно, понравится и взрослым, и детям, которую можно читать всей семьей. Превосходно иллюстрированное издание содержит познавательный материал, раскрывающий разные стороны жизни русских первопроходцев и поселенцев.

Юных читателей ждет увлекательный рассказ об истории

появления русских в Сибири.

Они узнают о знаменитом походе казачьего атамана Ермака Тимофеевича, проложившего путь в эту нающую страну. Каким он был, этот путь, что ждало первопроходцев в краю вековой тайги, как встретили их коренные народы – об этом можно прочесть в главах «Но мы, государь, одолели Сибирь!..» и «И застучали топоры». Отдельная глава – «И вырос город величавый...» – посвящена истории Иркутска, из небольшого острого поселения выросшего в один из крупнейших торговых, административных и культурных центров России.

На каждой странице ребят ждут маленькие открытия, из которых в итоге и складывается представление о той грандиозной роли, которую сыграл русский народ в освоении Сибири. Первопроходцы принесли с собой традиционные занятия, семейно-родственные отношения, общинную организацию жизни и, конечно, пра-вославную веру. Из главы «Сибирь православная» ребята узнают о том, что долгое время Иркутск был важнейшим религиозным центром Российской

империи, и связано это было с деятельностью епископа Иннокентия (Кульчицкого), а также о том, что иркутские храмы – Спасская церковь и Богоявленский собор, построенные в первой четверти XVIII столетия, – одни из первых каменных сооружений Иркутска.

Глава «Русский дом на сибирской земле» позволит заглянуть в Сибирь XVIII столетия и узнать, каким был дом первопоселенца и благодаря чему жилище дарило тепло зимой и прохладу летом. Красочные иллюстрации помогут увидеть внутреннее пространство дома, сердцем которого была русская печь. Юным читателям также будет интересно узнать, как одевались и что ели русские поселенцы, что было традиционным, а что они позаимствовали у коренных народов. Познавательной окажется и глава, посвященная занятиям русских поселенцев, среди которых были казаки, стрельцы, печники, кузнецы, каменщики, иконописцы, резчики по дереву, а также глава о русских обычаях и традициях. Одна из таких традиций – сильные соседские

связи: в одиночку выжить было невозможно. Всем миром корчевали тайгу, сеяли, жали, косили, сообща убирали урожай.

Знакомая с фольклором русских в Сибири, ребята прочтут сказку «Савраска и тигр», из которой узнают, почему в этих краях нет тигров. А подробное описание русских народных игр позволит окунуться в мир детства наших предков и понять, что народные игры не только развлекают, но и учат быть ловкими, сообразительными и внимательными.

Любопытным дополнением к тексту служит небольшой список слов русских старожилов Сибири. Интересно, что русские называли бурят братскими, а потомком смешанных браков русских и бурят, русских и эвенков – гуранами. Появились новые слова и для обозначения видов одежды и обуви, позаимствованных у местных народов: «ичиги», «камасы» и др.

Книгу «Русские в Сибири», как и предыдущие выпуски серии «Мы живем вокруг Байкала», оформил иркутский художник Сергей Григорьев, во многом благодаря которому серия популярна у читателей и узнаваема.

Мы надеемся, что выпуск, посвященный истории появления русских в Сибири, их культуре, традициям и обычаям, будет так же востребован читателями, как и другие книжки этой серии, цель которой – помочь ребятам лучше узнать и понять друг друга.

Инеcса Бражникова / Inessa Brazhnikova

Буряты: культура, традиции, обычаи / сост. Е. Шульгина; худож. Сергей Григорьев. – Иркутск: Изд. обл. дет. б-ки им. Марка Сергеева, 2008. – 40 с. : цв. ил. – (Мы живем вокруг Байкала).

Эвенки: культура, традиции, обычаи / сост. Е. Шульгина; худож. Сергей Григорьев. – Иркутск: Изд. обл. дет. б-ки им. Марка Сергеева, 2009. – 46 с. : цв. ил. – (Мы живем вокруг Байкала).

Тофалары: культура, традиции, обычаи / сост. Е. Шульгина; худож. Сергей Григорьев. – Иркутск: Изд. обл. дет. б-ки им. Марка Сергеева, 2010. – 52 с. : цв. ил. – (Мы живем вокруг Байкала).

Фестиваль «Зодчество Восточной Сибири» был учрежден Иркутской организацией Союза архитекторов России на стыке тысячелетий. Первый фестиваль состоялся в 2001 году в Сибэкспоцентре и практически сразу получил широкий резонанс среди архитектурной общественности и в Сибири, и в стране. С годами фестиваль «Зодчество Восточной Сибири» вошел в число важнейших ежегодных архитектурных событий России. В программе фестиваля проводятся смотр-конкурсы лучших архитектурных произведений по 15 номинациям. Участие принимают архитекторы Восточной Сибири (города Иркутск, Ангарск, Братск, Чита, Красноярск, республики Бурятия, Тыва, Хакасия, Усть-Ордынский и Агинский бурятские национальные округа), с 2007 года к ним присоединяются архитекторы Западной Сибири (Омск и Барнаул). Экскурсии по городу получили название «авторский надзор», потому что проводят их авторы новых объектов, а это добавляет интереса и у коллег, и у журналистов. Самые актуальные темы обсуждаются в Дискуссионном клубе с приглашением авторитетных экспертов – за круглым столом Дома архитекторов делились своим мнением Александр Раппапорт, Ольга Вендина, Леонид Коган, Александр Высоковский, Александр Гимельштейн, Андрей Кафтанов, Михаил Рожанский, Андрей Иванов, Дмитрий Фесенко, Анна Сирина, Антон Финогенов. Особой популярностью пользуются мастер-классы выдающихся российских архитекторов. За пятнадцать лет благодаря фестивалю его участники встретились со столичными мастерами архитектуры Юрием Гнедовским, Александром Асадовым, Сергеем Киселевым, Александром Скоканом, Алексеем Бавыкиным, Владимиром Плоткиным, Андреем Савиным, Андреем Чельцовым, Александрой Павловой, Сергеем Скуратовым, Никитой Явейном, Тотаном Кузенбаевым, Михаилом Мамошиным, Юрием Земцовым, Андреем Боковым, сибиряками Игорем Поповским, Алексеем Мякотой, Петром Анисифоровым, Александром Дерингом. Фестиваль ЗВС рассматривается организаторами как этап подготовки к международному фестивалю «Зодчество» в Москве.

Елена Григорьева

И Р К У Т С К

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
АРХИТЕКТУРНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ

2015

ЗОДЧЕСТВО
ВОСТОЧНОЙ
С И Б И Р И

XV межрегиональный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири – 2015»

Спонсоры

ОАО «Сибвиастрой», генеральный директор Волков Антон Юрьевич
ЗАО «УК «ВостСибСтрой», генеральный директор Ильичев Виктор Геннадьевич
ООО «Гранд-Строй», генеральный директор Прядко Екатерина Григорьевна
ООО «ФСК «Дом-строй», директор Красноштанов Алексей Николаевич
ООО «БОТАНИК», директор Пермитин Александр Владимирович
ООО «СТБ ПРОЕКТ», генеральный директор Белопольский Андрей Владимирович
ООО «СПМК-7», директор Ерохин Александр Николаевич
ООО ТПО «Иркутскархпроект», директор Урлапова Галина Васильевна

ЗАО проектно-изыскательский институт «ГорПроект», генеральный директор Кузаков Дмитрий Николаевич
СРО НП БОАИИ, президент Макаров Андрей Юрьевич
СРО НП «БайкалРегионПроект», председатель Готовский Иван Сергеевич
ООО «Компания Металл Профиль», руководитель ОП Шумаков Евгений Алексеевич
Компания «Палл-Норд», председатель совета директоров Лиходиевская Татьяна Викторовна

ОРГАНИЗАТОРЫ ФЕСТИВАЛЯ

Министерство культуры и архивов Иркутской области,
Иркутская региональная организация Союза архитекторов России,
Восточно-Сибирский научно-творческий центр Российской академии архитектуры и строительных наук

Состав жюри

Раздел «Постройки» и «Мастерские»

Председатель

Астраханцева Виктория Вагановна, заслуженный архитектор России, советник Российской академии архитектуры и строительных наук, председатель правления Братской организации Союза архитекторов России

Заместитель председателя

Жуковский Николай Леонидович, Иркутск, член СА России, генеральный директор ООО «Архитектурная фирма Н. Жуковского»

Секретарь

Елаго Надежда Владимировна, Иркутск, член СА России

Члены жюри

Григорьев Станислав Михайлович, Иркутск, член СА России, генеральный директор ООО «Персональная творческая архитектурная мастерская «А»

Александров Сергей Анатольевич, член правления ИРО САР, зам. начальника управления – начальник отдела территориального планирования Управления архитектуры и градостроительства Комитета по градостроительной политике администрации г. Иркутска

Протасова Екатерина Васильевна, член правления ИРО САР, директор ООО «ППМ «Мастер-План»

Большаков Андрей Геннадьевич, член СА России, доктор архитектуры, профессор, зав. кафедрой архитектурного проектирования ИРНТУ

Раздел «Проекты»

Председатель

Козак Игорь Владимирович, Иркутск, председатель правления Иркутской региональной организации САР, генеральный директор архитектурной мастерской «Перспектива+»

Заместитель председателя

Чумаков Сергей Андреевич, член правления ИРО САР

Секретарь

Куцакова Олеся Юрьевна, Иркутск, член СА России, главный архитектор градостроительной мастерской «Линия»

Члены жюри

Дружинина Инна Евгеньевна, член правления ИРО САР, доцент кафедры архитектурного проектирования ИРНТУ

Кондратьева Инна Анатольевна, начальник Управления архитектуры и градостроительства Комитета по градостроительной политике администрации г. Иркутска – главный архитектор города

Самойленко Ирина Борисовна, Владивосток, член правления Приморской организации САР, советник РААСН, главный архитектор мастерской территориального планирования ОАО «Приморгражданпроект»

Усов Олег Георгиевич, член СА России, главный архитектор г. Усолье-Сибирского

И Р К У Т С К

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
АРХИТЕКТУРНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ

2015

ЗОДЧЕСТВО
ВОСТОЧНОЙ
С И Б И Р И

Раздел «Пропаганда архитектуры»

Председатель

Прокудин Александр Николаевич,
доцент кафедры истории архитектуры и
основ проектирования ИРНИТУ, канди-
дат исторических наук

Заместитель председателя

Меерович Марк Григорьевич,
доктор исторических наук, кандидат
архитектуры, профессор ИРНИТУ, член
СА России, член Союза дизайнеров,
заслуженный архитектор России

Секретарь

Баранова Валерия Александровна,
Иркутск, архитектор ООО «ППМ «Ма-
стер-План»

Члены жюри

Ткачева Марина Львовна,
Иркутск, кандидат философских наук,
доцент кафедры философии БГУЭП,
член редколлегии журнала «Проект
Байкал».

Лидин Константин Львович,
кандидат технических наук, докторант
психологии, доцент кафедры менед-
жмента ИРГУПС, член редколлегии
журнала «Проект Байкал».

Середёнкина Светлана Валерьевна,
член СА России, магистр градостро-
ительства, советник Министерства
имущественных отношений Иркутской
области

Шолохов Андрей Викторович,
председатель правления Иркутской ор-
ганизации Союза дизайнеров, кандидат
искусствоведения, доцент кафедры
дизайна ИРНИТУ.

Раздел «Творчество молодых архитекторов и студентов»

Председатель

Хотулёв Руслан Анатольевич,
член правления ИРО САР

Заместитель председателя

Гладков Сергей Васильевич,
член правления ИРО САР

Секретарь

Белоокая Дарья Владимировна,
архитектор ООО «Сибирский проектный
институт», член Клуба молодых архи-
текторов при ИРО САР

Члены жюри

Ананьев Сергей Анатольевич,
Иркутск, член СА России

Демков Сергей Борисович,
заместитель председателя правления
ИРО САР

Логванов Игорь Валентинович,
Иркутск, член СА России

Раздел «Детское архитектурно-художественное творчество»

Председатель

Ладейщиков Александр Юрьевич,
член правления ИРО САР, заместитель
директора Института архитектуры и
строительства ИРНИТУ

Заместитель председателя

Бадула Олег Борисович,
Иркутск, член СА России

Секретарь

Хотулева Вера Александровна,
Иркутск, член СА России

Члены жюри

Горбенко Владимир Юрьевич,
Иркутск, член СА России

Широкова Вера Викторовна,
преподаватель истории и основ проек-
тирования ИРНИТУ

Елаго Наталья Владимировна,
Иркутск, архитектор

15 ЛЕТ – НЕ ШУТКА! XV межрегиональный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири – 2015»

Проведение XV межрегионального фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 2015» в Иркутске можно назвать его возвращением на историческую родину, тем более что это происходило в пятнадцатый раз. Юбилей, что ни говори!

Экспозиция фестиваля размещалась в совершенно новом месте – одном из будущих общественных помещений жилого комплекса «Театральный квартал» вблизи от Музыкального театра, Дома музыки Дениса Мацуева и уже ставшего знаменитым 130-го квартала. Удачным дополнением стали установленные перед фестивальной залом и в разных местах 130-го квартала инсталляции и баннеры, награжденные на весеннем молодежном фестивале дизайна «Артбухта». А в витринах Музейной студии по ул. Карла Маркса разместилась выставка фотографий объектов – лауреатов премии губернатора Иркутской области. Эти акции приблизили фестиваль к горожанам, вывели его из музейных залов.

Принять участие в уже традиционном смотре достижений архитектуры, проектирования и строительства приехали из разных мест – от Магадана, Кызыла, Екатеринбурга, Барнаула до Улан-Удэ и Москвы – множество интересных участников, уже знакомых с фестивалем и только начинающих свой персональный «роман» с Сибирью и Байкалом, а также с иркутской архитектурной школой. Более 170 работ было представлено в традиционных номинациях. Полноценно и разнообразно выглядела экспозиция архитектурной фотографии. 19 золотых, 22 серебряных и 20 бронзовых дипломов вручили члены жюри и почетные гости фестиваля участникам в день его окончания. Наш журнал учредил специальные призы, поощряющие приверженность принципам высокой архитектуры, уважения к историческому наследию в городе и успехи в пропаганде архитектуры. Цикл графических работ студентов ИРНИТУ «Архитектурно-

этнографический музей «Тальцы» получил приз «За отношение к деревянному наследию». Детская студия дизайна «Спектр» отмечена наградой журнала за пропаганду архитектуры. А в номинации «За отношение к наследию шестидесятих» награда была вручена авторам проекта реконструкции Дворца культуры профсоюзов в Иркутске.

Мы стали свидетелями рождения новой традиции: фестиваль проходил одновременно со смотром-конкурсом «Градостроительство. Иркутск – 2015». Неудивительно, что интересные проекты и постройки оказались отмеченными и наградами смотра-конкурса: ведь качество проектов и построек зависит не только от их оригинальности, продуманности и наличия индивидуального почерка, но и от градостроительного мышления авторов, помогающего в создании цельной, благоприятной для жизни среды. Были представлены реализованные и нереализованные градостроительные проекты,

проекты дизайна городской среды и монументально-декоративного искусства. Администрация города и Иркутская региональная организация Союза архитекторов России представили совместную экспозицию, посвященную юбилейному фестивалю «Зодчество ВС». Главный архитектор Иркутска Инна Кондратьева, вручая награды, сказала, что «80 процентов представленных проектов будет реализовано». Это говорит не только о высоком профессиональном уровне работ иркутских архитекторов, но и о внимании городских властей к тем новым тенденциям, которые демонстрируют представленные и премированные работы.

«Архнадзор» – еще одна страничка фестиваля – экскурсия по новостройкам Иркутска. В этом году гостям показали жилой комплекс «Театральный квартал» (удостоенный Гран-при на смотре-конкурсе «Градостроительство-2015»), жилой комплекс «Статус», микрорайон Союз. Можно отметить сдвиги в

обустройстве набережной Ангары, которое осуществляется в районе Нижней Лисихи. 130-й квартал пользуется успехом у гостей уже не первый год, и нынешний фестиваль не стал исключением.

По-настоящему междисциплинарным стал проведенный по инициативе редколлегии ПБ в рамках фестиваля круглый стол, участники которого обсуждали насущные проблемы динамики и качества городской среды (материалы круглого стола публикуются в этом номере журнала).

Мастер-класс уже знакомого и любимого иркутянами Тотана Кузембаева начался с его оценки экспозиции фестиваля. «Такое впечатление, что кризис вашего региона не коснулся: очень много новостроек, расширяется география деятельности иркутских архитекторов. Я чувствую себя в Иркутске уже почти как дома: так

много новых друзей у меня здесь появилось». В основной части, посвященной его собственным проектам и постройкам, с характерным «кузембаевским» юмором и самоиронией Тотан рассказал о новых реализованных проектах в Прибалтике, Подмосковье и Европе. Очень интересным был его рассказ об отношениях с заказчиками, о нетрадиционном использовании недорогих материалов, раскрывающих свою эстетическую ценность, о необходимости гибкого отношения к проекту. Фактически речь шла о необходимой мобильности мышления проектировщика и его готовности к творческому переосмыслению классических принципов деятельности в области деревянной архитектуры. Даже сарай, гараж и простой мостик, по его убеждению, содержат возможность инновационных решений.

Куратор фестиваля «Зодчество» Никита Асадов рассказал о своих градостроительных акциях, которые в итоге стали своеобразными точка-

ми роста для изменений городской среды.

Барнаулец Александр Деринг не только участвовал в круглом столе, но и поделился опытом создания кодов город и использования современных информационных ресурсов для их продвижения. Дополнением к живому общению с профессионалами стала демонстрация тематических фильмов «Визуальная акустика» и «Сколько весит ваше здание, мистер Фостер?», а интересующиеся жизнью звезд побывали во вновь открытом единственном в России частном планетарии «Ноосфера».

В пленэре участвовало много народа. 6 июня – день пленэра – еще и день рождения Александра Пушкина. Все зарядились энергетикой его поэзии, каждый из участников дружеского застолья продемонстрировал знание его стихов, а молодые архитекторы весело и изобретательно сыграли спектакль «У лукоморья дуб зеленый». Все отметили замечательную, творческую атмосферу фестиваля.

На совещании, посвященном деятельности региональных отделений Союза архитекторов, обсуждались вопросы участия иногородних, в том числе столичных, архитекторов в проектировании и решения, способные исправить достаточно сложное положение, в котором оказываются городские проектировщики и архитекторы.

Традиционным событием фестиваля стали спортивные соревнования по боулингу. Диплома за личную победу был удостоен Руслан Хотулев.

Впечатления участников и гостей от фестиваля были положительными, но его информационное поле могло быть более насыщенным, а сопутствующие фестивалю события – более звучными, многолюдными и хорошо освещенными в тиражных изданиях и в электронных СМИ.

Марина Ткачева
Фото Татьяна Анненкова,
Марина Ткачева,
Евгения Крайнева

Впечатления участников от ЗВС-15

Сергей Демков, член правления Иркутской организации Союза архитекторов России

... Немного о фотографии. Хотелось бы поделиться впечатлениями о выставке «Архитектурная фотография», которая была одной из номинаций смотра-конкурса пропаганды архитектуры нашего фестиваля. Об этом конкурсе говорить легко, так как мне предложено быть его куратором. По условиям Положения о смотре-конкурсе авторы должны были представить материал исключительно в электронном виде, готовый для печати фотографий большого размера – 400 x 600 мм, с последующей накаткой на пенокартон. Также были обозначены особые требования по разрешению изображения и размеру файла. Безусловно, все хлопоты по «материализации» выставки взяли на себя организаторы. Столь жесткие условия по подаче материала изначально вызвали споры и дебаты в стане организаторов и людей неравнодушных. Хотя причина лежала на поверхности: так как это у нас был первый опыт проведения подобной выставки в рамках форума, хотелось задать тон на следующие фестивали по стилю и общей культуре подачи материала.

И в целом результат оказался успешным: блок конкурса «Архитектурная фотография» смотрелся свежо, самодостаточно и естественным образом дополнял основную выставку. Всего на

выставке было представлено 18 работ шести авторов. Мне кажется, подобную выставку в рамках фестиваля необходимо сохранить, так как она вызвала неподдельный интерес у посетителей и участников архитектурного праздника. Похоже, на будущие фестивали нужно определять тему конкурса фотографий. Это позволит авторам более избирательно подойти к подбору материала и глубже раскрыть потенциал творческих людей. То, что с количеством участников не будет проблем, очевидно. Многие архитекторы, в том числе маститые, а также студенты обещали активно участвовать в подобных выставках. До новых встреч на фестивале!

Константин Лидин, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного университета путей сообщения, кандидат технических наук, докторант психологии

Не в первый раз участвую в фестивале ЗВС. Любопытно наблюдать изменения в стилистике организации и проведения фестивалей. На мой взгляд, имеет место постепенный, но явный дрейф от праздника – к деловому форуму специалистов. Меньше зрелищности, развлечений, вообще элементов шоу. Больше содержательности, смелее выносятся на обсуждение спорные и проблемные вопросы профессии. Круглый стол по вопросам городской среды, например, получился очень острый

и содержательный. В том секторе, к которому я имею непосредственное отношение, заметно прибавилось работ. Хочется верить, что сибирские архитекторы станут больше внимания уделять рефлексии, осознанию процессов в строительной отрасли и в профессии.

Ирина Самойленко, главный архитектор мастерской территориального планирования ОАО «Приморгражданпроект», член правления Приморской организации Союза архитекторов России (Владивосток)

Побывать в Иркутске было моей давней мечтой. Об этом старинном замечательном городе слышала много интересного, а тут такая удача! Летом 2014 года мне довелось участвовать в фестивале «Зодчество Восточной Сибири» в Красноярске. Там я узнала, что обычно подобные фестивали проходят именно в Иркутске.

И вот он, Иркутск! Сочетание старины и современности. Великое прошлое и замечательное настоящее. Уютные, несколько неухоженные улочки и современная застройка. Исторические памятники и неожиданные симпатичные скульптуры, просторная площадь в окружении храмов и протяженная набережная вдоль Ангары. А также знаменитый 130-й квартал: пешеходная зона среди пряничных деревянных домиков, добротное благоустройство, кафе и магазин

Лауреаты >>

чики. Квартал так и хочется назвать как-то более ласково, например посад, слободка, предместье...

Самые яркие впечатления от фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 2015» – четкая организация проведения фестиваля (от открытия до поездки на Байкал мероприятия были расписаны по часам); гостеприимство Иркутской организации Союза архитекторов; насыщенная программа, мастер-классы, экскурсии по новостройкам, круглые столы, и конечно, завершающий аккорд – банкет и поездка на теплоходе по Байкалу.

Хочется внести предложение по организации будущих фестивалей. Мне кажется, в первый день форума для иногородних гостей следует проводить обзорную экскурсию по историческим местам города. Этот пробел я восполнила, оставшись после фестиваля еще на один день, чтобы посетить пять (!) музеев и пройти пешком по историческим улицам и набережным.

Организаторам фестиваля хочется пожелать дальнейших успехов в творчестве и выразить благодарность за приглашение Игорю Владимировичу Козаку, Елене Ивановне Григорьевой, Марку Григорьевичу Мееровичу!

Александр Деринг, архитектор, генеральный директор ЗАО «Классика» (Барнаул)

Для нашей группы из Барнаула посещение Иркутска стало событием

года! Не меньше. А гостеприимство и атмосфера доброжелательности и профессионального драйва нас окончательно покорила. А еще, главное, что мы вынесли из ЗВС, – настоящая, неподдельная любовь иркутских зодчих к своему городу! Вы можете этим гордиться! Редкое это явление сегодня, честное слово! Надолго запомнятся полезные и содержательные круглые столы в Союзе архитекторов по злободневным вопросам и состоянию городской среды. Культурная программа с посещением уникального Планетария в 130-м квартале и прогулкой на Байкал были для нас настоящим открытием.

**Александр Бармин, архитектор
Ольга Тригонос, архитектор
(Екатеринбург)**

Иркутск оказался чудесным городом, а прием, организованный Иркутским союзом архитекторов, под эгидой которого и проходил фестиваль, теперь войдет в историю наших воспоминаний как Иркутский прием, в том смысле, что по сочетанию формы и информативности это была блестяще организованная программа. Возможно, это норма для подобных мероприятий, но было что-то еще, специфически сибирское, искреннее, душевное. Может быть, это поездка на Байкал в последний день так повлияла на восприятие всего события...

Иркутск оказался удивительно сомаштабным человеку городом

со множеством деревянных домов и комплексов, составляющих целые кварталы и улицы. Частично это все отреставрировано, частично нет, но впечатление такое, что попадаешь в прошлый, а скорее, позапрошлый век. Сразу вспоминаются декабристы, кажется, что тут можно с ними случайно встретиться. Есть в городе гостевые маршруты, где все деревянное зодчество отреставрировано и блестит, а есть – где все идет естественным путем, но от этого только сильнее воспринимается дух времени.

Запомнились экскурсии в 130-й квартал – отреставрированные под коммерческие цели деревянные дома (на мой взгляд, все получилось удачно и возник неплохой рекреационный участок города) и по новостройкам и недавно построенным объектам города. На набережной Ангары нам показали так называемую иркутскую Венецию, это застройка малоэтажными домами на довольно активном уклоне, раскрашенная и благоустроенная. Никакой ассоциации с Венецией не вызывает. Благоустройство сделано выдающееся, все продумано и хорошо освещено. Затем был микрорайон Союз, построенный в какие-то нереальные для России сроки, – крепкая, кирпичная архитектура с хорошими планировочными решениями.

Выставка проектов и награждение участников фестиваля проходили в только построенном Театральном квартале, проект

которого занял первое место в соответствующей номинации. Выставка представленных работ была прекрасно организована, насыщена разнообразными архитектурными и градостроительными идеями, просто красивыми проектами.

Одно из самых ярких впечатлений от фестиваля – это, конечно, поездка на Байкал. Обед, предшествовавший поездке на катере и состоявший из множества рыбных блюд, с тостами и прибаутками архитектурной братии, – это ни с чем не сравнимое эстетическое и гастрономическое наслаждение.

Дмитрий Готовский Андрей Красильников

Владимир Горбенко Светлана Демина

Антон Былков

Андрей Попов

Андрей Тигунцев

Золотые и серебряные лауреаты ЗВС

Ольга Железняк

Елена Григорьева Виктория Астраханцева Дмитрий Семенов (астроном)

Лариса Крылова Юлия Шевченко

Сергей Мулдаяров

Андрей Лапин

Павел Дорофеев Ольга Анисина

Алла Мироненко

Алексей Чертилов

Моисеева Анна

Николай Жуковский

Анна Ри Алина Леонова Ольга Павлова Дмитрий Сапачев

Анастасия Репина

Николай Юшков Сергей Карбан

Каталог >>

Игорь Козак

Станислав Максимов

Алексей Сергеев

Геннадий Колодий

Мария Протасова Анна Горячева

Татьяна Наумова

Игорь Журавлев

Полина Заславская Настя Репина Олеся Семина Даша Кремлева „Стас Соколов

Семен Ставцев

1

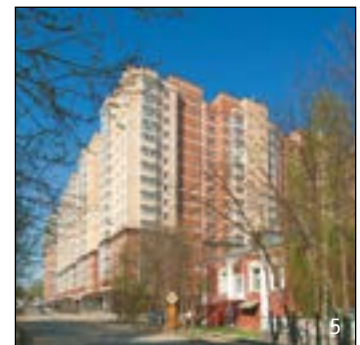
2

3

4

5

6

7

номинация «ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Многоквартирный жилой комплекс с нежилыми помещениями и подземными автостоянками в Иркутске по ул. Коммунаров
Авторы: А. Н. Юшков, Л.А. Копейкина, Н. А. Юшков, С. В. Карбан, А. А. Копейкин

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Клубный жилой дом «БУЛАКОВ»
Авторы: А. В. Чельцов, А. А. Бочков, М. Е. Сундеев, А. С. Сергеев

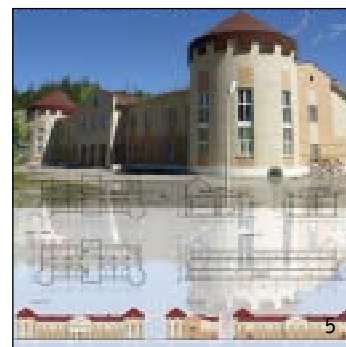
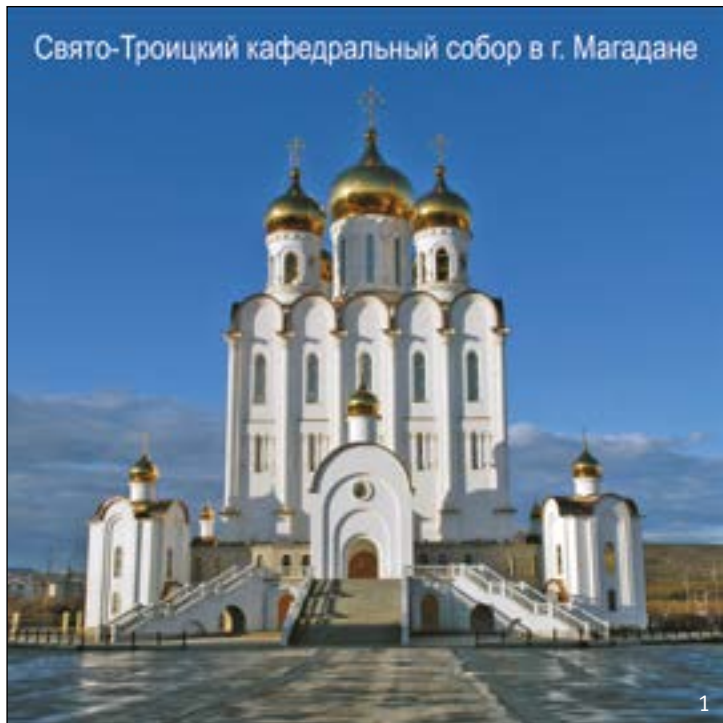
3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Общественно-деловой комплекс с жилыми домами и подземной автостоянкой в Октябрьском районе Иркутска, по ул. Кожова
Авторы: А. П. Зибров, П. А. Зибров, П. И. Онучин, Д. А. Хлебников

4. Жилой комплекс «Европейский», расположенный по адресу: Барнаул, ул. Профинтерна, 7а.
Авторы: А. Ф. Деринг, С. И. Тисленко, М. В. Быков

5. Жилой комплекс «Новый» по ул. Депутатской в Иркутске
Авторы: А. М. Жуков, И. Б. Литвинов, А. Л. Козьмин, И. С. Маркова, С. М. Наумова, И. В. Иванощук, Красюкова, М. В. Акулов, Р. В. Вырупаев, С. В. Чашин, А. В. Михайлик

6. Жилой комплекс «Эдельвейс» ООО «Творческая мастерская архитектора Суздалева Ю.Н.»

7. Многоквартирные жилые дома со встроенными нежилыми помещениями, подземными автостоянками, административным блоком, детским садом в Октябрьском районе Иркутска
Авторы: С. А. Ананьев, С. А. Грудинина, Н. В. Бархатова, Г. А. Филюк, при участии А. Н. Буйненко, М. В. Карповича, А. В. Пятидесятниковой, М. В. Францозовой, Е. А. Ерофеева, И. А. Есикова

номинация «ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗДАНИЯ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
«Свято-Троицкий кафедральный собор в г. Магадане».
Авторы: В. Г. Колосов, Е. В. Колосова, М. Г. Яскевич, А. П. Резник, Е. М. Сысалов, Б. А. Невретдинов

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
«Планетарий и музей «Ноосфера». Многофункциональное здание в квартале №130 г. Иркутска»
Авторы: Е. И. Григорьева, С. В. Муллаярв, Л. А. Крылова, Ю. В. Шевченко, С. К. Лохтин

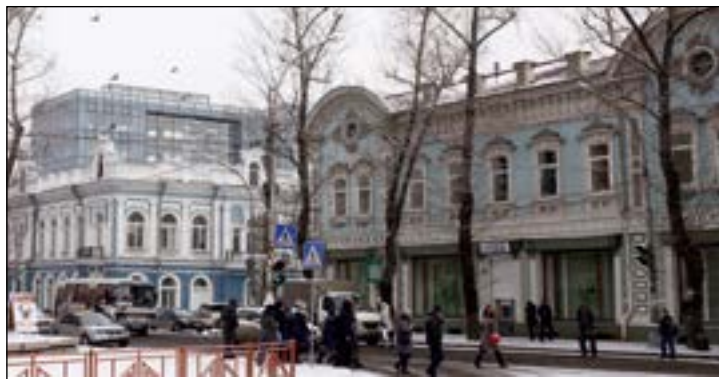
3. БРОНЗОВЫЙ диплом
«Административно-торговое здание по ул. Дзержинского в г. Иркутске»
Авторы: А. С. Гусевский, Д. С. Готовский

4. Административно-деловой и торговый центр с подземными автостоянками в Октябрьском районе Иркутска по ул. Байкальской
Авторы: С. А. Ананьев, при участии Ивановой, И. А. Есикова

5. Спальный корпус на 110 мест в ДОЛ «Огоньки»
Авторы: С. Б. Карпов, О. Н. Жихарева, И. М. Комнева, М. А. Щукина, В. П. Фереферов, Р. Г. Шерстнев

6. Административное здание с автостоянкой по ул. Дзержинского в Иркутске
Авторы: И. В. Козак, В. В. Войтович, А. Ю. Кирпищиков

7. Спортивный аэродинамический комплекс SKYFLY
Авторы: Е. А. Зыков, А. В. Лябчук, А. В. Беспалова, М. Ю. Кудрявцев

2

номинация «РЕКОНСТРУКЦИЯ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Реконструкция части исторического квартала «Фортуна Плаза» в Иркутске
Авторы: В. Б. Стегайло, М. Ю. Миронов, при участии О. Б. Бадулы, А. Л. Петухова

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Реконструкция Драматического театра им. П. П. Ершова в Тобольске
Авторы: Е. Г. Тоскин, Н. А. Рагино, М. В. Паничев, А. А. Сирицану, Л. Н. Печенина

номинация «ИНТЕРЬЕРЫ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Галерея В. Бронштейна
Авторы: О. Н. Павлова, А. У. Ри,
А. У. Ри, А. В. Леонова, Д. В. Сапачев,
А. Н. Новикова
2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Ресторан SOLUXE club
Авторы: Е. А. Пермякова,
А. С. Сергеев
3. БРОНЗОВЫЙ диплом
ТЦ «Модный квартал». Интерьеры
общественной зоны
Авторы: А. В. Тигунцев, Н.И. Шубина,
М. В. Тигунцев
4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Интерьер павильона магазина меха
«Мягкое золото»
Авторы: Л. Войтова-Шустерова,
Г. Шустерова
5. Спа-комплекс в загородном доме
Авторы: А. В. Тигунцев, Н.И. Шубина,
М. В. Тигунцев
6. Салон мужской одежды
Oscar Collezione
Авторы: А. В. Тигунцев, Н.И. Шубина,
М. В. Тигунцев

мастерские

64

номинация «ТВОРЧЕСТВО АРХИТЕКТУРНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ И МАСТЕРСКИХ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом архитектурной мастерской ООО «Перспектива+».
2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом архитектурной мастерской ООО «Студия-Проект».
3. БРОНЗОВЫЙ диплом архитектурной мастерской ПМ «ИДЕЯ».

1

3

4

5

6

7

номинация «КОНЦЕПЦИЯ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Общественно-административный комплекс района Харбина
Авторы: Н. Л. Жуковский, В. В. Тяжев, Д. В. Сидельников

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Архитектурно-градостроительная концепция развития исторического квартала Томска, ограниченного ул. Красноармейской, ул. Герцена, ул. Дзержинского, пер. Нечевским, на основе сохранения и использования историко-архитектурного потенциала

Авторы: А. П. Козьмин, Е. И. Григорьева, М. Г. Меерович, О. Ю. Куцакова, П. А. Заславская, Д. М. Кремлева, А. В. Репина, О. В. Семина, С. О. Соколов, С. Ю. Маяренков

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Концепция восстановления и развития утраченных общественных пространств 1970-х годов на примере площади Конституции и общественного центра Академгородка в городе Иркутске

Авторы: Р. А. Хотулёв, О. Ю. Куцакова, С. О. Соколов, К. Л. Здышев, И. А. Еременко, Е. Н. Чупарин

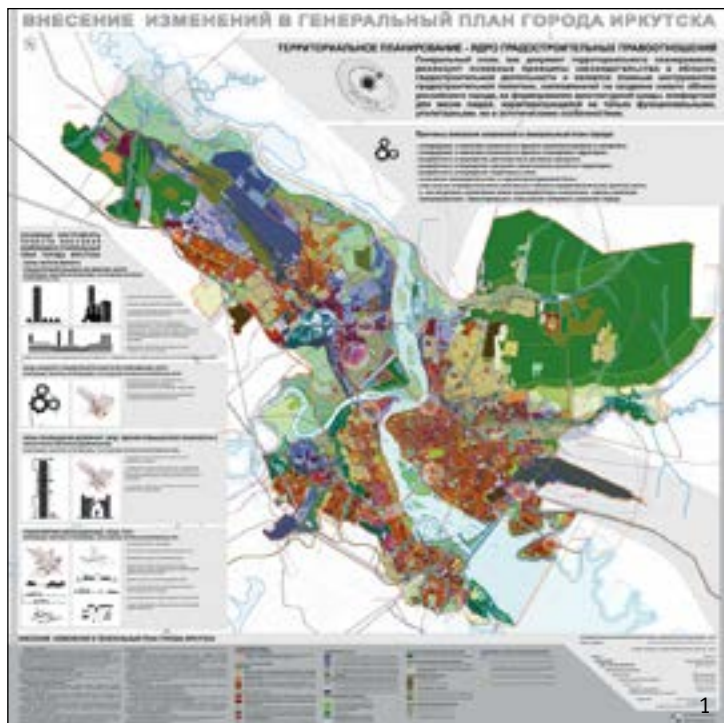
4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
«Обновление общественного центра Академгородка в Иркутске».
Авторы: О. Г. Филиппова, Д. В. Белоокая, А. С. Пилипенко

5. Концепция стилового и типологического разнообразия городской среды Нового посада в г. Звенигороде Московской области

Авторы: И. В. Козак, О. Ю. Куцакова, А. И. Козак, Р. А. Хотулёв, А. Е. Митичкина, К. Л. Здышев, Е. Н. Чупарин, В. С. Кольган, А. Б. Мартюшов

6. Реконструкция комплекса «Центр Азии» на набережной Кызыла
Авторы: Н. Б. Монгуш

7. Спорт-парк «Поляна»
Авторы: А. И. Козак, Е. В. Ямова, А. В. Ведерникова, С. И. Колосовский, С. А. Соколова

номинация «ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО»

1. **ЗОЛОТОЙ диплом**
Внесение изменений в Генеральный план города Иркутска.
Авторы: М. В. Протасова, В. А. Баранова, Н. В. Смирнов, при участии Е. В. Протасовой
2. **СЕРЕБРЯНЫЙ диплом**
Проект планировки туристско-рекреационной зоны ЗАТО Северск Томской области
Авторы: О. А. Анисина, П. А. Дорофеев, при участии: Р. А. Хотулёва, О. Ю. Куцаковой, А. К. Николаева, С. А. Киселева
3. **БРОНЗОВЫЙ диплом**
Внесение изменений в проект планировки северной части Свердловского округа Иркутска
Авторы: М. В. Горячая, М. В. Протасова, О. В. Фролова, при участии Е. В. Протасовой, Я. Н. Соболевского, С. А. Киселева
4. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом**
Проект планировки территории центральной части Железнодорожного района Улан-Удэ

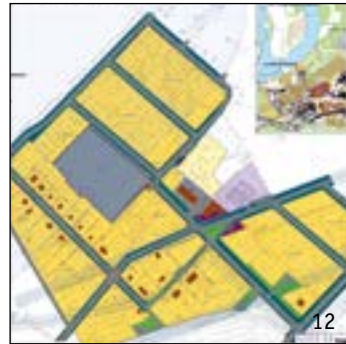
Авторы: И. Б. Аляскина, Л. П. Перебийнос, В. И. Якимова, Т. И. Очирова, Б. Р. Булгатов, Б. П. Бальжанов

5. Жилой квартал «Фестиваль»
ООО «Творческая мастерская архитектора Суздалева Ю.Н.»

6. Проект планировки Южного парка города Ангарска
Авторы: О. А. Анисина, П. А. Дорофеев, Е. В. Филиппова, при участии Е. В. Протасовой, О. А. Собенниковой

7. Проект планировки и проект межевания в районе ул. Артековской, 2, Владивосток
Авторы: М. В. Горячая, М. Д. Демченко, Я. Н. Соболевский, О. В. Фролова, С. А. Киселев

8. Правила землепользования и застройки населенного пункта г. Анива муниципального образования «Анивский городской округ» Сахалинской области
Авторы: Р. А. Хотулёв, В. А. Хотулёва, И. А. Еременко, О. Ю. Куцакова

9. Проекты планировки территории, проекты межевания территории для освоения в целях реализации Федерального закона от 27.07.2008 № 161-ФЗ «О содействии развитию жилищного строительства» под индивидуальную жилую застройку
 Авторы: О. Ю. Куцакова, Р. А. Хотулёв, В. А. Хотулёва, К. Л. Здышев

10. Группа жилых домов с подземной автостоянкой в границах улиц 4-й Советской, Седова, 25 Октября, Лебедева-Кумача в Иркутске
 Авторы: А. Н. Нечаев, Д. И. Шелофаст, А. В. Горячая, Е. Ф. Моисеева

11. Проект планировки территории Верхняя Березовка в Улан-Удэ
 Авторы: И. Б. Аляскина, А. О. Урбаева, Л. П. Перебейнос, Б. Р. Булгатов, Б. П. Бальжанов

12. Подготовка документации по планировке территории, расположенной по адресу: Иркутская область, город Братск, жилой район Гидростроитель в районе улицы

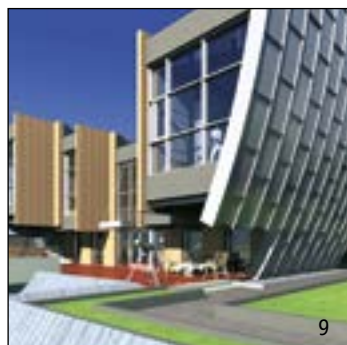
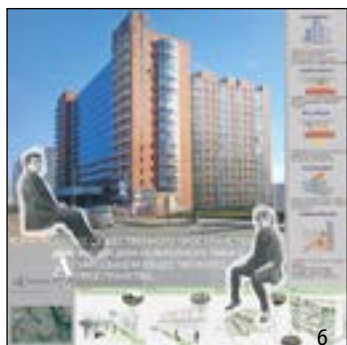
Ангарской Экспедиции. Подготовка документации по планировке территории, расположенной по адресу: Иркутская область, город Братск, жилой район Падун, в границах улиц Лазо, Молодежной, переулка 1-го Рабочего
 Авторы: А. О. Бельков, Т. П. Петрова, О. А. Анисина, Р. Е. Елшин, Т. Г. Тудакова, М. И. Васильева

номинация «ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

- 1. ЗОЛОТОЙ диплом
Загородный дом
Авторы: А. В. Тигунцев, Н. И. Шубина,
М. В. Тигунцев
- 2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Жилой комплекс «Южный парк» в
Иркутске
Авторы: В. В. Распутин, В. А. Бызов,
М. Ж. Распутина, С. В. Ставцев,
Н. Ф. Нагаева, Д. И. Родионов
- 3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Загородный дом FOREST HOUSE
Автор: Е. В. Золотухин

- 4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Разработка концепции квартала
«Локомотив» по адресу: город
Барнаул, проспект Строителей, 18
Авторы: А. Ф. Деринг,
С. И. Тисленко, М. В. Быков,
И. В. Тремпольцев
- 5. Вилла VEZA в пос. Мельничная
Падь Иркутской области
Авторы: О. Б. Бадула,
Г. А. Белоусов,
А. В. Петунин,
Ф. Р. Бадула,
Ю. П. Петрук

6. Жилой дом галерейного типа с зародышем общественного пространства, Иркутск, Свердловский район, ул. Александра Вампилова, 34 (микрорайон Первомайский)
 Авторы: Н. Л. Жуковский, О. В. Нючева, И. С. Силичева

7. Жилой комплекс «Онегин» в Иркутске
 Авторы: А. П. Зибров, П. А. Зибров, Т. В. Кудина

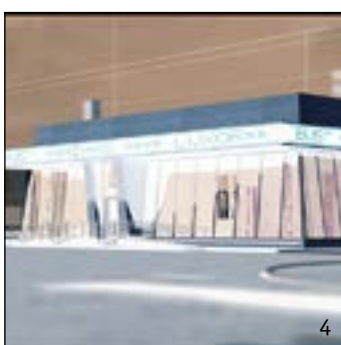
8. Жилой дом с подземной автостоянкой по ул. Комсомольской, 1в в Улан-Удэ
 Авторы: А. П. Яковлев, И. Б. Аляскина, А. А. Мохосоев, А. А. Цыренов, С. А. Шабаганов, Б. Н. Шагланов, А. В. Елизов, О. И. Кондратьева

9. Индивидуальный жилой дом, расположенный по адресу: Иркутская область, Иркутский район, 9-й км Байкальского тракта на южной окраине п. Новая Разводная, уч. 290
 Авторы: А. А. Пожидаев,

К. А. Папанян, В. Ю. Третьяков, Е. В. Игумнова

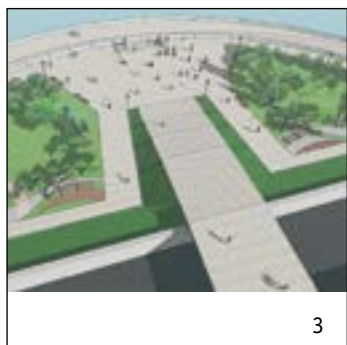
10. Трехэтажные жилые здания (программа переселения из ветхого и аварийного жилья), расположенные по адресу: Республика Бурятия, пгт Нижнеангарск, ул. Брусничная, ул. 50 лет Октября
 Авторы: К. Д. Шемазашвили, Д. Ю. Карлова, Е. В. Кибирева, А. В. Зюбр, А. И. Журавлев, А. А. Гусейнова, М. И. Тантлевская

номинация «ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗДАНИЯ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Спорткомплекс «Пионер»
Авторы: А. И. Попов, А. П. Былков, А. С. Гусевский, Ф. М. Ткач, В. С. Димитрюк
2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Школа на 1275 уч-ся в 6 микрорайоне Ново-Ленино
Авторы: С. В. Муллаяров, Ю. А. Лисовая, А. М. Дупеменко, Д. С. Готовский, А. Ю. Концевой
3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Здание Иркутского областного суда
Авторы: А. Г. Красильников, В. Ю. Горбенко, И. А. Коркин, А. В. Дмитриева, Э. К. Хуриганов
4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Автовокзал в г. Миассе
Авторы: А. Бармин, В. Нечхаев, В. Герман, С. Чеснаков
5. Центр семейного отдыха на базе аквапарка по адресу: Иркутск, Свердловский район, ул. Безбокова
Авторы: А. А. Пожидаев, К. А. Папанян, В. Ю. Третьяков, Е. В. Игумнова
6. Семейное кафе на бульваре Гагарина в Иркутске
Авторы: А. Г. Нечаев, Д. И. Шелофаст
7. Гостиница по адресу: Иркутск, Кировский район, ул. Горького, 38
Авторы: А. Г. Красильников, А. Г. Нечаев, Ю. А. Лисовая, Д. И. Шелофаст
8. Административное здание с подземной автостоянкой в Кировском районе Иркутска по ул. Карла Либкнехта
Авторы: С. А. Ананьев, М. В. Карпович, А. Н. Буйненко, И. А. Есиков

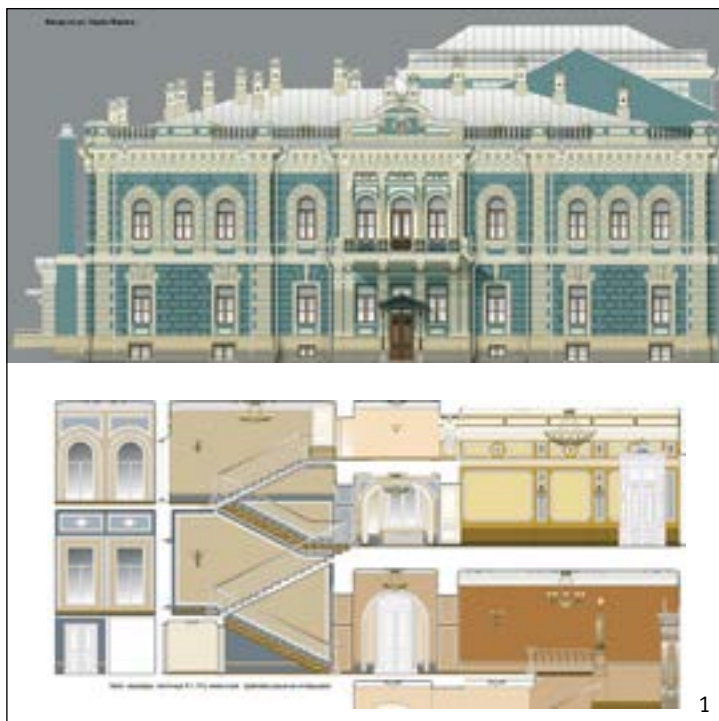

номинация «РЕКОНСТРУКЦИЯ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
 Дворец культуры профсоюзов,
 Иркутск
 Авторы: А. Г. Красильников,
 В. Ю. Горбенко, С. И. Демина,
 Д. С. Готовский

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
 Реконструкция парка «Мемориал
 Победы», г. Улан-Удэ, ул. Балтахинова
 Авторы: А. П. Яковлев,
 И. Б. Аляскина, А. О. Урбаева,
 Л. П. Перебейнос, В. И. Якимова

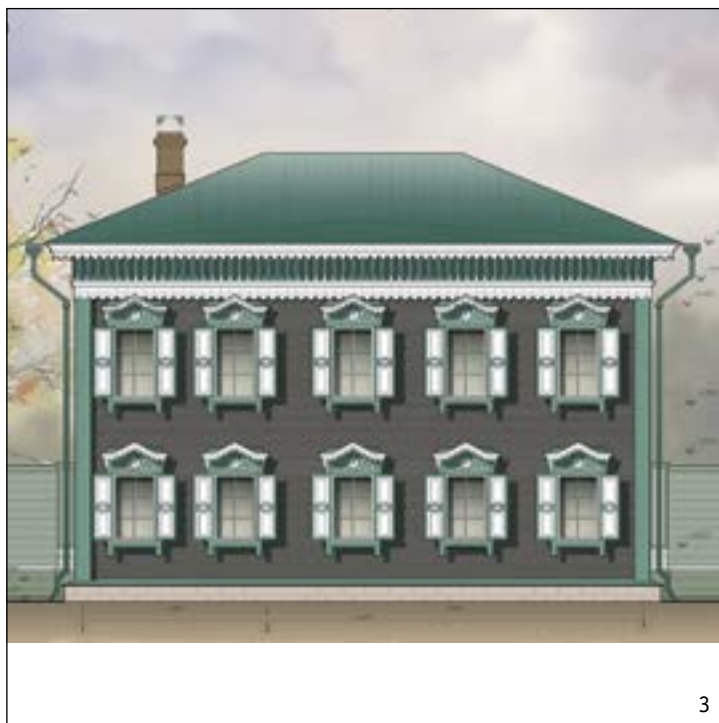
3. Реконструкция фрагмента
 озеленения по ул. Набережной
 Авторы: А. В. Соколова,
 С. Э. Вершинина,
 С. О. Соколов

1

2

3

номинация «РЕСТАВРАЦИЯ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
 Проект реставрации и приспособления объекта культурного наследия «Особняк Колыгиной» 1883–1890 гг.; 1905 г.; 1920–1921 гг., Иркутск, ул. Карла Маркса, 47
 Авторы: Л. В. Малышева, Н. В. Ведерникова, Е. М. Трескина, О. Г. Александрова, Е. В. Жушман, Ю. В. Лебенко, Е. В. Шулятьева

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
 Проект сохранения ОКН с приспособлением под торговый дом, расположенного по ул. Урицкого, 16–18, в Иркутске
 Авторы: В. Б. Стегайло, Т. Е. Шипунова, Е. Р. Ладейщикова, Ю. С. Таргашин
 при участии Л. М. Лучкиной, К. В. Юхнина

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
 Реставрация доходных домов Иркутска с восстановлением их первоначальной функции
 Авторы: А. В. Поликарпочкин, Л. А. Захарова, А. П. Ксенофонтов, Л. Г. Басина, М. П. Кобылина, Е. А. Кузнецова

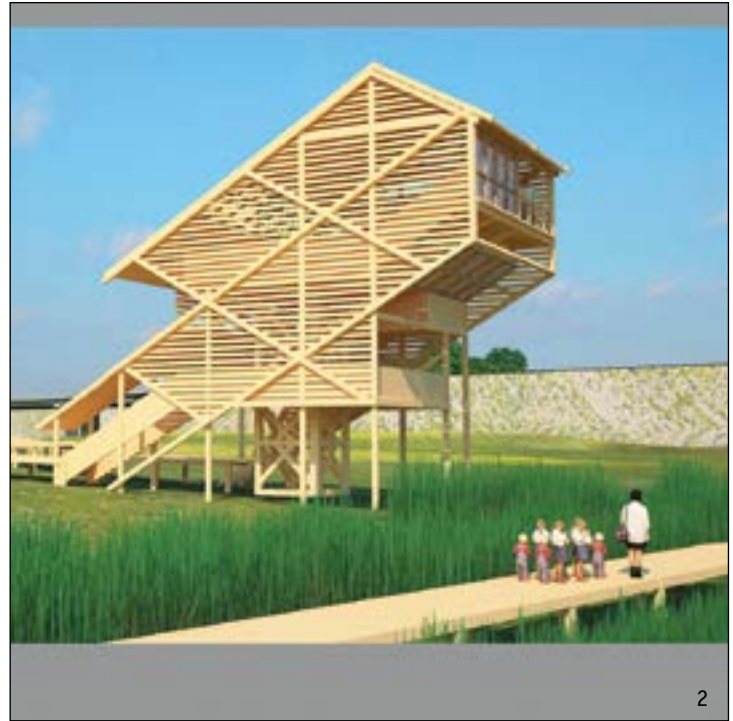
4. Реставрация объекта культурного наследия по ул. Седова, 44, в Иркутске
 Авторы: Л. К. Клайс, А. Ю. Есикова, В. Р. Пермякова Вера, Л. М. Лучкина, при участии М. А. Шишкановой

4

1

2

номинация «ИНТЕРЬЕРЫ»

1. БРОНЗОВЫЙ диплом
Таунхаус в Екатеринбурге
Автор: О. М. Триголос

3

номинация «ЛАНДШАФТНАЯ АРХИТЕКТУРА»

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Концепция природного парка
«Птичья гавань»
Авторы: А. А. Ляпин, Д. Кулешов

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Сквер Семьи в Ангарске
Авторы: Т. Ф. Павлова,
Е. В. Меркульева, Д. В. Рогозин

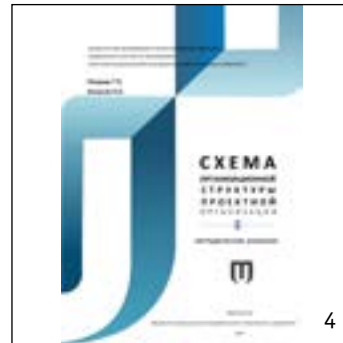
1

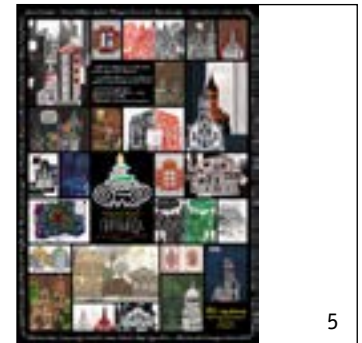
2

3

4

5

номинация «АРХИТЕКТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом «Цвет, форма, идентичность. На границе виртуального и реального». Авторы: О. Е. Железняк, С. В. Мурашова, М. В. Корелина, И. В. Дьяченко, при участии Т. Ю. Смертиной, Е. В. Победаш

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом Учебное пособие «Кругобайкальская железная дорога – «золотая пряжка» Транссиба: история создания. Объект культурного и природного наследия. (История архитектуры и градостроительства Сибири)». – Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2015. – 128 с.: ил. Автор: А. К. Чертилов

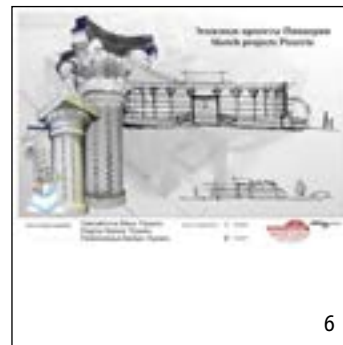
3. БРОНЗОВЫЙ диплом Учебное пособие «Особенности жилищного проектирования в Иркутской области». Автор: И. Е. Дружинина

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом Цикл работ по методическим указаниям для студентов специальности «Дизайн». Авторы: Т. П. Петрова, О. Е. Железняк, А. Ю. Ладейщиков, А. О. Бельков

5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом Плакат «Иркутск глазами детей» Авторы: Н. В. Ремизова, Е. А. Гладкова, Л. Н. Васюнькина, Ю. О. Поднебесова, У. О. Кручинина, Т. В. Горохова, О. В. Пашинина, О. В. Митюкова

6. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом Альбом дизайн-работ. Декорации. Авторы: А. В. Пахатинский, А. В. Пахатинская

7. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом Альбом градостроительных решений детской студии дизайна «СПЕКТР». Авторы: А. В. Пахатинский, А. В. Пахатинская

6

7

8. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом Альбом архитектурных решений детской студии дизайнера «СПЕКТР». Предприятия общественного питания. Авторы: А. В. Пахатинский, А. В. Пахатинская

8

9

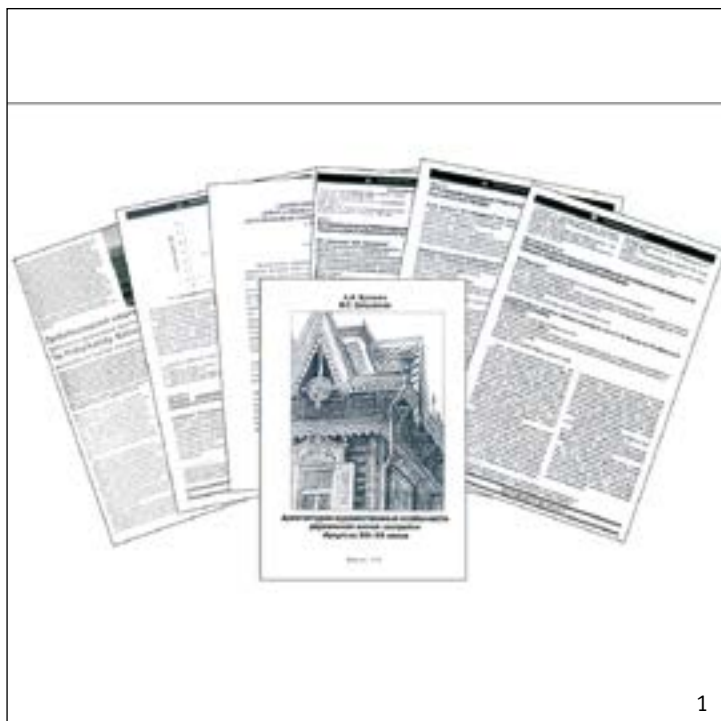

9

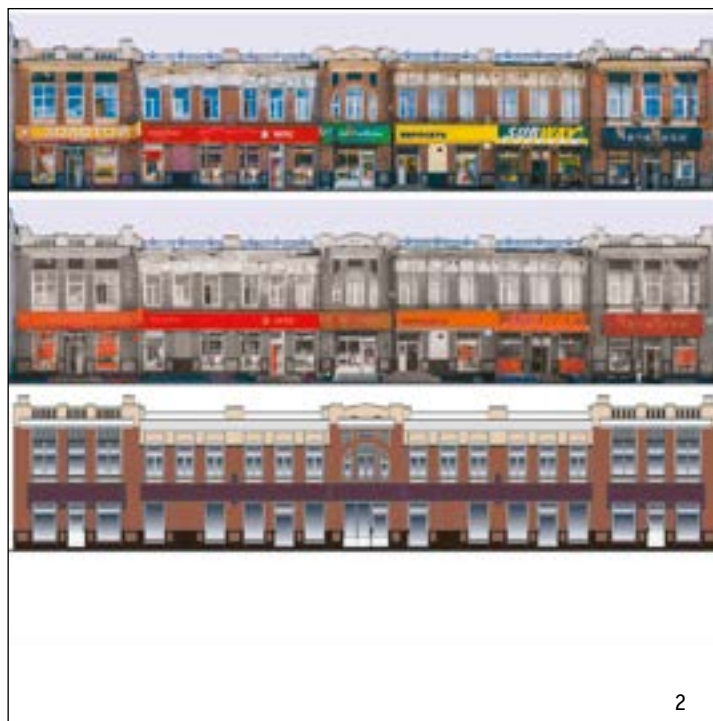
номинация «АРХИТЕКТУРНАЯ ГРАФИКА»

9. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом Архитектурно-этнографический музей «ТАЛЬЦЫ» Студенты АК: С. Родина, Ю. Иванова, Н. Бобатаева, Н. Кривонос, Н. Елшина, Е. Герасимова, Т. Касьянова, Е. Голомедова, А. Переломова, А. Бобрышева, М. Фисюк, М. Бронникова, Ю. Баянова, С. Михалев, Н. Ларионов, Л. Косарев

Преподаватели: М. В. Веселова, Г. Н. Колодий, Ю. В. Краковцева, В. С. Шишканов, В. В. Киненко, Л. Г. Сабина, А. А. Ануфриев

1

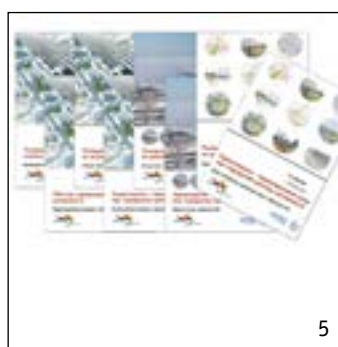
2

3

4

5

6

номинация «ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

1. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Монография, статьи. Сборники материалов конференций.
Автор: В. С. Шишканов

2. БРОНЗОВЫЙ диплом
Концепция внешнего облика Иркутска в границах территории исторического поселения при размещении объектов информационного и рекламного оформления «Дизайн-код Иркутска».

Авторы: А. Козак, Е. Ямова, А. Желудков, П. Карповский, Р. Литвиненко
Руководитель: М. Г. Меерович, при участии М. Мартынихиной, Н. Бугаенко, Д. Шпак, Ю. Никифоровой

3. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Система линий градостроительного регулирования в документации по планировке территории
Авторы: В. А. Хотулева, Е. В. Пуляевская, А. Г. Большаков

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Научная статья «Стратегии средового проектирования для студентов специ-

альности «Дизайн». Издательство Иркутского национального исследовательского технического университета. Журнал «Вестник ИрГТУ», №4 (99), 2015 г. Министерства образования и науки РФ. Рубрика: «Социально-экономические и общественные науки». УДК 72.021.2+72.021.4(072). Стр. 259. Илл. 49.

Авторы: Т. П. Петрова, О. Е. Железняк

5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Серия публикаций по итогам Международного Байкальского Зимнего градостроительного университета 2015 года
Авторы: А. И. Козак, Т. А. Копылова, Е. Н. Чупарин, Ю. К. Никифорова, Е. В. Ямова, В. А. Нуязина, В. С. Назимова

6. Архитектурный рисунок. Основы комплексного восприятия профессиональной коммуникационной деятельности архитектора (цикл учебных видеофильмов)
Авторы: А. И. Кулаков, М. В. Веселова

1

2

номинация «ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

<p>1. ЗОЛОТОЙ диплом
Центр Г. Алиева (З. Хадид), Баку
Автор: О. Е. Железняк</p> <p>2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Предел ассиметрии.
Автор: М. А. Попов</p> <p>3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Что есть истина. Автор: И. В. Козак</p> <p>4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Архитектурные курьезы.
Центр Г. Алиева (З. Хадид)
Автор: О. Е. Железняк</p> <p>5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Дорога к храму (султанат Бруней)
Автор: И. В. Козак</p> <p>6. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Окраина. Автор: С. Б. Демков</p> <p>7. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Про ритм. Автор: С. Б. Демков</p> | <p>8. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Круг. Линия. Квадрат
Автор: М. В. Корелина</p> <p>9. Люди в Архитектуре
Автор: И. В. Козак</p> <p>10. Вне времени. Автор: И. В. Козак</p> <p>11. Эволюция... Автор: И. В. Козак</p> <p>12. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Тибет. Древний город-монастырь
Лавран. Автор: Т. П. Петрова</p> <p>13. Город у вулкана (Петропавловск-Камчатский)
Автор: С. Б. Демков</p> <p>14. Есть город золотой...
Автор: С. Б. Демков</p> <p>15. Мост (Мост Академический в Иркутске). Автор: С. Б. Демков</p> <p>16. Венеция. Автор: О. Е. Железняк</p> <p>17. Венеция. Собор Сан-Марко
Автор: О. Е. Железняк</p> <p>18. Непал. Будханат – всевидящие
очи Будды. Автор: Т. П. Петрова</p> |
|---|--|

3

4

5

6

7

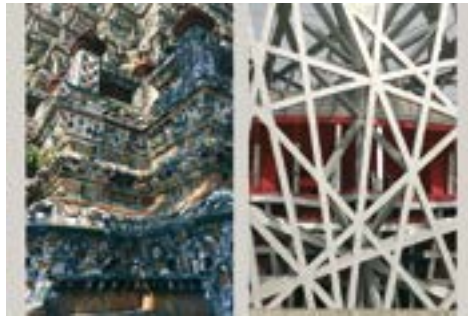
8

9

10

11

12

13

14

15

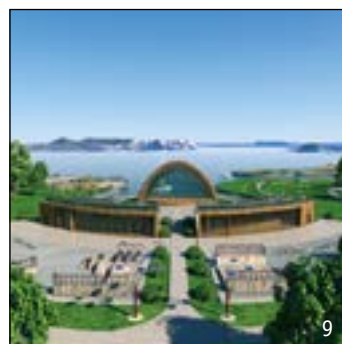
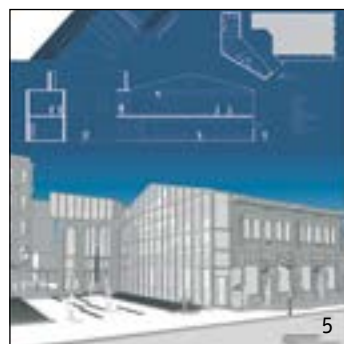
16

17

18

номинация «КУРСОВЫЕ РАБОТЫ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Реконструкция общежития НИ ИргТУ по ул. Игошина в Иркутске.
Авторы: А. О. Бадула, Т. В. Щербин, рук. Б. М. Вяткина, И. Е. Дружинина

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Проект реконструкции общежитий № 1–4 НИ ИргТУ
Авторы: И. И. Алсагаева, Т. Н. Наумова, М. С. Табитуева, рук. Ц. Б. Дагданова

11

12

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Транспортно-пересадочный узел на станции Иркутск-Пассажирский.
Автор: И. И. Морева
рук. Б. М. Вяткина, И. Е. Дружинина

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Проект реконструкции студенческих общежитий в мкр. Студгородок Иркутска.
Автор: Н. Д. Наумова,
рук. Б. М. Вяткина, И. Е. Дружинина

5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Art музей, Иркутск, ул. Урицкого, 6
Автор: М. И. Черняк,
рук. А. В. Корзун

номинация «ДИПЛОМНЫЕ РАБОТЫ»

6. ЗОЛОТОЙ диплом
Реабилитационный центр в п. Пивовариха.
Автор: А. В. Репина,
рук. А. А. Хохряков

7. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Корпус научно-проектного института архитектуры и строительства НИ ИргТУ.
Автор: А. А. Моисеева,
рук. Е. В. Хохрин

8. БРОНЗОВЫЙ диплом
Интерьер центра детского архитектурно-дизайнерского творчества «Пирамида» в Иркутске
Автор: Н. Д. Войтиченко,
рук. С. Н. Эляян

9. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Центральный парк культуры и отдыха в Братске
Автор А. И. Дружинина,
рук. С. А. Смольков

10. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Городские мотивы
Автор: Ю. Н. Силкачева
рук. С. Н. Уварова

номинация «ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ АРХИТЕКТОРОВ»

11. ЗОЛОТОЙ диплом
Учебный центр ЗАО «ПРОСТАЛЬ». TOYOTA Центр Иркутск. Квартира на 11-м этаже с видом на плотину ГЭС и водохранилище. Коттедж в Тункинской долине
Авторы: И. К. Журавлёв,
Н. А. Зарутская

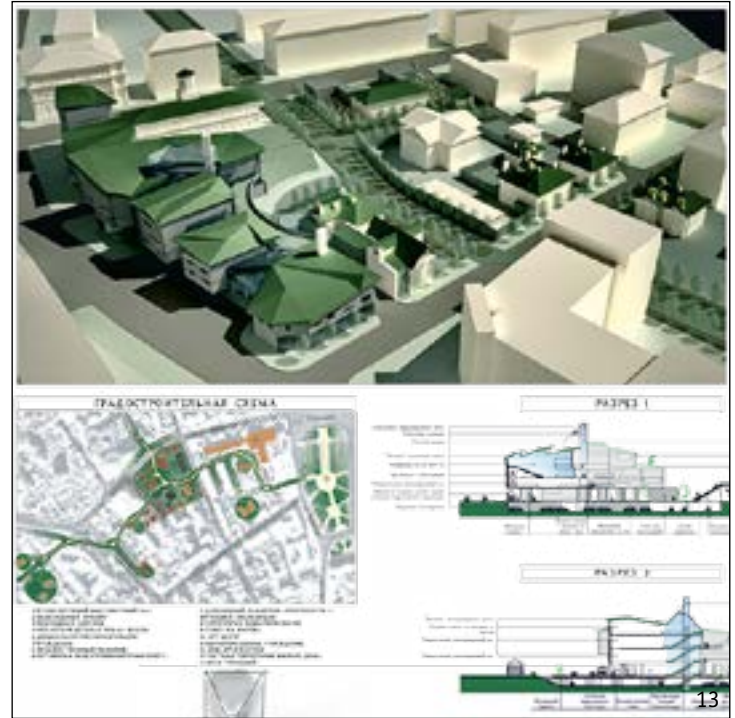
12. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Автомобильный торгово-технический комплекс по продаже и техническому обслуживанию автомобилей. Проект города на один миллион жителей
Авторы: М. Ю. Лагунков, В. Ю. Коротков, С. В. Ушанов, С. В. Максимов, Д. М. Лагунков, О. В. Гузиков

13. БРОНЗОВЫЙ диплом
Концепция развития исторического квартала в районе предместной площади Иркутска
Авторы: А. С. Полюхова,
М. И. Васильева

14. Обновление общественного центра Академгородка в Иркутске
Авторы: А. С. Полюхова, А. В. Стегайло

15. Анализ и концепция преобразования территории Обводного канала в г. Санкт-Петербург
Авторы: А. И. Дружинина,
А. П. Хитрина

16. Компиляция результатов 16 сессии Международного Байкальского Зимнего Градостроительного Университета на тему: Транспортно-пересадочные узлы как городские центры активности.
Авторы: В. А. Нуянзина, Н. М. Боровакова, Е. С. Ловчагина, А. А. Воронина, Р. Д. Малинович

13

14

15

1

Кутергина Алиса,
9 лет,
Шляпа.
Отражение в
городе

2

3

Камнева Вероника,
8 лет.
Серьезный
натюрморт

4

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Серия работ «Отражение деревянного зодчества в современной архитектуре» по теме конкурса «Отражение» Центр детского творчества архитектуры и дизайна «Пирамида», ИрННТУ, преп. Т. В. Горохова

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Серия работ «Шляпа. Отражение» по теме конкурса «Отражение» художественной мастерской «Облако» Авторы: С. Матвиива, С. Лыжина, А. Кутергина; преп. Н. Г. Аносова

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Серия работ по теме конкурса «Отражение» детской студии дизайна «СПЕКТР».

Авторы: А. Пьянова, Г. Емельянов, С. Шалтыкова, преп. А. В. Пахатинская

4. ЗОЛОТОЙ диплом
Н. Г. Аносовой, преподавателю художественной мастерской «Облако».

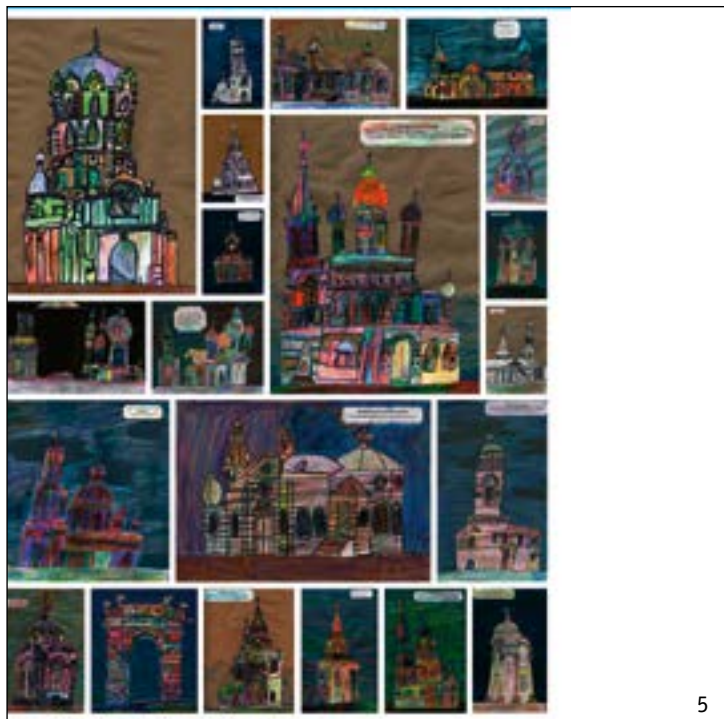
5. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Ю. О. Поднебесовой, преподава-

телю центра детского творчества архитектуры и дизайна «Пирамида», ИрННТУ, за серию работ «Допожарный Иркутск»

6. БРОНЗОВЫЙ диплом
Л. Н. Васюнькиной, преподавателю центра детского творчества архитектуры и дизайна «Пирамида», ИрННТУ, за серию макетов «Алиса в зазеркалье» (к 150-летию книги Л.Кэрролла «Алиса в стране чудес») посвящается «Зазеркальные насекомые», «Шахматное пространство Зазеркалья», «Шахматная королева»

7. ЗОЛОТОЙ диплом за развитие детского архитектурно-художественного творчества центру детского творчества архитектуры и дизайна «Пирамида», ИрННТУ, преп. Н. В. Ремизова, О. В. Митюкова, У. О. Кручинина, Л. Н. Васюнькина, О. В. Пашинина, Т. В. Горохова, Ю. О. Поднебесова

8. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом за развитие детского архитектурно-художественного творчества художественной мастерской «Облако», преп. Н. Г. Аносова

5

6

7

8

9. БРОНЗОВЫЙ диплом за развитие детского архитектурно-художественного творчества детской студии дизайна «СПЕКТР», преп. А. В. Пахатинская

9

постройки

Акулов В. Н.
Ананьев С. А.
Бадула О. Б.
Бархатова Н. В.
Беспалова А. В.
Бочков А. А.
Буйненко А. Н.
Быков М. В.
Войтова-Шустерова Л.
Войтович В. В.
Вырупаев Р. В.
Готовский Д. С.
Григорьева Е. И.
Грудникова С. А.
Гусевский А. С.
Деринг А. Ф.
Ерофеев Е. А.
Есиков И. А.
Жихарева О. Н.
Жуков А. М.
Зибров А. П.
Зибров П. А.
Зыков Е. А.
Иванович И. В.
Карбан С. В.
Карпов С. Б.
Карпович М. В.
Кирпищиков А. Ю.
Козак И. В.
Козьмин А. Л.
Колосов В. Г.
Колосова Е. В.
Комнева И. М.
Копейкин А. А.
Копейкина Л. А.
Красюкова М. В.
Крылова Л.
Кудрявцев М. Ю.
Леонова А. В.
Литвинов И. Б.
Лябчук А. В.
Маркова И. С.
Миронов М. Ю.
Михайлик А. В.
Мулляров С.
Наумова С. М.
Невретдинов Б. А.
Новикова А. Н.
Онучин П. И.
Павлова О. Н.
Паничев М. В.
Пермякова Е. А. ,
Петухов А. Л.
Печенина Л. Н.
Пятидесятникова А. В.
Рагино Н. А.
Резник А. П.
Ри Алексей У.
Ри Анна У.
Сапачев Д. В.
Сергеев А. С.
Сирицану А. А.
Стегайло В. Б.
Суздалева Ю. Н.
Сундеев М. Е.
Сысалов Е. М.
Тигунцев А. В.
Тигунцев М. В.
Тисленко С. И.
Тоскин Е. Г.
Ферреферов В. П.
Филлюк Г. А.
Французова М. В.
Хлебников Д. А.
Чащин С. В.
Чельцов А. В.
Шевченко Ю. В.
Шерстнев Р. Г.
Шубина Н. И.

Шустерова Г.
Щукина М. А.
Юшков А. Н.
Юшков Н. А.
Яскевич М. Г.

проекты

Александрова О. Г.
Алякина И. Б.
Ананьев С. А.
Анисина О. А.
Бадула О. Б.
Бадула Ф. Р.
Бальжанов Б. П.
Баранова В. А.
Бармин А.
Басина Л. Г.
Белоокая Д. В.
Белоусов Г. А.
Бельков А. О.
Буйненко А. Н.
Булгатов Б. Р.
Бызов В. А.
Быков М. В.
Былков А. П.
Васильева М. И.
Ведерникова А. В.
Ведерникова А. В.
Вершинина С. Э.
Герман В.
Горбенко В. Ю.
Горячая А. В.
Горячая М. В.
Готовский Д. С.
Григорьева Е. И.
Гусевский А. С.
Гусейнова А. А.
Демина С. И.
Демченко М. Д.
Деринг А. Ф.
Дмитриева А. В.
Дмитрюк В. С.
Дорофеев П. А.
Дуняшенко А. М.
Елизов А. В.
Елшин Р. Е.
Еременко И. А.
Есиков И. А.
Есикова А. Ю.
Жуковский Н. Л.
Журавлев А. И.
Жушман Е. В.
Заславская П. А.
Захарова Л. А.
Здышев К. Л.
Зибров А. П.
Зибров П. А.
Золотухин Е. В.
Зюбр А. В.
Игумнова Е. В.
Карлова Д. Ю.
Карпович М. В.
Кибирева Е. В.
Киселев С. А.
Клайс Л. К.
Кобылина М. П.
Козак А. И.
Козак И. В.
Козьмин А. П.
Колосовский С. И.
Кольган В. С.
Кондратьева О. И.
Концевой А. Ю.
Коркин И. А.
Красильников А. Г.
Кремлев Д. М.
Ксенофонтов А. П.
Кудина Т. В.
Кузнецова Е. А.
Кулешов Д. А.

Куцакова О. Ю.
Ладейщикова Е. Р.
Лебенко Ю. В.
Лисовая Ю. А.
Лучкина Л. М.
Ляпин А. А.
Малышева Л. В.
Мартюшов А. Б.
Маяренко С. Ю.
Меерович М. Г.
Митичкина А. Е.
Моисеева Е. Ф.
Монгуш Н. Б.
Мохосоев А. А.
Муллаярлов С. В.
Нагаева Н. Ф.
Нечаев А. Г.
Нечхаев В.
Нючева О. В.
Очирова Т. И.
Папанян К. А.
Перебейнос Л. П.
Пермякова В. Р.
Петрова Т. П.
Былков А. П.
Петунин А. В.
Пилипенко А. С.
Пожидаев А. А.
Поликарпочкин А. В.
Попов А. И.
Протасова Е. В.
Протасова М. В.
Распутин К. В.
Распутина М. Ж.
Репина А. В.
Родионов Д. И.
Семина О. В.
Сидельников Д. В.
Силичева И. С.
Смирнов Н. В.
Собенникова О. А.
Соболевский Я. Н.
Соколов С. О.
Соколова А. В.
Соколова А. И.
Ставцев С. В.
Стегайло В. Б.
Суздальев Ю. Н.
Тантлевская М. И.
Таргашин Ю. С.
Тигунцев А. В.
Тигунцев М. В.
Тисленко С. И.
Ткач Ф. М.
Тремпольцев И. В.
Трескина Е. М.
Третьяков В. Ю.
Триголос О. М.
Тудакова Т. Г.
Тяжев В. В.
Урбаева А. О.
Филлипова Е. В.
Филлипова О. Г.
Фролова О. В.
Хотулев Р. А.
Хотулева В. А.
Хуриганов Э. К.
Цыренов А. А.
Чеснаков С.
Чупарин Е. Н.
Шабаганов С. А.
Шагланов Б. Н.
Шелюфаст Д. И.
Шемазашвили К. Д.
Шипунова Т. Е.
Шишканова М. А.
Шубина Н. И.
Шулятьева Е. В.
Юхнин К. В.
Якимов В. И.

Яковлев А. П.
Ямова Е. В.

мастерские

Бобрышева И. Ю.
Бызов В. А.
Войтович В. В.
Войтович И. И.
Волков М. В.
Глукман И. А.
Думитрашку А. Н.
Елаго Н. В.
Жуков А. М.
Козак А. И.
Козак И. В.
Кукалев В. С.
Литвинов И. Б.
Макотин П. А.
Медведев М. А.
Митичкина А. Е.
Нагаева Н. Ф.
Пак А. К.
Повонский Е. С.
Распутин В. В.
Распутин М. Ж.
Родионов Д. И.
Рощупкина Л. И.
Русакон В. А.
Середенкина С. В.
Ставцев С. В.
Тельнов М. В.
Устина Е. Ю.
Филиппова О. Г.
Филлюк Г. А.
Хороших А. В.
Чернолихов М. В.
Чупарин Е. Н.
Шевченко Ю. В.
Янов А. Ю.

пропаганда архитектуры

Ануфриев А. А.
Баянова Ю.
Белькова А. О.
Бобатаева Н.
Бобрышева А.
Большаков А. Г.
Бронникова М.
Бугаенко Н.
Васюнькина Л. Н.
Верселова М. В.
Герасимова Е.
Гладкова Е. А.
Голомедова Е.
Горохова Т. В.
Демков С. Б.
Дружинина И. Е.
Дьяченко И. В.
Елшина Н.
Железняк О. Е.
Желудков А.
Иванова Ю.
Карповский П.
Касьянова Т.
Киненко В. В.
Козак А. И.
Козак И. В.
Колодий Г. Н.
Копылова Т. А.
Корелина М. В.
Косарев Л.
Краковцева Ю. В.
Кривонос Н.
Кручинина У. О.
Кулаков А. И.
Ладейщикова А. Ю.
Ларионов Н.
Литвиненко Р.
Мартынихина М.

Митюкова О. В.
Михалев С.
Мурашова С. В.
Назимова В. С.
Никифорова Ю. К.
Нуянзина В. А.
Пахатинская А. В.
Пахатинский А. В.
Пашинина О. В.
Переломова А.
Петрова Т. П.
Победаш Е. В.
Поднебесова Ю. О.
Попов М. А.
Пуляевская Е. В.
Ремизова Н. В.
Ри А. У.
Родина С.
Сабинина Л. Г.
Смертина Т. Ю.
Фисюк М.
Хотулева В. А.
Чертилов А. К.
Чупарин Е. Н.
Шижанов В. С.
Шпак Д.
Ямова Е. В.

студенты

Алсагаева И. И.
Андреева
Антипин С. А.
Антонова Е. Н.
Арбатский
Бадисова А. Ю.
Бадула А. О.
Баранова А. С.
Белоокая Д. В.
Борисова И. А.
Валеев Р.
Васильева М. И.
Вахрушева Н. Е.
Войтиченко Н. Д.
Волкова С.
Галушкина Т. Е.
Горохова Т. П.
Дашиев Т. А.
Демченко М. Д.
Дружинина А. И.
Еремеева
Ершов
Зарубина Н. А.
Здышев К. Л.
Кремлёва Д. М.
Кудряшова Ю. С.
Куроленко А. В.
Латыпова
Лекомцева А.
Майновская Е. Г.
Марченкова Е. И.
Митичкина А. Е.
Моисеева А. А.
Морева И. И.
Насонова К. С.
Наумова Н. Д.
Наумова Т. Н.
Нуянзина В. А.
Подгорбунская Ю. В.
Распутина О. Г.
Репина А. В.
Родченкова
Рулёва Д. В.
Саушкина
Свяжина Д.
Силкачева Ю. Н.
Соколов С. О.
Табитуева М. С.
Федотова Т. А.
Ханхараева
Цыбенков

Черняк М. И.
Шадрина А.
Штейникова О. Г.
Щеглова Е.
Щербин Т. В.
Ярославцева О. Н.

молодые архитекторы

Боровикова Н. М.
Васильева М. И.
Воронина А. А.
Гузилов О. В.
Дружинина А. И.
Журавлёв И. К.
Зарутская Н. А.
Коротков В. Ю.
Лагунков Д. М.
Лагунков М. Ю.
Ловчигина Е. С.
Максимов С. В.
Малинович Р. Д.
Нуянзина В. А.
Полюхова А. С.
Стегайло А. В.
Ушанов С. В.
Ушанов С. В.
Хитрина А. П.

детское творчество

Аксёнова Вика
Блинников Дима
Букалова Эллада
Виноградская Олеся
Генералов Артём
Гилёва Диана
Гостева Мария
Григорьева Ира
Дудник Даша
Елагина Катя
Елагина Настя
Емельянов Глеб
Золотухина Диана
Камнева Вероника
Крюковская Доминика
Кутергина Алиса
Лавыгин Герман
Лапина Аня
Лыжина Света
Ляшенко Саша
Малькова Настя
Маркова Лера
Матвиива Соня
Метелькова Саша
Михеева Диана
Неведомская Саша
Никитина Аля
Оганесян Илья
Патейчук Вика
Пахатинская Настя
Пахатинский Арсений
Петров Семен
Пичковская Яна
Плотцева Оксана
Погодаев Артём
Постникова Ульяна
Проскурин Саша
Пьянова Ангелина
Селиванова М.
Слепцова Наташа
Сычёва Яна
Толстикова Лиза
Хаснатинова Майя
Хураншина Саша
Черных Ира
Шадрина Н.
Шалтыкова Саша
Шаравьев Саша
Шатунова Геля
Яговкин Никита

горожанство / urbanship

* https://en.wikipedia.org/wiki/Tao_Te_Ching

We put thirty spokes together and call it a wheel;
But it is on the space where there is nothing that the usefulness of the wheel depends.
We turn clay to make a vessel;
But it is on the space where there is nothing that the usefulness of the vessel depends.
We pierce doors and windows to make a house;
And it is on these spaces where there is nothing that the usefulness of the house depends.
Therefore just as we take advantage of what is, we should recognize the usefulness of what is not. (chap. 11, tr. Waley)* (Laozi, 1994)

Introduction. An environment and an object.

René Descartes said: "People would get rid of half of their problems if they could agree on the meanings of words". One of the most popular word combinations in modern urban studies is 'urban environment'.

The word 'environment' is what is between or around something (Ushakov (Ed.), 1940). In other words, environment is an additional notion to the notion 'object'. While trying to understand what urban

environment is, we should divide the city into objects and into something around or between them, i.e. an environment.

It is obvious that the division into an object and an environment is arbitrary and subjective. A psychologist or a sociologist considers people or groups of people to be objects, and city buildings or constructions to be an environment. For architects, vice versa, the buildings designed by them are objects, and citizens and their communities are an environment. Urban transport specialists perceive transport flows as objects, and people and buildings as an environment. Specialists in urban economy rank people, transport and buildings as an environment, and resource (generally – financial) flows and nodes as objects, etc.

2. Searching for a definition of urban environment from the position of town-planning practice

There are more than forty local definitions of urban environment, depending on the author and the context of the definition (Steinbach, & Elenskij, 2004).

It is no wonder that V. L. Glazychev does not consider this notion to be scientific: "A widely used expression 'urban environment' has not yet got a status of scientific notion, it is rather a metaphor, a verbal

Горожанство

В поисках универсального определения городской среды

текст

Константин Лидин /

text

Konstantin Lidin

Понятие городской среды является одним из центральных в теоретической урбанистике. Отсутствие четкой дефиниции этого понятия мешает успешному развитию теории и практики управления развитием городов. Предложено определение городской среды как системы информационных потоков. Предложенный подход позволяет рассматривать градостроительные, экономические и социальные аспекты жизни города с единых позиций.

Ключевые слова: урбанистика, городская среда, социальная психология, экономика территорий, информация. /

The theoretical urban studies consider urban environment one of the central notions. The lack of clear definition of this notion prevents from successful evolution of theory and practice of urban development management. It is suggested to define urban environment as a system of information flows. The suggested approach allows consideration of town-planning, economic and social aspects of urban life from a unified position.

Keywords: urban studies; urban environment; social psychology; economy of territories; information.

v Наиболее комфортный квартал города – променада – место, где горожане прогуливаются, общаются, испытывают гармоничные эмоции доверия и интереса. Центральный променада («Ракушка»), город Бургас

Тридцать спиц входят в одну ступицу
Но не будь она пуста посередине, не было бы колеса
Кувшин лепят из глины
Но не будь он пуст внутри, на что был бы пригоден?
В доме делают окна, двери и стены
Но не будь пустоты между ними, где тогда жить?
Во всем главное – внутренняя пустота [1].

Среда и объект

Рене Декарт писал: «Люди избавились бы от половины своих неприятностей, если бы смогли договориться о значении слов». В современной урбанистике одно из самых популярных словосочетаний – «городская среда».

Само по себе слово «среда» означает нечто, находящееся между или вокруг чего-либо [2]. Иначе говоря, среда служит понятием, дополнительным к понятию «объект». В попытках понять, что такое городская среда, мы должны разделить город на объекты и то, что находится вокруг и между ними, то есть среду.

Очевидно, что разделение на объект и среду носит совершенно произвольный, субъективный характер. Для психолога и социолога объекты – это люди и группы людей, а здания и сооружения города относятся к среде. Для архитектора все наоборот: здания, которые он проектирует, являются объектами, а населяющие город люди и их сообщества составляют среду. Для специалиста по транспортной инфраструктуре городов объектами становятся транспортные потоки, а к понятию среды относятся и люди, и здания. Для специалиста по экономике города, и люди, и транспорт, и здания попадают в категорию среды, а объектами становятся ресурсные (в общем случае – финансовые) потоки и узлы. И так далее.

Поиски определения городской среды со стороны практики градостроительства

В целом насчитывается более сорока локальных определений городской среды – в зависимости от того, кто и в каком контексте такое определение дает [3].

shell, which content depends on personal aptitude of both a designer and a researcher” (Glazychev, 1984).

Here comes a nonacademic question: what of it? Until now, the lack of clear definition of urban environment has disturbed neither social psychologists nor architects nor economists. In each field they made researches, wrote articles and defended theses. Only a few books are equally cited in different fields of science dealing with urban environment. Both small books by E. Wanderwede (Wanderwede, 1901), N. P. Antsiferov (Antsiferov, 1925) and a fundamental work by L. A. Velikhov (Velikhov, 1928) were written almost one hundred years ago, when urban planning was not yet divided into many independent fields. As we go along, should we keep to poetical and metaphorical conception of what is an object and what is an environment in the city?...

However, urban planning and territory development management demand a common approach to the notion of urban environment. The matter is that every participant in the urban planning process is focused on their own city aspect. Every stakeholder considers his or her interest as an object, and everything else as an environment that should serve the interests of the object’s development. At the

same time, all the participants of the dialogue do not demonstrate readiness to examine the other’s point of view; they try to appeal to the authorities so that they will take measures. Architects wish to prohibit advertising, at least in the historical center. Inhabitants of the historical center would like to bring a prosecution against infill developers. Participants of transport flows are eager to shoot down those who build trade centers across highways, and developers hate everybody whose activity occupies the building sites. Authorities represented by the authors of urban development masterplans are in a permanent despair while seeing how turbulent passions ruin their well-thought-out brilliant plans. Specialists in urban theory are especially indignant when boiling waves of heterogeneous interests create trends that absolutely disagree with the logic of theoretical models. G. Revzin said acidly: “I think urbanists should pay their attention to the reality in which they exist – not for the purpose of fighting with this reality, but for some other purpose” (Revzin, 2012).

A. Gutnov, the great urbanist, wrote more academically and diplomatically: “We should get rid of the perception of the city as a purely artificial object and assume the idea that the city is a complex

Urbanship

In search for a comprehensive definition of urban environment

Неудивительно, что В. Л. Глазычев отказывает понятию городской среды в научности: «Широко употребляемое выражение «городская среда» не имеет пока статуса научного понятия, это скорее метафора, словесная оболочка, содержание которой зависит от индивидуальных склонностей как проектировщика, так и исследователя» [4].

Здесь, пожалуй, уместен совсем не академический вопрос: ну и что? До сих пор отсутствие четкой дефиниции городской среды вроде бы не мешало ни социальным психологам, ни архитекторам, ни экономистам. В каждой области проводились исследования, печатались статьи и защищались диссертации. Лишь несколько книг равномерно цитируются в разных областях науки, трактующих городскую среду. Небольшие книжки Э. Вандервелде [5], Н. П. Анциферова [6], как и фундаментальный труд Л. А. Велихова [7], были написаны почти сто лет назад – когда урбанистика еще не разделилась на множество независимых областей. Может быть, следует и дальше оставаться на позициях поэтически-метафорического понимания того, что в городе – объект, а что – среда?..

Но нет, практика градостроительства и управления развитием территорий настоятельно требуют выработки некоего единого подхода к понятию городской среды. Проблема в том, что каждый участник градостроительного процесса сосредоточен на своем аспекте города. Каждый стейк-холдер свой интерес воспринимает как объект, а все остальное – как среду, которую можно и нужно подчинить интересам развития объекта. При этом все участники диалога не проявляют особой готовности вникать в точку зрения друг друга, а пытаются апеллировать к властям, чтобы те применили, наконец, свои властные меры. Архитекторы мечтают запретить рекламу, хотя бы в историческом центре. Жители исторического центра хотели бы подвергнуть уголовному преследованию точечных застройщиков. Участники транспортных потоков жаждут расстрелять тех, кто строит торговые центры поперек магистралей, а девелоперы тихо ненавидят всех, кто своим существованием обременяет территории под застройку. Власти, в лице создателей генеральных планов развития города, пребывают в перманентном отчаянии, наблюдая, как хаотическое кипение страстей разруша-

ет их продуманные и прекрасные проекты. В особенно сильное негодование приходят теоретики-урбанисты, когда бурлящая стихия разнородных интересов образует тенденции, немало не совпадающие с логикой теоретических моделей. Ехидный Г. Ревзин пишет: «Мне кажется, урбанистам имеет смысл все же обратить внимание на реальность, в которой они существуют, – не в смысле как с ней бороться, а в каком-то другом [8]».

Великий урбанист А. Гутнов писал об этом более академично и дипломатично: «Мы должны отбросить представление о городе как чисто искусственном объекте и освоить представление о нем как о сложной системе искусственно-естественного характера. Это особая система, включающая, наряду с теми инженерными подсистемами, что целиком порождены нашим воображением, еще и природные и социальные элементы, которые не поддаются жесткому однозначному упорядочению, обладают как бы собственной волей [9]».

Определение городской среды: нормативный (интегральный многофакторный) подход

Универсальный подход к понятию городской среды необходим для того, чтобы объективно и комплексно оценивать эту самую среду, осознанно регулировать ее качество и в конечном итоге управлять динамикой городского населения. Естественно, что свое понимание сущности городской среды выработали и представители правящего класса – чиновники. В 2012 году к Российскому союзу инженеров обратился Госстрой РФ с просьбой оказать ему содействие в выполнении пункта № 1 Поручения Президента РФ № Пр-534 от 29 февраля 2012 года, выданного по итогам совещания «О мерах по реализации жилищной политики» от 14 февраля 2012 года, а также пункта 4 перечня поручений Председателя Правительства РФ от 20 марта 2012 г. № ВП-П9-1581 «О разработке методики и оценки качества городской среды проживания и проведения такой оценки в крупных городах России» [10]. Союз инженеров, разумеется, не отказал. С помощью МГУ, а также Минрегионразвития РФ, Роспотребнадзора и Федерального агентства по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству РФ был построен

system with both artificial and natural features. It is a special system which includes not only engineering subsystems created entirely by our imagination, but also natural and social elements that resist rigid arrangement, having a sort of their own will" (Gutnov & Glazichev, 1990).

3. Definition of urban environment according to a regulatory (integral and multifactorial) approach

A universal approach to the definition of urban environment is necessary to evaluate the environment in an unbiased and integrated manner, to regulate its quality and, finally, to manage the dynamics of urban population. Naturally, representatives of the governing class, or civil servants, have formulated their own understanding of urban environment. In 2012 Gosstroy of the RF asked the Russian Union of Engineers to assist in fulfilling of the Point 1 of the Order of the President of the RF № Пп-534 as of 29 February 2012 issued following the results of the Meeting "On measures for realization of housing policy" as of 14 February 2012, as well as of the Point 4 in the list of orders of the Chairman of the Government of the RF as of 20 March 2012 № ВП-П9-1581 "On working out of methodology and evaluation of urban

environmental quality, as well as conducting such evaluation in big cities of Russia" (Press-reliz, n.d.). Naturally, the Union of Engineers satisfied the request. In cooperation with Moscow State University, the Ministry of Regional Development of the RF, the Federal Service on Customers' Rights Protection and Human Well-being Surveillance and the Federal Agency for Construction, Housing and Utilities of the RF, the General rating of city appeal was designed.

Its distinctive feature is that among its authors there are only organizations, but not individuals. The methods are based on a powerful reputation of government institutions, but not on a low credibility of a scientist or a school of urban studies. Who can doubt that the Ministry of Regional Development and the Federal Service on Customers' Rights Protection and Human Well-being Surveillance know better than anyone what the urban environment is and which of its qualities are essential for urban development?

The General rating is calculated by standard qualimetric methods, basing on the documents (reports) on the situation in the city according to thirteen indexes. The indexes include about forty parameters, most of which are of integral nature, for example, 'the index of demo-

Генеральный рейтинг привлекательности городской среды обитания.

Характерно, что среди авторов рейтинга нет ни одного конкретного человека, а только организации. Методика опирается не на хлипкий авторитет какого-либо ученого или научной школы урбанистов, а на мощную репутацию государственных структур. Кто же будет спорить, что Минрегионразвития и Роспотребнадзор лучше знают, что такое городская среда и какие ее качества наиболее важны для развития городов?

Генеральный рейтинг вычисляется стандартными квалиметрическими методами на основе документов (отчетов) о состоянии дел в городе по тринадцати индексам, включающим около сорока параметров, большинство из которых в свою очередь несут интегральный характер, например «коэффициент демографической нагрузки». Таким образом, вопрос о соотношении объекта и среды удалось просто проигнорировать, утопив его в бесконечных цифрах.

Правда, результат оказалось трудно согласовать со здравым смыслом. Пусть вы – житель, скажем, Иркутска (сорок пятое место среди 165 городов России по итогам 2013 года), и вы недовольны тем, что в городе плохо с экономикой (индекс 0,19), совсем плохо с инновациями (0,03) и почему-то, несмотря на обилие университетов, – с кадрами (кадровый потенциал тоже 0,03). Утешайтесь тем, что в городе все прекрасно с «социальными характеристиками» – уровнем преступности и безработицы (индекс равен 0,86, лучше, чем в Москве). Оказывается, в Иркутске весьма доступное жилье (0,83) и великолепная транспортная инфраструктура (0,72). Если же вам покажется, что в городе страшно жить, цены на недвижимость зашкаливают, а дороги разбиты и забиты – то знайте, что это вам только кажется. На самом деле, то есть в отчетах, все обстоит очень хорошо. И, если наиболее ценные, квалифицированные и творческие горожане уезжают из Иркутска, а их место занимают гастарбайтеры, – это ничего, зато на бумаге все выглядит вполне достойно.

Городская среда как система информационных потоков

Лукавая статистика неплохо справляется с политическим заказом чиновников, что позволяет им хорошо выглядеть

в глазах начальства. Но для реального управления городским организмом нужен более объективный методологический подход.

Санкт-Петербургский институт территориального планирования «Урбаника» так определяет понятие городской среды:

«ГОРОДСКАЯ СРЕДА оценивается наблюдателем, как соединительная бестелесная ткань между наполняющими город объектами.

ГОРОДСКАЯ СРЕДА генерирует эмоциональное восприятие города, вызывает желание в нем жить, работать, заниматься творчеством, воспитывать детей или, наоборот, желание покинуть территорию в поисках более близкого и комфортного места обитания.

ГОРОДСКАЯ СРЕДА – это набор политик городского развития, через которые город и его жители могут быть конкурентны на быстроизменяющихся рынках рекрутинга, товаров, информации, услуг и др.» [11].

Перед нами пример определения через перечисление свойств. Итак, городская среда:

- а) «бестелесна», то есть невещественна;
 - б) воспринимается жителями города эмоциональным образом;
 - в) служит основой для развития конкурентоспособности города в самом широком спектре товаров, услуг и т. д.
- Таким набором качеств городская среда обладает в том случае, если она является структурой, состоящей из потоков информации.

Информация, в отличие от двух других аспектов существования материи (вещества и энергии), субъективна по сути своей. Информационный поток характеризуется как объективным количественным параметром (интенсивность, количество информации в потоке за единицу времени), так и субъективным качественным параметром (осмысленность, упорядоченность, зашумленность информации в потоке). Зависимость от наблюдателя, которая для вещества и энергии проявляется только в квантовом микромире (в виде принципа Гейзенберга), для информации видна «невооруженным глазом». Субъективное переживание свойств информационного потока – это эмоции. Эмоциональное восприятие города отражает свойства «бестелесных» потоков информации,

graphic load'. Thus, the question of correlation between the object and the environment was buried under a mountain of numbers and simply ignored.

However, the result was incompatible with reason. Suppose you live in Irkutsk (it ranks forty-fifth among 165 cities of Russia according to the results of 2013), and you are dissatisfied with poor city economy (index equals 0.19), very poor innovations (0.03), and, despite a big number of universities, poor workforce capacity (index is also 0.03). You should content yourself with wonderful 'social characteristics' – the crime and unemployment rate (index is 0.86, which is better than in Moscow). Housing in Irkutsk is quite affordable (index is 0.83), and transport infrastructure is excellent (0.72). If you think that living in Irkutsk is dangerous, real estate prices are too high, and the roads are full of holes and transport, - it is just an illusion. As a matter of fact, or rather in the reports, everything is all right. Although the most valuable, skilled and creative citizens leave Irkutsk, and migrant workers come to their place, the situation looks quite good on paper.

4. Urban environment as a system of information flows

Crafty statistics easily execute the political order given by gov-

ernment officials. Thanks to it, they win their bosses' respect. But to govern the urban organism in reality, they need a more objective methodological approach.

The Urbanica Spatial Planning Institute (Saint Petersburg) gives the following definition of urban environment:

"The urban environment is assessed by the observer as a connective immaterial tissue between the objects that fill the city.

The urban environment generates emotional perception of the city, makes people want to live, work, create, bring up children in this city or, vice versa, to leave the territory in search of a more comfortable habitat.

The city environment is a variety of urban development policies, with the help of which the city and its inhabitants can be competitive on rapidly changing markets of human resources, goods, information, services etc." (Kotova, n.d.).

That was an example of definition through specified qualities. Thus, the urban environment:

A. is 'immaterial',

B. is emotionally perceived by city inhabitants,

протекающих сквозь его ткань, и формирует желание (или нежелание) жить в этом городе, производить товары и услуги под его брендом и вообще как-то связывать с ним свою судьбу.

О том, как связана планировка города с характеристиками информационных потоков, наш журнал писал уже неоднократно [12]. С другой стороны, те же характеристики потоков информации определяют преобладающий тип экономических отношений, да и весь образ жизни. Здесь мы введем специальный термин – горожанство – и определим его как «образ жизни, на сущностном уровне связанный со структурой и динамикой города».

Горожанство и четыре его базовых типа

Исторически первым возникает концентрический тип планировки города и соответствующий тип горожанства. Он характеризуется слабыми информационными потоками (низкая интенсивность, средняя упорядоченность). Образ жизни, характерный для такого типа, – стабильный, традиционный, отрицающий всякие новшества. Экономически он ориентирован на невысокий уровень потребления и рентный характер движения ресурсов. Ресурсы движутся преимущественно из прошлого в настоящее, экономика живет за счет прошлых побед и накоплений. В социальном плане преобладает жесткая сословность, вертикальная динамика минимальна, социальные «лифты» не работают. Пример – Вавилон после завоеваний Саргона Древнего (шумеро-аккадский период) или план развития Москвы конца тридцатых годов, предполагавший консервацию города и полную остановку изменений в его статусе.

Противоположный вариант «линейного города» ориентирован на максимально интенсивные потоки информации. Новаторский образ жизни, соответствующий такой структуре, высоко ценит прогресс и инновации. Экономически ориентирован на высокий и непрерывно растущий уровень потребления и накопительный характер движения ресурсов. Богатство такого сообщества, в том числе культурное, непрерывно растет (ресурсный поток ориентирован из настоящего в прошлое). Социальный лифты активно работают, динамика социума велика и разнообразна. Примером подобного города может

служить Ахетатон, столица фараона-реформатора Эхнатона (Аменхотепа IV), или проекты линейных городов советских архитекторов-шестидесятников.

Предельно упорядоченной структуре информационный потоков соответствует четкая, монотонная градостроительная сетка (Манхеттен, барселонский район Эшампле, Чандигарх). В таком городе подразумевается образ жизни, абсолютно законопослушный, централизованный и распланированный. В экономике преобладают тенденции к инвестированию (движение ресурсов из настоящего в будущее), популярны гигантские амбициозные проекты, способные оправдать вложенные в них средства только в отдаленном будущем. В социальном плане имеет место диктатура закона: вся жизнь социума подчинена общему плану, общим ценностям и правилам поведения. Яркий пример подобного горожанства – проекты городов-садов конца XIX – начала XX века.

Хаотичность, беспорядочность застройки (и, соответственно, протекающих через нее информационных потоков) стимулирует незаконный образ жизни жителей. Бидонвилли, фовелы, поселения сквоттеров – все эти структуры формируют криминальный (мафиозный) тип горожанства. В экономическом плане преобладают ресурсные потоки из будущего в настоящее: экономика живет за счет безудержного роста долгов, стремление к кредитованию принимает формы ограбления будущего ради потребления благ в настоящем. В социальном отношении властвует хищническое право сильного, законы не исполняются, никто никому не доверяет и каждый – враг всем. Примером подобной структуры могли бы служить города раннего европейского Средневековья или то, что наблюдалось в отечественном градостроительстве в девяностых годах прошлого века.

Что дальше?

Разумеется, в любом реальном городе можно обнаружить признаки всех четырех основных типов горожанства, как и множество промежуточных и переходных типов. При устойчивом развитии города обычно наблюдается естественная сегрегация: приверженцы разных типов горожанства селятся все более обособленным и компактным образом. Так возникают различные чайна-тауны,

C. serves as the basis for developing the city's competitive ability in a wide range of goods, services, etc.

These qualities belong to the urban environment only if it has the form of a structure consisting of information flows.

Information, unlike the two other aspects of existence of matter (substance and energy), is subjective by nature. The information flow is characterized by both an objective quantity parameter (intensity, amount of information in the flow per unit time), and a subjective quality parameter (meaningfulness, regularity and noise pollution of information in the flow). The dependence on the observer, which for substance and energy is manifested only in the quantal microworld (as Heisenberg's principle), is obvious for information. Subjective treatment of the information flow properties are emotions. Emotional perception of the city reflects properties of 'immaterial' information flows that run through the city tissue and form the will (or unwillingness) to live in this city, to produce goods and services under its brand and, generally, to twist fortune with it.

The connection between the urban planning and the information flow properties has been widely observed by our journal (Lidin, 2013). On the other hand, the same properties of information flows determine

the dominating type of economic relations and the way of life. Here we introduce a special term – urbanship, and define it as "a way of life essentially connected with the structure and dynamics of the city".

5. Urbanship and its four basic types

Historically, a concentric type of urban planning and a corresponding type of urbanship were the first. This type is characterized by weak information flows (low intensity, mean regularity). The way of life peculiar to this type is stable and traditional; it denies any novelties. Economically, it is focused on a not very high consumption level and rent features of flows of resources. Resources flow mostly from the past to the present, and the economy depends on the past achievements and savings. Socially, a strict stratification prevails, the vertical dynamics is minimal, and the social 'lifts' do not work. For example, Babylon after being conquered by Sargon the Elder (the Sumer-Akkadian period); or the development plan for Moscow of the late 1930s, which proposed to conserve the city and to stop any changes in its status.

The opposite variant of a 'linear city' is focused on the most intensive information flows. An innovative way of life, which corresponds to this structure, appreciates progress and innovations. Economically, it is focused on a high and constantly growing level of consumption and

гетто, «белые», «черные», «голубые» и «зеленые» кварталы и так далее. Как соотнести влияние и стремления разных горожанств внутри одного города? Как управлять балансом и развитием городского организма, включающего все типы горожанства в качестве естественных и необходимых элементов? Все это – вопросы, на которые должна дать ответы урбанистика городской среды. Наука, изучающая закономерности «пустоты, насыщенной смыслами».

Список литературы

1. Лао Цзы. Дао дэ Цзин / пер. Н. и Т. Доброхотовых. Переложение с китайского. – Дубна : Свента, 1994. – С. 23.
2. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Сов. энцикл. ; ОГИЗ ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. – Т. 4. – С. 28.
3. Штейнбах Х. Э., Еленский В. И. Психология жизненного пространства. – СПб. : Речь, 2004. – 239 с.
4. Глазычев В. Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М. : Стройиздат, 1984. – С. 7.
5. Вандервельде Э. Притягательная сила городов / пер. с фр. Л. Винци. – СПб. : Знание, 1901. – 62 с.
6. Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма : опыт комплексного подхода. – Л. : «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1925. – 148 с.
7. Велихов Л. А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. – М. ; Л. : Госиздат, 1928. – 468 с.
8. Ревзин Г. Урбанисты, беспокойные сердца // Отечественные записки. – 2012. – № 3(48).
9. Гутнов А., Глызычев В. Мир архитектуры. – М. : Молодая гвардия, 1990. – С. 352.
10. Российский союз инженеров представил в Торгово-промышленной палате РФ 22.12.2014 Генеральный рейтинг привлекательности городской среды проживания (обитания) по итогам деятельности городов за 2013 год: пресс-релиз [Электронный ресурс]. – <http://www.xn----flclae fgad gbl2ccdgivqface04a.xn--p1ai/reytingi/>
11. Котова Е. Понятие «городской среды» [Электронный ресурс]. – http://urbanica.spb.ru/wp-content/uploads/2011/12/2_Ponjtje_gorodcskaj_sreda.pdf
12. Лидин К. Л. Когерентные города // Проект Байкал. – 2013. – № 35. – С. 37–42.

References

- Antsiferov, N. P. (1925). Puti issledovanija goroda, kak socialnogo organizma. Opit kompleksnogo podhoda [Ways of studying the city as a social organism. Experience of an integrated approach]. Leningrad: Sejatel.
- Glazychev, V. (1984). Socialno-ekologicheskaja interpretacija gorodskoj sredi [Social and ecological interpretation of an urban environment]. (p.7). Moscow: Strojizdat.
- Gutnov, A., & Glazychev, A. (1990). Mir arhitekturi [World of Architecture]. Moscow: Molodaja gvardija.
- Kotova, E. (n.d.). Ponjatje "gorodskoj sredi" [Concept of "urban environment"]. Retrieved from http://urbanica.spb.ru/wp-content/uploads/2011/12/2_Ponjtje_gorodcskaj_sreda.pdf
- Laozi (1994). Dao De Jing [Dao De Zing]. (p. 23). Dubna: Sventa.
- Lidin, K. (2013). Coherent cities. Project Baikal, 35,36-41. doi: <http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.35.13.13>
- Press-reliz. Rossijskij sojuz inzhenerov predstavil v Torgovo-promishlennoj palate RF 22.12.2014 Generalnij reiting privlekatelnosti gorodskoj sredi prozhivanija (obitanija) po bnjufv ltzntkmyjcnb gjrjdjv za 2013 god. (n.d.) [Press release. The Russian union of engineers presented in Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation 22.12.2014 General rating of appeal of an urban environment of accommodation (dwelling) following the results of activity of the cities for 2013]. Retrieved from <http://www.xn----flclae fgad gbl2ccdgivqface04a.xn--p1ai/reytingi/>
- Revzin, G. (2012). Urbanisti, nespokojnie serdca [Urbanists, restless hearts]. Otechestvennie zapiski, 3, 48.
- Steinbakh, H., & Elenskij, V. (2004). Psihologija zhiznennogo prostranstva [Psychology of living space]. St. Petersburg: Rech.
- Ushakov, D. (Ed.). (1940). Tolkovij slovar russkogo jazika [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. (Vol. 4, p. 28). Moscow: Gosudarstvennij institut "Sovetskaja enciklopedija; OGI; Gosudarstvennoe isdatelstvo inostrannikh i nazionalnikh slovarej.
- Velikhov, V. (1928). Osnovi gorodskogo hozjaistva. Obshee uchenie o gorode, ego upravlenii, finansah i metodah hozjaistva [Bases of municipal economy. The general doctrine about the city, its management, finance and methods of economy]. Moscow – Leningrad: Gosizdat.
- Wanderwelde, E. (1901). Pritjagatel'naja sila gorodov [Attractive force of the cities]. St. Peterburg: Znanie.

a cumulative nature of flows of resources. The wealth of such society, including its cultural wealth is steadily increasing (resources flow from the present to the past). Social lifts operate properly, and the society's dynamics is great and diverse. Akhetaten, the capital of the Pharaoh-reformer Ehnaton (Amenhotep IV), or the projects of linear cities by Soviet architects of the 1960s can serve as an example.

The well-defined and monotonous urban-planning grid corresponds to these utterly regular flows of information (Manhattan, Eixample District in Barcelona and Chandigarh). Such cities require a law-abiding, centralized and well-planned way of life. The economy tends to investments (resources flow from the present to the future) and huge ambitious projects that will be able to pay off the invested assets only in the distant future. Socially, the dictatorship of law is obvious: the social life obeys the general plan, common values and rules of behavior. Garden cities designed in the late XIXth – early XXth century is a perfect example of this type of urbanship.

A chaotic and irregular built environment (and corresponding information flows) stimulates the dwellers' unlawful way of life. Bidonvilles, favelas and squatters' settlements form a criminal (Mafia) type of

urbanship. The resources flowing from the future to the present prevail in the economy, which lives from an uncontrollable growth of debts. Aiming at credit provision turns into robbing the future for the sake of consuming goods of the present. In social term, the predatory 'sward law' is ruling. People disobey the laws and distrust other people. Everybody is an enemy for all. Such structures were observed in the Early Middle Ages in Europe or in the Russian urban planning of the 1990s.

Conclusion. What comes next?

Naturally, in any real city there can be features of all the four types of urbanship, as well as many transition types. Given sustainable urban development, a natural segregation is usually observed: adherents of different types of urbanship settle down more and more isolatedly and densely. This results in various Chinatowns, ghettos, 'white', 'black', 'blue' and 'green' neighborhoods and so on. How to match the impact and aspirations of different types of urbanship within a city? How to balance and develop an urban system that includes all types of urbanship as natural and essential elements? These questions should be answered by urban studies, the science which studies regularities of 'the useful space where there is nothing'.

> Состояние променада – индикатор состояния города в целом. Депрессивные тенденции наиболее явно проявляются именно здесь. Город Шумен, Славянский бульвар. Недостроенное здание областного правительства и пустынный, безлюдный променада – признаки упадка

v Специфический район болгарского города Варна – Максуда. Здесь компактно селятся восточно-европейские цыгане, поэтому район называют «цыганская махалла». Типичный пример «мафиозной» структуры. Уклад жизни болгарских цыган весьма похож на «классическую» южноитальянскую мафию. Крепкие семейные связи, четкое деление на «своих» и «всех прочих», отсутствие почтения к закону... Фото К. Лидин, Н. Ушкова

< Районы, аналогичные варненской Максуде, – не редкость. Ни в одной стране мира не найдено надежного способа преодоления этой градостроительной проблемы. Но вот недавно состоялся любопытный эксперимент: группа молодых уличных художников Germen Stew разрисовала в цвета радуги фасады 209 домов в пригороде Пальмитас мексиканского города Пачука. Проект финансировало правительство Мексики. Цель проекта – «использовать культуру как инструмент для изменения социальной ткани и упрочения чувства идентичности», снизить преступность и повысить уровень

Городская среда Дискуссионный клуб /

Обработка материалов
круглого стола
Марина Ткачева

Обсуждаются проблемы состояния городской среды. Предлагаются конкретные меры по усовершенствованию городской среды.
Ключевые слова: городская среда, дизайн-код, средовое проектирование, организация микросреды. /
The problems of urban environment are discussed, and practical measures to improve it are proposed by the Discussion Club on city environment.

Keywords: urban environment; design code; environmental design; organization of microenvironment

В рамках фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 2015» 4 июня 2015 года в Иркутском доме архитектора состоялась встреча дискуссионного клуба, посвященная проблемам качества городской среды. Обсуждению предшествовали подготовленный кураторами предварительный «аперитив» и вопросы, которые предлагалось обсудить. /
As a part of the Festival "Zodchestvo of Eastern Siberia 2015", on the 4th of June 2015 the Discussion Club Meeting concerning the quality of city environment was held in the Irkutsk House of Architects. The discussion was preceded by the presentation prepared by the curators and the questions to be discussed

Состав участников:

Никита Асадов (Москва), архитектор, куратор Международного фестиваля «Зодчество»;

Андрей Большаков, зав. кафедрой архитектурного проектирования ИРНИТУ, доктор архитектуры, профессор;

Алексей Буйнов, главный архитектор Иркутской области;

Александр Гимельштейн, зав. кафедрой журналистики и медиаменеджмента ИГУ, генеральный директор Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева; кандидат исторических наук;

Елена Григорьева, архитектор, издатель и главный редактор журнала «Проект Байкал»;

Александр Деринг (Барнаул), архитектор, генеральный директор ЗАО «Классика»;

Андрей Ефимов, председатель совета директоров группы компаний «Деметра», вице-президент Иркутского регионального объединения работодателей «Партнерство товаропроизводителей и предпринимателей»;

Ольга Железняк, зав. кафедрой дизайна ИРНИТУ, кандидат искусствоведения, профессор;

Евгений Зыков, главный архитектор архитектурной мастерской «Тектоника», член правления Красноярского регионального отделения СА;

Инна Кондратьева, главный архитектор Иркутска;

Илья Круговых, заместитель руководителя Байкальского представительства Российской гильдии управляющих и девелоперов;

Константин Лидин, кандидат технических наук, докторант психологии;

Михаил Рожанский, директор Центра независимых социальных исследований и образования, кандидат философских наук;

Марина Ткачева, доцент кафедры философии БГУЭП, кандидат философских наук;

Алексей Чертилов, доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования ИРНИТУ, председатель ИРОВОПИИК;

Сергей Шмидт, доцент кафедры мировой истории и международных отношений ИГУ, кандидат исторических наук;

Андрей Шолохов, доцент кафедры дизайна ИРНИТУ, кандидат искусствоведения, председатель Иркутского регионального отделения Союза дизайнеров России

Кураторы:

Елена Григорьева, Константин Лидин, Марк Меерович, Марина Ткачева

Модератор – кандидат архитектуры, доктор исторических наук, профессор кафедры архитектурного проектирования ИРНИТУ **Марк Меерович**

City Environment Discussion Club

Марк Меерович В профессиональном сообществе уже давно обсуждается проблема качества среды как механизма производства определенных психологических состояний и эмоций, ибо среда, с нашей точки зрения, является одним из самых мощных механизмов их порождения. Когда мы с заказчиками любого уровня начинаем разговаривать об этих тонких вещах, то они говорят, что «эта эзотерика не входит в предмет стратегического планирования и вообще в предмет обсуждения». И так, первый вопрос: побуждает ли городская среда бурление эмоций? Каких? Как сделать эту особенность городской среды действительностью в диалоге с заказчиками и предметом реального проектирования наших коллег и нас самих?

Константин Лидин Эмоции – ценный ресурс, и в настоящее время экономика эмоций выходит на первый план как в экономической теории, так и в социально-психологических исследованиях. Сегодня я предлагаю рассматривать городскую среду в очень упрощенном виде, разделив на «бурление эмоций» и «небурление». Городская среда может побуждать людей к интенсивным ярким переживаниям, в этом случае она притягивает разных людей, подобно интенсивному потоку, который втягивает в себя все оказавшиеся вблизи предметы. Противоположное состояние – депрессия территорий – явление реальное и по большей части прискорбное. Унылая, тоскливая, отвратительная городская среда рождает эмоции астенического ряда, небурлящие, вялые, холодные. Такая территория начинает отпугивать людей. А современная динамика населения такова, что все это происходит очень быстро. Болгарский город Шумен не смог обеспечить бурление эмоций, и там за пять лет население сократилось в три раза. Еще немного – и некому станет поддерживать системы его жизнеобеспечения; уже осуществляется секторное отключение электроэнергии, есть приметы гангрены городского организма. Иркутск, конечно, в меньшей степени подвержен этой опасности, но она присутствует. Если Иркутск не обеспечит бурление страстей в своей городской среде, то в течение нескольких лет он может оказаться в схожей ситуации, оказаться перед лицом коллапса и исчезновения. Страшно вато звучит, но это, к сожалению, реальность наших дней.

Андрей Шолохов Процесс создания пространства – процесс проектный. При таком подходе должны быть определенные критерии хорошего и плохого, соответствующего или нет. А критериев нет. Вторая сложность: сформированная архитектурой городская среда дополняется еще элементами «украшения» – в хорошем или плохом смысле. В ней присутствует большое количество рекламы, электронных гаджетов, которые все более и более развиваются. И сама среда как предмет проектный вдруг начинает исчезать, превращается в метафизическую составляющую. Каким образом ее сформулировать, становится совершенно непонятно: чрезвычайно много составляющих факторов, большая часть из которых субъективны.

Андрей Большаков Хотел бы затронуть аспект, с одной стороны, более объективный, а с другой – реализующийся через взаимодействие людей. Я имею в виду отношения города и природы, структуры городского землепользования как подложки под городскую среду. У нас еще сохраняются исторические морфотипы, в том числе достаточно просторное городское расположение. Но есть ряд проблем конкретно в Иркутске, о которых нельзя молчать. Кайская роща, один из важных элементов природного каркаса Иркутска, подвергается сейчас угрозе сведения, уничтожения этого реликтового леса. Виктор Яковлевич Кузеванов, директор Ботанического сада ИГУ, – человек, хорошо известный и в городском, и в международном сообществе. Он, активный защитник Кайской рощи, уволен по сокращению штатов, хотя его единственная вина заключается именно в стремлении сохранить природу в городе. Любое обсуждение природопользования в городе должно существовать в публичном пространстве. А возможная (и уже частично осуществляющаяся) застройка Кайской рощи – серьезная угроза качеству городской среды Иркутска.

Елена Григорьева Бурление страстей... Бурные страсти и в Интернете, и в печати связаны именно с зеленью, с защитой скверов, парков, деревьев в Красноярске, соснового бора в Иркутске. В Красноярске обсуждается неправильная подстрижка деревьев. Движение в защиту деревьев получило широкое распространение, и деятельность архитектора Ольги Смирновой имеет конкретные

положительные результаты. У иркутян бурление страстей вызвала установка Бабра (даже до Москвы донеслось).

Восемь лет назад на эту же тему – городская среда – мы уже встречались здесь же за Круглым столом, и сейчас сознательно возвращаемся к ней. Тогда в нескольких выступлениях прорывалась тоска по неафосной городской скульптуре человеческого масштаба, с юмором, с теплотой... Мы получили целый пакет городской скульптуры. В том числе мы получили Бабра...

Марина Ткачева Бабра нельзя назвать городской скульптурой, это памятник «имперскости».

ЕГ Стоит в городе, значит, тоже городская скульптура. Еще одна новая скульптура – памятник пожарным, людям уважаемой героической профессии. Чтобы его поставить, уничтожили под корень чудный скверик за филармонией, хотя рядом есть открытое место, прямо перед зданием МЧС, где она была бы гораздо более уместна даже в ее нынешнем, прямо скажем, довольно провинциальном виде. Иногда мы сами иницилируем что-то, а получаем совершенно неожиданный результат. Видимо, важно не только то, что каждый квадратный метр города должен быть спроектирован, но и то как.

Сергей Шмидт Могу поделиться своими впечатлениями по поводу динамики некоторых общественных умонастроений в городе Иркутске. «Классические» иркутские эмоции всем присутствующим известны: гнетущее ощущение второсортности собственного существования, ощущение города упущенных возможностей, города с великим прошлым, невзрачным настоящим и отсутствующим будущим.

Это умонастроение усиливалось после знакомства иркутян с региональными центрами вроде Красноярска, Екатеринбурга или Казани, которые производили впечатления прорвавшихся или вырвавшихся из провинциального безвременья. В последние два или три года повторение этого панического нутья по поводу Иркутска обрекает человека на производство сплошных банальностей; я, например, в этом жанре не читал и не слышал ничего нового уже лет пять. Так вот, про перемены. Такого рода отношение к Иркутску уже не дает человеку ресурса для производства собственной исключительности и оригинальности, накапливается ощущение «попсовости» такой

эмоции, такого дискурса. И потому сейчас мы находимся внутри перехода от привычного для нас упадничества к поиску и конструированию в городе чего-то уникального, а значит, достойного, хорошего. Поэтому даже такие вроде бы безвкусные чудовища, как статуя Бабра, становятся предметом, помогающим эту уникальность разыскать. У меня ощущение, что мы находимся на происходящем уже повороте от попсового нутья к пусть натужному, но оптимизму.

ЕГ Согласна с Сергеем. Ощущение второсортности мешает жить, мешает двигаться. Возвращаясь к теме обсуждения, хочу сказать, что мы не только критикуем, но и старательно ищем удачные примеры в сибирских городах.

ММ Является ли чувство скепсиса, недовольства результатом обитания в такой среде? Или наоборот: внутреннее психологическое состояние заставляет людей все время эту среду критиковать и уничтожать? Где здесь корень проблемы? Этот вопрос очень важен для проектировщиков. Исследование и понимание ситуации базируется на том, что мы имеем дело с уже созданным. Является ли проектирование нового, еще не существующего, совершенно другой задачей?

Михаил Рожанский Мне кажется, это ложный вопрос, он нас уводит в сторону. Я ничего нового не скажу, когда произнесу формулу «демократия участия»: это чувство присутствия в жизни города, в развитии города или, напротив, отделенности человека, живущего в городе, от того, что в городе решают, устанавливают. По поводу работы с эмоциями: самоуверенно считать, что можно их организовывать, но их необходимо учитывать. Вопрос в том, как включить этот аспект в методологию работы с городом. В социологии существует выражение «субъектность города»: город должен ощущаться как некий живой организм. И человек – рефлексирующая часть этого организма, участник того, что в нем происходит. Существующие уже не одно десятилетие банальные истины для нового урбанизма, знакомые всем присутствующим, не используются в принятии решений относительно городского пространства. Я имею в виду и то, что называется внимательностью города, когда город понимается как миры для интересного путешествия не только приездного, но и человека, живущего в городе. Это суточные, сезонные, го-

дичные ритмы общественных пространств, прежде всего публичных пространств. То, что было замыслено в 130-м квартале, то, что происходит на Нижней набережной, что сезонно возникает в сквере у памятника Вампилову. И это то, что называют «отпечатки», когда в городе попадаешь на следы большого мира, чувствуешь связь с человечеством и с историей – историей мира, страны и той земли, на которой стоит город. Такие понятные вещи не учитываются при работе с пространством, с территорией. Здесь исток всех историй, включая историю с Кайской рощей, с тем, что вместо городской уличной скульптуры возникает «эстетика шахматных фигур». Пример – Похабов, стоящий то ли на обороне города от реки, то ли на обороне реки от города – непонятно. Он разрушает одно из главных преимуществ Иркутска – исторически складывающееся отношение между городом и Ангарой. Это классический для города пример: непонятно для кого стоит, непонятно что обозначает... Поэзия юбилейных бюджетов.

МТ По моим ощущениям, между разными слоями населения осуществляется некая дифференциация. Нельзя говорить о едином пространстве города, в том числе о едином публичном пространстве, потому что для разных возрастов существуют разные ориентации в городской деятельности. Моя любимая тема – микродеятельность в городе, как она вписывается в городское пространство. Конечно, без 130-го квартала сегодня Иркутск и его публичное лицо очень трудно представить. Но меня привлекает и то, что я ежедневно вижу из окна. Вот в соседнем доме прекрасно разрисованная в стиле Ван Гога металлическая входная дверь. Дверь заменили – картинку воссоздали снова; теперь она захватывает все небольшое пространство входного защитного козырька, и там уже рядом с подсолнухами появилась зеленая оптимистическая роща. Прямо под моими окнами был запущенный газон. В этом году вдруг я вижу, что вышли люди, посадили цветы и кусты. Теперь регулярно жильцы выходят с лейкой в сухую погоду и газоны поливают. Я понимаю, что они стали считать это пространство своим и именно поэтому стали его обустраивать. А то, что делается дальше этого газона, они не видят и не хотят даже об этом думать. Разбитая дорога, лужи по колено – это все

для жильцов является демонстрацией чуждости города. Более всего это касается людей старшего поколения. Их достаточно много, но то, как они соотносятся с пространством, мало кого интересует. А то, что они делают, зачастую остается не очень замеченным.

Андрей Ефимов Виктор Яковлевич Кузеванов – уникальный человек, яркая личность. Получается, что в нашем городе эти личности становятся невостребованными. Невостребованность административным аппаратом инициатив и деятельности общественных организаций также очевидна. Конечно, не всегда; что-то и прорастает, но, скорее всего, вопреки, а не от осмысленной поддержки. Сегодня, чтобы быть лидером, необходимо обладать высокой скоростью изменений. В Казани, о которой уже упоминали, конечно, присутствуют большие деньги. Но кроме того, там в основу положена продуманная стратегия комплексного развития города, и, что самое главное, она быстро реализуется.

КЛ Если человек участвует в жизни города, значит, есть его вклад в сумму векторов действий. Каждый житель, да и вообще каждый, кто тут оказался, что-то написал про Иркутск, кто вспомнил о существовании этого города, уже внес свой импульс в создание его эмоционально насыщенного образа. Вопрос в том, каковы эти эмоции. Любой человек, который создает позорные, тоскливые или мерзкие образы, наносит очередной удар по городу. Если эти толчки складываются в преобладающую тенденцию, то город начинает умирать. Это вопросы не дальнего будущего, а сегодняшнего дня, и вопросы экономические. Любой товар сам по себе уже не нужен нигде и никому, он не может быть продан, если не завернут в эмоции. Так и городская территория. Если те, кто готов к диалогу, не начнут согласно двигаться в сторону стеничности, в сторону жизни, у Иркутска много шансов стать невостребованным. Иркутск вполне может исчезнуть как город, и это не вызовет краха человечества и России. Сейчас Иркутск теряет несколько тысяч постоянных жителей в год. Постоянные жители замещаются мигрантами, гастарбайтерами. Если тенденция усилится, за несколько лет городская среда вырождается, и Иркутск как постоянно существующий населенный пункт исчезнет.

ММ Наше обсуждение течет по очень разным слоям. Верхний слой идеологии – тексты Константина Лидина с его апокалиптическим взглядом на мир. Но какова связь цветочного газона и раскрашенной двери с верхним слоем идеологии? К тому же у нас нет критериев оценки позитивного и депрессивного.

КЛ Есть инструменты, позволяющие достаточно точно измерить эмоциональное состояние. Но чтобы они начали работать, в них надо вложить изрядные ресурсы. Вкладывать пока некому: архитекторам не надо, чтобы их проект оценивался с точки зрения эмоций, потому что это осложнит их и без того сложную работу. Какое эмоциональное содержание будет иметь проект после реализации? Такого вопроса мне архитекторы никогда в жизни не задавали. Вот когда появится спрос, тогда и инструмент появится. Теория есть, методология есть, как эти инструменты сделать – я знаю. Но для осуществления нужно специальное программное обеспечение, серьезные полевые исследования, немалые средства.

МР Не помню ни одного заказа на фокус-группы по поводу городских проектов; этот заказ на рынке просто отсутствует. Большой рынок заказа от застройщиков на исследования по востребованности типов жилья. Но тестированием облика дома, качества пространства около дома ни застройщики, ни власти вообще не заморачиваются.

Алексей Чертилов Аксиома: городскую среду создают человек и сообщество. Я думаю, качество среды зависит от трех вещей – от активности граждан, их интеллектуального развития и материального достатка. Иркутск в XIX – начале XX века, судя по сохранившемуся наследию, обладал всеми тремя особенностями. В сегодняшнем Иркутске, по-моему, не хватает именно активности. И я не знаю методологии, направленной на возбуждение активности граждан.

ЕГ Активность граждан – обоюдоострое свойство. Владельцы домов в центре, которые затягивают свои деревянные фасады полотнами с изображением яблок, груш и цветов, тоже граждане города. Они искренне считают, что картина с фруктами или реклама, закрывающая весь фасад деревянного дома из кругляка большого диаметра, лучше, чем текстура натурального дерева.

АШ Существует несколько слоев организации городской среды. На административном уровне есть инструменты, позволяющие каким-то образом воздействовать на среду, разнообразные регламенты. На уровне организовавшихся жильцов этот процесс совершенно стихийный и никем не регламентирован, в то же время он очень сильно воздействует на результат восприятия этой среды. И средний уровень – это уровень собственников. Он самый опасный, поскольку у них есть ресурсы, а у администрации нет рычагов прямого воздействия на собственников недвижимости. Администрация пытается на них воздействовать, но это чрезвычайно сложно. И эти собственники, которые в процессе своей жизнедеятельности начинают обустривать вокруг себя пространство, чтобы было лучше на их вкус – самая большая опасность, влияющая на городскую среду Иркутска.

Александр Деринг Я бы вообще назвал Иркутск аномалией, потому что благоустройство среды у вас на очень высоком уровне. Мне кажется, вам нет никакого смысла впадать в какую-то депрессию. Бурление среды есть, но его трудно сразу увидеть, так как это дигитальная среда: 40 % времени сейчас определенная категория проводит в «цифре». Мы должны понимать, что живем в цифровом мире. Мне кажется, что это очень важная составляющая – цифровая, дигитальная среда. На нее-то и надо воздействовать.

ММ Вы правы: все больше сегодня в нашу жизнь, в том числе городскую среду, вторгаются эффекты, с которыми раньше мы не сталкивались. Например, на фасады домов проецируются изображения. Они становятся реальностью, которую мы воспринимаем. Так, может быть, нам пора расслабиться и гладко штукатурить фасады домов, а потом проецировать на них Венецию, Париж, Байкал? И наши девелоперы будут рады, потому что им надо будет строить просто коробки, а архитектуру заменить проекцией.

ЕГ Проецировать изображения на фасады удобнее в темное время суток. Кстати, они замечательно проецируются на Большой театр, на Манеж, т. е. на те здания, которые и днем неплохо выглядят. И вообще о фасадах ли речь? Возможно это как раз потому, что перед Манежем и Большим театром есть хорошо организованная среда,

общественные пространства, куда люди любят приходить. Есть зритель, есть партер, есть для кого играть в театр...

СШ А мне кажется, что это просто прекрасно. Пусть на домах будут проекции вместо скульптур и лепнины. Это как татуировка, которую не обязательно выводить, она сама отваливается, смывается. И вариации возможны, наподобие смены одежды по сезону. Кстати, для меня существует всего одно-единственное учреждение в городе, за которое я испытываю что-то вроде стыда. Это унылое здание Союза художников, которое похоже на общагу 50–60-х годов. Но если художники могут жить в здании, которое вообще не обладает никакой выразительностью, то пусть на него будет хоть проекция какая-нибудь.

ЕГ У этого места хороший потенциал – пустая площадь. Там по соседству возник новый замечательный сквер между Музеем города и Домом художника. Фонтаны, много детей, родители, молодежь. Еще шаг (например, открытое кафе) – и пустая площадь, как и сквер, заживет настоящей жизнью. Меня лично не столько фасады беспокоят, сколько как раз пространство между ними.

КЛ Я хотел бы соединить выступление Елены Ивановны с темой дигитальности. По-моему, мы про одно говорим. С точки зрения психологии восприятия, психологии эмоций дигитальный фантом ничем не отличается от физического, телесного, каменного и бетонного объекта. Здесь те же самые законы. Единственное, чем оно всерьез отличается – скоростью изменений. Перестроить каменный город гораздо дольше и дороже, чем перестроить город цифровой. И когда цифровые технологии выплснут на улицы, когда светодиодные проекторы будут стоять, как пара ботинок, начнут на каждом углу появляться эти проекции. Тогда у каждого жителя появится возможность формировать свой кусочек города. И лучше бы нам быть готовыми к этому. Все равно горожане получают в руки инструменты дигитального, стремительно и дешевого преобразования среды. И нам как людям, живущим в этой среде, придется с этим соотносываться. Тут у Иркутска, как ни странно, появляется особый шанс. Наш город всегда был мозаичным, лоскутным. Это его особенность. Иркутск всегда состоял из совершенно противоположных кусков, противоречащих друг другу. Цифровые технологии только усилят эту тенденцию.

АЧ Мне кажется, многое связано с архитектурой деталей. В истории городов происходило цикличное изменение стилей декорирования. Когда цифровые технологии придут, они заменят архитектурную детализацию города своими методами. Архитектурная детализация, дробление такое, вкуснота не придут еще раз. Но потребность в разнообразии останется, и архитектурная детализация города и есть воспитание этой потребности, проявленной человеком в среде.

АЕ Все-таки надо управлять этим процессом. В Германии собственников обязывают поддерживать фасады, колористика вся задана. Трудно, тяжело, но организовывать эти пространства все равно надо. Я все время говорю, что нельзя терять нашу идентичность старого города. Это не значит, что ничего больше строить не будем. Само разнообразие создает общую эмоциональную обстановку.

Александр Гимельштейн Возможно, существуют определенные условия жизни для формирования однородных стремлений в жилых микрорайонах со стандартной застройкой. И там народное волеизъявление относительно дигитализации или просто раскрашенных фасадов и бюджет реализовано, но никоим образом не в виде безудержного человеческого проявления.

Но нас прежде всего интересует исторический центр города, который является главной проблемой на сегодняшний день. Существует комплекс законодательных актов для исторических поселений (Иркутск именно таким и является). У нас даже есть созданный прецедент, когда зоной исторической застройки объявлена целая улица Урицкого. А у нас таких зон – весь центр. Но все равно существует прецедент этого акта. Существует толстенный фолиант свежих документов, связанных с регламентацией. Их надо исполнять, но эти документы надо готовить с мощным экспертным участием. Я тоже считаю, что проблема новой застройки, регламентации того, что может делать собственник на своем участке, – это серьезно. Но для сохранения исторического города на уровне законодательства нет проблем. Нужно только выработать разумные регламенты, может, они уже и выработаны. Какие-то совершенно очевидные вещи, в особенности касающиеся этих безумных рекламных конструкций по улице Большой – Карла Маркса. Безусловно, все световые

шоу в исторических кварталах должны отсутствовать в принципе. Дигитализация – это прекрасно, замечательно. Скоро голограммы появятся не на плоскостях, а просто в пространстве, это еще более любопытный следующий этап, но не имеющий принципиального значения для архитектуры: голограмма появилась на 10–15 минут, максимум на час – и исчезла; архитектуры этим не испортишь.

АБ Способы усовершенствования городской среды связаны с выявлением и в какой-то степени сбалансированным интересом лиц физических и юридических. Их интересы проявляются сильнее всего у тех собственников, которые сильны, а интересы малых групп как-то исчезают. Отсутствует иерархия, нужная для того, чтобы среда была сбалансированной и гармоничной, отсутствует такой фактор, как общественные интересы. Они не проявлены, не конституированы. Интересы общественные и интересы частные как находились, так и находятся в противоречии. И конфликты, которые возникают между ними, надо как-то разрешать. Должны быть механизмы этого разрешения. Думаю, что обсуждения, подобные сегодняшнему, создают зачатки, зародыши этого общественного влияния на формирование среды. Степень удовлетворенности средой напрямую и положительно должны сказываться на эмоциях.

ММ Должен заметить, что функцией разрешителя конфликтов между частными интересами и общественными выступает городская власть, муниципалитет. Сегодня администрация всех уровней, которая ведает городским развитием, невольно является преемником советского менталитета в управлении и руководстве городской средой. Несмотря на наличие документов и регламентов, она все равно нацелена на действие «сверху вниз», никак не ориентирована на то, чтобы инициировать интересы горожан, спрашивать у них что-то, включать их в реальные процессы. Нужны и выявление интересов, и создание площадок для обсуждений. Вся нынешняя практика общественных обсуждений показывает, что это либо манипулируемое явление, либо хаос, который в течение всего заседания выражается в криках и неструктурированных скандалах. Не думаю, что наше обсуждение заложит зерна для позитивного процесса. Мы не обладаем как административным, властным ресурсом, так и энергией к самоорганизации. Кто же субъект тех перемен, которые должны наступить, если мы хотим получать иное качество среды, иное качество жизни?

Илья Круговых Сегодняшнее обсуждение частично сводится к тезису, что преобразование городской среды является некой обязанностью, в большей степени обязательной, неприятной и ресурсоемкой. Для нашей компании преобразование городской среды является не обязанностью, а мотивацией. И пока преобразование городской среды не станет мотивацией для всех участников этого процесса, никакого преобразования не будет. Я не совсем с вами соглашусь, что нет драйвера таких изменений. Такие драйверы есть. Это как раз те самые прогрессивные девелоперы, которые понимают, что преобразование городской среды – продукт, который можно впоследствии продать. Стоимость куска благоустроенной территории повышает стоимость наших проектов. И обсуждение таких объектов городской среды должно проводиться с достаточно полным представительством всех участников этого процесса: девелоперов, представителей власти, архитекторов, градостроителей. Только тогда мы получим тот результат, о котором сейчас говорим. Такие площадки в принципе есть, есть замечательный проект преобразования городской среды. Механизмы есть, есть люди, которые будут вкладывать ресурсы в это преобразование. Нужно выработать цель и мотивацию.

ММ В моей практике был только один, уникальный случай, когда девелопер пришел к архитектору и сказал: «Слушай, выступи консультантом для идеи преобразования среды».

ИК У нас есть опыт такого сотрудничества: был проведен конкурс, мы просто создали сквер на территории Иркутск-Сити. Фактически мы выбрали исполнителя этого проекта, консультанта. Да, не все у нас получилось, но то, о чем вы говорите, было реализовано. Это практический пример, его можно модифицировать и дальше продвигать.

ЕГ Фиксируем этот счастливый момент – сотрудничество архитекторов и девелоперов по среде. Иркутская организация начала в последнее время проводить блиц-конкурсы. Объединим усилия.

Евгений Зыков Года два назад здесь уже шла речь о том, как можно включать городские сообщества в формирование общественных пространств. Мы с Алексеем Мякотой говорили о том, что существует некий коллективный разум. Мы приводили в пример остров Татышев в Красноярске: это пространство вдруг стало интенсивно развиваться, и горожане здесь активно занимаются спортом, катаются на велосипедах, отдыхают. Активность там просто зашкаливает. Однако для того, чтобы коллективный разум заработал, нужен некий толчок, который может создать только творческий индивидум: если бы не было Яна Гейла, неизвестно, каким бы стал Копенгаген. В любом случае появляется какой-то буйный человек, он знает, что нужно делать, «поднимает волну». Тогда появляется результат. О необходимости исследований – есть такая простая «трехходовочка»: знания – действия – результат. Сначала кто-то должен обладать этим знанием. В Красноярске был недавно одобрен, согласован, утвержден генплан. Перед его разработкой были проведены исследования, потрачены большие деньги. Разработчики генплана эти исследования отодвинули в сторону и не пользовались ими: слишком много нелицеприятных для девелоперов вещей в них обнаружилось. И на эти исследования поставили штампик: «Для служебного пользования». Вычищается вся информация и делается то, что делать не нужно. Я слушаю обсуждение и не очень понимаю, что вам не нравится и что вы хотите сделать с Иркутском? Какие особые проблемы у вас? Реклама? Да, реклама одержала убедительную победу над архитектурой в российских городах. Но это все-таки решаемая проблема. Достаточно изучить опыт Барнаула.

КЛ Прозвучал вопрос: чего мы хотим в Иркутске? У нас в ИргУПСе на защите дипломов по управлению персоналом сидит крупный чиновник железнодорожный из высшего руководства – председатель комиссии. Буквально через два на третий дипломы построены на небольших населенных пунктах, и у всех одна проблема: молодежь уезжает и не возвращается, идет отток населения. И практически каждый раз этот чиновник говорит: «А где проблема-то? Уедут все – будем вахтовым методом обслуживать эту станцию». Во многих населенных пунктах в нашем регионе уже нет постоянного населения. В целом по России в год умирает около ста населенных пунктов. И с Иркутском может произойти то же самое, может, не так быстро. Будет ли жить город вообще? Я лично хочу, чтобы он продолжал жить.

МР Я предлагаю этот вопрос пустить по кругу; это действительно принципиальный вопрос.

ЕГ Я хочу, чтобы город жил с чувством собственного достоинства. Считаю, что улицы и дома Иркутска в своем большинстве обладают потенциалом собственного достоинства. Реклама, с которой, кажется, очень легко справиться, пока не побеждена. Реклама мешает диалогу

зданий и людей в городе. Этот диалог необходим для того, чтобы человек жил тут и укоренился в городе.

СШ Я мечтаю, чтобы Иркутск перестал быть «придатком к Байкалу». Я мечтаю об освобождении от этого ресурсного проклятия. А что можно использовать? Мне кажется, что у нас уже обозначился некий тренд отхода от бесконечного нытья по поводу Иркутска: все плохое, что можно сказать об Иркутске, уже сказано. Основание этого тренда – осознание угрозы умирания города. Хочу поддержать Марину Ткачеву. Я наблюдаю нечто похожее в своем дворе и в соседнем: птичьи гнезда, переделанные для цветочков на входе в подъезд, совершенно феерическая композиция из разбитой посуды на стене. Мы помним те времена, когда жить в городе означало жить в квартире. Люди в городе не жили, и это очень удивляло в 80–90 годы иностранцев: в квартирах все аккуратно и красиво, а в подъезде просто страшно. Мне кажется, «квартирное» сознание городского жителя уходит. Оно еще не замещается осознанием того, что люди живут в городе. Но двор уже становится местом их жизни. Я не знаю, можно ли объяснить этот факт демографически? Но я вижу, что вместе с квартирным метражом и удобствами человек приобретает ценность микромира. Тем не менее это по-прежнему жизнь во дворе, жизнь на улице, жизнь в квартале, но не жизнь в городе.

Инна Кондратьева Мне кажется, мы слишком философски подходим к этой теме, а нужно просто брать и делать. Не нужно обвинять кого-то. Мне представляется, у нас проблема в обществе из-за того, что мы всегда пытаемся найти кого-то крайнего. А почему сам человек не может делать, как вот вы, Марина, объяснили? Сам человек пошел и посадил цветочек.

МТ Но у него ресурс очень маленький.

ИК Это дело не ресурса, а желания сделать то, что ты сам хочешь видеть. У кого-то есть ресурсы, но они не замечают этого. Он не хочет, он видит только то, что ему удобно видеть. Школьников, которые бесконечно сидят в компьютерах, мы не научим с их помощью сажать деревья на улицах. Конкретных решений мы здесь вообще не выработали. Единственное предложение было – чтобы с девелоперами взаимодействовать. Давайте все-таки перейдем к практической стороне нашего разговора. Пример про рекламу, который вы косвенно затронули, касается не только регламента улицы Карла Маркса, но и воспитания самих рекламщиков. Любой специалист сейчас зависит от денежной составляющей, но все-таки засилью денег надо сопротивляться. Когда-то приехавшие в Иркутск оставались здесь жить. Сейчас, к сожалению, не так. А я хочу, чтобы город был.

АГ У меня достаточно реалистический набор желаний. Первое. Я хотел бы, чтобы исторический центр города стал рекреационно-мемориальной зоной со всеми ограничениями, связанными с рекламой, новым строительством и т. д. Это должен быть центр, в котором люди должны ходить, отдыхать, принимать гостей. Как горожане, так и туристы.

МТ Велосипеды.

АГ Да, это связано с ограничением транспортных потоков тоже. Центр уже захлебнулся от машин. Второе. Мне бы хотелось, чтобы для исторического центра была принята разнобюджетная по своей структуре программа реставрации исторических зданий. Третье. Мне бы, конечно, хотелось, чтобы была микрорайонная застройка. Именно там должны быть новые, интересные, свежие градостроительные проекты. Четвертое. Не надо насильно удерживать людей в городе. Движение должно быть. С другой стороны, я знаю много очень известных людей, которые приехали сюда и заболели городом и его атмосферой.

Предложи им здесь дело – и они вернуться; только нужен больший объем мотивации, и она должна быть комплексной – от экономики до рекреации. Пятое. Я много лет говорю о необходимости топонимической реставрации. И, наконец, требуется немедленно, в одночасье снести все рекламные бетонные конструкции в центре города и расторгнуть все договоры на их аренду.

Ольга Железняк У меня нет ощущения апокалиптической деградации среды и умирания города. Само понятие среды и среднего проектирования было в свое время серьезным сдвигом в мышлении архитекторов, одним из результатов которого стало появление специальности «дизайн архитектурной среды». Предполагалось, что проектирование – это соучастие, диалог многих в процессе создания проекта. Я считаю, что сегодня городу нужен позитивный имидж, который должен быть целенаправленно сформирован в процессе подобного «соучаствующего проектирования». Он (имидж) должен включать как реальное пространство, так и виртуальное. Пусть сначала имидж будет симулятивным: это будут рассказы, мифы о прекрасном городе, но это первый шаг формирования благоприятного впечатления и внедрения бренда. Если такую задачу не поставить – мы никогда не достигнем цели создания позитивного города. Но над этим нужно сознательно, прагматично работать, организуя команду при администрации, которая будет брендом города заниматься. Мы на кафедре дизайна ИРНИТУ подобную работу начали делать. Естественно, симулякры долго не продержатся, для фактического существования бренда нужно реальное основание – то реальное качество жизни, которое будет в Иркутске. И тогда, когда все части будут друг к другу присоединены, мы и получим искомый замечательный город.

АБ Я хочу, чтобы в городе была природа, набережные для пешеходных прогулок. Хочу, чтобы город был безопасным и дружелюбным. Должно сохраняться историческое наследие, исторический центр. Конфликты частных и общественных интересов должны разрешаться на основе планирования, регулирования города. Городская администрация должна быть более активной силой в этом планировании и обеспечивать должный баланс интересов при сохранении приоритета интересов городского сообщества в целом.

АД В России традиционно зона комфорта – это квартира. Мне кажется, что пришло время ее расширить. Мне показалось, что в Иркутске зона комфорта шире, чем в других городах; желаю, чтобы ее расширение продолжалось.

ИК Я из Красноярска. Мне кажется, что Иркутску не хватает лоска. Конечно, нужно развивать бренд города.

АЕ Развитие бренда должно следовать за повышением качества жизни горожан. В Иркутске не должно быть унылых лиц. Мы должны осмыслить направление развития всего региона, в котором архитектура станет необходимым элементом и подспорьем. И строить стратегию развития надо немедленно. Надо понять, какими ресурсами мы располагаем и как будет осуществляться развитие. Это вопрос тактики и контроля, в которой надо продумывать все мелочи, вплоть до удобной работы светофоров. Очень хочу, чтобы Байкал сохранил свою чистоту и привлекательность и чтобы его никто не приватизировал. Но осуществление любой инициативы требует консолидированных усилий и действий.

АЧ У нас для осуществления любой инициативы действительно не хватает действий. Первое. Я хочу, чтобы деревянное наследие в сознании горожан стало ценным ресурсом нашей идентичности. Это бренд, который может вытянуть Иркутск хотя бы на утраченные позиции – пусть

не мирового, но российского уровня. Второе. Хочу, чтобы город освободился от любой рекламы. Наукой доказано, что пользы от нее никакой, она создает только ощущение хаоса и информационного мусора. Третье. Хочу, чтобы власти, бизнес и горожане поняли, что город – не только деревянные дома, но и архитектурно-планировочная структура, которую надо сохранять и восстанавливать в случае утраты. Четвертое. Хочу, чтобы сохранялась малоэтажная, человекоразмерная застройка центра.

МР У меня нет ощущения умирания города. Иркутск – город насыщенный, и изобретение брендов и имиджей кажется мне ложным надуманным путем. Наш город достаточно многообразен. Кроме имперскости, европейскости есть и Восток. И надо, чтобы в нем звучали все эти голоса. Сохранение исторического наследия – не главная задача, а часть задачи. Главное – сочетание наследия с развитием. Без развития и наследие не сохраним. Надо отказаться от представления о стянутой герметичной целостности города. Ключевым я считаю слово «диалог»: для горожан город станет не памятником разновременных архитектурных стилей, а местом жизни. Эффективной начальной мерой должно стать возвращение улицам их исторических названий. Вторая мера – парки, сады и скверы, от которых зависит дыхание города. Третье – уличная городская скульптура. Сейчас наш город – дидактическое пространство, в котором монументы – идеологические знаки. С какой стати нас постоянно воспитывают, ведь город – место жизни, а не идеологического прессинга. В последние годы к имперским монументам добавилась россыпь «шахматных фигур», которые тоже не более чем знаки. И они не стали живой уличной скульптурой, в лучшем случае – поводом для фотографий. Иронический «Турист» не исправил ситуации; судьба «Виолончели» тому доказательство.

МТ Меня тревожит ситуация с природным каркасом города, с озеленением: старые деревья либо вырубаются, либо сохнут, но никто не озабочен их восстановлением. К тому же зелень на улицах регулярно и злонамеренно уничтожается. Добавилась и еще одна беда – нашествие горностаевой моли, практически сгубившей яблони в городе. Еще больше меня уязвляет то, как строят в Иркутске: перевороченная до основных пород стройплощадка, ужасающее состояние территории после строительства. С этим вполне реально бороться санкциями администрации.

АШ Я оптимист в восприятии города: я здесь родился, мне здесь комфортно. Мое желание – чтобы это ощущение сохранялось не только у меня, но и у моих потомков.

Никита Асадов Мне хочется, чтобы Иркутск был городом, в который хочется приехать. Пока сюда притягивает только Байкал: это абсолютная ценность и города, и региона. Две вещи могут быть привлекательными для приезжих: внешний облик города, в котором главная ценность, на мой взгляд, – сохранившееся деревянное наследие, и сами жители, которые инициируют различные события и проекты и вообще делают город интересным. Эти две истории тесно связаны друг с другом. Сейчас везде заметен переход от монетарно-рыночного понимания развития к гуманитарному: главная ценность не деньги, а люди. И если они уезжают, то город теряет все: и пространство, и деньги, и собственную ценность. Сейчас во всех городах и регионах России начинается борьба за людей. И власть, и девелопмент, и общество должны осознать, что благоустройство и комфортная среда не украшение, а главный стержень всей городской конструкции. На нем держится и экономика, и демография, и даже мотивация людей, которые здесь живут. Если не будет

нормальной городской среды, люди очень быстро начнут уезжать отсюда.

Алексей Буйнов Хочется, чтобы разум, культура и профессионализм дополнили эмоции, чтобы они воспитали чувства и чтобы все это превратилось в конструктивное дело. Главное – чтобы люди хотели здесь жить. Все остальное они сделают.

ММ Пришло время вернуться к вопросу Инны Анатольевны о конкретных практических мерах для изменения ситуации.

ЕГ Я хочу, чтобы наладился диалог между иркутянами, которым есть что сказать, с теми, кто принимает политические решения. И если завтра такая трибуна возникнет, первым на нее должен взойти Виктор Яковлевич Кузеванов, чтобы высказать свое кредо, с которым согласно большинство горожан. А то, что таких людей увольняют, – это такой же сигнал, как убийство активиста из микрорайона Солнечный Ульянова, как отъезд режиссеров Кокорина и Шевченко.

Теперь о практических мерах по развитию городской среды.

1. Создание и внедрение дизайн-кодов в последовательности от самых значимых мест в городе. Об этом говорим уже не первый год, но не видно не только результатов, но даже работы по созданию.
2. Продолжение регенерации центра с учетом успехов и недостатков 130-го квартала. Его ни в коем случае нельзя клишировать: нужен индивидуальный подход к каждому месту, каждому кварталу. Продолжение начатой при предыдущем мэре работы по Торговой оси.
3. Продолжение работы по организации микросреды – тропинки, городские пешеходные пути, подобные тем, что прозвучали в блиц-конкурсе по территории рядом с Домом архитектора. Хочется преемственности в работе администраций: нельзя каждый раз отвергать то, что уже сделано хорошего в предыдущий период.
4. Грамотный подход к сохранению маленьких клочков зелени, цивилизованная подстрижка деревьев, аккуратное освобождение визуальных точек – спицей церковей и т. д. – от чрезмерно разросшихся деревьев.
5. Была программа монументально-декоративного оформления города, созданная Картопольцевым, Ячменевым и Смагиным. Она была несовершенной, но там были точки роста для районов с опорой на исторические и природные предпосылки. Актуализировать и придерживаться.

6. Нужна новая программа – малые реки, часть природного каркаса. Падь Долгая, две Сарафановки, Кучумовский лог, которые застраиваются, заболачиваются, – эти процессы еще не поздно остановить.

КЛ Если мы хотим повлиять на людей, повысить степень их активности, нужны инструменты, разработкой которых я и занимаюсь. Вот мы здесь не можем договориться даже о том, какие настроения в городе, а точных объективных данных нет. Если даже сейчас эти инструменты не востребованы – что ж, понадобятся в будущем.

СШ Я верю в силу запретов и бульдозера, который снесет нашу «линию Маннергейма» – бетонные рекламные столбы. Они, конечно, мертвая точка в городе, и их уничтожение может стать поворотом к оздоровлению городской среды. Запреты – это запрет на рекламу, запрет на точечную застройку и высокоэтажное строительство в центре города. Без административного ресурса невозможно решить многие проблемы: пустыри в центре города (место сгоревшей гостиницы «Сибирь»), чего нет ни в одном городе России; разрушенное здание чаеразвесочной фабрики; нужно избавляться от незаконных построек «Акулы», «Нежного бульдога» и восстанавливать

исторический вид набережной Гагарина – там ведь был реликтовый сад. Надо подумать и о памятнике первопроходцам: он действительно отрезает город от реки. Может, его повернуть боком к реке, тогда и возродится долгий роман Иркутска с Ангарой?

АГ Очень многое в жизни города зависит от администрации. Хочется верить, что обещаниям без выполнения наступит конец. Я повторяю, что администрации вполне по силам и уничтожить рекламу, и восстановить исторические названия улиц.

ОЖ Вот конкретные меры для изменения ситуации в городе. В пространстве виртуального: мы со студентами пытаемся исследовать имидж Иркутска, его позитивные и негативные стороны, собрать индивидуальные представления о городе в целом и спроектировать фрагменты имиджа. В пространстве реального изменения среды: мы выбираем проблемные средовые площадки города и в рамках дипломных работ проектируем либо создаем в материале средовые объекты, которые передаем муниципальным предприятиям. Мне кажется, что для реального развития нужна специальная программа (а возможно, какая-то структура) по планомерному изучению и трансформации имиджа города и повышению качества среды.

АБ Хотелось бы иметь больше времени для непосредственной работы со студентами, а не для бумажной работы. Современные учебные планы и программы должны быть ориентированы на практическую работу студентов после окончания архитектурного факультета.

АД Соцсети – очень сильный и эффективный инструмент для борьбы с рекламой. В Барнауле мы его успешно использовали; думаю, что он сработает и в Иркутске.

АЕ Очень важный субъект в устройении городской среды – застройщик, исполнитель задуманного. Даже при хорошем уровне выполнения заказа мы подчас получаем потенциально опасный объект. Первое: я вижу свою миссию в том, чтобы обеспечить регион современными безопасными материалами и технологиями. Второе: нужно максимально качественное исполнение задуманного. Третье: надо обеспечить эксплуатационную надежность построек, над чем не работают многие исполнители. Четвертое: очень хотелось бы, чтобы мы развивались в тренде экологической ориентации технологий в городе.

МР Мои предложения касаются образования. Первое: непременно введение в повышение квалификации для всех, кто работает в муниципальном управлении, и менеджеров строительного бизнеса социологии города как обязательной дисциплины. Второе: вести предмет «Антропология города» в подготовку студентов архитектурных факультетов.

АЧ Первое: вернуть исторические названия улицам Иркутска. Второе: разработать и утвердить специальный градостроительный регламент для зоны исторической застройки. Третье: создать на базе 93-го квартала (между улицами Лапина, Тимирязева, Дзержинского и Грязнова) музей деревянной архитектуры и городского быта города Иркутска. Квартал уже обозначен как музейная территория. Четвертое: принять закон о центральной части города как территории, свободной от любой рекламы. Пятое: возродить утраченные и сакральные для Иркутска памятные знаки и монументы и разработать новую, обязательную для исполнения схему размещения новых скульптур и памятных знаков. Также решить вопрос об исправлении уже допущенных ошибок, в том числе это касается Бабра, который ни исторически, ни градостроительно, ни эстетически недопустим в городе.

МТ Между микрорайонами Университетским и Первомайским расположена падь Долгая. Это уже почти полностью деградировавшая природная территория

(мусор, свалки в ручье, несанкционированная застройка). Ее можно возродить как природный зеленый уголок даже усилиями местного сообщества, – естественно, при поддержке и инициативе регионального депутата.

АШ Я уже неоднократно озвучивал свое предложение городской администрации: нам нужно создание внятной, грамотной концепции брендинга. Если мы хотим, чтобы территория развивалась, мы должны прилагать усилия и использовать современные технологии, чтобы ее продвигать не только внутри территории, но и вовне. Технологии известны, и я не понимаю, почему ничего не делается в этом направлении.

НА На сайте Москомархитектуры есть масса предложений по благоустройству. С минимальной степенью адаптации их можно использовать и здесь. Кто это будет делать? Даже присутствующие здесь – огромный ресурс. Нужно создать рабочую группу из людей, у которых есть время и желание. Участники приходят к властям, к девелоперам с предложениями по проведению конкурсов. Если у инициаторов есть понимание, что только они это могут сделать, то механизм участия запустится сам собой.

Алексей Буйнов Я не согласен с тем, что запретами и регламентами можно что-то кардинально улучшить. Они всего лишь часть грамотного и хорошо скоординированного комплексного подхода, рассчитанного на результат. Вот наши московские коллеги создали проект СП по улицам и транспортным артериям, очень профессиональный, фундаментальный труд. Там – не только дороги и улицы, там благоустройство прописано вплоть до бордюрных камней, малых форм, светильников и пр. Но Москва – не Иркутск, здесь другие возможности и ограничения. Процесс взросления, к сожалению, более медленный; если реализуется хоть малая доля из предложенного – это уже достижение. Увы, не всегда успевает за временем федеральное и региональное законодательство: например, нет подзаконных актов у закона стратегического планирования, поэтому он и не действует в полную силу. А именно в подзаконных актах были анонсированы и имиджевая составляющая, и экономическая, и просто должно было быть разжевано, как с этим законом работать. Соответственно, страдают качество и уровень наших новаций, да и профессиональная составляющая оставляет, что называется, желать... И последнее. Города – это наше общее достояние, мы все должны вносить свою посильную лепту в их совершенствование. Надеюсь, что в рамках объявленной губернатором Иркутской области С. В. Ероценко новой градостроительной политики должным образом сработает общественный совет, созданный при службе архитектуры Иркутской области. И я как главный архитектор области предлагаю вам сотрудничество. Это будет одновременно и площадка для осмысления новых идей, и один из проводников для их донесения на уровень областного правительства и городских властей. Мало понять, что это такое – комфортная жилая среда. Нужно предпринять совершенно конкретные действия для претворения этого понимания в жизнь.

text

Elena Bagina

История наружной рекламы насчитывает много тысячелетий. Городская среда во все времена предполагала наличие вывесок, объявлений и пр. В XX веке в связи с развитием промышленного производства и торговли возникло резкое противоречие между объектами архитектуры и наружной рекламы, которое к концу XX века переросло в открытый конфликт. На Западе этот процесс шел быстрее, в России в связи со спецификой социального развития – медленнее. Новые технические средства наружной рекламы в XXI веке еще более обострили этот конфликт. Вместе с тем произошли существенные изменения в природе архитектуры. Здания и сооружения утратили культурно-исторические смыслы. Повсеместно наблюдается процесс сращения объектов архитектуры и объектов наружной рекламы. Эта тенденция, возможно, разрешит существующий конфликт, правда, не без потерь для архитектуры, которая потеряет свои исторические корни и родовые черты.

Ключевые слова: городская среда, наружная реклама, конфликт, архитектура, перерождение архитектуры./

The history of outdoor advertising extends back many thousands of years. At all times, the city environment included various kinds of advertising. In the XXth century, due to industrial and trade development, architectural objects and outdoor advertising objects came into sharp contradiction, which had grown into an open conflict by the end of the XXth century. In the West this process was faster than in Russia because of the peculiarities of social development of the latter. New techniques of outdoor advertising made this conflict sharper in the XXIst century. At the same time, the nature of architecture changed considerably. Buildings and constructions lost their cultural and historical implication. Fusion of architectural objects and outdoor advertising objects is observed everywhere. This trend will probably eliminate the existing conflict, though architecture will lose its historical roots and patrimonial features.

Keywords: city environment; outdoor advertising; architecture; conflict; regeneration of architecture; conflict resolution.

Наружная реклама и город Что было? Что будет? Чем сердце успокоится?/

текст

Елена Багина

Поколение, не мыслящее себя без Интернета, не помнит времена, когда на улицах наших городов, кроме агитационных плакатов: «Слава КПСС», «Народ и партия едины», призывов хранить деньги в сберегательной кассе или летать самолетами Аэрофлота, ничего не было.

Улицы были пустынные. Телевизионные передачи не прерывались рекламными роликами. А вот когда нужно было в кино изобразить «загнивающий Запад», реклама пестрела в кадре так, что домов не было видно.

До 1917 года наружная реклама в городах Российской империи, конечно, существовала. Это были вывески магазинов и разрисованные художниками брендмауэры. Городская администрация и архитектурная общественность, как водится, возмущалась наглостью, вульгарностью и безвкусицей наружной рекламы. Говорили: как можно закрывать разномастными вывесками фасады домов, это же варварство и полная деградация вкусов. В журнале «Зодчий» писали статьи по поводу этого безобразия. Желание просвещенных господ исполнилось. Это безобразие закончилось в 1917 году, но началось новое: плакаты с революционной агитацией наводнили города. В дни пролетарских праздников обывателей пугало оформление улиц и площадей. Благо, огромных буржуев и монстрических крестьян, намалеванных на холсте, быстро убирала. Два-три дня можно было и потерпеть. Не такое в эти годы терпели.

Затем НЭП, снова разномастные вывески, снова размалеванные брендмауэры и рекламные плакаты на стенах домов. Владимир Маяковский в свойственной ему монументальной манере придумывал тогда рекламные слоганы: «Нигде кроме как в Моссельпроме», «Лучше сосок не было и нет, готов сосать до старости лет» и пр. Никто не отменял и агитационные плакаты на улицах и площадях.

НЭП закончился быстро. В 30–50-х годах товары рекламировать не было нужды, поскольку их не было в достаточном количестве. Они распределялись на предприятия. Отрез материи на юбку или штаны нередко выдавался за трудовые подвиги. Слово «достать» заменило слово «купить». Зачем было тратить народные деньги на рекламу товаров? Другое дело, политическая агитация

и пропаганда – портреты вождей, лозунги, призывы. Это святое.

Больших перемен в наружной рекламе не было вплоть до бесславного распада Советского Союза. В 1994 году положение в корне изменилось. На улицах российских городов стали появляться стандартные, отдельно стоящие щиты формата 3 на 6 м, светящиеся изнутри двусторонние конструкции, так называемые сити-форматы, с размерами рекламного изображения 1, 2 на 1, 8 м, трехсторонние тумбы-пиллары (3 на 1.4 м), суперсайты (5 на 15 м) и пр.

Главные архитекторы и главные художники городов пытались было убеждать рекламистов, что для каждого конкретного места нужен индивидуальный формат. Рекламисты грустно улыбались в ответ и гнули свою линию, потихоньку выстраивая в городах сети стандартных полиграфических форматов. Их совершенно не заботили характеристики конкретного места: архитектура, пропорции, масштаб...

А кусты и деревья для них стали и вовсе нежелательными элементами. Стояла задача расставить в «хороших», продаваемых местах стандартные конструкции, клеить на них полиграфическим способом изготовленную рекламу и получать деньги от заказчиков за аренду рекламных мест. Что такое «хорошее» место, например, для щита 3 на 6 м – билборда? Это место, которое просматривается без помех в течение 5 секунд из машины, едущей со скоростью 60 км в час. Сеть стандартных конструкций 3 на 6 м считается хорошо выстроенной, если они располагаются на основных нагруженных городских магистралях и рекламная кампания, проводимая с их помощью, имеет «хорошее покрытие» территории. Это означает, что человек, хаотично перемещающийся по городу на автомобиле, должен за полчаса видеть одно и то же рекламное изображение на стандартных щитах 4–5 раз.

Самые лучшие места для наружной рекламы – на перекрестках, перед светофорами, где машины стоят в пробках. Это целая теория – как располагать в городе сети стандартных конструкций, рассчитанных на полиграфическую рекламу, – суперсайтов, билбордов, сити-форматов, пилларов, как создавать «коридоры» из висящих

< Оформление Охотного Ряда в Москве, 1918 год

Outdoor Advertising and the City

What was? What will be? Due to what the heart will calm down?

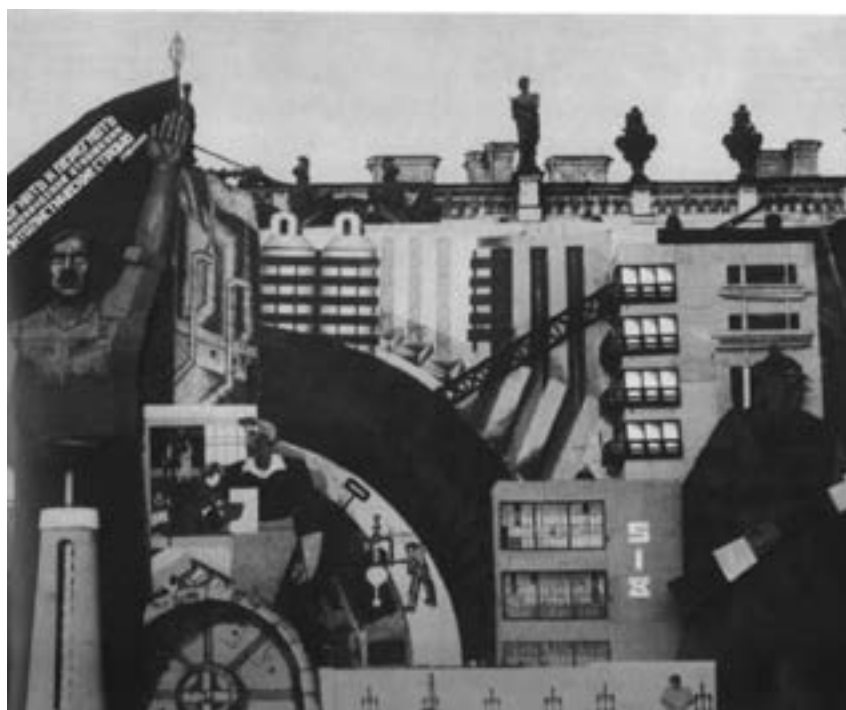
на столбах светящихся коробов различных форматов, как размещать рекламу на брандмауэрах и т. п. Скажу только, что каждое рекламное место имеет свой рейтинг, что существует понятие «модуль» рекламной сети, что сити-форматы выстраиваются по возможности линейно, а форматы 3 на 6 м должны образовывать радиально-кольцевую систему, независимо от того, какую планировку имеет город. На первых порах рекламные сети в городах приглашали проектировать архитекторов-градостроителей. Некоторые из них до сих пор работают в наружной рекламе.

В 90-х и начале 2000-х денег у фирм наружной рекламы было немного, соответственно, конструкции были примитивными. У властей в это время не было четкого представления о том, где можно ставить рекламные щиты, где нельзя и какие они должны быть. Где-то ставить рекламные установки категорически запрещали различные согласующие инстанции: ГлавАПУ, отделы благоустройства, ГИБДД и пр. Но если рекламистам очень хотелось, то разрешение они, конечно, правдами и неправдами получали.

Фирмы наружной рекламы в начале 2000-х плодились как грибы. Инвесторов привлекала быстрая окупаемость проектов в наружной рекламе и хорошая прибыль. (Окупаемость в отрасли в начале 2000-х была год или полтора.) За это время сформировались такие гиганты отечественной наружной рекламе, как Gallery и «Нью (Русс)».

Шло время. Закон о наружной рекламе в РФ к 2008 году существенно изменился. В соответствии с этим законом сегодня право разместить рекламную конструкцию на муниципальной земле фирмам приходится покупать за большие деньги на тендерах и аукционах. Такое положение дел привело к тому, что огромное количество мелких рекламных фирм перестало существовать. Выжить в столь жестких условиях смогли только рекламные гиганты. Но и для них выкупать одно место под щит 3 на 6 м, отдавая несколько миллионов, дорого. Вдобавок в нынешних условиях непонятно, когда эти вложения могут окупиться.

Мир наружной рекламы весьма специфичен. Есть в нем свое горе и свои радости. Технический прогресс для

наружной рекламы – благо, но в то же время существенно дорожают рекламные установки. Полиграфические плакаты скоро уйдут в прошлое, уступив место телеэкранам, цифровым видеостойкам, лазерным установкам и бог его знает, что может еще появиться на улицах наших городов. Но разрешения для размещения рекламных установок получать все сложнее и все дороже...

Горожан эти проблемы мало волнуют. Кого-то назойливость наружной рекламы раздражает, но большинство жителей относится к ее присутствию безразлично, как безразлично относится к новым пинкам привыкшая к побоям собака. Пространство города давно не воспринимается жителями как свое, за которое они несут ответственность. Недаром столько безличных глаголов в их жалобах: не чинят, не убирают, не решают... Горожане сегодня отчетливо понимают, что мнение населения мало

^ Ленинград, 1931 год. Установка «Борьба двух миров». Бригада ИЗОРАМ

что решает. Общественные обсуждения, как правило, фикция.

«Благие намерения» властей упорядочить наружную рекламу и облагородить городскую среду выливаются в передел рынка наружной рекламы в пользу крупных игроков.

Не все, конечно, так мрачно. Технический прогресс в области наружной рекламы дает надежду, что наши города очистятся от громоздких металлических рекламных конструкций. Произойдет это, правда, не так скоро.

Как скажутся новые технические возможности наружной рекламы на исторической архитектуре – пока непонятно. Проекция рекламы на фасады физически их портить не будет. Но как будет выглядеть огромный движущийся автомобиль или восьмиметровая танцующая красotka на брандмауэре дома XIX века? «Жуть», – сказала бы Эллочка-людоедка. «Кошмар», – воскликнет не пользующийся Интернетом пенсионер. «Прикольнo», – усмехнутся юные пользователи айфонов и прочих гаджетов.

Архитекторам понятно: историческая архитектура рекламу, особенно сверхсовременную, переносит с трудом. Многие из них небезосновательно считают, что о видеоэкологии исторических центров городов стоило бы серьезно подумать.

Возникает вопрос, а как переносит видеорекламу стеклянная архитектура, вернее, стеклянные дизайнерские объекты. Может быть, для современных видов рекламы они приспособлены? Да, приспособлены, поскольку цифровая видеореклама способна оживить нейтральные фасады, отражающие небеса и потоки машин. За счет меняющихся изображений такие объекты приобретут то, чего им недостает, – смысл, который будет все время меняться. Но кто сказал, что меняющиеся проекции не будут произведениями искусства, актуального искусства? Кто сказал, что такое актуальное искусство не найдет своих адептов? Собираются же на лазерные шоу тысячи людей.

Цветовое пространство представляется как актуальный дискурс при обсуждении проблем формирования и проживания современной городской среды. Ключевым аспектом такого представления служит предлагаемая автором культурно-деятельностная интерпретация колористики городской среды, позволяющая выстроить целостную сферу бытия цвета. Подобная модель работы с цветом включает базовые компоненты и структурирует цветовое пространство, соотнося все составляющие между собой (основные парадигмы, обеспечивающие полноценное функционирование и развитие «цветового пространства»; механизмы формирования цветовых парадигм; процессы сложения и трансформации культурных норм и стереотипов; цветовую культуру как целостное образование, пронизывающее всю множественность форм цветового пространства, а также реальность становления цвета в рамках общечеловеческой культуры; колористику города как материально-виртуальную, искусственно-естественную, организованную и спонтанно возникающую цветовую реальность в купе с профессиональными и бытовательскими представлениями о ней и пр.).
Ключевые слова: цветовое пространство, городская среда, амбивалентность цвета, цветовая культура, цветовые нормы и каноны, освоение, цвето-световые трансформации, картины мира, колористика города. /

A colour space is seen as an actual discourse when discussing problems of formation and inhabitation of the modern city environment. The key aspect of such understanding is an activity-cultural interpretation of the urban environment colouristics proposed by the author, which allows building of an integral sphere of colour existence. This model of working with colour includes basic components and structures a colour space, while matching up all the elements (basic paradigms that provide proper functioning and development of the colour space; mechanisms of formation of colour paradigms; processes of formation and transformation of cultural norms and stereotypes; the culture of colour as a holistic unit that penetrates the variety of colour space forms, as well as the reality of colour establishment in the framework of human culture; the urban colouristics as a material and virtual, artificial and natural, organized and spontaneously appearing colour reality together with professional and conventional visions of it, etc.).
Keywords: colour space, urban environment; ambivalence of colour; colour culture; colour norms and canons; mastering; colour and light transformations; worldviews; urban colouristics.

Цветовое пространство города в контексте культуры / An Urban Colour Space in the Context of Culture

Цвет в современной мире по-прежнему играет существенную роль в формировании жизни города, определяет качество среды, задает идентифицирующие и имиджевые характеристики среды, используется в качестве одной из систем культурного кодирования, создания дизайн-кода среды. Но в отличие от ситуации 70–90-х годов прошлого века со свойственной для отечественных городов бесцветностью и колористической ограниченностью, требующей повышения полихромии и увеличения диапазона цветоносителей, сегодняшнее состояние среды, характеризующееся значительным усилением цветности городской среды, умножением количества и номенклатуры цветоносителей, напротив, требует тщательной организации цветовой системы, особого внимания и контроля за использованием цвета и формированием цветового пространства. Еще одной проблемой существующего цветового пространства становится его своеобразная стандартизованность и унифицированность за счет типовых носителей и вторжения отечественных и международных корпоративных цветов во все компоненты окружающей среды. Одним из действенных подходов к современной работе с цветом, на наш взгляд, может стать обращение к историко-культурной ретроспективе, культурному контексту и мифологии места, к основам цветовой культуры и сложным процессам цветовой деятельности для получения адекватной картины при исследованиях и проектировании профессионального вмешательства в цветовую среду. Это позволяет максимально приблизить каждое конкретное решение и фрагмент реальной среды к специфике «места», найти индивидуальный образ, создать уникальный dress-code для любого пространства (которые в отличие от системы внедряемых дизайн-кодов и регламентов должны быть более глубоко погружены в особенности культуры и жизни территории).

Все наши размышления будут касаться профессиональных представлений и некоторых общих тенденций в цвете, культуре и жизни городской среды в целом, которые оказываются значимыми для современного развития. Для этого мы обратимся к сложившимся «мифологиям», цветовым ценностям и идеалам профессионального сознания и культуры, объектам и результатам

профессиональной рефлексии, а также цветовым нормам и стереотипам непрофессиональной культуры горожан. Выделенные при этом черты современных образов и цветовых идеалов городской среды и культуры, несомненно, не исчерпывают всей полноты проблематики становления и существования городских имиджей и сред сегодня. Это лишь несколько проблемных дискурсов, развертывание и репрезентация которых позволяет приблизиться к пониманию цветового пространства современного города.

Одновременное обращение к историко-культурному контексту и реалиям сегодняшнего дня и современного города, позволяет выделить наиболее актуальные образы и идеалы, их связанность с образами мира, картинами мироздания и зафиксировать место цвета в этих изменившихся условиях. Несомненно, идея города, целостного, построенного по законам гармонии, всегда существовала и будет существовать как среди непрофессионалов – чиновников и администраторов, горожан, обывателей и ценителей истории и культуры городов, создающих свои мифы, так и среди профессионалов, формирующих это пространство. Цветовая сфера при этом рассматривается как достаточно самостоятельная организованность, в то же время включенная в городские системы, в пространство природной жизни и культуры в качестве их компонентов.

Выделяя камуфлирующую, предостерегающую, ориентирующую и другие функции цвета, исследователи языка цвета в природной среде [1] представляют его как жизненную необходимость, как один из способов адаптации, выживания, существования. В растительном и животном мире цвет выступает в форме важного жизненного кода, обеспечивающего существование, контакты, воспроизводство потомства и другие значимые функции. Основные значения, связанные с цветностью, закладываются в генетическом коде и тем самым превращают любую особь естественного мира в носителя цветового смысла-кода.

Такое «прямое» употребление цвета наследуется первобытными культурами, где продолжает существовать как один из способов жизни-выживания в «космосе» и среди себе подобных (коммуникация, включение в «космос», контакт с «потусторонними силами», различение и маркирование и т. д.). В связи с тем, что цветность изначально

текст и фото
Ольга Железняк /
text and fotos
Olga Zheleznyak

фиксируется как жизненно важная функция, большинство населения выступает непосредственными субъектами цветовой деятельности и, соответственно, носителями основных цветовых смыслов. Выделяемая при этом ритуально-магическая цветовая деятельность со временем обособляется и превращается в часть жизнедеятельности отдельных субъектов, но тотальная доступность цветовых смыслов и значений при этом не исчезает. Элементы своеобразной «ритуальной» роли цветности как компонента биологического поведения можно наблюдать и в животном, и в растительном мирах, например брачная окраска отдельных птиц и животных, изменение цвета растений соответственно фазам созревания и т. п.

В дальнейшем, по мере развития цивилизаций и появления все большего числа искусственных сред, «природное» употребление цвета как инстинкт самосохранения отходит на второй план, осознание цветности как первородного элемента жизни переходит прежде всего в религиозно-ритуальную сферу, цвет становится специфическим способом жизни, приобретает ценностно-нормирующую роль. Постепенно происходящая «артификация» цветовой деятельности придает цвету/цветности дополнительную ценностную значимость, но не вырывает цвет из жизненной реальности. Цвет сохраняет свою субстанциональность как для непрофессионалов-обывателей (через религиозно-ритуальное мировидение), так и для профессионалов, которые по-прежнему усматривают глубокие связи цвета с основными мировыми субстанциями.

В рамках общего процесса развития культуры и общества «цветовое пространство» («пространство существования цвета») выступает одной из существенных норм жизни и культуры, закономерности, имманентно присущей миру как характеристики его полноценности и целостности, что во многом детерминирует внутреннюю структуру «пространства бытия цвета».

Основными парадигмами, обеспечивающими полноценное функционирование и развитие «пространства» и его целостное бытие, являются способность цвета выступать ценностной нормой и его существование в качестве своеобразной жизнедеятельностной нормы. Дискретно-континуальный характер цветопространства, порождаемый предметно-пространственной, временной и деятельностной экспансией цвета, сохраняет содержательно-смысловые инварианты (при условии функционирования основных парадигм) и превращает «пространство существования цвета» в постоянно становящуюся и непрерывную субстанцию. Стремление все различить, отделить одно от другого и в то же время способность одного переходить в другое задают амбивалентность цветности и отдельных цветов.

Амбивалентность отдельных цветов, их двойственная ценностность как добра и зла (например, пурпурный: цвет благородства, духовной власти – цвет тирании; желтый (золотой): божественный свет – цвет лжи и предательства и т. д.) неоднократно отмечается в различных исследованиях. Красный, будучи одним из ключевых цветов во многих культурах, также обладает амбивалентностью. Среди положительных значений следует отметить отношение к нему как целебному средству, но жизневорная сила красного у разных народов обретает разные формы: так, у древних греков и римлян красный служит символом плодородия, в честь чего статуя Приапа (бога плодородия) окрашивается в красный. У японцев Средневековья этот цвет является символом любви и брака. На древнем Крите красный относится к цветам, отпугивающим демонов и злых духов, поэтому, чтобы защитить от болезней и злых духов, новорожденных детей и мальчи-

ков при инициации окрашивают красной краской (тело целиком или только лицо), надевают красную повязку на руку. Также в красный цвет окрашиваются различные предметы, колонны царских дворцов, в повседневной жизни люди носят красные амулеты, повязки².

Негативные значения красного столь же разнообразны и соотносятся с агрессивностью и плотскими желаниями, со смертью, грехом, насилием и возмездием.

У алтайцев красный цвет приобретает положительную или отрицательную смысловую нагрузку в зависимости от ситуации: так, о красивом лице алтайцы говорят: «кызыл марал качарлу», что соответствует русскому высказыванию «кровь с молоком», в других случаях это звучит как «кызылы кызыл ла, кылыгы кандый болбой», что означает «красен-то красен, а норов каков» [2]. «Кызыл эмир» (красный вечер) считается неблагоприятным временем суток, так как с заходом солнца активизируются разнообразные злые силы, способные навредить здоровью человека [3].

Важным свойством пространства бытия цвета является его субкультурная многослойность. В современных условиях актуально акцентирование профессиональных и непрофессиональных составляющих как одного из уровней такой многослойности (традиционная субкультура вычленяется как особое явление) с последующим усложнением субкультурной дифференциации. Это в свою очередь позволяет ввести обобщающую рамку «субкультурной целостности» различных представлений, их укорененности в традиционной культуре и/или соотносительности с ней.

При этом среди характеристик феномена цвета, показывающих его особое место в жизни человека и окружающей среды, следует выделить его существование в виде некоей совокупности цветовых канонов (поведенческих, объемно-пространственных, объектных и пр.) и форм дифференциации.

Нередко такие каноны не прописываются в текстах, но живут в реалиях человеческих отношений, характеризуя различные субкультуры² и отделяя их друг от друга. Существовая во времени и пространстве, наследуя друг от друга, они служат опознавательным знаком субкультуры и ее внутренней нормой. Обращаясь к Древнему Китаю (II тыс. до н. э.), можно заметить, как цветовому изобилию и изяществу, значимости цвета в различных сферах жизни противопоставляется монохромия, отрицание цветности формы как зла и признака роскоши, так как «пять цветов притупляют зрение», мысли и чувства, они асоциальны и вредны [4]. Носителями этой тенденции (новой на тот момент нормы) стали приверженцы философского учения о дао³, которое со временем распространилось в другие субкультурные группы, привнеся с собой и особую норму цветности как специфику иного понимания жизни и ее смысла. На формирование цветовой символики Китая, становление цветовых канонов и соответствующей им цветовой дифференциации накладывает отпечаток конфуцианство. В соответствии с канонами пурпурный цвет означает добродетель, «зеленый – гуманность, красный – церемониал и порядок, желтый – веру, белый – истину, долг, самопожертвование, черный – мудрость и знание». Еще более жестко цветовой канон прослеживается в одежде, выступая системой дифференциации: желтые цвета носил император, черный – ученые, коричневый или белый – сановники, синий (или красный) – воины [5].

Особая сословная закреплённость цветов, выступающая специфической формой цветового канона, когда именно цвет служит маркером клановой/родовой, сословной и статусной дифференциации, складывается во

^ Разнообразие цветовых носителей современной городской среды и дизайна: новые формы и материалы.

Рис. 1. 2. Цвет, свет и материал в имиджевых объектах города (Набережная, колесо обозрения; Центр Гейдара Алиева). Баку

Рис. 3. Цвет как составляющая креативного решения. Рим

многих традиционных культурах. «Социальное цветовое маркирование» соотносится с внутренней иерархией цветовой системы, в которой жестко определены не только цвета высокие и низкие, божественные и неугодные Богу, первородные и второстепенные; но и сама цветность, границы ее активности, компоненты, ее составляющие, оказываются в значительной мере регламентированными. Примером может служить цветовое нормирование-канон в античной культуре, где открытые яркие цвета трактовались как прерогатива гетер, комедиантов и восточных варваров с их несовершенной культурой; тогда как «цивилизованному эллину» приписываются сдержанные сложные гаммы в одежде и украшениях «благородных сооружений» – форумов, сенатов, терм. По мнению Л. Н. Мироновой, люди физического труда предпочитают более яркие, чистые цвета, в то время как «интеллигенция и пресыщенный искусством эксплуататорский класс – сдержанную или ахроматическую гамму». Такое предположение не претендует на роль универсальной цветовой парадигмы, но история свидетельствует о подобных фактах. В то же время результаты раскопок, в частности в Риме (комплекс Августа), свидетельствуют о достаточно активной полихромии росписей жилых помещений, включающей оттенки насыщенных красных, оранжевых, желто-золотых в сочетании с холодными бирюзовыми и другими цветами. «Цветовая маркировка» свойственна культуре предбайкальских бурят, что проявляется в «традиционном делении тенгриев, а также шаманов и кузнецов на белых и черных, в то время как для забайкальских бурят существовала бинарная оппозиция неба и земли»⁴.

Диапазон распространения цветовой дифференциации (иерархизирующей или маркирующей, как системы идентификации) необычайно широк: начиная с формирования городов (см., например, описание модели китайского города, где наряду с цветовой дифференциацией по сторонам света предписывается фиксированная окраска участкам городского пространства, зданиям и сооружениям по их принадлежности к религиозным или светским ветвям власти в соответствии со структурой иерархии этих властей) [6] и кончая мелкими деталями украшений, свидетельствующими о субкультурной принадлежности.

На протяжении всей истории цветовым кодированием в религиозных и политических сферах закреплялось социальное деление, что актуально и по сей день [7]. Например, в Индии традиционно «особые цвета обозначали четыре касты или класса». Священная каста брахманов, которые «учились и учили», была одета в белое. Члены боевой касты кшатриев отличались красной одеждой, торговые касты (Vaisyas) носили желтый, а шудры (класс рабов) – черный. Эти цветовые обозначения часто следуют за цветовым «содержанием», взаимосвязями между символическими смыслами и цветами, такими как ассоциация белого цвета с духовностью и красного со страстью и войной. Не менее важную роль играют цветовые каноны, закрепленные в текстах и ритуалах, в иконах, картинах и других художественных изделиях светского и духовного назначения. Чрезвычайно актуальной частью пространства цветовой идентификации сегодня являются цветовые системы рекламы и корпоративных стилей, характерные идентифицирующие сочетания цветов приобретают ключевое значение при создании брендов, формировании позитивных имиджей любых типов среды.

Взаимовлияния внутри одной традиции, специфичность и схожесть отдельных норм, мутация и разрушение под действием «внешних» норм, совмещение в одном пространстве различных норм – все это находит отражение в цветовом пространстве, способах консервации его идеалов и приемах «введения инноваций». В соответствии с этим важным моментом становятся процессы сложения и трансформации культурных норм и стереотипов, их общность, различие и/или взаимопроникновение разных традиций.

Основополагающим представлением процесса становления культурной нормы, на наш взгляд, может служить концепция сложения культурных норм как процедуры непрерывного взаимовлияния разных норм друг на друга (идея непрерывного трансмутационного контакта). Постоянный контакт взаимодействия различных форм культуры, их «ассимиляция», контекстуальное погружение, соизмерение друг с другом, одновременное сосуществование разнообразных норм-парадигм в одном пространстве, бесконечное перерождение и сохранение сущности составляют, на наш взгляд, суть процесса становления

2. Социальные слои, касты, профессиональные группы, этнические и религиозные образования и пр.

3. Универсальное начало – дао, недоступное чувственному познанию, бесформенное, туманное и неясное: «формой без формы, образом без существа... туманным и неясным» описывают его. Внешняя форма обманчива, важна сущность, которая сложна, не имеет выраженной формы и поэтому условна по цвету. А разукрашенность лишь скрывает истину и покрывает недостатки (Древнекитайская философия. М., 1972. Т. 1.

4. См. работы Т.Д. Скрынниковой о семантике цвета в традиционной культуре народов Забайкалья.

в Освоение городской среды: «цветовая самодетельность»
Рис. 4. Традиционная уличная торговля-выставка. Баку
Рис. 5. Живые скульптуры. Барселона

^ Экспансия цвета в современную городскую среду.
Рис. 6. Традиционное состояние цветовой хаоса торговой улицы. Испания, Калелла
Рис. 7. Цветовая экспрессия – часть имиджа среды (Арт-кафе). Баку
Рис. 8. Активная полихромия – форма агрессивного вторжения в среду. Казань

9. См. работы Т.Д. Скрынниковой о семантике цвета в традиционной культуре народов Забайкалья

10. Линч К. Совершенная форма в градостроительстве. - М.: Стройиздат, 1986. -264 с.

11. Gage, John. Color and Meaning: Art, Science, and Symbolism. Los Angeles: University of California Press, 1999.

цветокультурной нормы, выступают одним из механизмов формирования цветковых парадигм, который мы представляем как трансмутационный контакт.

Кроме того, трансмутационный контакт может рассматриваться и как общая концепция становления культурной нормы, которая позволяет проследить взаимодействие различных культурных стереотипов, их «проявление» и «просвечивание», сохранение-консервацию, взаимную мутацию и трансформацию. При этом на основании изучения процессов существования цветокультурной нормы, например в ситуациях взаимодействия оригинальных и смешанных культурных традиций и/или совмещения на одной территории различных норм, наложенных друг на друга во времени, можно представить изменение содержания норм и механизмы мутирующей трансформации в целом.

Высшая степень организации «пространства существования цвета», социокультурно закрепленная и значимая, обязательная принадлежность каждой отдельной субкультуры и в то же время целостное образование, пронизывающее всю множественность форм цветопро пространства, определяется как цветовая культура, которая также представляется реальностью становления цвета в рамках общечеловеческой культуры. Культура цвета в городе, или городская цветовая культура, складывается на пересечении реалий «жизни цвета» и образа жизни горожан и анализируется через призму отношений профессионал – непрофессионал, создатель – потребитель.

Обращаясь к особенностям «проживания» цветового пространства в истории и культуре как целостности, следует выделить своеобразные цикл «насыщения» культуры цветом, цветовой интенсивности и цветовой разгрузки. В эволюционный процесс «цветового движения» вторгаются всплески аномального цветового поведения и деятельности, деформации цветковых норм (например, выделенный лиминальный/пороговый период). Смена этапов характеризуется разной скоростью и степенью активности в различных сферах цветовой деятельности и в различных слоях (в том числе в профессиональном и непрофессиональном). При этом линии развития разных субкультур имеют индивидуальные траектории движения.

Рассматривая соотнесенность цветковых периодов с трансформациями в развитии культуры и общества, мы можем представить цветковое пространство как «адекватность» и/или параллельность социокультурному пространству, когда цвет, цветковые трансформации являются важными показателями происходящих в обществе и культуре изменений или превосхищают их. Нередко характер цветковой среды предстает символом и синонимом существующей социокультурной ситуации. Соотнесение различных социокультурных изменений с процессами, происходящими в цветковой культуре, фиксация параллельности этих явлений или их пересечения, одномоментности или сдвиги по времени задают рамки описания пространства взаимодействия цветкового феномена и культуры и помогают выявить его специфику. Это дает нам основание определить процесс и результат цветковых трансформаций как показатель социокультурных изменений (символ и признак перехода).

В рамках «пространства существования цвета» цветовая культура города выступает обязательной составляющей общей цветовой культуры и одновременно элементом городской культуры. Одним из средств формирования городской цветовой культуры является колористика городской среды, образующая материально-идеальную (а также виртуальную), объектно-процессуальную целостность субкультурных взаимодействий и существующая в качестве одной из норм городской жизни и деятельности. Колористика города (как модель) представляет собой искусственно-естественную, организованную и спонтанно возникшую цветковую реальность вкупе с профессиональными и обывательскими представлениями о ней.

Различия между профессиональными и непрофессиональными представлениями, между профессиональными идеализациями и реальностью бытия феномена цвета в городе, собственно специфика традиционного существования цвета позволяют говорить о сложной и многоплановой модели «проживания» цвета в пространстве городской культуры. Такая модель включает в себя три обязательных блока: реальность жизни цветовой среды города, непрофессиональные субъектно-групповые идеализации/представления и профессиональные идеализации/модели.

Внепрофессиональные представления проявляются при этом в двух основных формах: в качестве «бытовых идеализаций» и «высоких идеализаций» – текстов, в которых преобладают интерпретации колористики города как целостной материализованной цветовой системы городского пространства, «данной» обывателям профессионалами (но не обжитой ими – обывателями), и/или как синкретичной цветовой среды города – материально-идеальной, субъектно-объектной, многопредметной. Аналогичный «средовой синкретизм» цветового феномена свойственен и «бытовым идеализациям» внепрофессиональных носителей цветовой культуры, особенно в традиционных системах воспроизводства и трансляции цветового феномена.

Профессиональные идеализации, как правило, имеют дело с материальной компонентой колористической реальности и учитывают обывателей как социальную составляющую этой реальности. При этом внепрофессиональные идеализации и представления чаще всего оказываются за пределами рассматриваемого объекта. Сама исследуемая реальность, переходя в план профессионального моделирования, значительно выхолащивается и практически отождествляется («склеивается») с идеальными моделями, что делает ненужным изучение различий между этими блоками и разработку механизмов адаптации профессиональных моделей.

Исходя из культурно-деятельностной интерпретации колористики городской среды проектирование цветовой среды рассматривается как процесс воспроизводства и трансляции цветовой культуры через обращение к традиционным и современным формам бытия цвета. Важными целями современного этапа следует признать необходимость превращения цвета в реалии человеческой жизнедеятельности и городской культуры, а также возвращение цветовому феномену ценностно-нормирующего статуса. Особым механизмом достижения указанных целей выступает процесс освоения.

Сформировавшееся в рамках средового подхода понятие «освоенности» как необходимого качества и критерия целостности среды⁵ рассматривается как «присвоение», превращение «в свое» и своеобразная оппозиция отторжению, «очуждению». Характерными чертами «присвоенной» среды становится специфическая форма поведения – ничегонеделание, само действие в такой среде доводится до автоматизма поведения, среда, как правило, превращается в «место» и имеет данное ей «освоителями» наименование. Вероятно, такое идеальное состояние среды-места свойственно далеко не всем городским пространствам и может означать завершающий этап процесса освоения. Большая часть городских сред, собственно, и находится в процессе освоения, в состав которого входит и «присвоение», и «отторжение» как необходимые составляющие одного процесса и установление связей «сообществления» как условие комфортного существования в «присвоенном» пространстве и т. п.

Будучи существенным процессом проживания цвета в идеальных и материальных системах города, в субъектных и объектных отношениях, освоение является компонентом непрерывного процесса созидания среды и ее функционирования («производства – потребления»). Оно включает в себя процессы восприятия, ориентации, прагматического потребления, эстетической оценки; процессы построения семантических и аксиологических структур, различные типы поведения и деятельности и т. д.

Процессы бытования цвета в городе представляются как непрерывная деятельность формирования культуры цвета при «освоении» идеального и материального цве-

топространства города. Современное понимание городской среды выдвигает представление об «активном человеке», создающем обывателя⁶. В соответствии с этим возникает необходимость рассмотрения различных деятельностей «создания» и «потребления» через призму особенностей «производства» в процессе «потребления» и различия профессиональных и непрофессиональных носителей цветовых представлений, а также учитывать преобладающую непреднамеренность процесса освоения цветовой среды города⁷.

Особенности цветового пространства города и «средового восприятия» дают основания предположить, что в повседневном проживании архитектурная полихромия зрительно воспринимается преимущественно в периоды инертности, а не в периоды концентрированного внимания. Внимание концентрируется на архитектуре, когда форма достаточно разнообразна, насыщена цветом и пластикой, когда действие в среде отсутствует или незначимо для потребителя, а мобильное наполнение пассивно и не несет необходимой информации. Нередко такими фрагментами архитектуры оказываются венчающие части зданий сложных очертаний на фоне неба, необычно освещенные здания и их детали, отдельные фрагменты зданий эстетически ценные с позиции профессионалов, например изящные балконы, колоннады и совсем неожиданные для профессионального сознания входы в подворотни, потрескавшиеся стены и пр. При этом архитектурное пространство в качестве некоей организованности чаще всего самостоятельно не выделяется: во всех случаях архитектурно-градостроительная форма рассматривается как часть среды.

Реалии городской среды и культуры демонстрируют несостоятельность представлений о монокультурной цельности городского пространства и требуют обращения к его многослойности и неоднозначности. Как своеобразный объект цветового «потребления-освоения» город представляет собой «конгломерат» субкультурных образований и набор ценностно-смысловых структур: общезначимых, групповых, индивидуальных. Всякая средовая субкультура становится обладателем индивидуального опыта освоения материально-культурного и социального пространства, носителем своего типа «проживания». Соответственно, разные сообщества, сословия и т. п. имеют и собственные системы цветовых норм и стереотипов.

Как хранитель «духа места», его истории городская среда способна порождать и возрождать субкультуру при грамотном профессиональном инициировании этого процесса, а также способствовать процессу «вхождения» субъектов среды (обывателей) в пространство конкретной субкультуры. Такая субкультурная закреплённость играет приоритетную роль в формировании многослойности цветового пространства, идеального и материального, индивидуального и общественного, обеспечивает воспроизводство и трансляцию цветовых норм и оказывается определяющим фактором существования цвета в качестве жизненной нормы. Посредником во взаимном движении от горожанина к среде, к ее историко-культурному потенциалу, к цветовой субкультуре места, и наоборот, может и должен стать профессионал. При этом выявление субкультурной разнородности городской культуры и потенциала среды с ее цветовым многообразием становится профессиональной задачей, разрешение которой требует привлечения обывателей / субъектов среды / субъектов культуры. В противном случае язык цвета как важный элемент повседневной жизни оказывается все более оторванным от культурных истоков и региональных особенностей. Естественный

5. См.: Глазычев В. Культурный потенциал города // Культура города: проблемы качества городской среды. М., 1986; Каганов Г. Освоенность городской среды // Культура города: проблемы качества городской среды. М., 1986; статьи А. Высоковского, Г. Лебедевой, И. и Т. Абанкиных, М. Савченко.

6. См. публикации В. Глазычева, Т. Славиной, Г. Костинского, О. Яницкого.

7. О «периферийности» средового восприятия и «случайности» отбора материала для формирования субъективного образа-представления см.: Лебедева Г. С. Периферийность – субстракт среды // Психология и архитектура. Таллин, 1983; о средовом восприятии городских структур см. материалы конференции «Городская среда» (Москва, 1989).

8. См., например: Жизнь в свете, дома и при дворе. СПб., 1890. (Сер. Библиотека практических сведений).

процесс изменения сопровождается модификациями семантики традиционного языка, переплетаясь с обычаями и условиями светской жизни, с ее наполненностью литературными и художественными образами и погруженностью в общекультурные и транснациональные процессы и течения и, со временем, перерастает в язык городской жизни. Изучению этого языка и его использованию отводится особое место в процессе воспитания, объясняя какой цвет уместнее в той или иной ситуации, и что будет означать употребление какого либо цвета. Основы таких знаний нередко излагаются в различных руководствах и рекомендациях, описывающих поведение в доме и обществе⁸.

Анализ цветовой среды и ее генезиса позволяет выделить ряд индивидуальных характеристик цветовой среды и процессов ее становления, а также особенности самих норм, способов их возникновения и превращения в стереотипы, развития и возможных их трансформаций либо разрушения.

Так, один из общепринятых стереотипов, связан с представлениями о том, что нормы использования цвета находятся в достаточно прямой зависимости от природно-климатических условий, и отдельные специалисты полагают, что цветовое нормирование может быть в значительной мере предопределено картой районирования. Кроме того, в рамках этого же стереотипа, нормы формирования цветовой среды главным образом должны быть ориентированы на необходимость обеспечения более комфортных условий существования среды. При этом цвет используется как средство компенсации неблагоприятных природных условий: монохромной окружающей природной среды, жаркого/холодного, сухого или влажного климата, отсутствия достаточного света (естественной освещенности) и пр.

Несомненно, такое применение цвета подразумевает полновесный учет природно-климатических и социально-демографических особенностей региона посредством создания соответствия между природой и человеком, естественной и искусственной средами, фиксируя «материальную основу» цветовой специфики места.

При этом «экологичность», природосообразность проектируемой среды может быть выстроена на использовании цвета – природного и искусственного – как средства создания комфортной среды (в соответствии с региональными условиями – климатическими, психофизиологическими, социально-культурными и т. п.), во-первых; и во-вторых, на обращении к природной среде как к композиционному контексту, влияющему на характер и образ искусственного нововведения или даже определяющему его полихромиию.

Однако подобные представления не исчерпывают всю полноту и целостность процесса цветовой проектирования и обживания среды. В частности, дворцовый комплекс в Варахше разрушает традиционные стереотипы о правилах использования цвета, так как интенсивный красный цвет его интерьеров, вероятно, являясь следствием влияния эллинизма, не соответствует традиционному представлению о «комфортном» цвете в жарком климате и позволяет предположить иную мотивацию для выбора красного цвета. Тем более что в большинстве дворцовых комплексов и храмовых сооружений, возникших позднее по существу на том же самом месте (во всяком случае, в аналогичных природно-климатических условиях) в период расцвета мусульманской культуры, практически исключают использование красного цвета, колористическая гамма интерьера заменяется на холодную часть спектра, где ведущими цветовыми темами становятся сине-зеленые, бирюзовые, фиолетовые и пр.

Очевидно, существенную роль сыграло широкое распространение глазурованной керамической плитки, как типа отделочного материала, и наличие соответствующих красителей, но, вероятнее всего, не это явилось определяющим фактором. Изменение цветовой темы-палитры также сопровождается кардинальным изменением сюжетно-графической и композиционной основы: эмоциональная пластика играющих, танцующих, охотящихся фигур людей, животных и птиц заменяются утонченной вязью геометрического орнамента, шрифтовыми композициями с текстами из Корана и растительными мотивами. Представленный пример демонстрирует образец трансмутации, версию вторжения иных картин мира и новых цветочных норм в сложившиеся стереотипы. Это весьма характерно для развития цветочной культуры и позволяет сделать вывод, что одна и та же природно-климатическая ситуация в различных социально-культурных и религиозных условиях может иметь фактически противоположные цветочные интерпретации и нормы, несмотря на сложившиеся профессиональные цветочные стереотипы. Кроме того, этот факт также дает возможность убедиться в гибкости и подвижности культурной нормы и многоплановости процесса становления цветочной нормы.

Трансформации в городе и трансформации города, будучи своеобразной формой существования цветочного пространства во времени, характерной для любой городской среды, интерпретируются через широкий культурный контекст как изменение-мутация сфер идеальных представлений и реалий современного города.

Непрерывное перерождение одного цветочного образа в другой, приспособление новой функции к существующей форме, трансформация процессов и деятельности в соответствии с эйдосом места и развивающаяся мутация места-пространства – все это отражает одну из существенных характеристик процессов, происходящих в пространстве города и делает мутацию особым свойством развития городской культуры и средового пространства.

Одновременное пребывание городской среды в прошлом, настоящем и будущем под влиянием различных культурных, социальных и прочих явлений проваоцирует все компоненты городского пространства на непрерывную мутацию и взаимное приспособление. Рассматривая мутацию как один из способов развития городского формопространства и назначения места, как прогрессивную форму изменения архитектурных форм и городских сред, мы представляем идею развития города как особого рода мутацию. Ориентация изменений на «проявление», «выращивание-оформление» мифологии места и создание новых образов; цвет при этом выступает компонентом и важным средством реализации этого процесса. В то же время мутация раскрывает наиболее естественный путь изменения формопространства во времени.

Соответственно, городское пространство может быть рассмотрено как пространство трансмутационного контакта, предусматривающее сложную систему взаимодействия различных культурных норм. Это также предполагает одномоментность временного пространства, в котором эти события происходят. Возможность выбора различных культурных норм и форм контакта является актуальной характеристикой среды современного города.

И цветочное пространство в полной мере несет в себе особенности сегодняшнего дня, отражая специфику современной культуры: «мимикрирующую» среду зеркальных городов, непрерывное изменение цветочной среды, множество цветочных имитаций под материал и форму, самодовлеющую ценность цвета в суперграфике, где цвет творит чудо формообразования и др. Несомненно,

^ Образы города

Рис. 9. Храмовая архитектура – источник исторической полихромии. Флоренция

Рис. 10. Городская среда – пространство трансмутации цветокультурных представлений. Венеция

у всех отмеченных явлений есть аналоги и прототипы в природе и прецеденты в истории, но современный город и городская среда как нельзя более полно воплощают в себе эти тенденции, создавая современное пространство цветовых идеалов.

Так, цвет в идее отраженного пространства как особой архитектурно-градостроительной концепции 80–90-х годов XX века имеет непосредственное отношение к образам новой городской реальности, к образу непрерывной мутации городской среды. Восходящая своими истоками к прозрачности архитектурных сооружений начала века и стеклянным призмам-формам середины века, она получает свою новую интерпретацию в зеркальных отражающих поверхностях конца века. Идея проницаемости развивается в идею отражения (отраженной проницаемости), отраженных пространств и ирреальных, мистических, нереальных границ.

Идеология трансформаций среды актуальна и для описаний будущего. Так М. Альбер-Ванель, ссылаясь на представления Флобера, пишет о будущем города как о непрерывно трансформирующейся цветовой структуре («здания будут изменяться по густоте и окраске согласно времени года») со светящимися фасадами – «будут красить фасады домов фосфоризирующими красками» [8]. В своих предвидениях Флобер оказался не так уж далек от истины, и современные непрерывно трансформирующиеся медиафасады тому свидетельство. Цветовое пространство вообще является одним из наиболее динамичных и способных к трансформациям компонентом среды и культуры.

Цветосветовая драматургия городской среды (многочисленные рекламы и возможность цветосветовой трансформации городской среды и архитектуры, создания новых образов за счет цветного освещения и пр.) задает новый, актуальный тренд в развитии городской культуры и образов городской среды, изменяя сложившиеся в профессиональном сознании представления и общие стереотипы. Так, в частности, освещенный вечерний город – это одна из характерных особенностей современного города, создающая оригинальные, динамичные образы за счет цветного освещения и внедрения новых технологий. Цветной свет вообще становится важным

средством визуальных (и временных) трансформаций. А трансформация пространства и формы, физических и образных свойств среды с помощью цветосветовых эффектов превращается сегодня в особую сферу деятельности в городе. Прозревая это, Энди Уорхол еще во второй половине XX века пишет: «Самый лучший недолговечный способ построить здание, о котором я когда либо слышал, – построить его светом».

Цветосветовая реклама и все более распространяющаяся цветровая подсветка зданий позволяют в корне изменить образ зданий и предметно-пространственной среды в целом. Например, эффектная ведущая синяя тема освещения в футуристическом, «активном» парке La Villette позволила дизайнеру Ж. Берну не только придать особую силу и экспрессию ярко-красным причудам Б. Чуми, зеркально-структурной («кинематографической») фантазии «Города науки и индустрии», зеркализованной сфере кинотеатра «Жеод» и тематическим садам (Саду зеркал, Саду теней и Саду дюн), но и соткать новый образ из объемов, линий и плоскостей, из природных и архитектурных ландшафтов. Многоликий и многоцветный, наполненный живыми и естественными цветами днем, La Villette превращается в мистическую феерию света и цвета XXI века ночью.

Еще большая свобода и самостоятельность, а соответственно, и возможность формирования новых образов возникает при использовании динамических цветосветовых установок, создающих непрерывную ткань изменяющихся цветовых образов-впечатлений, например разноцветье Натан-Филлипс-сквера в Торонто и световые инсталляции в городе как часть программы ежегодного фестиваля искусств «Белая ночь»; цветосветовая драматургия покоящих фонтанов, которая превращает каскад фонтанов на горе Монжуик (Montjuïc) в Барселоне в магический спектакль «движущихся водных форм, цветного света и музыки»; музыкальные цветосветовые фонтаны в Ереване или цветосветовой дизайн электростанции в Эдинбурге и пр.

При этом масштабность городской рекламы, размеры которой и экспансия в городское пространство увеличиваются благодаря развитию новых технологий, делает ее компонентом формирования среды и неизменным

^ Рис. 11. Фрагмент настенной росписи. Варахша (https://www.google.ru/search?q=%D0%92%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%85%D1%88%D0%B0&newwindow=1&sa=X&rlz=1C1VASI_enRU512RU514&espv=2&biw=894&bih=664&tbm=isch&tbo=u&source=univ&ved=0CCEQsARqFQoTCKnQ5u6F-cYCFQYkcgodAOEBOQ)

^ Рис. 12. Образы города. Природный контекст и трансформации цветового образа городской среды. Санкт-Петербург

Рис. 13. Иллюзорность современной среды – «отраженная проницаемость». Марсель

атрибутом городской жизни, цветосветовые проекции на фасадах и новые медиафасады служат актуальной формой пространства нового города.

Будучи не только атрибутом физического, реального мира, но и составляющей разных типов иррациональных и идеальных миров, цвет описывает, фиксирует и дифференцирует эти миры и собирает их в целое, порождая необходимость обращения к основам, к истинным, оригинальным источникам, раскрывающим суть этих явлений, – к картинам мира, иконографии и мифологиям места.

Представление цветовой парадигмы как компонента картин мира, одного из первородных элементов, отражающего различные аспекты бытия и их интерпретации в картинах мира, в такой ситуации вполне правомерно, так как во многом определяет «физику» и «метафизику» современной и традиционной культуры, ее универсальные и индивидуальные образы и превращает цветовой феномен в неизменную часть идентификационной системы, характеризующей специфику места.

Картины мира как идеальное представление о мире (универсуме) или как оформление Космоса в антропоцентрических парадигмах, как зеркало, в котором снимается сущность и ее трансформации, и как своеобразный текст, выражающий содержание основных жизненных парадигм, предоставляют возможность выделить базовые ценностные ориентиры, свойственные для каждой культуры. И такое целостное понятие, в котором по-разному трактуется универсум во всех его воплощениях, вероятно, даст возможность увязать в целое бесконечную множественность разноречивых событий, фактов и представлений.

Цвет в картинах мира и значимость цветового компонента в них задают специфику цветопространства и отражают его особенности. Изучение характерных черт цветовой традиции, концентрация внимания на ритуально-обрядовой и обереговой цветовой символике, на свойствах различных стереотипов в идеальных картинах и т. д. позволяют описать характеристики различных картин мира, их цветовые миры и идеалы, специфику и коды конкретных мест.

При этом практически любая картина мира содержит в себе представление об идеальном городе как особом

месте, поселении, устроенном по законам идеальной гармонии, среде жизнеобитания для избранных. Взгляд на город через призму цвета, который интерпретируется как парадигма культуры, также обращает нас к идеальному плану существования города, «идеальной сфере жизни» города. Значение, отводимое исследованию идеальных планов, объясняется тем, что они являются одновременно отражением профессиональной идеологии и внепрофессиональной рефлексией процессов развития и трансформации городов, их цветовой культуры как целостного образования.

И соответственно, наибольший интерес вызывают представления об идеальном пространстве, зафиксированные в основных интерпретациях рая – как сада, как города и как небес. При этом трактовка рая как города и идеального города как небесного града может рассматриваться в качестве наиболее ранней версии идеального города, в программу которого положена картина идеального мира. Эта линия берет свое начало с Небесного Иерусалима – квадратного в плане города, ориентированного по сторонам света, с 12 входами, по три с каждой стороны, украшенного драгоценными камнями, т. е. имеет многократно усиленную символику избранничества и идеальности. Довершает эту символику и усиливает ее цвет. Город предстает как многоцветный, сверкающий и светящийся, подобно драгоценному камню. Цвет и блеск камней и материалов, закрепленная за ними символика умножают духовную силу города. Таким образом, идеальный город в модели мира предстает как сверкающее, излучающее цветной свет многоцветное пространство, достаточно структурированное и глубоко скариализованное.

Еще одна отличительная особенность Небесного города Иерусалима – его уподобленность стеклянному городу, хрупкому, прозрачно-призрачному, идеальному. В этом городе улицы – «прозрачное стекло» (которое служит символом идеального наряда с цветом, драгоценными камнями и материалами). Невольное сравнение с Небесным городом приходит при упоминании о современных стеклянno-зеркальных городах, о стеклянной архитектуре. Многократно отраженная и преломленная в различных плоскостях окружающая среда становится

^ Рис. 14. Парк La Villette. Париж (<http://www.vparis.net/vostok-parizha/park-la-villet-v-parizhe.html>)

Рис. 15. «Поющие» фонтаны. Ереван

непрерывной и бесконечной, создавая иллюзии материальности или, напротив, отсутствия ее. Город как бы утрачивает свои земные качества, приобретая свойства ирреального место-пространства.

Свой вариант идеального города-рая (чем-то похожий на идеальный город, описанный А. Пушкиным) предложил в начале прошлого века немецкий художник Ц. Клайн. Еще одну похожую утопию представил К. Шмидт-Роттлуфф.

Города будущего, цвет и идеальный город, цветовое пространство концептуальных городов и цветовые образы/мифы реальных городских сред – описания этих сюжетов в различных типах текстов (сакральных и фольклорных, утопиях и антиутопиях, философских и поэтических произведениях и пр.) – все это отражает мир идеальных цветовых представлений, идеальные картины и модели мира в разных культурах. При этом во многих текстах идеальные миры, соответствующие картинам чистого разума, оказываются почти столь же холодны и монохромны, как их тоталитарные коллеги, как бы подчеркивая тем самым их неестественность и непригодность для человека. Так идеальный белый город – «порождение разума» пришельцев в романе К. Саймака «Кукла судьбы» – сияет надменным блеском дорогого фарфора, возносясь в небеса. В его близине ощущается некая пуританская отчужденность: ...все было фарфорово-белым, «как будто... неутомимый скульптор изваял из одного огромного куска камня единую скульптурную группу». Но ничто не двигалось и не шевелилось. Город был мертв.

Большинство гипотетических моделей города, городского пространства/среды непременно включают цвет, рассматривая его в качестве важной парадигмы самого понятия город, его трансформаций и развития, компонента городской культуры. В частности, отсутствие цвета либо его однообразие, цветовая ограниченность и жесткая нормированность символизируют тоталитарность системы, подавление естественных линий развития среды. В искусственно-организованных структурах жизнедеятельности тоталитарного общества цвет выхолощен и употребляется чаще всего для стратификации и иерархизации среды. Естественно живущие и развивающиеся системы-среды характеризуются богатой палитрой и высокой значимостью цвета, его смысловой наполненностью и образностью. Деградация городских структур непременно проявляется в деградации цветового пространства, также как развитие цветовой системы, ее полноцветность являясь непосредственным отражением процветания и перспективности городской системы [9]. Апелляция к идеальной плоскости бытия города в так называемых параллельных текстах, описывающих мир и город, диктуется еще и тем, что эти тексты выступают одной из форм существования городской среды и культуры, являются частью самого понятия город, его мифологии. В то же время картины мира и идеальные представления нередко становятся основанием для профессиональных концепций и/или для формирования аргументированного, уходящего корнями в культуру кода места, индивидуального dress-code для каждого фрагмента территории. Так, современным примером материального воплощения идеи города-рая может служить французский город Марн-ла-Валле. «Голубой город» французского колориста Ф. Риети практически наследует концепцию Рая – Града Небесного, делая земной город похожим на «осколок неба, упавший на землю».

Возрождению идей идеального города сегодня в немалой степени способствуют проводимые цветовые реконструкции (например, в Москве программы «Исторический

цвет» и «Светлый фасад») и разработанные для многих городов полномасштабные системы цветного освещения, в которых город вновь рассматривается как идеальный целостный организм.

Таким образом, пространственный культурный контекст позволяет расширить представления о сложности феномена цветовой культуры, процессах ее становления и развития в русле современных тенденций в теории и практике профессиональной деятельности и реалий сегодняшней жизни города. Будучи по природе своей амбивалентным, цветовой феномен предстает в своей истинной, двойственной ипостаси, унифицируя среду городов всего мира корпоративными/брендовыми цветами ведущих консорциумов мира и цветами модных трендов, с одной стороны, и придавая неповторимый, уникальный колорит за счет введения традиционных этнических и авторских цветов и сочетаний, появления временных цветовых мистери (фестивалей, национальных праздников и пр.) [10], через обращение к природным цветовым «языкам» и контекстам, характерным для конкретного места/территории.

В условиях многоплановой, практически недифференцируемой жизни городской цветовой среды, когда переплетаются бытовая потребительская деятельность и эстетическая, целенаправленная и бесцельная, «обжитость» и «необживаемость» и т. д., представляется целесообразным рассмотрение процессов освоения как специфической формы обживания среды города. Подобная интерпретация альтернативна волевому проектированию цвета и ориентирована на принципы партиципации, на обращение к потребителю, к средовому поведению, на погружение в историко-культурный контекст как обязательным детерминациям профессиональной деятельности (исследовательской, проектной, программной, организационной и т. д.), связанной с цветом вообще и цветом в городе в том числе. Это позволяет соотносить «искусственное воздействие» профессионалов на ход развития колористики среды со спонтанной деятельностью непрофессионалов/ обывателей/ потребителей.

Как знак-символ среды цвет в сознании потребителя и профессионала невольно проявляет отношение горожанина к характеру среды, ее образности и качеству и задает своеобразную цветовую структуру, мифологический цветовой портрет города, отдельных его фрагментов.

Список литературы

1. Oberascher L. Memory for Colours: Evidence for a Universal Colour Language? // Colour for town. – Moscow, 1990. – P. 218–224.
2. Эдоков А. В. Цветовое восприятие в культуре алтайцев.
3. Тюхтенева С. Н. О символике цвета в культуре алтайцев. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 61.
4. Древнекитайская философия. – М., 1972. – Т. 1. – С. 118.
5. <http://www.arts.imextrade.ru/review/kaleidoscope-of-culture> (дата обращения 26.04.2015)
6. Линч К. Совершенная форма в градостроительстве. – М.: Стройиздат, 1986. 264 с.
7. Gage, J. Color and Meaning: Art, Science, and Symbolism. – Los Angeles: University of California Press, 1999.
8. Альбер-Ванель М. Цветовые предпочтения и их использование в архитектуре // Колористика города. – М., 1990.
9. Железняк О. Е. Цвет. Город. Культура. – Иркутск: Изд-во ИРГТУ, 2013. – 308 с.
10. Железняк О. Е. От виртуальных симулякров до предметно-средовой материальности. Актуальные дискурсы профессии // Художественно-проектная культура в эпоху новых информационных технологий. – Иркутск, 2015.

References:

- Drevnekitaiskaya filosofia [The old Chinese philosophy (1972) (Vol 1, p.118). Moscow.
- Gage, J. (1999). Color and Meaning: Art, Science, and Symbolism. Los Angeles: University of California Press.
- Lynch, K. (1986). Sovershennaya forma v gradostroitelstve [A perfect form in urban planning]. Moscow: Stroizdat.
- Oberascher, L. (1990). Memory for Colours: Evidence for a Universal Colour Language? Colour for town. Moscow, 218-224.
- Tyukhteneva, S. N. (1994). O simvolike tsveta v culture altaitsev [About colour symbols in the Altaians' culture]. Gorno-Altaysk (p.61).
- Zheleznyak, O. E. (2013). Tsvet. Gorod. Kultura (Colour. City. Culture). Irkutsk: Izd-vo IRGTU.

Рассматриваются проблемы формирования социально-пространственной среды новых городов Иркутской области в период пионерного освоения Сибири в XX веке, влияние этой среды на современные условия проживания. Определены ключевые характеристики и основные факторы, повлиявшие на развитие «новых» городов, а также специфика социально-пространственной жилой среды Братска, Ангарска, Шелехова и Саянска.

Ключевые слова: новые города, социально-пространственная среда, освоенность, содержательность, комфортность. /

The article observes the problems of formation of socio-spatial environment of new cities of the Irkutsk region in the period of pioneer development of Siberia in the XX century, and the impact of this environment on the modern living conditions. Identification of the key features and main factors affecting the development of new cities and the definition of the specificity of the socio-spatial environment of residential units of Bratsk, Angarsk, Shelekhov and Sayansk cities are presented.

Keywords: the new city, the socio-spatial environment, development, content, comfortability.

> Рис. 1. Социально-пространственные комплексы городов Ангарска и Братска

Градостроительная организация социально-пространственной среды городов Иркутской области /

текст

Инна Дружинина /

text

Inna Druzhinina

Формирование социально-пространственной среды можно представить как результат взаимодействия основных факторов и предпосылок – исторических, социальных, демографических, природно-климатических, градостроительных. Социально-пространственная среда должна учитывать и отражать специфические нужды, интересы и потребности любого жителя поселения, будь то крестьянин или горожанин, представитель элиты или социальный работник.

Формировавшаяся в Иркутской области на протяжении XVII–XVIII веков жилая среда представляла собой в основном однодворные заимки – деревни-малодворки, позже многодворные деревни. В этот период разрастающиеся вокруг острогов посадки превращались из типичных сельских поселений в ремесленные слободы, вытесняющие сельскую функцию на периферию, все дальше от центров.

Для исторических городов XVIII–XIX веков имели особое значение. Появляются градорегулирующие документы – указы, строительные уставы и др. Если сельские поселения продолжали развиваться по устоявшимся традициям, то города приобретали теперь новые черты. Важную роль в пространственной организации территории городских центров играла парцелляция.

Города, появившиеся в послевоенный период XX века, имели совершенно иной характер среды. Они, как правило, разрастались из рабочих поселков и составляли основу новых и молодых городов области.

Социально-пространственная среда создается на основе заложенных градостроителями решений: размещением селитебных зон, их масштабом и характером (микрорайонами, кварталами, кластерами и т. п.), сеткой улиц, компоновкой общественных центров, объектов культурного и бытового обслуживания, а также видом жилой застройки – типами зданий, их этажностью и расположением между собой. Немаловажную роль играют и типы озеленения пространств, элементы благоустройства территории. Кроме того, жилая среда формируется населением с определенным социальным статусом, демографическим составом, соседскими сообществами, образом и укладом жизни. Все это в конечном итоге определяет тип социально-пространственной среды и влияет на ее

содержательность, освоенность и комфортность.

Социально-пространственная среда непостоянна во времени. Она трансформируется, изменяется в соответствии с социальным развитием, техническим прогрессом и иными процессами. Пожары, наводнения и другие стихийные бедствия, естественное старение городской среды, политические события – все находит отражение в городском пространстве. Поэтому очень важно знать, понимать и учитывать все факторы, влияющие на городскую среду в каждом конкретном случае.

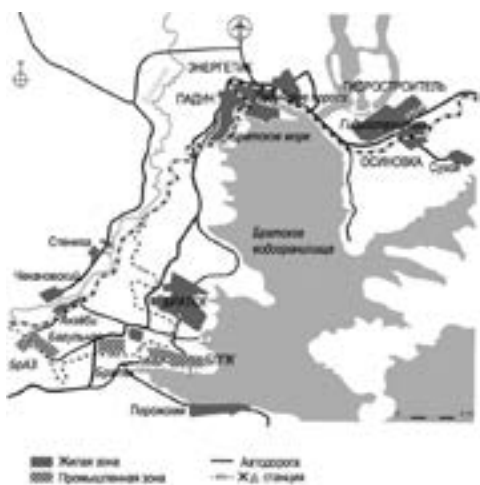
Изучение градостроительного опыта и истории развития городов, основных принципов их формирования, позволяет выработать сбалансированные методы последующей реконструкции жилых территорий, и уникальных градостроительных объектов (фрагменты исторических центров), в том числе методы проектирования и строительства новых жилых образований.

Представляет интерес организация социально-пространственной среды «новых» и молодых городов Иркутской области, которые составляют 86 процентов от их общего числа (табл. 1). Она значительно отличается от социально-пространственной многократно более сложной среды исторических городов, требующих более тщательного анализа территории, глубокого изучения протекающих в них социальных процессов.

На современные условия проживания в «новых» и молодых городах Иркутской области влияют специфические обстоятельства и проблемы формирования социально-пространственной среды периода пионерного освоения Сибири в XX веке. Сохраняется их воздействие на современные условия проживания в городах. Учет этих фактов позволяет создавать более органичную среду для человека.

«Новые» и молодые города, несмотря на изначальную схожесть задач их возникновения, развивались по-разному даже внутри региона. Территориальная разобщенность, география, природные ресурсы – эти и другие многочисленные факторы не всегда полностью учитывались, что мешало реализации заложенных советскими градостроителями идей и планов.

При анализе состояния социально-пространственной среды «новых» и молодых городов наблюдается прямая

> Рис. 2. Социально-пространственные комплексы городов Шелехова и Саянска

The Urban Organization of the Socio-Spatial Environment in Towns of the Irkutsk Region

Наименование города	исторический город	«новый» город	молодой (новый) город	численность населения (по итогам переписи) на нач. 2010 г. в тыс. чел.
Иркутск	*			587.810
Братск		*		246.319
Ангарск			*	233.567
Усть-Илимск			*	86.610
Усолье-Сибирское		*		83.327
Черемхово		*		52.647
Шелехов			*	47.943
Усть-Кут		*		45.375
Тулун		*		44.611
Саянск			*	40.800
Нижнеудинск	*			36.999
Тайшет		*		35.485
Зима		*		32.508
Железногорск-Илимский			*	26.079
Вихоревка			*	22.520
Слюдянка		*		18.574
Бодайбо		*		15.340
Байкальск			*	13.583
Свирск			*	13.650
Киренск	*			12.640
Бирюсинск		*		8.981
Алзамай		*		6.730

< Таблица 1
Города Иркутской области

зависимость от условий их зарождения (на базе существующих малых поселений или в нетронутой тайге), времени начала формирования городов и стратегических задач градообразующих объектов до обустройства объектами обслуживания и культурного назначения¹. Это подтверждает общая обстановка, настроение и долгосрочные планы жителей, отличающиеся в, казалось бы, похожих по функциональной направленности городах.

Братск и Ангарск – крупные города Иркутской области, сформированные в советское время, с общими существующими в тот период критериями в градостроительстве. Эти города объединяла, с одной стороны, значимость потенциала их промышленных предприятий, с другой стороны, отрицательная экологическая обстановка из-за вредных выбросов от этих производств, негативно сказывающаяся на здоровье населения и окружающей природе.

1. Более подробно см.: Дружинина И. Е. Социально-пространственная среда «новых» городов Иркутской области на примере Братска // Вест. ИргТУ. 2013. № 12. С.156–164; Дружинина И. Е., Вяткина Б. М. Социально-пространственная среда «новых» городов Иркутской области на примере Ангарска // Изв. вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2014. № 2 (7). С. 96–111.

Приближенность (Ангарск) или удаленность (Братск) от существовавших транспортных узлов и потоков, природные и климатические факторы определяли индивидуальный характер территорий этих городских поселений.

Ангарск развивался из двух рабочих поселков, расположенных в северной и юго-западной частях города. В процессе роста города, оба поселка слились в единый социально-пространственный комплекс, который обслуживает предприятия нефтехимической промышленности.

Братск, напротив, формировался как агломерация и, благодаря большим расстояниям между жилыми районами, до настоящего времени сохранил структуру разрозненных социально-пространственных комплексов. Образованы они были при крупных предприятиях (при строительстве и эксплуатации Братской ГЭС – районы Падун и Энергетик, при железнодорожных станциях – Гидростроитель, Осиновка и Чекановский, при БРАЗе и БЛПК – Центральный район, для лесозаготовки древесины на БЛПК – пос. Порожский) (рис. 1).

Крупные социально-пространственные комплексы городов Иркутской области имеют дифференцированную систему социально-пространственных типов среды, со своими механизмами воздействия на уровне городских и соседских сообществ. Каждый из этих типов очень индивидуален и обладает своими характеристиками планировочной структуры, различается по масштабу жилых зданий (от малоэтажных до 14-этажных), характеру источников социального контроля, освоенности, содержательности и комфортности жилой среды.

Средние города Шелехов и Саянск² (до 50 тыс. жителей) имеют часть общих и отличительных черт по организации социально-пространственной среды.

Изначально Шелехов планировался как промузел – спутник Иркутска. Он даже именовался как промышленное предприятие – ИркАЗ (Иркутский алюминиевый завод). Но со временем, при строительстве завода, стали развиваться жилые кварталы в северной части города от транзитного Култукского тракта Р258 (М55) «Байкал» (рис. 2), а затем он стал площадкой для переселенцев из зоны затопления Иркутской ГЭС. Селитебная территория носила временный характер, но и сейчас находится вблизи промышленного предприятия с нарушением санитарно-гигиенических норм. Экология города до сих пор считается неблагоприятной, несмотря на предпринимаемые меры по ее улучшению и наличие большого количества зеленых насаждений.

Саянск проектировался с учетом уроков и определяющих недостатков других городов региона, таких как Ангарск, Братск, Шелехов. Планировкой четко разграничивалась промышленная и селитебная территории, учитывалась роза ветров. Территории жилых микрорайонов размещались вдали от химического производства на расстоянии 12 км с перспективой развития, удаленными от главной транспортной магистрали – Московского тракта М53 – на 9 км и от железнодорожной ветки Транссиба – на 28 км, обеспечивая городу некоторую автономность (рис. 2). Отсутствие транзита через городские территории значительно отличает город Саянск от подавляющего большинства других городов области и позволяет обеспечить его населению спокойную размеренную жизнь.

Одно из важнейших отличий Саянска от других городов области – отсутствие с первых же дней строительства города временного жилья и барачков и последовательное возведение капитальных панельных пятиэтажных домов. Достоинством Саянска является и большое количество крупных сосновых массивов, сохраненных при строительстве. Город буквально утопает в зелени. Таежный лес является структурным элементом городской среды

и занимает не только центральные скверы и парки, но и значительные фрагменты дворовых территорий, что придает городу неповторимость.

По организации среды Шелехов и Саянск можно рассматривать как единый социально-пространственный комплекс [2]. Схожесть пространственных и временных принципов формирования жилой среды объясняется развитием городов из рабочих поселков при одном градообразующем предприятии, объединяющем население по общему виду деятельности (на производстве). Развитие городов велось в соответствии с существовавшими тогда градостроительными приемами – организацией планировочной структуры по принципам соцгорода. Особенно ярко это прочитывается в Шелехове, где первые жилые кварталы разместились на главной композиционной оси – улице Первостроителей, ведущей в поперечном направлении к Култукскому тракту (Р258) от спортивной зоны (стадион «Строитель»), минуя парковую зону с кинотеатром «Юность» через тракт к производственной зоне, проходной завода. Основная ось Саянска – Ленинградский проспект – ведет в главному входу промышленного предприятия.

Один и тот же вид застройки, с одинаковыми масштабом зданий и принципами их размещения в Иркутске и Усть-Куте может иметь целый ряд общих и отличительных черт. Специфика ландшафта, природно-климатические и градостроительные условия, компоновка зданий отличают одну пространственную среду от другой. Но определяющим в поселениях и городах всегда остается население со своим укладом и образом жизни, своими традициями, типами соседских сообществ и т. п.

В социально-пространственной среде важную роль играют устойчивые элементы городской среды – двор и улица (рис. 3). Эти общественные пространства являются основными коммуникативными городскими территориями, где проявляются различные формы поведения горожан, т. е. реализуется главная социальная функция городской среды. Необходимо учитывать, чем формируется эта среда, какими объектами и элементами благоустройства насыщена. Это определяет уровень содержательности и в конечном итоге комфортность среды.

Улица рассматривается как транзитный элемент с насыщенной или разреженной сетью обслуживания населения. Двор, напротив, должен формировать уютную среду для обеспечения возможности создания соседских сообществ. Наличие во дворе детских, спортивных площадок, высокий уровень благоустройства этих территорий повышает комфорт и способствует общению людей.

Не всякий вид застройки содействует развитию соседских отношений. Так, в многоквартирных домах с общим двором это вполне решается. Зато изолированные друг от друга высоким ограждением частных домов дворики вряд ли будут способствовать укреплению соседских отношений. То же происходит и в изолированных поселках с малоэтажной застройкой блокированными домами, таунхаусами. Для решения этой проблемы на территории поселков создаются общие спортивные и детские игровые площадки, дополнительные объекты обслуживания и др.

На рис. 4 показано, что к каждому таунхаусу примыкает закрытый внутренний дворик. Для реализации потребности в общении жителей поселка в проекте предусмотрены детский развивающий и спортивно-оздоровительный центры, а также открытые площадки для игр детей и занятия спортом.

Недостаток социального контроля, неизбежно возникающий при разделении территории дворов, компенсируется сложной системой безопасности, включающей видеонаблюдение, охранную сигнализацию и др.

2. Более подробно см.: Дружинина И. Е. Социально-пространственная среда новых городов Иркутской области на примере Саянска // Вест. ИрГУ. 2014. № 11 (94). С. 150–156; Социально-пространственная среда новых городов Иркутской области на примере Шелехова // Изв. вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2015. № 2 (13). С. 148–159.

В результате изучения социально-пространственной среды Братска, Ангарска, Шелехова и Саянска выделены основные типы организации социально-пространственной среды: в Братске – пять; Ангарске – одиннадцать; Шелехове – восемь; Саянске – пять. Каждый тип отличается характерными особенностями: видом застройки; типом домов с номенклатурой квартир; общей компоновкой зданий на территории; масштабом и плотностью застройки (от одноэтажных до многоэтажных домов); компоновкой дворовых пространств и формированием улиц; насыщенностью объектами обслуживания; благоустройством территорий; степенью озеленения; компоновкой, масштабом и габаритами общественных центров; социальным уровнем населения; возможностью формирования соседских сообществ и другими. Все это в конечном счете определяет уровень содержательности, освоенности и комфортности социально-пространственной среды. (Более подробно см. цикл статей И. Е. Дружининой «Социально-пространственная среда городов Иркутской области».)

Организация социально-пространственной среды в Братске определяется в каждом комплексе по-своему. Можно выделить целый ряд преимуществ и недостатков планировочных решений районов города. В целом Братск не представляет собой пример планировочной целостности городского образования. Здесь наблюдается изначально заложенная территориальная разобщенность жилых районов и планировочных центров, значительная протяженность в связи с этим всех систем городских коммуникаций, однотипность архитектурно-планировочных и пространственных решений первых микрорайонов, а также монотонность массовой типовой жилой застройки.

Однако социально-пространственная среда Братска в советский период формировалась, несмотря на все перечисленные проблемы, все же комплексно, отдельными микрорайонами с необходимой инфраструктурой в виде локальных объектов, находившихся в пешеходной доступности. Архитектурно-пространственная среда, заложенная предшественниками при создании «нового» города Братска может стать хорошей основой для дальнейшего усовершенствования и модернизации его социально-пространственной среды, для привнесения

современных приемов обустройства пространств, насыщение объектами нового функционального назначения, соответствующих прогрессивным требованиям общества.

В Ангарске Северо-Восточный, Юго-Западный жилые районы формировались комплексно, со всей необходимой инфраструктурой. Масштабная и уютная атмосфера квартальной застройки характеризуется высокой степенью освоенности и содержательности. Это в меньшей степени относится к Центральному району. Отчасти проблема связана с продолжающимся строительством на его территории. Перспективы уплотнения жилой застройки возможны за счет свободных территорий, развитие селитьбы в восточном и южном направлении затруднено размещением промышленных зон. Ситуация обостряется наличием в городской черте СНТ и районов малоэтажной ветхой застройки.

Комфортность проживания в Ангарске могла бы быть существенно выше при отсутствии серьезных экологических проблем, вызванных близким расположением промышленных предприятий, загрязняющих окружающую среду.

Необходим современный и комплексный подход в модернизации Центрального жилого района и прибрежных территорий Ангарска. Также для повышения комфортности среды требуются эффективные меры по снижению экологической нагрузки промпредприятий.

Шелехов также имеет ряд экологических проблем, являющихся главным недостатком организации социально-пространственной среды: проходящая через территорию города транзитная магистраль, соседство промышленных производств и очистных сооружений с селитебными территориями. С развитием селитебных территорий композиционным центром становится рекреационная парковая зона, расположенная между старыми кварталами и новыми микрорайонами. Шелехов отличает и высокая степень озеленения городских территорий, немного смягчающая негативное воздействие промпредприятий и промышленности. Уровень организации среды можно определить как средний среди городов Иркутской области. Город металлургов имеет все условия для комплексного долгосрочного и устойчивого развития [3, 4].

^ Рис. 3. Устойчивые элементы городской среды – улица и двор. Фрагмент пешеходной улицы Урицкого; двор в новостройке (Иркутск, 2014)

> Рис. 4. Поселок Хрустальный, Иркутск. Схема с детскими и спортивными площадками, объектами культурного обслуживания

Общий уровень организации социально-пространственной среды в Саянске можно определить как самый высокий в Иркутской области, поскольку отсутствует главная экологическая проблема загрязнения от промышленных предприятий, характерная в разной степени для всех городов области. Повсеместно имеются большие озелененные площади дворовых и общественных пространств. Одним из недостатков социально-пространственной среды Саянска можно считать недостаточно развитую систему общественного транспорта, которая вынуждает жителей пользоваться такси.

Социально-пространственная организация среды селитебных территорий Саянска может применяться как наиболее удачный пример формирования новых городов Иркутской области [5].

Подобный анализ социально-пространственной среды необходим для минимизации градостроительных ошибок при модернизации и реконструкции застроенных территорий, освоения резервных участков в уже сложившейся структуре городской ткани, с учетом сложившейся и эволюционирующей системы соседских и городских сообществ и сохранения структуры и основных принципов формирования жилой среды.

Список литературы

1. Винокуров М. А., Суходолов А. П. Города Иркутской области. – Иркутск: Изд-во Байкальского гос. ун-та экономики и права, 2011. – 43 с., ил.
2. Крашенинников А. В. Жилые кварталы: учеб. пособие дляarchit. истроит. спец. вузов / под общ. ред. Н. Н. Миловидова, Б. Я. Орловского, А. Н. Белкина. – М. : Высш. шк., 1988. – 87 с. : ил.
3. <http://www.gosjkn.ru/houses/irkutskaya-oblast/shelexov#> (дата обращения 20.04.2015)
4. <http://www.sheladm.ru> (дата обращения 26.04.2015)
5. <http://www.admsayansk.ru/news/90.html> (дата обращения 07.09.2014)

References

- <http://www.gosjkn.ru/houses/irkutskaya-oblast/shelexov#> (20.04.2015)
- <http://www.sheladm.ru> (26.04.2015)
- <http://www.admsayansk.ru/news/90.html> (07.09.2014)
- Krashennnikov, A.V. (1988). Zhilye kvartaly: ucheb. posobie dlya archit. i stroit. spets. vuzov [Residential neighborhoods: manual for architectural and construction schools]. N.N. Milovidov, B.Ya. Orlovsky, A.N. Belkin (Eds.). Moscow: Vysshaya shkola.
- Vinokurov, M.A. & Sukhodolov, A.P. (2011). Goroda Irkutskoi oblasti [The cities of the Irkutsk region]. Irkutsk: Izd-vo Baikalskogo gos. un-ta ekonomiki i prava.

Общественное пространство Superkilen

В самом сердце лондонского Вестминстера, недалеко от вокзала Виктория, в нескольких минутах ходьбы от Букингемского дворца и здания парламента, расположен захватывающий инновационный комплекс, содержащий в себе несколько высотных зданий различного назначения, объединенных в единое многоуровневое общественное пространство, выходящее в великолепный сад с амфитеатром под открытым небом. Данное общественное пространство не только является связующим звеном между близлежащими офисами, но и соединяется с пешеходными городскими осями, образуя так называемые лучи. Здесь отдыхают не только те, кто работает в комплексе, но и горожане, среда насыщена пешеходными дорожками, кафе и ресторанами.

место
Лондон, Великобритания
время
2005
назначение
мультифункциональный
офисноторговый комплекс
архитекторы
EPR Architects

цитата
сад для всех

<http://www.epr.co.uk/projects/architects-masterplanning/cardinal-placelvictorialondon/>

дайджест/digest

Площадь Дали

Одной из главных задач, которую поставил перед собой архитектор, стало сохранение художественного содержания пространства площади. Решение было принято сразу же – добавить на площадь специально созданные произведения скульптора Франсеска Торреса, которые станут впоследствии единым композитным элементом с уже существующей работой Сальвадора Дали. Площадь расположена в двух уровнях – общегородском, ориентированном на посетителей близлежащих торговых лавок и Дворца спорта, и местном, рассчитанном на отдыхающих и гуляющих с детьми жителей окрестных кварталов.

место
Мадрид, Испания
время
2005
назначение
площадь
архитекторы
Франсиско Мангадо
цитата
центр созидания

http://www.fmangado.es/ldda_proyecto/plazadali-madrid/?idioma=_en

Metropol Parasol

Перепланировка Пласа-де-ла-Энкарнасьон путем возведения столь эксцентричной конструкции представляет собой интереснейший объект, интегрированный в исторический контекст. Metropol Parasol (parasol в переводе означает зонтик, местные же дали объекту название «грибочки») стал центром притяжения большого количества туристов и жителей Севильи. Популярность этого места стала возможной благодаря развитой инфраструктуре, необычности воплощения и функциональному назначению.

Инновационная система Metropol Parasol – это связанные между собой деревянные конструкции с полиуретановым покрытием: «зонтики» буквально вырастают из археологического раскопа, превращаясь в современную достопримечательность, определяя уникальные отношения между исторической и современной городской средой.

место
Севилья, Испания
время
2011
назначение
археологический музей,
коммерческие помещения,
смотровая площадка
архитекторы
J. Mayer H., Andre Santer,
Marta Ramirez Iglesias

цитата
хранитель истории

<http://www.jmayerh.de/19-0MetropolParasol.html>

Маленькое эссе о Большом бульваре / A Small Essay About a Big Boulevard

текст и фото
Елена Григорьева /
text and photos
Elena Grigoryeva

В эссе проводятся аналогии превращения городских границ, стен и валов в бульвары и сады на примере Москвы и Иркутска. Сформулирован новый взгляд на главную улицу Иркутска как на бульвар. Предлагается при работе над дизайн-кодами учесть особенности четырех смысловых частей улицы. Ключевые слова: границы города, Иркутск, улица Карла Маркса (бывшая Большая), Торговая ось, Байкальский луч, дизайн-код. /

The essay presents the analogies of turning city borders and walls into boulevards and gardens through the examples of Moscow and Irkutsk. It is proposed to take into consideration the peculiarities of the four sense-parts of the street when working on design codes. Keywords: city borders; Irkutsk; Karl Marx Street (former Bolshaya); trading axis; Baikal Beam; design code.

и сады, я и пришла к ощущению того, что улица Карла Маркса – не только бывшая стена, но и своеобразный пульсирующий бульвар.

Пройдемся от дальнего участка, где конверсия постепенно превращает промзону в нечто гражданское – в основном торговое и офисное.

Небольшой скверик Куйбышева. Скульптура советского деятеля, конечно, мелковата и не держит пространства. И мощение хоть и подновлено не так давно, но не очень-то качественно. Однако сам сквер на стрелке узкого квартала с интенсивным транспортом вокруг очень уместен, а близость нового Музея города в прекрасном здании превращает транзитный участок в информационное пространство.

ЕЛИ, КУСТАРНИК КРОНИРОВАННЫЙ, ЦВЕТЫ

Напротив – скверик возле испорченного конструктивизма архитектора Оля. Скверик тоже испорчен – превращен в автостоянку. Зелени почти не осталось, а зря: и ресторану деревья добавили бы комфорта.

КУСТАРНИК КРОНИРОВАННЫЙ

По диагонали напротив – новый сквер с замечательными фонтанами, создание его было приурочено к открытию Музея города. Не знаю, есть ли у него название, если нет, подошло бы «Мельничные ворота» – для всего участка бульвара от Франк-Каменецкого до Декабрьских Событий. Ворота как раз где-то здесь и были, и через них поздней осенью 1732 года вышел на Ушаковку медведь, прогулявшись у палисада².

Это благоустроенное общественное пространство явно востребовано, особенно в жару, особенно детьми. И неплохо озелененное.

ЕЛИ, РЯБИНЫ, КУСТАРНИК КРОНИРОВАННЫЙ,
БОРДЮР ИЗ ПОЛЕВЫХ ЦВЕТОВ

Дальше следует пустая площадь возле Дома художника. Потенциал высокий, хорошее место для скульптуры. Или инсталляции – с анонсом выставок.

ЕЛИ

На следующем углу, у перекрестка Декабрьских Событий, еще недавно оживленный зеленый квадратик за

Хочу поделиться тем, как, думая о городских границах, я пришла к новому пониманию улицы Карла Маркса (в прошлом Большой).

Известно, что в Москве кольца – Бульварное и Садовое – это бывшие границы постепенно растущего города. Материализованная фиксация городского пространства во времени. Когда-то здесь были стены и земляные валы, ограждавшие город. Потом, исчерпав свою оборонную функцию, они заместились бульварами и садами.

И на месте нашей главной иркутской улицы – Большой – Прешпективной – Карла Маркса – тоже когда-то была стена – частокол для защиты города от кочевников¹. Заменяли, что перпендикулярные ей улицы не сходятся? Это именно потому, что город в процессе роста перешагнул границу, зафиксированную частоколом, и внешняя часть его развивалась какое-то время без связи с внутренней. Сквозных улиц мало, они только там, где когда-то в стене были ворота – Заморские на пересечении с Амурской (Ленина) и Мельничные на пересечении с Ланинской (Декабрьских Событий). Так вот, проводя аналогию с московскими кольцами, где стены превращались в бульвары

1. Кочующая идеология заборов: круглый стол // Проект Байкал. 2013. № 36. С. 82–86 / Project Baikal, No 36, pp. 82–86.

2. Кротов В. А. Летопись города Иркутска. 1652–1856 гг. / вступ. ст., публ., подгот. текста, коммент. Н. В. Куликаускене. Иркутск : Сибирская книга, 2013. 448 с.

3. Анненкова Т. И снова о дереве // Проект Байкал. 2013. № 37–38. С. 34–41 / Project Baikal, No 37–38, pp. 34–41.

4. Иванова Е. Мир «тридцатки» // Проект Байкал. 2014. № 42. С. 130–133 / Project Baikal, No 42, pp. 130–133.

шпалерами зарос, деградировал после того, как «Швейк» покинул это место.

ЕЛИ, АКАЦИЯ, КУСТАРНИК, ВЬЮЩАЯСЯ ЗЕЛЕНЬ

Напротив – оживленный, всегда полный детворы и сопровождающих их родителей милитари-сквер в курдонере у Дома офицеров. Настоящее оружие привлекает мальчишек не только в День Победы.

БЕРЕЗА. ТОПОЛЬ, КЛЕН СИБИРСКИЙ, ЕЛИ, КУСТАРНИК КРОНИРОВАННЫЙ, ЦВЕТЫ

Аванплощадь у кинотеатра «Пионер» пока не работает, как положено. Но есть надежда на скорое завершение затянувшейся почти на десять лет реконструкции. Здание связано с именами сразу двух знаменитых архитекторов – А. П. Артюшкова и Б. М. Кербеля. Конечно, детский центр вдохнет сюда новую жизнь. Эта маленькая площадь с выразительным элементом – парадной лестницей и стильным дизайном бывшего ЗАГСа, кроме всего прочего, завершает перспективу славного тихого бульвара – улицы Бабушкина, бывшей Зверевской. Площадь при правильном подходе может стать ключевым звеном в цепочке общественных пространств, перпендикулярной главной улице и ведущей к Московским воротам³.

ЕЛИ, ТОПОЛЯ, ВЯЗЫ, КЛЕН СИБИРСКИЙ, ЯБЛОНИ, РАНЕТ, РЯБИНА, ТРИ СЕРЕБРИСТЫХ ТОПОЛЯ, ЯГОДНЫЕ КУСТЫ, ЦВЕТЫ

Дальше довольно невыразительный зеленый квадратик у перекрестка с Карла Либкнехта. А еще через квартал – протяженный участок зелени от Володарского до Чехова, настоящий бульвар с роскошным каре «тридцатки»³. Там, в глубине, когда-то стояла статуя Сталина, по бокам сохранились очертания фонтанов. Убрать перегораживающий бульвар круглосуточный павильончик, перенести торговлю в первые этажи, и это шикарное пространство может вернуть себе славу любимого места отдыха для детворы и взрослых всего квартала и его ближайшего окружения.

ЕЛИ, КЛЕН СИБИРСКИЙ, ТОПОЛЯ, КУСТАРНИК КРОНИРОВАННЫЙ, ЦВЕТЫ

На пересечении с Пролетарской (Ивановской) живет полной жизнью чудом сохранившийся скверик с бюстом Ленина. Очень неплохо организованный и благоустроенный: архитектор Н. Л. Жуковский приложил руку. Там, где нужно, – ступеньки, диагональные ходы сохранены, цветы и даже четыре деревца на вырост, которые вкуче с большими тополями на другой стороне улицы прекрасно «закругляют» маленькую площадь.

ЕЛИ, КУСТАРНИК КРОНИРОВАННЫЙ, ЦВЕТЫ, ТОПОЛЯ

Слева примыкает улица Урицкого, бывшая Пестеревская, – первая пешеходная улица в городе, важная и самая старая часть торговой оси Иркутска. Это сложное пересечение Пестеревской и Ивановской с Большой требует особого внимания. Это напряженный узел. Пропускаемый им значительный поток пешеходов достоин большего комфорта, более высокого уровня благоустройства с особым мощением, указывающим на приоритет пешехода. Здесь требуется новый, современный подход к организации движения.

После Урицкого идет не очень бульварный участок, хотя по левой стороне улицы нас сопровождает стройный ряд тополей, да и по правой отдельно стоящие встречаются. Но зато в длинном квартале от Сухэ-Батора до Ленина мы встречаем два исконно иркутских приема: здесь к Большой примыкают справа внутриквартальные ходы⁵. Первый из них – проход за кинотеатром «Гигант» (теперь «Второй этаж») до здания Радиокomiteта и его аванплощади на ул. Горького. Второй, к которому приложила руку наша мастерская, проходит по территории Нархоза (БГУЭПа)⁶ и ведет к скверу Горького. Раньше эти ходы закольцовывались широким променадом под Радиодомом (арх. Николай Беляков), но несколько лет назад некая привилегированная парикмахерская узурпировала общественное пространство – проход под Радиодомом⁷.

ЕЛИ, ЛИСТВЕННИЦЫ, ТОПОЛЯ, РЯБИНЫ, КУСТАРНИК КРОНИРОВАННЫЙ, ЦВЕТЫ

5. Григорьева Е., Лидин К. Общественные пространства // Проект Байкал. 2011. № 29–30. С. 152–156 / Project Baikal, No 29–30, pp. 152–156.

6. Лидин К. Микровселенная БГУЭП // Проект Байкал. 2011. № 29–30. С. 157–161 / Project Baikal, No 29–30, pp. 157–161.

7. Чертилов А. Радиодом: незаконный захват общественного пространства завершен успешно (и безнаказанно?) // Проект Байкал. 2008. № 15. С. 14 / Project Baikal, No15, p. 14

Отдельная песня – про участок улицы Большой от Ленина (Амурской) до набережной Ангары. Он всегда был более благополучен, потому что более централен – Брод, Бродвей Иркутска семидесятых. На углу слева – хорошо ухоженный и качественно озелененный еще в советские времена протяженный сквер с памятником Ленину.

ЕЛИ, ЛИСТВЕННИЦЫ, РЯБИНЫ, БЕРЕЗЫ, ВЯЗЫ, КУСТАРНИК КРОНИРОВАННЫЙ, ЦВЕТЫ

Еще один сквер между «Банькой» и Драмтеатром получил статую Александра Вампилова. Здесь все признаки бульвара – аллеи, лавочки, фонтан. Аванплощадь театра им. Охлопкова сменяется широким озелененным променадом, ведущим к стадиону. И снова зелень – лиственницы, ели, рябины и теннисные корты. А вот, наконец, и набережная – настоящий бульвар. Здесь газоны от пешеходов защищают не расплывшиеся по всему городу металлические оградки, а стриженный кустарник. Говорят, здесь есть даже липы...

Перспективу Большой – Перспективной – Карла Маркса завершает император Александр III.

Очевидно, что на отрезке от улицы Ленина до набережной Большой и является настоящим бульваром, практически непрерывным.

Такая длинная, богатая историческими реминисценциями, топонимическими парадоксами и пространственными впечатлениями улица. Она в высшей степени достойна персональных подходов к отдельным своим участкам.

Если говорить о дизайн-коде для улицы Карла Маркса, то тут он не один. Их должно быть несколько, как минимум три: от сквера Куйбышева до пересечения с исторической Торговой осью, срединный – до пересечения с частью Байкальского луча⁸ – улицей Ленина (Амурской, местом, где были Заморские ворота), и еще один – до набережной Ангары. Надеюсь, что продлевая улицу до будущей набережной Ушаковки, архитекторы позаботятся о том, чтобы и эта четверть, сейчас отданная непрерывным автостоянкам, сопровождалась зеленью – ценными породами деревьев и цветущими кустарниками.

Есть крайняя точка зрения: эта улица должна быть пешеходной. Наверное, еще не время. Но вполне реально в ближайшем будущем отдать приоритет пешеходам, велосипедистам и общественному транспорту. Отдельные участки уже сейчас фактически используются как shared spaces.

Это маленькое эссе о Большом бульваре предваряет планируемую нашим журналом серию прогулок по главной улице, которые мы совершим вместе с читателями, когда город введет регламенты и справится с хаосом рекламы и вывесок в историческом центре. К наведению порядка с парковками, кажется, уже приступили.

Условные обозначения

Границы зоны действия регламента
улицы Карла Маркса

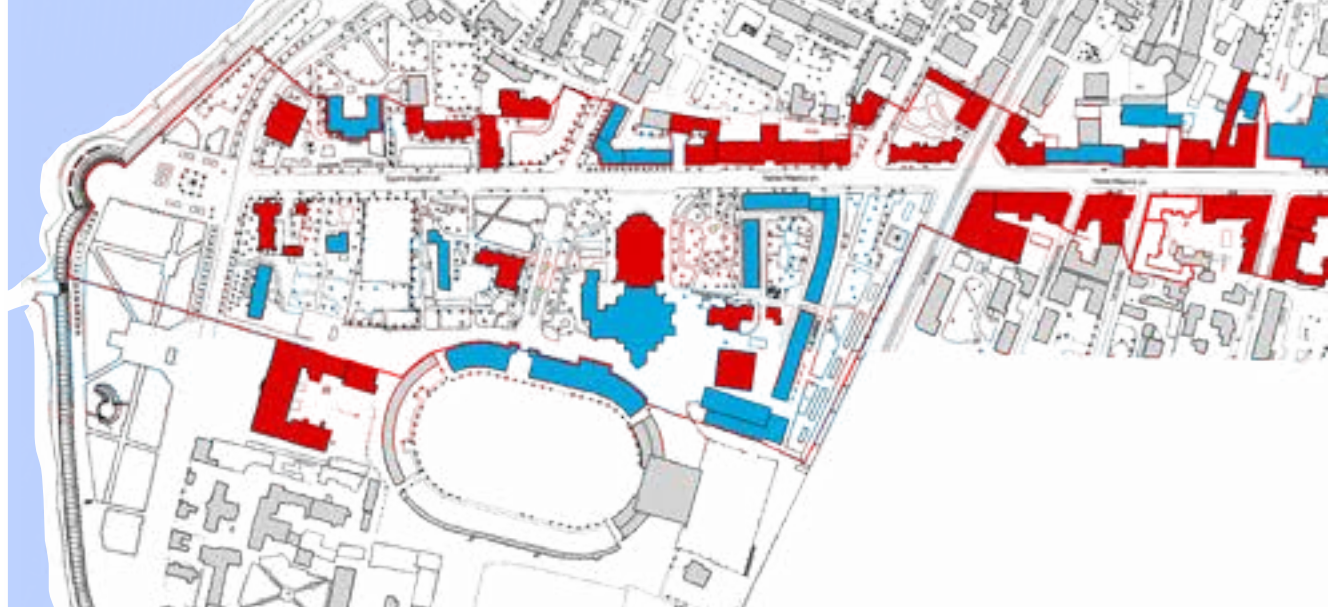
Здания – объекты (выявленные объекты) культурного
наследия

Здания – объекты (выявленные объекты) культурного
наследия, утратившие первоначальный облик

Здания, не являющиеся объектами культурного наследия

Архитектурно-художественный регламент улицы Карла Маркса /

текст

Алла Мироненко /
text
Alla Mironenko

В Иркутске разработан архитектурно-художественный регламент улицы Карла Маркса и прилегающих к ней территорий. Заказчик – комитет по градостроительной политике администрации города Иркутска. Основные положения регламента – фасады зданий и сооружений, объекты наружной рекламы и информации, художественная подсветка зданий, элементы внешнего благоустройства территории. Основной принцип – сохранение исторического облика и создание современной комфортной среды. Ключевые слова: улица Карла Маркса (Большая), архитектурно-художественное решение, объекты культурного наследия, фасады, благоустройство./

The architecture and art regulations for Karl Marx Street and adjoining territories have been worked out for the Committee for town planning of the Irkutsk city administration. Basic provisions: facades of buildings and structures, outdoor advertising and information facilities, artistic illumination of buildings, elements of land improvements. The main principle is to preserve historical appearance and to create a contemporary and comfortable environment.

Keywords: Karl Marx (Bolshaya) Street; architectural and art decision; objects of cultural heritage; facades; land improvement.

ГАП

Е. М. Трескина
научное руководство

Л. Г. Басина

архитекторы

А. А. Бобрышева

Е. В. Жушман

Е. В. Кузнецова

Л. В. Малышева

О. Г. Александрова

архитекторы-

исследователи

И. В. Калинина

Е. Р. Ладейщикова

Е. А. Собенникова

историки

А. Н. Гаращенко

С. И. Медведев

дендролог

Т. А. Пензина

художник-фотограф

И. Ю. Бержинский

дизайнеры

подсветки зданий

Ф. А. Иванов

Г. Ю. Софронов

юрист

П. М. Елизаров

Быть в Иркутске и не заметить улицу Карла Маркса все равно что пропустить Невский в Питере. Мы не случайно берем пример с Санкт-Петербурга, соглашаясь с его преимуществом в становлении и реализации новых идей. Первопроходцы и раньше продвигались с запада на восток, осваивая новые пространства и привнося в них уже состоявшееся и понятное начало.

Мы пошли за питерскими разработчиками и создали свой документ – Архитектурно-художественный регламент улицы Карла Маркса и прилегающих к ней территорий. Ни для кого не будет открытием, что сегодня улица Карла Маркса (Большая), несмотря на заданный высокий стиль и хорошие образцы архитектуры, представляет собой убогий разношерстный «ансамбль» с элементами Шанхайки и отсутствием единой формообразующей среды.

Задачей архитекторов, историков, исследователей наследия стало возвращение статуса главной улицы областного центра – Иркутска – «середины Земли». И

казалось бы, немного и надо, имея 79 зданий-памятников на одной улице, придать ей характер исторической среды, в которой хочется задержаться, о которой очень хочется узнать побольше, по фасадам зданий прочесть историю улицы. Хочется, чтобы нашей улицей и нашим городом можно было бы гордиться.

Замечено, что красота диктует свои законы, и даже самый простой горожанин не станет портить настоящее, отличив его от дешевой фальшивки. Теперь надо только довести идею и проект до реализации, чтобы ансамбль улицы Карла Маркса состоялся. Надо прислушаться к мнению профессионалов и подчинить личное – главному. Нельзя покрасить дом в лимонный цвет (как это делается сейчас) и получить за это благодарность, что фасад здания приведен в порядок. Надо обратиться к шести томам Регламента, где подробно проанализировано существующее состояние и дано проектное предложение по каждому зданию, выбрать свой объект и привести его в достойный вид.

Architecture and Art Regulations for Karl Marx Street

Архитектурно-художественный регламент улицы Карла Маркса и прилегающих к ней территорий разработан по заказу Комитета по градостроительной политике администрации города Иркутска. Тема назрела давно, но к реализации идеи приступили только в 2014 году.

Автор разработки – научно-исследовательская проектная реставрационная мастерская «Традиция», главный архитектор проекта – Е. М. Трескина, с Л. Г. привлечением Басиной (ИП Басина Л. Г. – текстовый и аналитический разделы Регламента), А. Н. Гарашенко (ООО НПФ «Земля Иркутская» – составление исторической справки), П. В. Баранова (ООО «Информ-Технологии» – предложения по художественной подсветке зданий).

Архитектурно-художественный регламент разработан в соответствии с федеральными, областными и городскими законодательными документами. В основу Регламента положена концепция уже принятого в Санкт-Петербурге регламента Невского проспекта, с учетом особенностей нашего города и его центральной улицы – Карла Маркса (ул. Прешпективная – 1760-е годы, ул. Перспективная – 1784 год, ул. Большая – с середины XIX века до 1920 года).

В настоящее время проект Регламента принят Комитетом по градостроительной политике (КГП) администрации города Иркутска и находится на рассмотрении специалистов. Регламент должен быть утвержден решением Городской думы Иркутска в течение осенней сессии 2015 года.

Объектом Регламента является архитектурно-ландшафтная среда улицы Карла Маркса и территории прилегающей зоны, с учетом фасадов зданий, сооружений и

размещенных на них объектов информации; внешнего благоустройства территории, включая малые архитектурные формы, объекты мелкорозничной торговли и обслуживания, выносные столики и летние кафе, цветочное оформление, наружное освещение и указатели; объектов монументального искусства (памятники, скульптура, мемориальные доски, памятные знаки); объектов наружной рекламы и информации; художественной подсветки и праздничного оформления улицы.

Регламент создается для совершенствования архитектурно-художественной и ландшафтной организации, улучшения качества городской среды; сохранения объектов культурного наследия; формирования комплексного методического подхода к архитектурно-художественной и ландшафтной организации, благоустройству, использованию городских территорий, разработке и согласованию проектной документации; оптимизации взаимодействия органов местного самоуправления города Иркутска в сфере архитектурно-художественной и ландшафтной организации, благоустройства, оборудования городских территорий, охраны объектов культурного наследия.

Действие Регламента распространяется на территорию улицы Карла Маркса и территории прилегающей зоны. Границы прилегающей территории были определены разработчиками Регламента по визуальному анализу просматриваемых «коридоров» улиц, примыкающих к улице Карла Маркса, и по результатам определения характера застройки.

Регламент обеспечивает историко-культурную ценность и общественную значимость среды; комфорт пешеходного движения; туристическую привлекательность

исторического центра Иркутска; эталонные критерии качества среды, элементов ее архитектурно-художественной и ландшафтной организации.

Проектировщики провели емкий анализ многочисленных исторических документов, исследовали существующую градостроительную ситуацию. Материалы этих исследований представлены в пяти разделах Регламента с оценкой существующей ситуации и проектными предложениями. В текстовой части отражены основные принципы действия Регламента.

Всего в зоне действия Регламента улицы Карла Маркса расположено 107 зданий. Лицевой фронт застройки улицы Карла Маркса формируют 79 зданий (34 здания по четной стороне и 45 зданий по нечетной стороне), из них:

- 7 зданий – объекты культурного наследия федерального значения;

- 50 зданий – объекты культурного наследия регионального значения;

- 1 здание – выявленный объект культурного наследия;

- 21 здание – не является объектом культурного наследия.

Для сохранения перечисленных объектов все действия, связанные с ремонтом, реконструкцией, переоборудованием, окраской фасадов зданий должны осуществляться в соответствии с проектной документацией, согласованной с КГП. Проектная документация разрабатывается организациями, имеющими лицензию Министерства культуры Российской Федерации на осуществление деятельности по сохранению объектов культурного наследия.

Отделка и окрашивание фасадов и его элементов производится на основании паспорта отделки фаса-

дов, согласованного с КГП, в соответствии с правилами, стандартами и техническими нормами. Фрагментарная покраска или облицовка локальных участков фасада, использование материалов и форм, снижающих эстетические и эксплуатационные характеристики элементов фасада, запрещены.

Устройство дополнительных входов на лицевых фасадах зданий допускается при условии предварительной разработки общей концепции устройства входов на фасаде здания. Устройство кондиционеров на уличных фасадах зданий недопустимо. Особое внимание в Регламенте уделено вопросам озеленения улицы, с сохранением исторического озеленения, включая местоположение, исторический тип и вид использования.

Основу сложившейся ландшафтной системы территорий улицы Карла Маркса и прилегающей зоны составляют исторические сады, бульвары, скверы градоформирующе-

го значения – Александровский сад (бульвар Гагарина); сквер у пересечения улиц К. Маркса и Ленина; сквер у пересечения улиц К. Маркса и Пролетарской, сквер на стрелке улиц Франк-Каменецкого и Октябрьской Революции.

Цветочное оформление является обязательной сезонной составляющей, соответствующей архитектурно-художественной и ландшафтной организации, композиции фасадов зданий и сооружений, размещению, не препятствующему пешеходному движению, входу и выходу, проезду транспорта.

При осуществлении благоустройства территории улицы Карла Маркса должны учитываться потребности людей с ограниченными возможностями. Пути передвижения должны быть оборудованы специальными проходами и проездами с поперечным уклоном профиля, не превышающим допустимый уровень.

Малые архитектурные формы – часть архитектурно-художественной и ландшафтной организации, комплексного благоустройства территории улицы Карла Маркса: скамьи, урны, ограждения (дорожные, газонные, временные), цветочные модули (вазоны), афишные тумбы, павильоны для ожидания автотранспорта, телефонные будки (навесы), фонтаны.

Общими требованиями к малым архитектурным формам являются высокое качество материалов и технологий, вандалоустойчивость материалов и конструктивных решений; единое архитектурно-художественное решение, корректное по отношению к архитектурному окружению и историческим традициям; единое цветовое решение, гармонирующее с колористикой фасадов зданий и сооружений, элементов благоустройства, мощением.

Становятся популярными летние кафе с выносными столиками. Размещение выносных столиков и летних

кафе на территории улицы Карла Маркса и прилегающей территории осуществляется при условии сохранения нормативной ширины свободного прохода на пешеходных тротуарах с учетом размещения опор наружного освещения, наземных элементов информации и рекламы.

Устройство летних кафе при ширине тротуара менее 5 м, в зоне особой историко-культурной и общественной значимости, на узловых участках системы пешеходного и транспортного движения, размещение выносных столиков и летних кафе не допускается. Размещение рекламных элементов на поверхностях навесов (зонтов, маркиз) и ограждениях летних кафе не допускается.

В зоне действия Регламента предусматривается комплексное размещение объектов мелкорозничной торговли и обслуживания – павильонов общего назначения, поста полиции, туристических услуг и информации, ожидания городского транспорта, передвижной торговли, лотков для мороженого.

Архитектурно-художественное решение объектов мелкорозничной торговли и обслуживания должно соответствовать утвержденным образцам, месторасположение объектов определяется Регламентом.

При создании концепции наружного освещения улицы Карла Маркса создается единый световой образ улицы с учетом характерных доминант, стилистических особенностей архитектуры улицы Карла Маркса. В границах действия Регламента должна использоваться художественная подсветка для фасадов зданий, составляющих лицевой фронт улицы; отдельных ценных фрагментов и архитектурных деталей зданий; мемориальных досок на фасадах зданий; произведений монументального искусства; садов и скверов, зеленых насаждений. Художественная подсветка должна быть согласована с функциональным освещением улицы.

Для размещения элементов праздничного оформления в период проведения общепризнанных (традиционных),

общероссийских и городских праздников и дней памяти используются несущие тросы над проезжей частью и опоры освещения. Недопустимо крепление растяжек и несущих тросов к фасадам зданий.

За нарушение настоящего Архитектурно-художественного регламента граждане, должностные лица и юридические лица несут административную ответственность в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, Законом Иркутской области «Об административной ответственности за правонарушения в сфере благоустройства городов и других населенных пунктов Иркутской области» и иным законодательством.

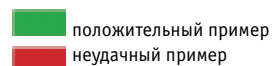

Представлена концепция организации визуальной среды в рамках границ исторического поселения Иркутска, выполненная в целях формирования единого архитектурно-художественного облика, упорядочения размещения наружной рекламы и объектов информационного оформления.

Ключевые слова: дизайн-код, информационные конструкции, графические регламенты, сохранение исторического архитектурного облика Иркутска. /

The article presents a concept of visual environment within the boundaries of the historical settlement of Irkutsk. The concept is aimed at formation of an integrated architectural-artistic appearance and ordered arrangement of outdoor advertising and information facilities.

Keywords: design code; information facilities; graphic regulations; preservation of historical architectural appearance of Irkutsk.

Дизайн-коды для Иркутска исторического / Design Codes for Historical Irkutsk

текст
Марк Меерович /
text
Mark Meerovich

Работка концепции организации визуальной среды (внешнего облика) в рамках границ исторического поселения Иркутска (далее – дизайн-код) выполнена в целях формирования единого архитектурно-художественного облика, а также для упорядочения размещения наружной рекламы и объектов информационного оформления. Проблема хаотичной рекламы, дисгармонирующей с фасадами зданий, на которых она размещается, со средой, в которую она помещена и образность которой она разрушает, является для Иркутска серьезной проблемой, как, впрочем, и для многих других городов страны.

Анализ существующей ситуации выявил неудовлетворительное состояние наружного информационного оформления городской среды. Обнаружено почти повсеместное несоблюдение правил размещения рекламы (Постановление от 3 июня 2013 года N 005-20-470795/3): многие конструкции установлены самовольно, без оформления разрешительной документации, значительная часть конструкций устарела, большое количество вывесок выполнено из некачественных материалов и установлено случайным образом, без учета архитектурных, исторических и стилистических особенностей зданий, что порождает на улицах города раздражающий визуальный «шум». Негативные примеры обобщены в одном из разделов («Анализ существующей ситуации»).

По результатам проведенного визуального анализа существующей ситуации информационные конструкции, отвечающие правилам размещения, были включены в соответствующий раздел («Графические регламенты») как положительные примеры. Для расширения спектра положительных примеров были изучены достижения отечественного и зарубежного опыта в изготовлении и размещении информационных конструкций.

Проведенный анализ лег в основу разработки свода правил по разработке и размещению рекламы с учетом восстановления и сохранения исторического архитектурного облика Иркутска; конкретных регламентов, представленных в виде графических инструкций; списка основных принципов типографики и колористики для разработки наружной рекламы и объектов информационного оформления, а также критериев контроля за состоянием визуальной среды.

Графические регламенты по использованию разных типов наружной рекламы и объектов информационного оформления разработаны на основании Постановления от 3.06.2013 № 005-20-470795/3 «Правила размещения наружной рекламы и объектов информационного оформления на территории города Иркутска» (в ред. решения Думы города Иркутска от 31.01.2014 № 005-20-540914/4) и других нормативно-правовых документов [1–11].

Один из разделов работы («Фотоприложение») в качестве наглядных примеров применения дизайн-кода рассматривает три исторические улицы Иркутска (Карла Маркса, Ленина, Урицкого). В разделе на примере 15 зданий выявлены основные нарушения правил; даны варианты решения по размещению наружной рекламы и объектов информационного оформления с соблюдением основных требований:

- размещение без ущерба композиции, стилистике, отделке, декоративному убранству фасада, эстетическим качествам городской среды;
- согласованность размещения нескольких рекламных и информационных конструкций в пределах фасада независимо от принадлежности объектов;
- соответствие условиям восприятия (визуальная доступность, читаемость информации);
- приоритет мемориальных объектов (мемориальных и памятных досок, знаков и т. п.);
- безопасность для людей;
- безопасность для физического состояния архитектурных объектов;
- удобство эксплуатации и ремонта.

Эффективность применения дизайн-кода определена тем, что он дает возможность заказчику, изучившему положения концепции о месте размещения наружной рекламы и объектов информационного оформления (таких как вывеска, подсветка, логотип и товарный знак), самостоятельно установить конструкцию, а администрация при соблюдении вышеперечисленных требований, может автоматически выдавать разрешения и не испрашивать согласования с инстанциями.

Теоретические положения

Образ городской среды генерирует эмоциональное со-

авторский коллектив

Алиса Козак
Евгения Ямова
Алексей Желудков
Павел Карповский
Роман Литвиненко
руководитель
Марк Меерович
при участии:
Марина Мартынихина
Наталья Бугаенко
Денис Шпак
Юлия Никифорова

Невнимание к архитектуре

Рис. 1. Улица Чехова, 15. Реклама почти полностью закрыла фасад и скрыла одно окно. Рис. 2. Ангарск. Лепной декор здания закрыт вывеской. Рис. 3. Улица Ленина, 24. Декоративные элементы здания закрыты вывеской, кроме того, панели-кронштейны установлены с нарушением. Рис. 4. Улица Декабрьских Событий. Не только фасады исторических зданий страдают от бессистемного размещения информационно-рекламных конструкций, цокольный этаж здания не воспринимается цельным. Рис. 5. Улица Ленина. Вывески с подложкой очень часто устанавливаются поверх декоративных элементов фриза. Рис. 6. Ангарск. Вывеска с подложкой закрывает декоративные элементы фасада. Рис. 7. Улица Ленина. Не соответствующее стилю всего здания оформление входа в парикмахерскую.

Вывески из отдельных букв и знаков с плоской подложкой

Рис. 8. Улица Ленина. Объемные буквы на плоской подложке. Рис. 9. Улица Чернышевского, 8. Буквы и изображения вырезаны на деревянной подложке. Вывеска стала украшением здания из силикатного кирпича. Рис. 10. Улица Карла Маркса, 26а. Не очень удачная, спорная вывеска: во-первых, желательно делать все символы одного цвета, градиент на буквах затрудняет их чтение. Во-вторых, подобная подложка не подходит по стилю. Формально она выполнена из натурального материала, но бамбук выпадает из контекста здания. Рис. 11. Улица Декабрьских Событий. Объемные светящиеся буквы на однотонной подложке. Очень аккуратная вывеска. Рис. 12. Улица Карла Маркса. Цвет подложки у разных вывесок одного здания различается, это нарушение. Рис. 13. Улица Урицкого. Зеленый цвет подложки на вывеске и панелей-кронштейнов гармонирует с цветом декоративных панелей здания, а вывеска на дальнем плане выглядит чужеродной: зеленый цвет слишком резок по сравнению с пастельными тонами панелей, к тому же цвет подложки отличается от цвета подложки соседней, более аккуратной вывески.

стояние человека. Восприятие города вызывает желание в нем жить, работать, заниматься творчеством, воспитывать детей или, наоборот, желание покинуть территорию в поисках более душевно близкого и психологически комфортного места обитания. Образ городской среды определяется множеством элементов, в которых сложно выделить главные или второстепенные, потому что каждый из них является маркером внешнего визуального образа. Городская среда представляет собой средоточие коммуникативно-информационных феноменов: политических, экономических, профессиональных, бытовых, социальных, научных, межкультурных и т. д.

Исторический город имел свой масштаб – в физических параметрах, в эмоционально-эстетических, визуально-образных. Масштаб задавался не только «каркасом» пространственной среды – расчлененностью территории на кварталы, размещением высотных доминант; траекториями русел рек и крупных ручьев (с прилегающими к ним приречными ареалами), разрезающими город на топонимически фиксированные районы; городскими естественно сложившимися и сохраняемыми зелеными пространствами общественных садов и скверов; административными и рыночными площадями и т. п. Но и «тканью» – застройкой, как правило малоэтажной, утопавшей в зелени.

Сейчас природное, натуральное, естественно-историческое заслонено новой застройкой, разрушено несомасштабными постройками на месте уничтоженной исторической деревянной и каменной городской среды, что лишило историческую среду своего архитектурного содержания, сформировало «безликость разнообразия» стилей и форм современной архитектуры. При этом реклама на городских улицах еще и усилила этот эффект, ликвидировав главенство архитектуры фасадов и даже отодвинув на задний план природный каркас.

Концепция (дизайн-код) дала ответ на ряд базовых вопросов: какие требования нужно предъявлять к наружной рекламе и объектам информационного оформления, которые самым активнейшим образом формируют образ городской среды, так как находятся в зоне непосредственного визуального сопровождения повседневности; какие параметры следует рассматривать как ключевые

для создания масштабности и гармоничного образа города?

В первую очередь это завершенность облика среды, сомасштабность рекламных объектов среде. Именно эти параметры и необходимо регламентировать.

Во многих западноевропейских городах, которые часто служат примерами в данном вопросе, культура наружной рекламы формировалась десятилетиями. И не в последней очереди за счет жесткого исполнения законов. Ремесленники Вены, Милана или Парижа на протяжении столетий конкурировали друг с другом, используя вывески в борьбе за внимание потенциальных клиентов.

История рекламы в Иркутске не столь длинная. В дореволюционное время вся торговля была сосредоточена в центральной части города. Далеко не все купцы могли позволить себе установить вывески, которые служили не столько средством визуальной навигации, сколько показателем статуса. Это хорошо можно проследить по несообразности вывесок человеческому росту и обязательному указанию имени владельца.

В советское время – эпоху плановой экономики и отсутствия конкуренции в ее современном смысле – вывески служили преимущественно элементом визуальной навигации и отчасти внешнего декора (но не конкуренции, которой не было). Хорошая читабельность и просматриваемость – вот те немногие требования, которые предъявлялись к вывескам в то время.

Период перестройки характеризовался скачком «микрорепредпринимательства», когда почти вся торговля осуществлялась с прилавков уличных лотков, не имевших вывесок как таковых.

С появлением компаний по производству наружной рекламы их клиентами в первую очередь стали богатые предприниматели, для которых реклама была не столько способом борьбы за потребителей, сколько данью западным образцам и моде. Они позиционировали себя точно так же, как и иркутские купцы начала XIX века, – фиксировали с помощью рекламы свой статус, а не боролись за клиентов. На этом фоне вопрос цены рекламы не стоял. Чаще всего заказчики руководствовались простым правилом: чем ярче, дороже и больше, тем

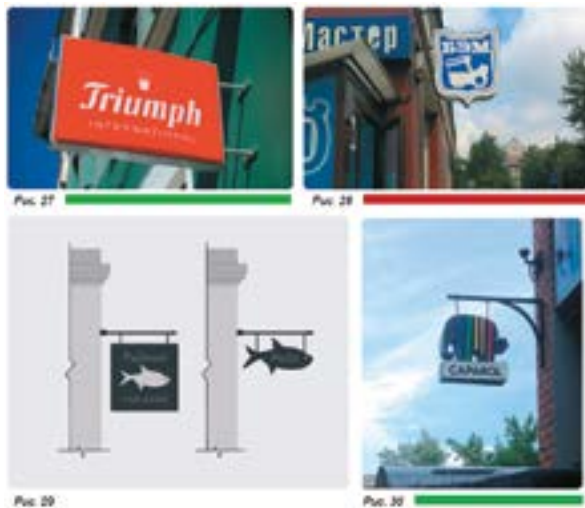
Многочисленные вывески на ограниченной площади
 Рис. 14. Улица Дзержинского, 25. Многочисленные вывески пытаются перекричать друг друга, в хаосе знаков, букв, фотографий трудно сориентироваться. Рис. 15. Улица Софьи Перовской, 30/1. Учрежденческие доски разного размера, выполнены разными способами. Это не нарушение, но подобного следует избегать. Рис. 16. Улица Киевская, 2. Одна из учрежденческих досок размещена слишком высоко. Рис. 17. Улица Советская, 109. Одиннадцать табличек такого размера, даже если будут выполнены в одном стиле, займут слишком много места. Правильнее сделать единый указатель с перечнем организаций. Рис. 18. Реклама, таблички и вывеска с большим количеством прямоугольных элементов создают неразбериху. Рис. 19. Разные по размеру и типу информационно-рекламные объекты различных организаций размещены слишком близко друг к другу. Рис. 20. Улица Партизанская. Таблички висят ниже уровня глаз.

Несообразность рекламно-информационных конструкций
 Рис. 21. Улица Дзержинского, 25а. Огромная табличка в два человеческих роста нависает над входом, нижний ее край не так высоко от головы поднимающегося по лестнице, поэтому люди вынуждены сутулиться. Рис. 22. Улица Дзержинского, 27. Таблички висят существенно выше роста человека. При этом текст сверстан очень плохо (много лишних элементов, шрифт не очень крупный), пользоваться такой табличкой неудобно. Рис. 23. Улица Карла Маркса. Учрежденческая доска слишком большого размера и размещена выше, чем следует. Рис. 24. Улица Декабрьских Событий, 100а. Вероятно, это самая большая панель-кронштейн Иркутска, размещенная на уровне первого этажа. Такие размеры – нарушение. Рис. 25. Ангарск, улица Ленина. Вывеска небольшого цветочного магазина не соотносится с размером магазина. Кроме того, флористы разместили рекламу на ограде, что тоже нарушение. Рис. 26. Улица Ямская, 11. В сравнении с дверью вывеска и входная группа выглядят непропорционально большими.

Панели-кронштейны

Рис. 27. Улица 3 Июля, 25. Крепление панели-кронштейна из того же материала, что ее корпус. Рис. 28. Улица Рабочего Штаба, 1/4. Панель-кронштейн в виде логотипа. Недостаток – неаккуратное крепление. Рис. 29. Пример панели-кронштейна простой формы и в форме логотипа компании. Рис. 30. Улица Поленова, 29. Светящаяся панель-кронштейн в виде логотипа компании.

лучше. Одиночно установленная на доме такая вывеска никак не сочеталась с архитектурой, но действительно привлекла внимание и была неплохим маркером статуса ее владельца.

За последние 10 лет в Иркутске появилось огромное количество компаний, занимающихся производством наружной рекламы, а материалы стали значительно доступнее. Широкое распространение получило использование в качестве материала изготовления вывески дешевой баннерной ткани.

Получив доступ к дешевым рекламным средствам, предприниматели по-прежнему в большинстве случаев ведут между собой конкуренцию за внимание по принципу «кто сделает вывеску больше, ярче и кричащее, тот и победит». Однако на практике данный подход демонстрирует обратный результат: из-за обилия визуального мусора многие люди просто игнорируют такого рода рекламу, психологически отгораживаются, отключаются от нее, пропускают мимо себя.

Кроме того, низкогокачественный материал никак не сочетается с фасадами зданий и быстро теряет презентабельный вид, что негативно влияет на художественный образ городской среды, дисгармонизирует облик городских улиц (и без того не слишком гармоничный).

Примеры, на которых сформировался вкус иркутских предпринимателей в девяностые годы XX века, нельзя назвать положительными. Поэтому при разработке дизайн-кода во многом использован редкий положительный российский (других городов) и европейский опыт размещения наружной рекламы на зданиях.

Разработанный в полном соответствии с действующим законодательством, дизайн-код в значительной степени позволит облегчить предпринимателям разработку наружного оформления еще на этапе проектирования. Кроме того, дизайн-код упрощает процесс согласования наружной рекламы и объектов информационного оформления, облегчает контроль за соответствием правилам размещения. Все это, в свою очередь, призвано способствовать повышению привлекательности и удобства городской среды.

Примеры размещения надписи на вертикально ориентированной табличке
 Рекомендуемый вариант размещения вертикальной надписи

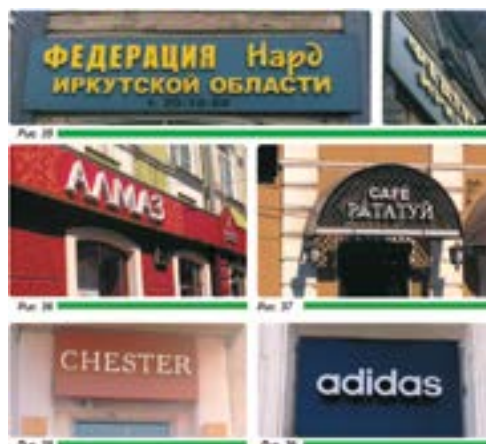
Рис. 40. Улица Декабрьских Событий, 107а. Ошибочное расположение текста. Рис. 41. Улица Декабрьских Событий, 107а. На панели-кронштейне текст размещен и вертикально, и горизонтально. Подобная непоследовательность недопустима. Кроме того, нарушение грамматических норм создает сложности для восприятия смысла: «Семейные house итальянская и японская кухня тафия ценности». Рис. 42. Улица Советская, 1. Ошибочная ориентация текста на панелях-кронштейнах разных компаний. Кроме этого, нарушены правила размещения панелей-кронштейнов. Рис. 43. Ангарск, 58-й квартал, д. 15. На обеих панелях-кронштейнах надпись размещена неправильно. Хотя на дальнем силуэт ее смотрится ровным, но чтение текста затруднено из-за непривычного соотношения пропорций букв: «ю», «ы» сейчас такой же ширины, как «н», «е», «р», чего чаще всего не бывает.

Вывеска

Основное обозначение вывески из отдельных букв и знаков без подложки

Рис. 31. Улица Карла Маркса, 1. Надпись предусмотрена при строительстве здания, она гармонирует с орнаментом.
Рис. 32. Ангарск, 76-й квартал, д. 13. Вывеска – часть фасада.
Рис. 33. Улица Карла Маркса, 1. Вывеска из отдельных букв без подложки на однородном фасаде.
Рис. 34. Улица Седова, 6. Вывеска из отдельных знаков на неоднородном фасаде.

Вывеска

Основное обозначение вывески из отдельных букв и знаков с плоской подложкой

Рис. 35. Улица Сурикова, 22. Вывеска из отдельных плоских букв на подложке. Знаки вывески отставлены от подложки, отбрасывая тень.
Рис. 36. Улица Карла Маркса, 21а. Вывеска из отдельных объемных светящихся букв на подложке. Цвет подложки гармонирует с цветом первого этажа.
Рис. 37. Улица Каландаривили, 9. Подложка может быть не сплошной.
Рис. 38. Улица Ленина, 13. Отдельные объемные буквы на светлой подложке. Подложка гармонирует с цветом фасада.
Рис. 39. Улица Урицкого, 2. Объемные буквы на плоской подложке темного цвета.

Цели и задачи разработки дизайн-кода

Основные цели и задачи, обозначенные в рамках концепции дизайн-кода города Иркутска:

- Повышение уровня архитектурно-художественного восприятия облика Иркутска за счет гармонизации размещения рекламных конструкций в городской среде.
- Развитие инструментов, способствующих сохранению сложившегося облика архитектурной застройки исторического центра города и гармоничному благоустройству городской территории объектами наружной рекламы.
- Разработка основных принципов размещения (установки) рекламных конструкций в увязке с архитектурными и градостроительными особенностями города, а также общими решениями по художественному оформлению города.

В связи с тем, что настоящая концепция разработана для зоны исторического наследия с ценной в архитектурном отношении застройкой, в раздел «Фотоприложения» вошли традиционные для города Иркутска каменные здания, этажностью от одного до пяти этажей, общественно-назначения или жилые здания с торговой или социально-культурной функцией в уровне первых этажей.

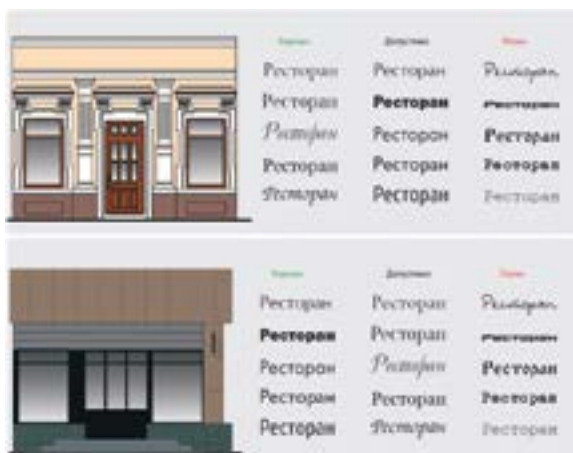
В данном разделе дано описание основных и дополнительных типов рекомендуемых для использования конструкций на примерах улиц:

1. Ленина;
2. Карла Маркса;
3. Урицкого.

Графическая часть по каждой улице содержит:

- историческую справку;
- план-схему;
- панорамные виды рассматриваемых объектов (зданий);
- оригинальный вид фасада здания (фото);
- изображение фасада с выделением объектов рекламно-информационного назначения;
- изображение фасада здания с учетом демонтажа объектов рекламно-информационного назначения;
- рекомендации по размещению объектов рекламно-информационного назначения.

В данном разделе представлены подробные инструк-

Примеры шрифтов, рекомендуемые для старинных и современных зданий

Улица Карла Маркса, 32. Оригинальный вид

Улица Карла Маркса, 32. Выделение на фасаде объектов рекламно-информационного назначения

Улица Карла Маркса, 32. Схематичное изображение фасада здания

Улица Карла Маркса, 32. Рекомендованное размещение вывесок. Фрагмент

Улица Ленина, 24 (слева – с улицы Горького, справа – с улицы Ленина). Оригинальный вид

Улица Ленина, 24 (слева – с улицы Горького, справа – с улицы Ленина). Выделение на фасаде объектов рекламно-информационного назначения

Улица Ленина, 24 (слева – с улицы Горького, справа – с улицы Ленина). Схематичное изображение фасада здания

ции по пользованию настоящей концепцией на примерах 15 зданий в рамках границы исторического поселения города Иркутска.

На фоторазвертках фасадов имеются условные обозначения двух цветов.

Красное обозначение (крестик) указывает на то, что конструкция не соответствует современным требованиям, архитектурным особенностям и стилистике здания и подлежит демонтажу в сроки, обусловленные Постановлением администрации города Иркутска от 22.10.2013 № 031–06–2668/13 «Об утверждении порядка демонтажа рекламных конструкций, установленных и (или) эксплуатируемых без разрешения, срок действия которого не истек, на территории города Иркутска, и о внесении изменений в Постановление мэра города Иркутска» от 26.10.2007 № 031–06–131/7.

Зеленое условное обозначение показывает полное соответствие вывески требованиям настоящей концепции и возможность ее установки в соответствии с правилами размещения наружной рекламы и объектов информационного оформления.

Условные обозначения

Улица Урицкого, 18. Оригинальный вид

Улица Урицкого, 18. Выделение на фасаде объектов рекламно-информационного назначения

Улица Урицкого, 18. Схематичное изображение фасада здания

Список литературы

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации.
3. Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
4. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».
5. Федеральный закон от 13.06.2006 № 38-ФЗ «О рекламе».
6. Государственный стандарт Российской Федерации «Наружная реклама на автомобильных дорогах и территориях городских и сельских поселений, общие технические требования к средствам наружной рекламы. Правила размещения».
7. Генеральный план города Иркутска, утвержденный решением Думы города Иркутска от 28.06.2007 № 004-20-390583/7, в редакции решения Думы города Иркутска от 06.07.2012 № 005-20-360589/2.
8. Местные нормативы градостроительного проектирования Иркутска, утвержденные Постановлением администрации города Иркутска от 15.07.2011 № 031-06-1287/11, в редакции постановления администрации города Иркутска от 26.06.2013 № 031-06-1500/13.
9. Постановление администрации Иркутской области от 12.09.2008 № 254-па «Об утверждении границ зон охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории города Иркутска, режимов использования земель и градостроительных регламентов в границах данных зон».
10. Правила размещения наружной рекламы и объектов информационного оформления на территории города Иркутска, утвержденные решением Думы города Иркутска от 03.06.2013 № 005-20-470795/13.
11. О порядке организации благоустройства и содержания территории города Иркутска, принято решением Думы города Иркутска от 25.12.2008 № 004-20-560950/8, в редакции решения Думы города Иркутска от 23.12.2009 № 005-20-040042/9, от 24.12.2010 № 005-20-180248/0, от 01.07.2011 № 005-20-240363/1, от 05.12.2011 № 005-20-280450/1.

Улица Урицкого, 7а.
Оригинальный вид

Улица Урицкого, 7а.
Выделение на фасаде объектов рекламно-информационного назначения

Улица Урицкого, 7а. Рекомендованное размещение вывесок.
Вариант 1

Улица Урицкого, 7а.
Рекомендованное размещение вывесок. Вариант 2

130-й квартал Иркутска подвергся перестройке более семи лет назад. С тех пор не прекращаются споры вокруг этого объекта. В статье приведены результаты анализа среды квартала двумя оригинальными методами. Отзывы посетителей квартала изучены методом частотного контент-анализа. Среда самого квартала исследована методом ключевого визуального кадра. Сделаны выводы о причинах привлекательности среды квартала для иркутян и гостей города. Показаны пути и направления развития квартала как средового, экономически самодостаточного объекта.

Ключевые слова: архитектура, городская среда, горожанство, визуальный кадр, социальная психология, урбанистика.

The 130 Quarter in Irkutsk was rebuilt more than seven years ago. Since then it has been constantly debated. The article demonstrates the results of the analysis of the Quarter's environment with the help of two original methods. Comments made by guests of the Quarter were examined by using the frequency content analysis method. The Quarter's environment was studied by using the key visual shot method. The author reveals the reasons why the Quarter's environment attracts Irkutsk citizens and guests of the city. The directions of the Quarter's development as an environmental and economically self-sufficient entity are also presented in the article.

Keywords: architecture; urban environment; urbanship; visual shot; social psychology; urban studies.

Перипатетический променад по спорному кварталу Анализ горожанства одного иркутского квартала /

текст
Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

В 334 году до н. э. великий философ Аристотель организовал собственную школу. Его друг и ученик Теофраст, богатый афинянин, купил здание с крытой галереей в районе рощи Ликейского Аполлона (Аристотель, как гражданин Стагиры, не имел права приобретать недвижимость в Афинах). Именно в галерее Ликей Стагирит читал своим ученикам лекции, прогуливаясь туда-сюда. Из-за этого его школа получила название «прогуливающихся» – перипатетиков.

Тот факт, что неспешная прогулка способствует размышлениям и философским беседам, не вызывал сомнений на протяжении двадцати пяти веков. В отличие от беседы застольной (симпозиума) – эмоциональной, бурной, блестящей остроумием, перипатетическое общение спокойно и рассудочно, созерцательно и глубокомысленно.

К началу XIX века, когда французский язык стал международным языком философов, в каждом крупном городе Европы появились променады – специальные зоны в городской структуре, предназначенные для неспешных прогулок в созерцательном духе. Сама такая прогулка тоже стала называться променадом. На променады выходили, чтобы себя показать и людей посмотреть, чтобы слегка поужинать, чтобы сделать несколько случайных покупок, не прекращая при этом наблюдать за потоком горожан. Во время променадов собирали впечатления для своих книг Бальзак и Гонкуры, а Гоголь прославил променады Невского проспекта в одноименных повестях.

Иркутский променад: имя и мнения

Перипатетичность променадов была начисто утрачена в конце XX века. Суматошный до безумия ритм жизни мегаполиса, бешеные гонки – либо в поисках денег, либо в поисках способа их потратить – не оставили места для созерцательности. Оказалась утрачена самая важная составляющая променада – атмосфера доверия между горожанами и городской средой.

Лишь в новом тысячелетии до некоторых горожан начало доходить, что с утратой променада они потеряли какую-то весьма существенную часть жизни города. Одним из первых российских опытов в деле возрождения променадов стал 130-й квартал Иркутска.

С момента своего рождения этот проект вызывает непрерывные и ожесточенные споры. Например, до сих

пор непонятно, как все-таки его следует называть? Название «130-й квартал» крайне неудачно. В нем читается «несчастливое» число 13. Оно лишено образного содержания и выглядит неоправданно официально. В нем нет ничего иркутского.

Иногда квартал называют историческим – и это тоже ошибка. Исторические кварталы являются реконструкциями застройки определенной эпохи, а «сто тридцатый» никогда не претендовал на соответствие какой-либо конкретной эпохе развития города. Кстати, вид Иркутска неоднократно и кардинально менялся за три с половиной века его истории, так что понятие «исторический облик города» в данном случае лишено конкретного смысла. Тем более что превращать целый квартал в музейный экспонат вряд ли возможно в иркутских условиях.

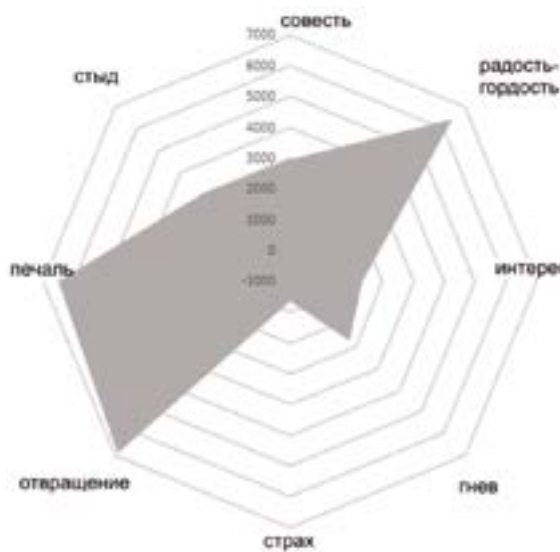
Также неуместно выглядит название «Иркутская слобода». У слова «слобода» есть четкое и ясное значение. Это компактное самоуправляемое поселение внутри города или за пределами городской черты, на территории которого частично не действуют городские законы и установления (откуда и название). В нашей стране, согласно Общероссийскому классификатору территорий муниципальных образований, всего девять слобод – не больше и не меньше [1], так что для еще одной нет официального места.

Не менее разноречивы и высказывания по поводу Иркутского променада. В предыдущих номерах нашего журнала мы описывали метод частотного контент-анализа, позволяющего определить спектр эмоций, содержащихся в любом тексте [2]. Без особого труда мы нашли в Интернете отзывы о квартале в позитивном ключе, написанные теми его посетителями, кому Иркутский променад нравится. Эмоциональный спектр положительных отзывов показан на рис. 1.

На рисунке видно, что в спектре решительно преобладают эмоции группы «радость – гордость» и «интерес». Практически отсутствуют эмоции «гнев», «страх» и «печаль». С точки зрения посетителей, в пространстве променада интересно и радостно, совсем не тревожно, ничто не печалит и не злит. Правда, интенсивность эмоций группы «радость – гордость» довольно высокая, так что местами достигает уровня «гордыни» и «высокомерия». С

< Рис. 1. Эмоциональный спектр текстов – отзывов о посещении Иркутского променада (позитивный ключ)

< Рис. 2. Эмоциональный спектр текстов – отзывов о посещении Иркутского променада (негативный ключ)

A Peripatetic Promenade Around a Debatable Quarter Analysis of Urbanship in Irkutsk's Quarter

типичными для блогосферы снисходительными интонациями туристы-блоггеры пишут: «Что же, честь и хвала иркутским властям, что им удалось реализовать проект на хорошем уровне, перед иностранцами не стыдно» [3].

Многозначительно выглядит острый зубец в области группы эмоций «отвращение». Аналогичная структура спектра характерна для гламурных образов, в которых высокая интенсивность интереса и радости – гордости (вплоть до уровня истерического восторга и экстаза) компенсируется примесью отвращения (презрения). Собственно говоря, такое сочетание эмоций и составляет «формулу» гламурности.

Возможно, отсутствие печати времени, патины, которая возникает только с годами, придает новеньким объектам Иркутского променада неуместный глянец. Может быть, и так, что ощущение некоторой «игрушечности», искусственности придает променаду недостаток зелени, особенно крупных деревьев. Ведь в исходной, традиционной городской среде ни одно здание нельзя было увидеть целиком – каждый особняк был полускрыт деревьями или кустарником, сиренью, акациями, сохранялась некая недосказанность...

Вторая часть нашего эксперимента заключалась в анализе текстов из Интернета, в которых Иркутский променада оценивается негативно. Ругатели променада не стесняются в выражениях и выплескивают немало желчи как на сам квартал, так и на его посетителей. «Многократно оплеванный и облитый грязью 130-й квартал стал подлинным центром малокультурной жизни Иркутска», – пишут они [4]. Эмоциональный спектр негативных откликов показан на рис. 2.

Как можно видеть на рисунке, имеет место вполне ожидаемый лепесток в области депрессивных астенических эмоций групп «стыд», «печаль» и особенно «отвращение». Закономерно, что критика променада исходит исключительно от депрессивных иркутян, воспринимающих мир с унынием и омерзением.

Однако почти такой же по площади лепесток наблюдается в противоположной области группы «радость – гордость», «совесть» и «интерес». Получается, что даже у тех, кто воспринимает променада в сугубо негативном ключе, он вызывает и уважение, и энтузиазм. Содержа-

ние эмоций группы «страх» у посетителей, недовольных променадом, меньше нуля. Им тоже совсем не тревожно в променаде, да и гнев их выражен слабо: раздражение и злость какие-то надуманные, вымученные.

Иркутский променада и его ключевые визуальные кадры

Более подробное исследование специфической среды Иркутского променада мы провели методом визуального (ключевого) кадра. Метод был впервые сформулирован нами еще в самом начале двухтысячных годов [5], а затем усовершенствован и использован для решения самых разнообразных задач [6]. В целом метод визуального (ключевого) кадра использован в нескольких десятках различных проектах аналитического и архитектурно-дизайнерского характера.

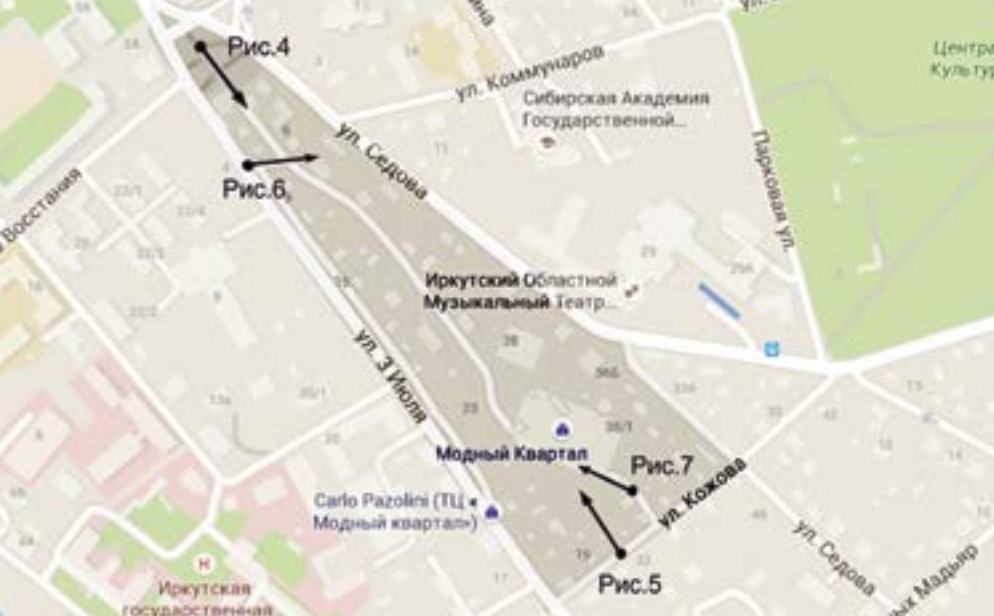
Основные положения метода таковы: зрительный аппарат человека «фотографирует» окружающую действительность с частотой не менее 24 кадров в секунду [7]. Однако общее эмоциональное впечатление от окружающей среды складывается из очень малой доли этих многочисленных кадров. Такие кадры называются ключевыми.

Ключевыми являются кадры, считываемые при пересечении зрителем границы функциональной зоны городской среды (в точке пересечения такой границы с траекторией основных человеческих потоков).

Высота точки зрения над землей соответствует положению зрителя «на входе» в данную функциональную зону (если он входит в зону пешком, это высота глаз стоящего зрителя, если въезжает на автомобиле – высота, на которой расположены глаза водителя и т. д.).

Направлением луча зрения выбирается такой вектор, который обеспечивает наиболее глубокое видимое пространство. Угловые размеры визуального кадра стандартны: 110° по горизонтали на 75° по вертикали, формат будем полагать прямоугольным (на самом деле он имеет форму прямоугольника с закругленными краями).

В функциональную зону Иркутского променада можно войти через множество точек. Однако одна точка входа играет основную роль. Она находится за спиной у медной Бабра, с «острого» угла квартала (рис. 3). Пока посетитель находится с «лицевой» стороны памятника, сам

^ Рис. 3. Схема Иркутского променада. На территорию можно попасть через множество входов – с улиц З Июля, Седова и даже с ул. Кожова. Но основной, главный вход с точки зрения большинства посетителей находится со стороны улицы Ленина (показан точкой). Направление луча зрения из точки входа – вдоль средней линии променада (показано стрелкой).

^ Рис. 4. Ключевой кадр Иркутского променада (основной вход). Медный Бабр остался за спиной. Он не принадлежит променаду, а составляет самостоятельную микрофункциональную зону

променада ему не виден. Поэтому Бабр воспринимается не как часть квартала, а как отдельный, самостоятельный объект с собственной микрозоной вокруг и с собственным образом восприятия.

Ключевой кадр, снятый из основной точки входа, показан на рис. 4.

Композиция кадра выглядит уравновешенно и устойчиво. Ближайшие здания фланкируют кадр примерно равновеликими, но разными по силуэту массами. Череду следующих строений образует разнообразную, прихотливую игру пятен. Глубокая перспектива уводит взгляд далеко за пределы променада.

Цветовой ключ кадра теплый, земляной. Преобладают сложные тона темного дерева, охристо-желтые, кирпично-красные, желтовато-серые. Фактурный ключ также неширок и представлен матовыми (но не грубыми) поверхностями крашеного дерева, кирпича, бетонной тротуарной плитки.

Знаково-символический ряд в основном образован многочисленными разнообразными прямоугольниками (символ стихии Земли – устойчивость, надежность, циклическая повторяемость). На «основу» из прямоугольников накладывается динамичная игра пятен, образованных декоративными элементами фасадов и, конечно, планируемыми в променаде людьми.

Из анализа становится понятнее, чем именно Иркутский променада привлекает горожан и гостей города. Все в нем: и композиционные решения, и цвет, и фактуры, и формы – образует согласованный, когерентный образ [8]. При вербализации разных аспектов образа повторяются ключевые слова: устойчивость, надежность, доверие, тепло. Сквозное, проточное пространство променада не спорит, а сотрудничает с брутальными формами и прихотливым декором традиционных деревянных зданий.

Однако не все в квартале так гармонично, как хотелось бы. Ключевые точки, образующиеся на других входах, дают нам кадры с иными, гораздо менее благоприятными свойствами. Особенно сильный контраст с главным входом составляют входы с противоположной стороны от ул. Кожова. На рис. 5 показан соответствующий ключевой кадр.

На фотографии видно, что кадр резко асимметричен. Справа нависает приземистая масса торгового центра

«Модный квартал». Серый бетон, прижатые к земле пропорции, угловатый силуэт придает зданию в данном ракурсе сходство с оборонительным сооружением – не то линия Маннергейма, не то крепость эпохи раннего Средневековья. Угрожающий, настороженный эмоциональный ключ кадра дополнительно усиливается за счет резкого контраста: склон заставляет смотреть вверх, и массив торгового центра образует сильный светлотный перепад на фоне неба. Этот же массив грубо перекрывает перспективу, так что взгляд «ушибается», натываясь на него.

Вполне закономерно выглядит и полное отсутствие людей с этой стороны квартала (хотя фотографии на рис. 4 и 5 сделаны почти одновременно).

Ключевые кадры Иркутского променада, несовершенства и перспективы

Анализ показал, что большинство входов в Иркутский променада организованы не лучшим образом. Во многих ключевых кадрах получается недостаточно привлекательным. То перспектива перекрыта, и взгляд упирается в какую-нибудь стену. То чересчур яркое пятно неуместной рекламы перекашивает композицию кадра и придает ему тревожный смысл. То нелепая громада торгового центра нависает над зрителем, демонстрируя ему всю мафиозную настороженность и агрессию иркутского бизнеса.

Несовершенство, как указывал Платон со ссылкой на Сократа, – возможность и причина движения к совершенству. Недоработки в организации входных точек Иркутского променада вполне могут послужить ресурсом дальнейшего развития этой зоны. В том числе – развития экономического, торгового.

Иркутский променада с самого начала задумывался как проект экономически самодостаточный. Он сам должен себе зарабатывать на жизнь и развитие, а не ждать дотаций от государства или муниципалитета. И с этой точки зрения проект уже вполне удался. Общий оборот предприятий, расположенных на променаде, разумеется, не раскрывается. Известно, что только налогов разного уровня эти предприятия выплачивают около миллиарда рублей в год [9]. Окупаемость предприятий променада, несмотря на высокую арендную плату (процентов на 20–30 выше, чем в среднем по центру города), тоже бы-

^ Рис. 5. Вход в 130-й квартал с ул. Кожова. С этой стороны квартал вовсе не похож на променад, а больше напоминает крепость на границе с враждебным соседом. Образ иркутского бизнеса

v Рис. 7. В то же время, но с другой стороны квартала. Один из входов с ул. Кожова. Мрачный, нависающий массив бетона в правой части кадра придает ему настолько пессимистический характер, что никому и в голову не придет здесь прогуливаться. Фото Елена Горигорьева

страда – 4–5 лет (вместо 7–8 лет, типичных для подобного бизнеса в других условиях).

Неудивительно, что в других городах внимательно присматриваются к опыту Иркутского променада и планируют использовать этот опыт для развития собственных городов – Красноярска, Улан-Удэ, даже Самары [10].

Организовать человеческий поток за счет привлекательной атмосферы места – эффективнейший способ роста продаж. Инвестиции в качество городской среды, как показывает опыт променада, могут вернуться и быстро, и прибыльно. Наиболее дальновидные бизнесмены из числа участников променада уже приняли эту мысль на вооружение. Их стараниями прогулки в променаде становятся еще привлекательней и содержательней, а сам квартал – еще успешнее и богаче.

Заключение

Променад может и должен развиваться, становиться длиннее. В первую очередь – за счет развития зоны, прилегающей к улице Кожова. Согласно Концепции и Проекту планировки квартала, массив ТЦ должен уравновешиваться группой больших деревьев. Лучше всего было бы восстановить небольшую рощу лиственниц (от которой сейчас осталось три деревца). Променад по периметру Кожова должен стать таким же уютным, застроенным деревянными зданиями, как и его противоположная часть. И дальше, в сторону бульвара Гагарина, к будущей Лисихинской набережной, к развязке Ангарского моста... и тут есть о чем поразмышлять во время перипатетических променадов в нашем спорном, живом, развивающемся квартале.

^ Рис. 6. Один из входов на променад с ул. 3 Июля. Ключевой кадр добродетельный и динамичный, приглашающий к прогулке. Люди охотно считают приглашение и следуют ему.

Фото Анатолий Бызов

Список литературы

1. Общероссийский классификатор территорий муниципальных образований (ОКТМО) ОК 033-2013 (с учетом изменений с 1/2013 по 9/2015): в 9 т.
2. Лидин К. Город-пациент // Проект Байкал. – 2011. – № 29–30. – С. 33–36.
3. Петр Королев. Экспресс-тур по Восточной Сибири. Все дороги ведут в 130-й квартал [Электронный ресурс]. – <http://mir24.tv/news/smiruponitke/11490829>
4. Моня Цуцик. 130-й квартал как апофеоз иркутского быдлокитча [Электронный ресурс]. – <http://newsbabr.com/?IDE=118339>
5. Лидин К. Л., Меерович М. Г. Метод визуального кадра в дизайне // Личность и культура. – 2000. – № 3. – С. 68–71.
6. Лидин К.Л., Меерович М.Г. «Визуальный кадр» как метод анализ элементов визуальной среды обитания (на примере пропагандистских плакатов 1920–1950-х гг.) // Оче-видная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия: сб. ст. – Челябинск: Каменный пояс, 2008. – 476 с.
7. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. – М., Прогресс, 1988.
8. Лидин К. Когерентные города // Проект Байкал. – 2014. – № 35. – С. 35–41.
9. 130-й квартал Иркутска приносит в бюджет около 1 млрд рублей налогов в год [Электронный ресурс]. – <http://news.ircity.ru/6629/>
10. Сверкалов В. Старая – Новая Самара. Внезапно 130-й квартал Иркутска [Электронный ресурс]. – <http://sv-bob.livejournal.com/597079.html>

References

- ObcsheRossijskij klassifikator territorij municipalnih obrazovanij (OKTMO). (2013). [Russian Classification of Territories of Municipal Formations].
- Lidin, K. (2011). City-patient. Project Baikal, 29-30, 33-36
- Korolev, P. Ekspress-tur po Vostochnoj Sibiri. Vsr dorogi vedut v 130 kvartal [Express-tour in East Siberia. All roads comes to Quarter 130]. URL: <http://mir24.tv/news/smiruponitke/11490829>
- Monja Zuzik. 130-j kvartal kak apofoez irkutskogo bidlokitcha [Quarter 130 as apotheosis of Irkutsk cattle-kitsch]. URL: <http://newsbabr.com/?IDE=118339>
- Lidin, K., Meerovich, M. (2000). Metod vizualnogo kadra v dizajne [The method of Visual Frame in Design], Lichnost I kultura, 3, 68-71
- Lidin, K., Meerovich, M. (2008). "Vizualnij kadr" kak metod analiza elementov vizualnoj sredi obitanija (na primere propagandistskih plakatov 1920-1950 godov) ["Visual Frame" as method for analysis of visual environment (on the material of propaganda posters of 1920-1950 years)] / Оче-vidnaja istorija. Problemi vizualnoj istorii Rossii XX stoletija. Ed. Narskij I. Cheljabinsk: Kamennij Pojas. Pp. 25-34.
- Gibson, J.J. (1979). The ecological approach to visual perception. Boston: Houghton Mifflin.
- Lidin, K. (2013). Coherent Cities. Project Baikal, 10(35), 36-41
- 130 kvartal Irkutskaja prinosit v budzhet okolo 1 milliarda rublej nalogov v god [Quarter 130 brings in Budget by taxes about 1 trillion rubles per year]. URL: <http://news.ircity.ru/6629/>
- Sverkalov, V. Staraja-novaja Samara. Vnezapno 130 kvartal Irkutskaja [Old-new Samara. Suddenly Quarter 130 of Irkutsk]. URL: <http://sv-bob.livejournal.com/597079.html>

text
Frank van der Hoeven
Alexander Wandl

Сегодня городской остров тепла считается одним из важнейших вопросов здравоохранения, требующих незамедлительного решения. В рамках исследовательского проекта «Хоттердам» проводится изучение острова тепла в Роттердаме, чтобы объяснить связь между здоровьем населения и теми характеристиками городской среды, которые делают климат теплее или холоднее. В результате проведенной работы были созданы две тепловые карты, которые позволяют жителям города получить информацию о влиянии тепловых волн на здоровье и снизить зависимость от высоких температур. Ценная информация о городском острове тепла, полученная в результате осуществления этого проекта, имеет отношение и к другим городам Нидерландов (Амстердаму, Гааге) и за рубежом. **Ключевые слова:** городское тепло, приземной тепловой поток, градостроительное проектирование, пространственное планирование, адаптация к изменениям климата, Роттердам. /

The urban heat island is considered to be one of the contemporary health aspects that cities urgently need to respond to. The Hotterdam research project addresses the Rotterdam urban heat island, in order to explain the links between the health of the city's population and the features of its built environment that make it more or rather less warm. The work resulted in two heat maps that make the city of Rotterdam and its inhabitants more aware of and less susceptible to the health effects of heat waves. The insights into the urban heat island that were gained in this project are relevant for other cities in Holland (Amsterdam, The Hague) and abroad.

Keywords: urban heat island; ground heat flux; urban design; spatial planning; built environment; climate adaptation; Rotterdam.

«Хоттердам»: создание карты городского острова тепла /

текст
Франк ван дер Хувен
Александр Вандл

Почему тепло?

Воздействие тепла, особенно в городской местности, изучено недостаточно. Каждый раз, когда дело касается тепла и климата, внимание СМИ фокусируется на потеплении климата Земли в целом и на обсуждении вопроса о возможном повышении температуры на пару градусов Цельсия. Но мало кто знает, что температура внутри городского района иногда может превышать температуру за его пределами до десяти градусов или что в течение нескольких часов температура внутри домов может быть выше, чем на улице. Тот факт, что пожилые люди чаще, чем обычно, умирают именно в период аномально высоких температур, также малоизвестен либо кажется неправдоподобным.

Метеорологические институты, такие как Королевский метеорологический институт Нидерландов, предпочитают производить измерения за пределами городов, на безопасном расстоянии от застроенных территорий, поскольку здания могут повлиять на показания приборов. Однако из-за того, что эти замеры производятся там, где никто не живет, мы знаем очень мало о возможных рисках, которым подвергаются горожане в связи с изменением климата, или о локальных и прочих воздействиях тепла.

В сложившихся обстоятельствах проект «Хоттердам» (от англ. hot – горячий и Rotterdam – Роттердам) занимается изучением проблем, связанных с повышением температуры в отдельно взятом городе, чтобы обозначить связь между климатом и застроенной средой. За основу берется понимание того, что климат внутри города отличается от климата за его пределами и в то же время не перестает играть ключевую роль в состоянии здоровья горожан, в данном случае жителей Роттердама.

Тепло в городе будущего

В 2014 году Королевский метеорологический институт Нидерландов (КМИН) опубликовал новые сценарии будущего развития климата Нидерландов. Они содержат прогнозы на 2050 и 2085 годы. На основе четырех сценариев КМИН предсказывает рост количества жарких летних дней и вероятности тепловых волн. Жаркое лето, подобное лету 2006 года, станет скорее правилом, нежели исключением. Но произойдут и другие изменения. В Нидерландах ожидается значительный рост численности

пожилых людей. Через 20 лет более четверти населения будет в возрасте старше 65 лет, а ведь именно эта группа населения особо чувствительна к жаркой погоде.

Жара в Париже в августе 2003 года

Аномальная жара, которая посетила Европу в августе 2003 года, окончательно убедила нас в том, что наше общество очень чувствительно к жаркой погоде. Гуманитарная катастрофа, произошедшая тем летом в Париже, произвела одинаковое впечатление как на экспертов и политиков, так и на широкую публику. Бедствие случилось в начале августа 2003 года, охватив главным образом лиц пожилого возраста. Обычно в Париже ежедневно умирает от 30 до 50 человек. Во время тепловой волны в первые две недели августа 2003 года это количество резко возросло, достигнув пика в более чем 400 человек. Позднее подсчитали, что в этот период во Франции из-за жары умерло 14 800 человек (Dhainaut, Claessens, Ginsburg, & Riou, 2004). В результате провели большой объем исследований с целью определить связь между тепловой волной, островом тепла в Париже и, в частности, смертью пожилых людей. Один из таких исследовательских проектов (Doussat & Gourmelon, 2011) дал возможность установить важную связь между смертью пожилых людей и островом тепла, особенно в ночное время. Участники другого проекта (Vandentorren, Bretin, Zeghnoun, Mandereau-Bruno, Croisier, Cochet, ... Ledrans, 2006) доказали, что определенная группа людей пожилого возраста была в большей степени подвержена риску, нежели остальные. В период аномально высоких температур 2003 года в Париже чаще всего смерть наступала у пожилых людей, которые были прикованы к постели, страдали от сердечнососудистых или неврологических заболеваний, а также у тех, кто жил в старых зданиях с плохой изоляцией, на территориях с сильным воздействием острова тепла или у тех, чья спальня находилась непосредственно под крышей. В то же время, пожилые люди имели больше шансов выжить, если они носили более легкую одежду, пользовались вентиляторами или кондиционерами и заботились о своем здоровье (открывали окна, если на улице было прохладнее, пили достаточное количество воды).

Why heat?

The effects of heat, and especially heat in urban areas, are more or less unknown. Whenever any (media) attention is given to heat and climate, it focuses on the warming of the earth as a whole, and the question of whether that process will amount to more or less than two degrees Celsius. But few of us know that the temperature inside urban areas is sometimes already ten degrees Celsius higher than outside their limits, or that for long periods of the day, the temperature inside homes is warmer than out on the street. The fact that more elderly people die during heat waves than usual is not widely known and some do not even believe it.

It does not help that meteorological institutes, such as the Royal Netherlands Meteorological Institute (KNMI), prefer to measure weather outside cities, at a safe distance from built-up areas. Buildings may influence the readings, but because they are taken where nobody lives, we know little about the exposure of city dwellers to a changing urban climate, or about the local and other effects of heat.

In this context, Hotterdam investigates the heat related problems in a specific city in order to outline the links between the climate and

the built environment. We do so on the basis of the realisation that the climate within a city behaves differently to outside, while that same urban climate continue to play a key part in the well-being of the city's residents: Rotterdam in this case.

Heat in the city of tomorrow

In 2014, the Royal Netherlands Meteorological Institute (KNMI) published new scenarios for how the climate in the Netherlands will develop in future. The scenarios contain predictions for the years 2050 and 2085. Using four scenarios, the KNMI predicts that the number of hot summer days will increase, as will the likelihood of heat waves. Hot summers like the one in 2006 will become more the rule than the exception. But there are other changes too. The population forecast for the Netherlands is for a considerable rise in the number of old people. In 20 years, more than a quarter of the population will be over 65, and it is precisely this group that is vulnerable to (urban) heat.

Heat in Paris, August 2003

The heat wave that affected Europe in August 2003 made it painfully clear that as a society, we are vulnerable to warm weather. If there

Hotterdam, mapping the Rotterdam urban heat island

Воздействие тепловой волны в Роттердаме в июле 2006 года

Аномально высокие температуры 2003 года, которые имели сильнейшее воздействие на Францию, лишь в небольшой степени повлияли на показатели уровня смертности среди пожилых людей в Роттердаме. Лето 2003 года в Роттердаме было не таким жарким, однако три года спустя многое изменилось. В июле 2006 года было зафиксировано две тепловые волны, следовавшие друг за другом. Этот месяц стал самым жарким в Голландии за последние 300 лет. Согласно статистике, в Нидерландах в июле 2006 года показатель смертности превысил средний показатель июля на тысячу человек. Большинство смертей произошло на западе страны. Кроме того, голландские статистики определили, что смерть чаще всего наступала спустя два дня после температурного пика. Таким образом, имея тысячу смертельных случаев в результате двух тепловых волн, Нидерланды оказались на четвертом месте в рейтинге мировых природных катастроф 2006 года по количеству смертельных исходов. Этот рейтинг проводит Центр исследований эпидемиологии стихийных бедствий.

Ни в каком другом месяце, кроме июля 2006 года, не был зафиксирован такой высокий показатель средней температуры воздуха в Роттердаме (27,8°C) и такой высокий процент смертности среди городского населения в возрасте 75 лет и старше. Основываясь на информации, предоставленной городским советом Роттердама, мы установили, что в июле 2006 года среди лиц старше 75 лет было зафиксировано на 75 смертей больше среднего показателя за период с 2000 по 2013 год. Средний национальный показатель был удвоен.

Городской остров тепла

Тепловая волна, которая пришла в Россию в 2010 году, была менее изучена, чем западноевропейские волны 2003 и 2006 годов, однако имела не менее разрушающую силу. Согласно данным Министерства экономического развития, в июле и августе 2010 года в стране умерло примерно на 56 000 человек больше, чем в 2009 году (Barriopedro, Fischer, Luterbacher, Trigo, & García-Herrera, 2011). Жаркая погода в городе представляет собой

реальную опасность и напрямую связана с решением одного из пяти важнейших вопросов, касающихся здоровья горожан и стоящих на повестке дня: управление очисткой и отведением сточных вод; строительные стандарты, тепловой комфорт и качество воздуха в помещениях; транспортное обслуживание, мобильность и физическая активность; эффект городского острова тепла; городское производство продуктов питания (Rydin, Bleahu, Davies, Dávila, Friel, De Grandis, ... & Wilson, 2012).

Остров тепла – это зона, внутри которой температурные показатели выше, чем на окружающей ее территории (Greater London Authority, 2006). Когда остров тепла присутствует в городе, мы называем его городским островом тепла. В Роттердаме такой остров тепла оказывает четко выраженное влияние.

Температура поверхности почвы и температура воздуха

Если рассматривать городской остров тепла, то температура в городе превышает температуру сельской или природной среды. В данном вопросе при использовании терминов иногда возникает путаница. Имеется ли в виду температура воздуха или температура поверхности почвы? Большая разница температур на поверхности земли чаще всего возникает в дневное время при солнечном свете. Разница температур воздуха между городом и окрестностями формируется вечером, после захода солнца. Остров тепла в дневное время (температура поверхности почвы) является причиной ночного острова тепла (температура воздуха). В дневное время почва, поверхностные воды и застроенная территория нагреваются. Затем жара выделяется ночью. В результате тепло в городе задерживается на длительное время вечером и ночью.

Баланс поверхностной энергии

Жара, которую мы ощущаем в городе, является продуктом того, что мы называем балансом поверхностной энергии. Баланс поверхностной энергии основывается на принципе сохранения энергии. Это означает, что чистая энергия, которую получает от солнца поверхность земли в городе (чистое солнечное излучение) равна количеству энергии

was one situation that summer that made an impression on experts, politicians and the public alike, it was the humanitarian disaster in Paris, France. It occurred in early August 2003, and mainly affected the elderly. Usually, around 30 to 50 people die every day in Paris. During the heat wave in the first two weeks of August 2003, that number rose sharply, peaking at more than 400. It was later established that 14,800 people died in France during this period as a result of the heat (Dhainaut, Claessens, Ginsburg, & Riou, 2004). A fair amount of research was subsequently carried out into the link between the heat wave, the Paris heat island, and the deaths of the elderly in particular. One such research project (Dousset & Gourmelon, 2011) suggested that there was an important link between the deaths of older people and the nightly heat island. Another project (Vandentorren, Bretin, Zeghnoun, Mandereau-Bruno, Croisier, Cochet, ... Ledrans, 2006) showed that certain elderly people were at greater risk than others. During the 2003 heat wave in Paris, the elderly who died tended to be those who were bedridden, had cardiovascular disease or neurological conditions, but also those who lived in old buildings with poor insulation, in areas with a strong heat island effect, or who slept in a bedroom immediately

under the roof. By contrast, older people had a lower chance of dying if they wore lighter clothing, if they used cooling equipment (ventilators or air-conditioning), and if they acted carefully (e.g. by opening windows when it was cooler outside, or by drinking enough water).

Impact of the July 2006 heat wave in Rotterdam

The heat wave that affected France so terribly in 2003 had only little effect on mortality rates of the elderly in Rotterdam. It was simply not that hot in Rotterdam during that summer. Three years later, things were much different. In July 2006, there were two heat waves in quick succession. That month went down in Dutch history as the hottest in 300 years. Statistics Netherlands determined that 1,000 more people died in the Netherlands in July 2006 than in an average July. Most deaths occurred in the west of the country. In this context, Statistics Netherlands also demonstrated the link between the peaks in temperature and deaths has a time lag of two days. With these 1,000 deaths as a result of the two heat waves, the Netherlands found itself in fourth place in the world natural disaster rankings in 2006, measured by the number of fatal victims. This list is maintained by the Centre for Research on the Epidemiology of Disasters (CRED).

в тепловых процессах, протекающих в городе, таких как нагревание воздуха путем конвекции (явная теплота), испарение воды и транспирация деревьев и растений (скрытая теплота), а также поглощение тепла землей, зданиями и поверхностной водой (приземной тепловой поток) (Harman, 2003). Баланс поверхностной энергии можно выразить через формулу:

$$Q^* = QE + QH + QS,$$

где Q* = чистое солнечное излучение, полученное поверхностью земли, QE = энергия, потребляемая при испарении (воды и растений), QH = явная теплота (переход тепла от поверхности земли в воздух), QS = энергия, поглощенная водой, зданиями и поверхностной водой.

Исследовательские вопросы

Мы начали работу над проектом «Хоттердам» с определения масштабов проблемы, связанной с высокими температурами в Роттердаме, и попытались ответить на вопрос: какие районы Роттердама подвержены самому сильному влиянию городского острова тепла?

Следующий вопрос – действительно ли горожане страдают от вредных последствий городского тепла и есть ли связь между жаркой погодой в Роттердаме и здоровьем людей, если принять во внимание рост уровня смертности среди лиц старше 75 лет?

Если предположить, что в зависимости от того или иного района Роттердама показатели температур и состояния здоровья будут различны, то возникает вопрос: можно ли различие температур в разных районах Роттердама объяснить с точки зрения социальных и физических качеств города?

Методы – измерение, анализ и картографирование

Проекту «Хоттердам» предшествовал проект «Амстерварм» (от англ. Amsterdam – Амстердам и warm – теплый), в котором мы изучали городской остров тепла в Амстердаме. Проект «Хоттердам» основывается на методологии, разработанной предыдущим проектом (van der Hoeven & Wandl, 2015a), а также на других исследовательских

> Городской остров тепла, графика Франка ван дер Хувена / Urban heat island, graphic by Frank van der Hoeven

There was no other month with such a high average temperature in Rotterdam (27.8°C) than July 2006 and there was no other month with such a high mortality rate among those aged 75 and over in the city. Based on information provided by the Rotterdam city council, we established that there were 75 extra deaths among those aged 75 and over in July 2006 compared to the average over the period 2000–2013. This was twice the national average.

Urban heat island

The heat wave that struck Russia in 2010 received less coverage than the Western European heat waves of 2003 and 2006 but was just as devastating. According to the Economic Development Ministry nearly 56,000 people died across the country during the months July and August 2010, compared to 2009 (Barriopedro, Fischer, Luterbacher, Trigo, & García-Herrera, 2011). Urban heat is a real risk and poses one of the five key urban health challenges in the (near) future that need to be tackled: Sanitation and wastewater management; Building standards, thermal comfort, and indoor air quality; Transportation, mobility, and physical activity; The urban heat island effect; and Urban food production (Rydin, Bleahu, Davies, Dávila, Friel, De Grandis, ... & Wilson, 2012).

проектах, таких как изучение городского тепла в Тренто (Daniele, 2010).

Исследовательский проект «Хоттердам» охватывает три ключевых вопроса: городское тепло, социальные факторы и физические факторы. Городское тепло и баланс поверхностной энергии были определены с использованием дистанционного и коллективного зондирования. Социальные и физические факторы были установлены при помощи спутниковых снимков, трехмерной модели и модели ГИС.

Связь городского тепла и баланса поверхностной энергии с социально-физическими факторами определялась посредством анализа многопараметрической регрессии. Наиболее важные социальные и физические факторы были затем сгруппированы и включены в социально-физические тепловые карты. Тепловые карты и ключевые данные помогают понять механизмы воздействия тепловых волн на жителей Роттердама. Основываясь на полученных результатах, мы описали наиболее важные меры, которые могут предпринять владельцы жилья (частные лица, товарищества жильцов или компании) и городской совет, чтобы улучшить качество жилья и адаптировать застроенную городскую среду к жаркой погоде. Публичный вариант доклада по проекту «Хоттердам» был опубликован в открытом доступе с целью максимального распространения результатов исследования на голландском (van der Hoeven & Wandl, 2015b) и английском (van der Hoeven & Wandl, 2015c) языках.

Атлас

Все полученные данные были собраны в атлас. Карты атласа были составлены при помощи географической информационной системы ArcGIS. Все карты составлялись на основе гектарной сетки. Числовые значения (например, 23% поверхностной воды или 3 часа затененности) были определены для каждой клетки (или пикселя) сетки соответственно социальным и физическим характеристикам Роттердама. В процессе составления атласа использовались три источника: спутниковые снимки, данные ГИС и трехмерные модели. Атлас состоит из теплового, социального и физического разделов.

A heat island is an area where the temperature is higher than in the surrounding area (Greater London Authority, 2006). When heat islands are generated by cities, we term this an urban heat island. Rotterdam clearly has an urban heat island effect.

Surface temperature and air temperature

In the case of urban heat islands, the temperature in the city is higher than in a rural or natural environment. Here, there is sometimes confusion regarding the terms used. Is it the air temperature that is being referred to, or the land surface temperature? Large differences in temperature on the earth's surface occur mostly in the daytime, when the sun is shining. Differences in air temperature between cities and the surrounding area arise in the evening, after sunset. The heat island in the daytime (land surface temperature) is what causes the heat island at night (air temperature). In the daytime, the ground, surface water and the built-up areas heat up. The heat is then released at night. As a result, it stays warm for longer in the city in the evening and at night.

Surface energy balance

The heat we experience in a city is the product of what is known as the surface energy balance. The surface energy balance is based on

red means hot or reason for concern, blue means good or positive

Тепловой фактор

Для того чтобы произвести пространственное измерение тепла в Роттердаме, были взяты три показателя: температура поверхности земли, температура наружного воздуха и температура воздуха в помещении. Для определения температуры поверхности земли использовалось дистанционное зондирование. Ночная температура наружного воздуха и воздуха внутри помещения измерялась при помощи коллективного зондирования. Баланс поверхностной энергии моделировался программой дистанционного зондирования ATCOR 2. Показатели температуры воздуха, температуры поверхности земли и энергетического баланса указывают на ярко выраженный эффект теплового

< Обзор карт, помогающих объяснить принцип воздействия острова тепла Роттердама: скрытая теплота, явная теплота, население 75 лет и старше, возраст зданий, герметичность, зеленая растительность, оболочка здания, поверхностная вода и тень / Overview of the maps that were used to explain the workings of the Rotterdam urban heat island: latent heat, sensible heat, people aged 75 and over, age of buildings, imperviousness, foliage, building envelope, surface water, and shadow.

the principle that energy is not lost. This means that the net energy that the surface of a city receives from the sun (net solar radiation) is equal to the energy that passes through the heat processes that take place in the city, such as the heating of the air through convection (sensible heat), the evaporation of water and transpiration through trees and plants (latent heat), and the absorption of heat in the ground, buildings, and surface water (ground heat flux), (Harman, 2003). As a formula, the surface energy balance is expressed as follows:

$$Q^* = QE + QH + QS$$

Q^* = Net solar radiation received by the earth's surface

QE = Energy consumed through evaporation (by water and greenery)

QH = Sensible heat (conversion of heat from surface to air)

QS = Energy absorbed by the ground, buildings and surface water

Research questions

We started the Hotterdam project by establishing the (spatial) extent of the heat problems in Rotterdam: Which areas of Rotterdam experience the urban heat island effect most strongly?

The next question was whether the inhabitants of the city really

do suffer harmful consequences from the urban heat: Is there a link between the heat problems in the city of Rotterdam and public health, in relation to the increased levels of mortality among those aged 75 and over?

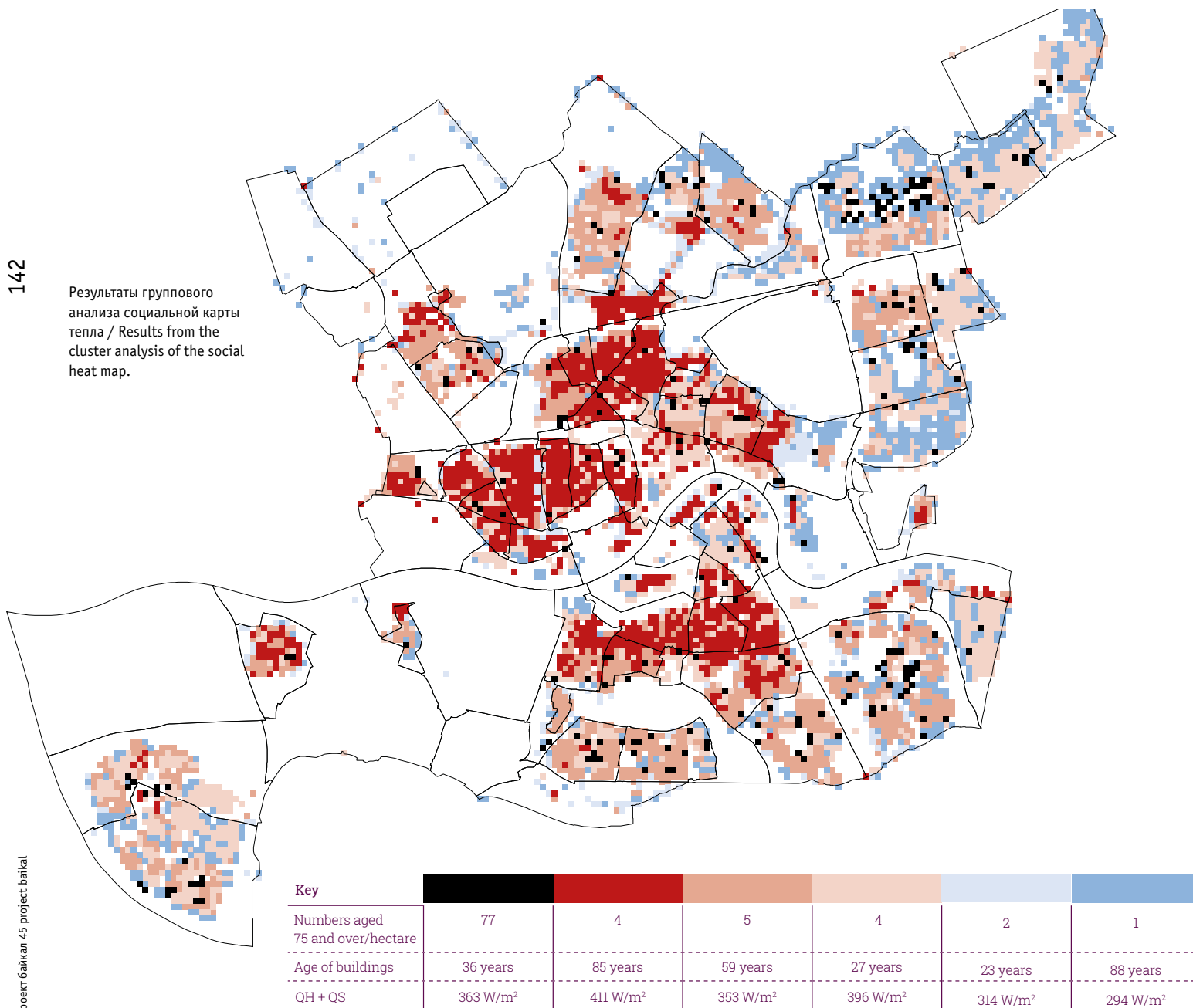
Assuming that there are differences regarding heat and health between the various districts in Rotterdam: Can the differences in heat between the districts of Rotterdam be explained on the basis of social and physical features of the city?

Methods: measuring, analysing and mapping

Hotterdam is the follow-up to a previous study – ‘Amsterwarm’ – in which we researched the heat island of the city of Amsterdam. Hotterdam builds upon the methodology developed in this project (van der Hoeven & Wandl, 2015a), and on other research projects like the study on urban heat in Trento (Daniele, 2010).

The Hotterdam research project encompassed three key points: urban heat, social factors and physical factors. Urban heat and the surface energy balance were determined using crowd sensing and remote sensing. Social and physical factors were identified with the help of satellite images, GIS and 3D models.

Результаты группового анализа социальной карты тепла / Results from the cluster analysis of the social heat map.

Results from the cluster analysis of the social heat map.

The links between urban heat/surface energy balance and social/physical factors were determined with the aid of multivariable regression analysis. The social and physical features that matter were then clustered and incorporated in the social and physical heat maps. The heat maps and underlying data offer an understanding of the mechanisms that make the residents of Rotterdam vulnerable to heat waves. Based on these insights, we described the most important measures that tenants, home owners (individuals, residents' associations, corporations) and the city council can take to change their behaviour, to improve the quality of their homes and to adapt the built environment to hot weather. A public version of the Hotterdam report was published as open access document to disseminate the full extend of the research in Dutch (van der Hoeven & Wandl, 2015b) and in English (van der Hoeven & Wandl, 2015c).

Atlas

All the data that we gathered was compiled in an atlas. The maps in the atlas were generated in a Geographic Information System (GIS): ArcGIS. All the maps were made on the basis of a hectare grid. Numerical values (p.e. 23% surface water, or 3 hours of shade) were calculated

острова в Роттердаме. Тепловой остров наиболее четко выражен на участках, занятых портом, промышленностью и бизнесом. В центральных и довоенных районах северного, южного и западного Роттердама можно также наблюдать городской остров тепла. Температура внутри домов обычно выше, чем снаружи, и также демонстрирует высокую степень изменчивости. Местная температура наружного воздуха оказывает на температуру в помещении гораздо меньше воздействия, чем мы ожидали.

Социальный фактор

Социально-пространственные факторы влияют на чувствительность местных жителей к городскому теплу (Mavrogiani, Davies, Batty, Belcher, Bohnenstengel, Carruthers, Chalabi, ... & Ye, 2011). В связи с этим мы исследовали большое количество человек в возрасте 75 лет и старше, уровень смертности в этой группе в июле 2006 года, разницу между показателями смертности в июле 2006 года и средними показателями для июля с 2000 по 2013 годы, а также продолжительность эксплуатации зданий в расчете на гектар. Группа населения в возрасте 75 лет и старше, чувствительная к температурным изменениям, сконцентрирована в послевоенных районах (в домах престарелых). Показатель смертности во время тепловой волны в июле 2006 года, превысивший средний показатель, охватывает более широкую территорию. Очевидно, что дело не только в концентрации населения в возрасте 75 и старше.

Физический фактор

Чтобы определить физико-пространственные черты, составляющие городской остров тепла в Роттердаме, мы использовали три вида данных: спутниковые снимки, данные системы ГИС городского совета и данные, полученные из трехмерной модели Роттердама. Физические черты, участвующие в формировании теплового острова, демонстрируют четкое различие между: 1) районами порта, индустрии и бизнеса, 2) довоенной частью города, включая центр, 3) послевоенной частью города и сорока участками зеленых насаждений. Эти четыре составляющие лежат в основе составления тепловых карт.

for each of the individual cells (or pixels) in relation to the social and physical features of the city of Rotterdam. Three main sources were used in this process: satellite images, GIS data and 3D models. The atlas was divided into three sections: heat, social and physical.

Heat

To identify the spatial dimension of heat in the city of Rotterdam, three temperatures were determined: the surface temperature, the outdoor air temperature, and the indoor air temperature. Remote sensing was used for the surface temperature. The night-time outdoor air temperature and the indoor air temperature were used with the help of crowd sensing. The surface energy balance was modelled with remote sensing software (ATCOR2). The air temperature, surface temperature, and energy balance readings point to a clear heat island effect in Rotterdam. The heat island is strongest at the sites used by the port, industry and businesses. The centre and the pre-war districts in North, South, and West Rotterdam also experience a clear urban heat island effect. Temperatures in homes are generally higher than those in the surrounding area, and also show a large degree of variation. Indoor temperatures are less affected by local outdoor temperatures than we had expected.

Тепловые карты

В рамках проекта «Хоттердам» появились две тепловые карты, составленные на базе атласа. В частности, социальная тепловая карта выражает чувствительность пожилых людей к воздействию городского острова тепла. Физическая тепловая карта демонстрирует характер использования земель, в большей или меньшей степени влияющий на остров тепла города Роттердама.

Социальная карта тепла

Замысел социальной карты тепла состоит в том, чтобы определить, в каких частях города чувствительность к жаркой погоде ведет к проблемам со здоровьем, в особенности у пожилых людей. Иерархической анализ множественной регрессии использовался для выяснения, какой из нижеприведенных социальных факторов является статистически значимым для Роттердама: количество человек в возрасте 75 лет и старше на гектар, средняя продолжительность эксплуатации зданий или общее количество явной теплоты и приземного теплового потока. Групповой анализ применялся для определения связей между этими факторами. В результате были выявлены шесть групп (или типологий), которые показаны на карте разными цветами, а также составлена таблица, дающая объяснение базовым значениям. Расселение пожилых людей в Нидерландах все еще сильно сконцентрировано в ограниченном количестве домов престарелых (черный цвет). Эти жилые районы требуют особого внимания. Районы вокруг центра (северный, южный и западный) имеют меньшее количество пожилых людей на гектар. Эти районы получают больше всего радиации, средний возраст домов здесь самый большой, а сами территории обширны (красный цвет). Эти зоны также требуют внимания.

Физическая карта тепла

Целью физической карты тепла стало выявление тех мест в городе, где есть факторы, усиливающие городской остров тепла. Регрессионный анализ помог определить, какие из нижеприведенных факторов статистически значимы: непроницаемость, поверхностная вода, растительность (индекс листовой поверхности), оболочка зданий

Social

Socio-spatial factors affect the vulnerability of residents to urban heat (Mavrogianni, Davies, Batty, Belcher, Bohnenstengel, Carruthers, Chalabi, ... & Ye, 2011). In this case we examined the number of people aged 75 and over, the rate of mortality among this group in July 2006, the difference between the mortality rate in July 2006 and the July average for the period 2000–2013, and the age of the buildings per hectare. The vulnerable group of those aged 75 and over are strongly concentrated (in old people’s homes and care homes) in the post-war districts. The above-average mortality rate during the July 2006 heat wave shows a pattern that is more spread out. It is clear that there is more to it than simply the concentration of those aged 75 and over.

Physical

To identify the physical spatial features that contribute to the urban heat island in the city of Rotterdam we used three types of data: satellite images, data obtained from the city council’s GIS system, and data derived from a 3D model of the city of Rotterdam. The physical features that play a part in the heat island show stark differences between 1) port/industry/business areas; 2) the pre-war part of the city including

the centre; 3) the post-war part of the city; and 4) areas of vegetation. These four features determine largely the heat maps.

Heat maps

The Hotterdam project produced two heat maps, based on the atlas. The social heat map expresses the vulnerability of the elderly in particular to the urban heat island effect in the city. The physical heat map expresses the pattern of land use that contributes to a greater or lesser degree to the urban heat island in the city of Rotterdam.

Social heat map

The idea behind the social heat map is to find out where in the city vulnerability to hot weather leads to problems for the elderly in particular. Hierarchical multiple regression analyses were used to establish which of these social factors are statistically significant in the case of Rotterdam: the number of those aged 75 and over per hectare, the average age of the buildings, the sum of sensible heat and ground heat flux. A cluster analysis was used to identify the links between these features. This results in six clusters (or typologies) that are shown on the map with different colours, together with a table explaining the

и тень. Групповой анализ этих элементов был проведен для определения и группирования связей между ними. В результате появилось восемь групп (или типологий), которые выделены на карте разными цветами, а также таблица, поясняющая базовые значения.

Обширные территории, занятые портом, промышленностью и бизнесом, играют главную роль в формировании острова тепла Роттердама. Эти территории не показаны на социальной тепловой карте, поскольку там никто не живет. В центре города и окружающих районах (северном, южном и западном) в большей степени присутствуют физические факторы, которые определяют городской остров тепла, нежели в других районах.

Заключение

Довоенные районы города (северный, южный и западный) в той или иной степени теплее и более подвержены влиянию городского тепла, чем другие районы Роттердама. Полученные температурные данные подтверждают это заключение, если речь идет о наружной температуре. Температура в помещении колеблется в широких пределах. Каждый дом имеет свою динамику, где значим период эксплуатации здания.

Превышение среднего показателя уровня смертности среди людей в возрасте 75 лет и старше во время аномальной жары в июле 2006 года в Роттердаме можно объяснить, принимая во внимание: а) концентрацию людей этой возрастной группы; б) период эксплуатации домов, в которых они живут; в) сумму явной теплоты и приземного теплового потока.

Изменчивое сочетание таких элементов, как непрозрачные поверхности, поверхностная вода, растительность, оболочка зданий и тень, делают один район теплее, чем другой.

Литература / References

Daniele, V. (2010). Urban planning and design for local climate mitigation. A methodology based on remote sensing and GIS. Paper presented at the 46th ISOCARP Congress 2010, Nairobi, Kenya. Retrieved from http://www.isocarp.net/Data/case_studies/1815.pdf

Barriopedro, D., Fischer, E. M., Luterbacher, J., Trigo, R. M., & Garcia-Herrera, R. (2011). The hot summer of 2010: redrawing the temperature

record map of Europe. *Science*, 332(6026), 220–224. doi:10.1126/science.1201224

Dhainaut, J.-F., Claessens, Y.-E., Ginsburg, C., & Riou, B. (2004). Unprecedented heat-related deaths during the 2003 heat wave in Paris: consequences on emergency departments. *Critical Care*, 8(1), 1–2. doi:10.1186/cc2404

Dousset, B., Gourmelon, F., Laaidi, K., Zeghnoun, A., Giraudet, E., Bretin, P., Maurid, E. & Vandentorren, S. (2011). Satellite monitoring of summer heat waves in the Paris metropolitan area. *International Journal of Climatology*, 31(2), 313–323. doi:10.1002/joc.2222

Greater London Authority. (2006). London’s Urban Heat Island: A Summary for Decision Makers. Retrieved from http://legacy.london.gov.uk/mayor/environment/climate-change/docs/UHI_summary_report.pdf

Harman, I. N. (2003). The energy balance of urban areas. (Doctoral dissertation, The University of Reading, Reading, United Kingdom). Retrieved from <http://www.met.rdg.ac.uk/phdtheses/The%20energy%20balance%20of%20urban%20areas.pdf>

Mavrogianni A., Davies M., Batty M., Belcher S.E., Bohnenstengel S.I., Carruthers D., Chalabi Z., ... Ye Z. (2011). The comfort, energy and health implications of London’s urban heat island. *Building Services Engineering Research and Technology*, 32 (1) , pp. 35–52. doi: 10.1177/0143624410394530

Rydin, Y., Bleahu, A., Davies, M., Dávila, J. D., Friel, S., De Grandis, G., ... & Wilson, J. (2012). Shaping cities for health: complexity and the planning of urban environments in the 21st century. *The Lancet*, 379(9831), 2079–2108

van der Hoeven, F., & Wandl, A. (2015a). Amsterwarm: Mapping the landuse, health and energy-efficiency implications of the Amsterdam urban heat island. *Building Services Engineering Research and Technology*, 36(1), 67–88. doi:10.1177/0143624414541451

van der Hoeven, F., & Wandl, A. (2015b). Rotterdam. Hoe ruimte Rotterdam warmer maakt, hoe dat van invloed is op de gezondheid van de inwoners, en wat er aan te doen is. Delft, Nederland: TU Delft Bouwkunde. doi:10.7480//bkbooks/hotterdam/nl

van der Hoeven, F., & Wandl, A. (2015c). Rotterdam. How space is making Rotterdam warmer, how this affects the health of its inhabitants, and what can be done about it. Delft, Nederland: TU Delft Architecture and the Built Environment. doi:10.7480/bkbooks/hotterdam/en

Vandentorren, S., Bretin, P., Zeghnoun, A., Mandereau-Bruno, L., Croisier, A., Cochet, C., ... Ledrans, M. (2006). August 2003 Heat Wave in France: Risk Factors for Death of Elderly People Living at Home. *European Journal of Public Health*, 16(6), 583–591. doi:10.1093/eurpub/ckl063

underlying values. The distribution of elderly people in the Netherlands is still strongly concentrated in a limited number of care institutions (black). These residential environments require particular attention. The districts around the centre (North, South, and West) have fewer elderly residents per hectare. They capture the most radiation, the homes here are the oldest on average, and the areas themselves are large (red). These areas require attention as well.

Physical heat map

The idea behind the physical heat map was to find out where in the city the features that strengthen the urban heat island occur. Regression analysis was used to establish which of these features are statistically significant: imperviousness, surface water, foliage (leaf area index), building envelopes and shade. A cluster analysis of these features was carried out to identify and group the links between features. The result is eight clusters (or typologies) that are shown here on the map in different colours, together with a table explaining the underlying values.

The extensive areas taken up by the port, industry and businesses play a major part in the formation the Rotterdam heat island. These

areas do not appear on the social heat map as nobody lives there. The centre of the city and the surrounding districts (to repeat: North, South and West) are more strongly characterised by the physical features that determine the urban heat island than other districts.

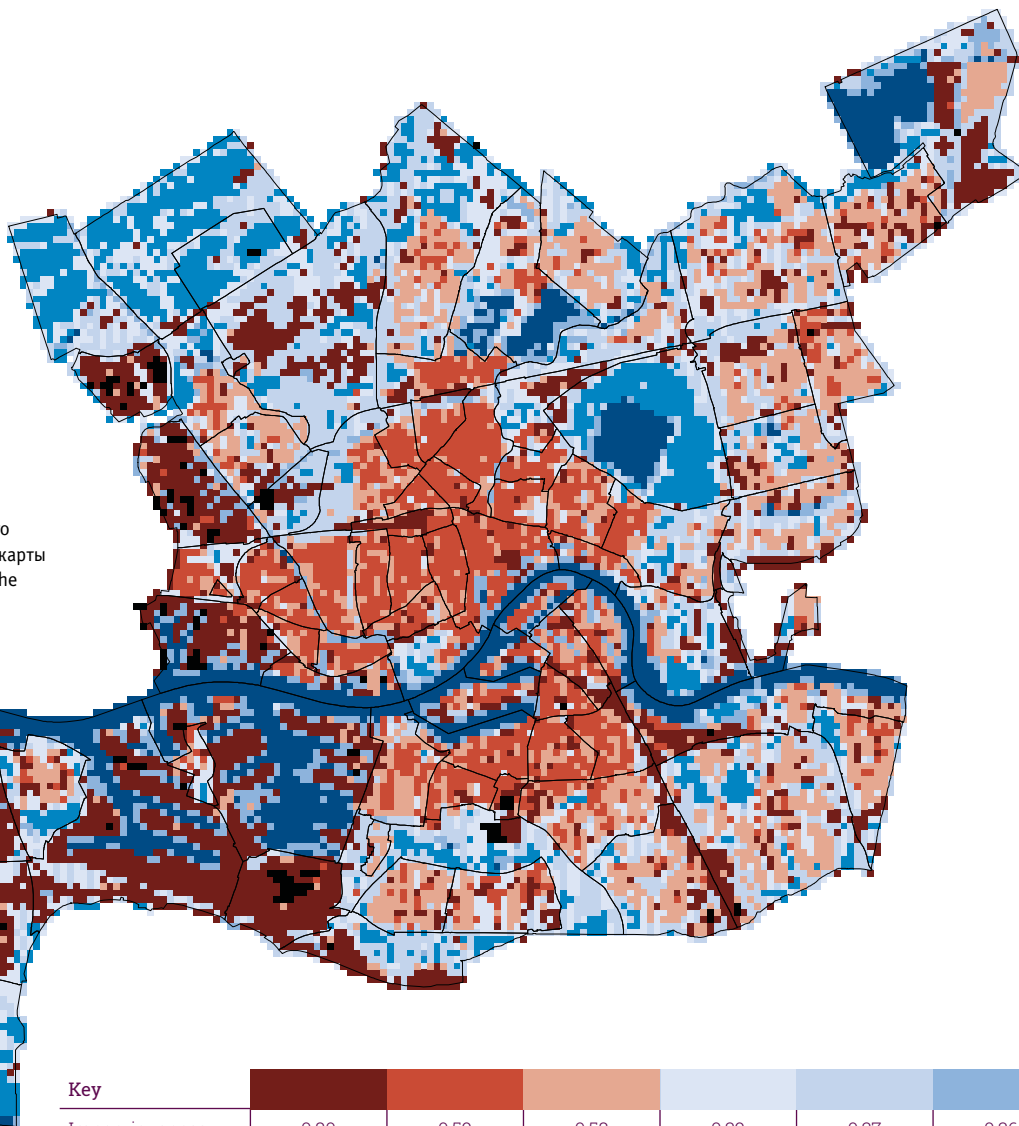
Conclusion

In different ways, the pre-war districts of the city (North, South, and West) are warmer and more vulnerable to urban heat than are other areas of Rotterdam. The temperature readings that were carried out confirm these findings as far as outdoor temperatures are concerned. Indoor temperatures vary widely. Homes seem to have their own dynamics, in which the house's age plays a role.

The above-average mortality of those aged 75 and over during the July 2006 heat wave in Rotterdam can be easily explained on the basis of a) the concentration of people in this age group, b) the age of the homes they live in, and c) the sum of sensible heat and ground heat flux.

A varying mix of impervious surfaces, surface water, foliage, building envelopes and shade make one area or district warmer than another.

Результаты группового анализа физической карты тепла / Results from the cluster analysis of the physical heat map.

Key	0,80	0,59	0,58	0,39	0,37	0,36	0,09	0,06
Imperviousness	0,80	0,59	0,58	0,39	0,37	0,36	0,09	0,06
Foliage (LAI)	249	350	557	1014	1056	262	2074	27
Building envelope	1261 m ² /ha	8136 m ² /ha	4269 m ² /ha	1139 m ² /ha	663 m ² /ha	732 m ² /ha	136 m ² /ha	23 m ² /ha
Surface water	3%	2%	4%	7%	8%	54%	8%	96%
Shadow	2,4	2,8	3,9	1,4	4,5	2,9	2,8	2,5
QH + QS	456 W/m ²	406 W/m ²	375 W/m ²	324 W/m ²	316 W/m ²	311 W/m ²	242 W/m ²	119 W/m ²

Results from the cluster analysis of the physical heat map.

горожанство / urbanship

Автор, архитектор, работающий в сфере ландшафтного проектирования и строительства, делится впечатлениями от благоустройства Барбикана, одного из центральных районов Лондона.
Ключевые слова: Барбикан, Лондон, благоустройство, безопасность. /

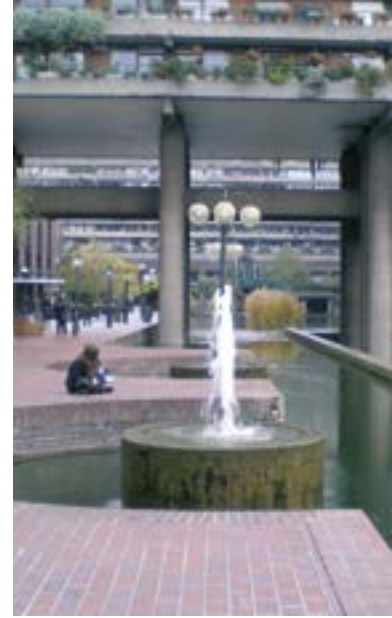
As an architect practicing landscape design and building, the author of the article describes her impressions of development of Barbican, one of the central districts of London.
Keywords: Barbican; London; development; security.

ТЕКСТ
Ольга Смирнова /
text
Olga Smirnova

В Барбикане / In Barbican

v Площадки для тихого отдыха внутри жилого массива

^ В водоеме живут разные водоплавающие птицы

– Зачем ты ее туда отправила? – услышала я голос своего зятя-англичанина. – Там же нет архитектуры.

– Она любит смотреть благоустройство, – раздался в ответ голос моей дочери.

Так я узнала, что далеко не все англичане гордятся своим Барбиканом.

Позже, уже в Красноярске, я о том же прочла в Интернете. Мнения лондонцев полярны: кто-то считает его самым уродливым строением Лондона, кто-то им восхищается. А для меня это был пример того, как благоустройство может изменить впечатление от бедности архитектуры.

Барбикан возник на месте многих слоев жизни города. Рядом находятся развалины древнеримской башни. Да и само слово «Барбикан» означает «защитная башня над воротами». До Второй мировой на этом месте стояли различные мастерские. В 1940 году Барбикан нещадно бомбили, и в результате от тех мастерских остался пустырь. Вот на нем-то и решено было построить микрорайон на 6,5 тыс. жителей с полной инфраструктурой. Решение на тот момент было, наверное, обоснованное, ведь в разбомбленном городе остро не хватало жилья.

У англичан тогда в моде были идеи Ле Корбюзье, который строил аналогичный квартал в Марселе. Трое британских архитекторов: Чемберлен, Пауэлл и Бон – вместе с финскими дизайнерами стали авторами нового жилого массива. Стиль его сейчас определяют как брутализм. Жилой комплекс почти полностью построили из сборных бетонных конструкций. По замыслу архитекторов должно было получиться дешево и компактно. Считается, что в Барбикане впервые появились малогабаритные квартиры, небольшие кухни и легкая мебель. В 1982 году там открылся огромный культурный комплекс, включающий библиотеки, офисы, кинотеатры, концертные и театральные залы, книжные магазины, рестораны, кафе. Достаточно сказать, что Лондонский симфонический оркестр имеет домашнюю сцену именно в Барбикане. Стало быть, и наш Валерий Гергиев частенько там дирижирует.

Но почти ничего из этого я не увидела. Разве что афишки брала все, что встречались. А они там во множестве лежали в специально спроектированных местах. Зато я хорошо рассмотрела воду. Она, на мой взгляд, первым делом привлекает внимание, потому что воду можно увидеть уже на подходе к внутреннему пространству микрорайона, пока движешься по множеству воздушных переходов этого гигантского

^ Руины древнеримской башни

^ Вверху жилье, внизу вода

^ Внутри Барбикана

комплекса. Она плещется в фонтанах, манит, то исчезая за стеной очередного зала, то появляясь в новом витраже или за поручнями очередного моста.

Но вот что удивительно. Когда я наконец спустилась к этой вожденной воде среди бетонных громадин, первое мое чувство было тревога. По щедро мощенной площади бегали за голубями детишки. А между водой и площадью не было даже самого маленького ограждения. И вместо того чтобы любоваться на этих детей, хотелось срочно мчаться, хватать их за ворот, чтобы они, увлекшись погоней, не свалились. И ладно бы в воду – там запросто можно упасть на нижнюю, такую же замощенную, террасу, которая издали не видна.

Вот тут я с благодарностью вспомнила наши советские нормы. Надо ограждать такие места. Надо такие края помечать цветом. Правда, английские родители относились к безопасности своих малышей гораздо спокойней, чем я. И, предоставленные сами себе, их крохи каким-то образом умудрялись останавливаться на самом краю, не делая последний непоправимый шаг. Мамы и папы, конечно, их окликали, но большей частью не вставая с удобной скамейки или сидя за столиком.

Конечно, за столиками там было сидеть очень удобно. Рядом в здании огромная столовая, организованная по типу наших столовых самообслуживания, явно рассчитанная на огромное количество посетителей. Еду, изумительно вкусную, можно вынести наружу и есть, любуясь фонтанами, водной рябью, глядя на уток, чинно взбирающихся по дощечке на терракотовый берег...

Но, даже жуя всякие вкусности, я никак не могла примириться с отсутствием безопасности (в моем понимании) для детей и не только дергалась с места, но и мысленно проектировала ограждение. Оно у меня никак не вписывалось в уже сложившийся ансамбль, но без него мне было явно не по себе. Так что, похвалив зятю благоустройство Барбикана (чтоб так уж сильно не переживал за архитектурную честь Лондона), я ему рассказала о своем беспокойстве.

– Вот поэтому русские мамы – самые лучшие мамы на свете, – дипломатично ответил мой зять.

< Ограждений у воды нет

> Руины древнеримских строений

Железняк О. Е. Цвет. Город. Культура : монография. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. – 308 с. /

Zheleznyak, O.E. (2013). *Isvet. Gorod. Kultura: monografiya* [Colour. City. Culture: monograph]. Irkutsk: Izd-vo IrGTU.

Автор рецензии профессор И. А. Добрицына оценивает монографию О. Е. Железняк «Цвет. Город. Культура» как оригинальный авторский труд, законченный и методически выстроенный, задающий полноту представлений о цветовом феномене как части культуры и городской жизни, фиксирующий новое, нетрадиционное отношение к цвету и его месту в пространстве культуры и города. Работа может быть рекомендована в качестве научного издания для широкого круга специалистов, а также в качестве учебного пособия для высших учебных заведений, готовящих специалистов по архитектуре и дизайну, монументально-декоративному и декоративно-прикладному искусствам.

Ключевые слова: бытие цвета, цветовая культура, колористика города /

The author of the review, professor I. A. Dobritsyna evaluates the Monograph "Colour. City. Culture" by O.E. Zheleznyak as a distinctive work. This thorough and methodically organized monograph presents a profound idea of the colour phenomenon as a part of the culture and the city life and observes a new untraditional treatment of colour and its role in the space of culture and the city. This work can be recommended as a scientific publication for a wide range of specialists and as a manual for higher educational institutions, which train specialists in architecture and design, monumental-decorative and decorative-applied arts.

Keywords: existence of colour; colour culture; colouristics of the city.

О монографии О. Е. Железняк «Цвет. Город. Культура» /

текст
Ирина Добрицына /
text
Irina Dobritsyna

Цвет – город – культура – эти три пространства, выделенные автором, довольно точно отражают состояние современного общества и профессионального сознания. Обладая самоценностью и взаимозависимостью, способностью к автономному развитию и потребностью к сосуществованию в общем, они образуют полюса единого целого и составляют необычайно сложное образование, представляющее интерес само по себе.

Автор, отдавая приоритет цвету, отчетливо понимает, что только введение двух других рамок может дать целостность цветового пространства, в то время как взгляд на город и процессы культуры через цветовую парадигму, задает новые ракурсы размышлениям о культуре, о настоящем и будущем городов. И это само по себе актуально.

В не меньшей степени актуальность исследования предопределяется современными тенденциями развития цивилизации с их стремлением к самоидентификации и одновременному сосуществованию с интеркультурными стереотипами, что позволяет обратиться к цвету как парадигме культуры, способной в равной степени унифицировать культурные явления и обособлять их, придавая им индивидуальность, чему в монографии также уделено серьезное внимание.

Несомненный интерес и новизну представляет интерпретация цветового феномена как части, парадигмы картины мира и как нормы культуры, что не только делает более полноценным описание модели и содержания картины мира, но и дает возможность следить за трансформациями картин мира и социокультурных норм по исследованию процессов изменения цветовой парадигмы.

Следующей важной идеей исследования «бытия» цветового пространства, придающей работе новизну и научную значимость, является концепция порогового периода, соотношенность этих состояний с цветовыми трансформациями и выделение «цветового авангарда» как особого состояния отечественной культуры в начале XX века.

Город (и его цветовая среда), будучи пространством средоточия самых острых проблем современной культуры, становится объектом особого внимания автора, и предложенные в монографии размышления раздвигают традиционные рамки обсуждения проблемы. В частности,

особенности бытия цветового феномена в городе представлены как процессы формирования культуры цвета при «освоении» цветопространства города (его «физики» и «метафизики»), целостность которого складывается на пересечении реалий «жизни цвета» и образа жизни горожан и анализируется сквозь призму отношений профессионал – непрофессионал, создатель – потребитель.

Выделенные «пространства порождения образов» также вызывают интерес самим подходом к исследованию города через определение наиболее характерных для современного состояния дискурсов, которые включают трансформации в городе и трансформации города, интерпретируемые в широком культурном контексте как изменение сфер идеальных представлений и реалий современного города; своеобразная сакрализация профессионального сознания; актуализация темы границ и обращение к их ирреальности и «метафизичности», ведущее к усилению внимания к парадигмам «закрытость – открытость»; «минимализм и излишества», «нюансы и экстрим», ключевым оппозициям, демонстрирующим тенденции поляризации современной культуры; городские «ритуалы» как отражение различных форм «проживания» города.

Структура монографии отвечает логике разворачивания материала и состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и иллюстративных приложений.

В первой главе рассматриваются формы традиционного бытия цветового феномена, его роль, место и назначение в жизни общества, существование цвета как парадигмы картины мира, средство идентификации и унификации. Здесь раскрываются специфические особенности и механизмы, обеспечивающие высокий статус цветового феномена в традиционном обществе; исследуются традиционные способы воспроизводства и трансляции цветового феномена; выделяются основные свойства транслируемого цветового образца. Особое внимание уделяется переходному периоду как пространству трансформации цветовых представлений.

Вторая глава посвящена отечественной цветовой культуре XX века. Характерной чертой состояния цветовой сферы указанного периода является ее расслоение на

Монография
О. Е. Железняк
«Цвет. Город. Культура»
награждена:
золотым дипломом
Международного
смотр-конкурса научно-
методической литературы
по архитектуре и дизайну,
Баку, 2014;
грамотой Союза
архитекторов России, Баку,
2014;
золотым дипломом
межрегионального
фестиваля «Зодчество
Восточной Сибири – 2014»,
Красноярск;
дипломом в номинации
«Лучшее научное
издание по искусству и
дизайну» V Сибирского
межрегионального
конкурса изданий высших
учебных заведений
«Университетская книга –
2014», Омск

Review of the Monograph “Colour. City. Culture” by O.E. Zheleznyak

профессиональную и непрофессиональную и достаточно автономное развитие каждой из них. Такое рассогласование приводит к несоответствию между нормами и ценностями, на основании которых профессионально формируется цветное пространство, и нормами, по которым оно живет в реальной среде. Как грань между профессиональным и непрофессиональным исследуются цветные образовательные системы и их возможности в формировании цветовой культуры.

Третий раздел посвящен специфике городской жизни цвета в идеальном и материальном планах как части общего пространства бытия цвета и компонента городской системы. Процесс, наиболее полно описывающий отношения между человеком и различными видами цветопространств, между множеством субъектных групп в городе, в том числе и между пользователями и создателями, определяется как «освоение». Многоаспектное представление колористики городской среды, включающее представление города в виде сложного субкультурного образования, выделение соучастия как неотъемлемого компонента процесса освоения цветовой среды, определение механизмов формирования цветовой нормы, дает развернутую систему «производства» и «потребления» цветовой среды города.

Идеальный план существования цветного пространства города рассматривается автором в качестве особой формы рефлексии (профессиональной и непрофессиональной) роли и значения цвета в культуре и жизни социума. Частью такого представления являются концепции идеального города и цветная среда будущих городов, описанные в различных типах текстов (сакральных и фольклорных, утопиях и антиутопиях, философских и поэтических произведениях и пр.).

«Цветовые мифы и реалии современного города» завершают раздел, сводя воедино пространства культуры, цвета и города и фиксируя особенности современного состояния. «Метафизика реальности», идеалы современной проектной культуры, образы современного города раскрываются автором на примерах современного отечественного и зарубежного опыта.

Таким образом, предложенное в монографии разноплановое исследование цветного феномена в контексте

культуры, во всех его планах, позволяет автору не только представить современную картину существования цвета и цветовой культуры в городе, но и дать достаточно полную и достоверную картину «жизни» цвета в культуре. В целом монография «Цвет. Город. Культура» кандидата искусствоведения, профессора О. Е. Железняка представляет собой оригинальный авторский труд, законченный и методически выстроенный, и может быть рекомендована к публикации как научное издание для широкого круга специалистов, а также в качестве учебного пособия для высших учебных заведений, готовящих специалистов по архитектуре и дизайну, монументально-декоративному, декоративно-прикладному искусству.

горожанство / urbanship

Иркутск ломает стереотипы: на левом берегу Ангары уже этим летом открылся парк для необычных и традиционных видов спорта, в скором времени здесь появятся открытый комплекс с теннисным кортом, скалодромом, веревочная тропа и разнообразной инфраструктурой. Первая спортивный парк в Сибири станет круглогодичной площадкой отдыха горожан.
 Ключевые слова: спорт, активный отдых, парк, городская среда, частно-государственное партнерство, общественное пространство. /

Irkutsk breaks the stereotypes: a park for unusual and traditional sports was opened on the left bank of the Angara. Soon there will be an open complex with a tennis court, a climbing wall, a rope track together with diverse infrastructure. The first sport park in Siberia will become a year-round recreation area.
 Keywords: sports; outdoor activities; park; urban environment; private-public partnership; public space.

«Поляна» – первый спортивный парк в Иркутске

Городская среда Иркутска

Общее состояние городской среды имеет ключевое значение в конкурентоспособности города: она определяет общий эмоциональный настрой горожан, создает возможности для их участия в общественной жизни и городском развитии.

Иркутск во многом уступает другим городам Сибири: муниципалитет не может справиться со всеми нагрузками по улучшению городской среды, в том числе с развитием рекреационных, общественных пространств. Программы частно-государственного партнерства видится перспективным направлением.

Городской парк

Проблема отсутствия парков и зеленых зон в Иркутске особенно стала актуальна в последние годы: как в центре, так и в микрорайонах горожанам негде гулять, при этом мы постоянно наблюдаем захват в зеленых территориях застройкой. Ведущим звеном зеленого каркаса города являются парки, они создают условия для организации практически всех видов отдыха горожан, массивы насаждений обеспечивают благоприятное воздействие на городскую среду, а естественный характер ландшафтов городского парка дает возможность контакта с природой.

В связи с ростом ценности озелененных территорий в городе наметилось направление развития парков и рекреационных территорий совместными усилиями муниципалитета и частного бизнеса. Главная форма поддержки от муниципалитета – это предоставление льготных условий на пользование арендованной землей, участки предоставляются в аренду на срок от трех до 49 лет.

Спортивный парк «Поляна»

Для Иркутска спортивный парк – совершенно новый формат активного отдыха, кроме того это социально значимый проект, направленный на оздоровление жителей, поднятие жизненного тонуса за счет современной среды и активных видов спорта. В нашем городе большая концентрация людей, ведущих активный образ жизни – увлекающихся яхтингом, виндсерфингом, дайвингом,

Polyana is the First Sports Park Built in Irkutsk

сплавами, горными лыжами и другими видами с порта. Здоровый образ жизни в современном обществе стал уже модным трендом. Отвечая на запросы сегодняшнего дня, концепция спортпарка «Поляна» заключается в формировании нового современного пространства в Иркутске для спорта, отдыха, общения и развлечений на открытом воздухе.

Спортивный парк расположится рядом с Академическим мостом, в нескольких минутах езды от центра города, в шаговой доступности от нового микрорайона Союз. Территория, находящаяся в зоне действия крупной городской магистрали – ул. Лермонтова, замыкает систему существующих и проектируемых общественных пространств данного района. Являясь точкой притяжения людей, парк дает возможность выхода к реке Ангаре и продолжению маршрута вдоль ее берега. Большую часть целевой аудитории будущей рекреационной зоны предположительно будут составлять студенты и учащиеся находящихся рядом вузов, техникумов и школ.

Парк ориентирован на различные группы населения: компании друзей, спортивные сообщества, группы сотрудников компаний, семьи – независимо от возраста и рода деятельности посетителей. Парк не предполагает возрастных ограничений, но предусматривает создание безопасной и комфортной среды для всей семьи.

На площади в 4,5 га разместятся центр детского спортивного развития, реверсивная лебедка для вейкборда и водных лыж, скалодром, площадки для волейбола, футбола, тенниса, подвесная экстрим-тропа, скейт-парк, роллердром и другие объекты. На прилегающей территории планируется благоустройство пятикилометровой велосипедной тропы, которая зимой будет функционировать как трасса для беговых лыж.

На проектируемой территории предусмотрена входная зона, зоны активного и тихого отдыха, экстремальных видов спорта, культурно-бытовая. Объединяющим элементом для всех сфер спортивного парка является дорожно-тропиночная сеть, на которую нанизаны открытые площадки для тихого отдыха, большие поляны для массовых гуляний в праздники и вся инфраструктура парка.

текст
Алиса Козак
text
Alisa Kozak

авторский коллектив
Алиса Козак
Евгения Ямова
Анна Ведерникова
Александра Соколова
Сергей Колосовский

^ Вариант Репиной

^ Вариант Сапижевой

Партисипативное проектирование сквера в Иркутске /

текст
Евгения Ямова /
 text
Evgenia Yamova

В Иркутске становится традицией организовывать скверы по инициативе горожан. В данном проекте инициатором выступила комиссия «Городская среда» Общественной палаты Иркутска, которая располагается в Доме Европы (ул. Фридриха Энгельса, 21). Территория напротив, на пересечении ул. Фридриха Энгельса и Декабрьских Событий, имеет потенциал стать знаковым местом, сквером с историческим культурным смыслом.

Для создания концептуального проекта общественного пространства как места с различными сценариями, для общения и всесезонного использования людьми, Агентство развития территорий «Градостроительная школа» и иркутский Центр прикладной урбанистики, при участии Марка Мееровича и Юрия Коренева, предложили проект «Партисипативное проектирование сквера в Иркутске».

Впервые при подготовке проекта было проведено натурное исследование территории, социологические наблюдения и исследования, интервью с владельцами коммерческих точек на и около территории, привлекался дендролог, воркшоп-проектная мастерская прорабатывала эскиз-идеи.

По результатам проделанной работы были выявлены основные пользователи территории, ее активности, ресурсы, сценарии, а также проблематика. Поскольку одним из основных сценариев поведения людей на территории является выгул собак, транзит и обслуживание коммерческих функций, среди которых абсолютно чужеродны

торговые павильоны, при поиске культурного смысла был выявлен и акцентирован исторический контекст. Так, со стороны Красногвардейской улицы (быв. Поплавская) располагалась Успенская площадь – общественное и функциональное пространство, на котором встречались люди и выполняли городские сценарии. А со стороны улицы Ф. Энгельса (быв. Жандармская) была частная усадебная застройка.

Участок до сих пор ярко отражает это наличием старых лиственниц и растений-сорняков, таких как крапива и лопухи. Поэтому будущий сквер будет транслировать исторический подтекст с помощью ландшафтного дизайна, основным мотивом которого станет использование многолетних трав и растений в стиле *newreppnial*, что позволит создать атмосферу старой русской усадьбы и сократить расходы на ежегодное обслуживание клумб. Чтобы усилить транзитный сценарий, предлагаем сделать сквер одним из пунктов прогулочно-туристического маршрута «Усадьба Сукачева – Московские ворота».

Все варианты предложенных эскиз-идей придерживались описанных выше принципов и основывались на данных проведенных исследований с учетом необходимости парковочных мест, а также всех правил благоустройства подобных территорий.

Акцент территории – площадь и фонтан-каток перед главным архитектурным элементом здания, лестницей, которая в дуэте с площадью выполняет функцию амфи-

участники воркшопа

Анастасия Репина
 Анастасия Сапижева
 Евгения Ямова
 Алексей Желудков
 Илья Киселев
 Анна Корыстылева
 Станислав Трунцов
 Татьяна Гребенщикова
 группа волонтеров

^ Вариант Ямовой

Participative Design of Irkutsk's Square

театра. Этот элемент является историческим отсылком к Успенской площади. Возможность всепогодного использования предполагает запуск активностей на территории и постоянный поток людей, что важно для живого общественного пространства.

Организованные клумбы многолетних растений, художественно оформленных в стиле *newregional*, являются главным акцентом территории, а площадь (как исторический отсыл) и тротуарный фонтан станут местом притяжения людей. Возможность организации коммерческих площадей предполагает размещение в здании кафе или ресторана с террасой.

Основной сценарий территории – рекреация и возможность общения людей. Для этого спроектированы мини-площадки с лавочками, каждая из которых может служить для реализации разных сценариев. А местом притяжения станет детская площадка с тротуарным фонтаном. Соседство с Домом Европы предлагает выгодные места для любования архитектурным ансамблем на лавочках-качелях в окружении высокорослых деревьев и клумб усадебного типа.

Для обсуждения эскиз-идей в рамках проекта предусмотрено два мероприятия. На первое приглашаются члены Общественной палаты, представители коммерческих точек с территории, участники Молодежной мэрии, проектных и научно-исследовательских организаций, жители района, а также активные иркутяне. В рамках этого

мероприятия состоится лекция «Создание общественных пространств: цели, возможности, риски». Далее будут представлены эскиз-идеи для обсуждения и совместного проектирования на данной территории.

По итогам этой работы группа разработчиков эскиз-идей для территории сквера дорабатывает его на основе полученных ответов и мнений и презентует проект «Партисипаторное проектирование сквера в Иркутске» перед членами Общественной палаты, представителями администрации, жителями района, представителями близлежащих коммерческих организаций, молодежными организациями, неформальными городскими сообществами, ТОСами, ТСЖ, УК и т. д. В рамках презентации будет предложено несколько форматов софинансирования реализации сквера.

На основании проделанной работы комитет «Городская среда» может составить и согласовать Техническое задание на разработку проекта благоустройства сквера с КГСП Иркутска и разработать рабочую документацию на благоустройство территории.

Разработка территорий в таком формате дает возможность включить в единую работу всех заинтересованных лиц: власть, бизнес, сообщества и горожан, а также предоставляет больше возможностей для эффективного использования бюджета, и самое важное – позволяет развить и наполнить новыми форматами жизни неиспользуемые площадки города.

Развитие территорий, прилегающих к Кайской роще, с целью сохранения природного наследия /

дипломный проект

автор проекта

студентка Института архитектуры и строительства ИРНИТУ
Анна Суродина

руководитель проекта

А. Г. Большаков

Кайская роща является одним из основных элементов в структуре озеленения Иркутска. Она расположена на левом берегу Ангары, занимает склон Глазковской горы в поймах Иркутка и Каи, примыкает к таким крупным магистралям, как улицы Маяковского и Чайковского. Это место – памятник природного, культурного и исторического наследия. Здесь сохранился фрагмент реликтового соснового леса, было сделано множество археологических открытий.

В настоящее время на территории сложилась крайне неблагоприятная ситуация: реликтовый сосновый лес находится в процессе деградации, что связано с естественным вымиранием лесного массива, захватом территорий рощи стихийной застройкой, близостью промышленной зоны и активных магистралей; свалки мусора, пожары, загрязненность русла реки приводят к нестабильной экологической обстановке. Территория рощи объект скорее экологического и биологического исследования, но решение большинства существующих проблем возможно найти с помощью комплексного градостроительного планирования использования этих территорий.

В связи с нехваткой благоустроенных рекреационных зон в районе Глазковской горы было принято решение по созданию системы озелененных площадок: парков, скверов, соединенных между собой бульварами и аллеями, развитие зеленого каркаса. Это необходимо, чтобы снизить нагрузку использования рощи, рассредоточив ее на локальных образованиях. В эту систему будут включены и уже существующие парки: роща Звёздочка, Березовая роща, парк Парижской Коммуны. Имеющаяся частная застройка будет играть роль буферной, защитной зоны. С западной границы рощи создается буферная зона иного рода – функционально насыщенная, которая будет притягивать потоки посетителей как зона публичного пользования.

Проектом предлагается создание эколого-просветительского центра, предназначенного для посетителей, студентов биологических специальностей и ученых-исследователей. Здесь же главная входная группа в рощу – парк, цветочные и сувенирные лавки, кафе, детские площадки.

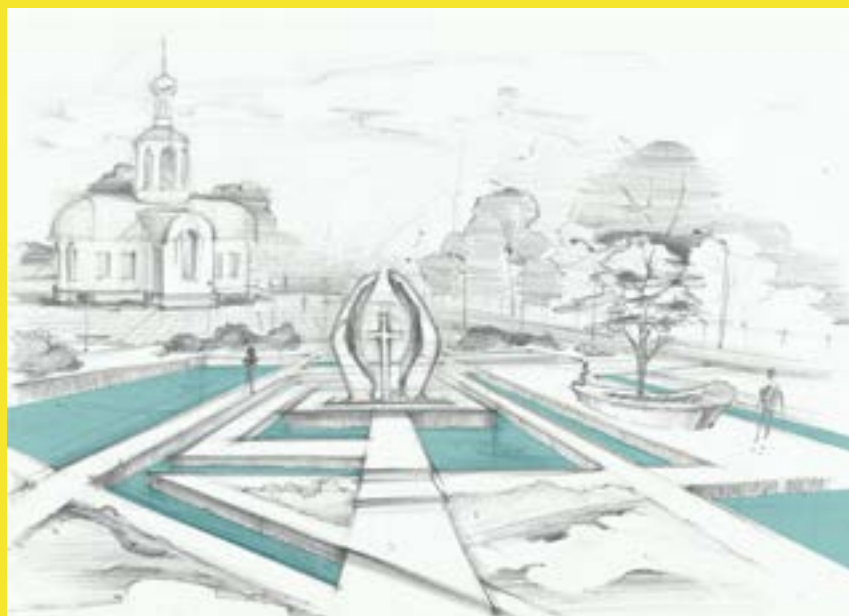
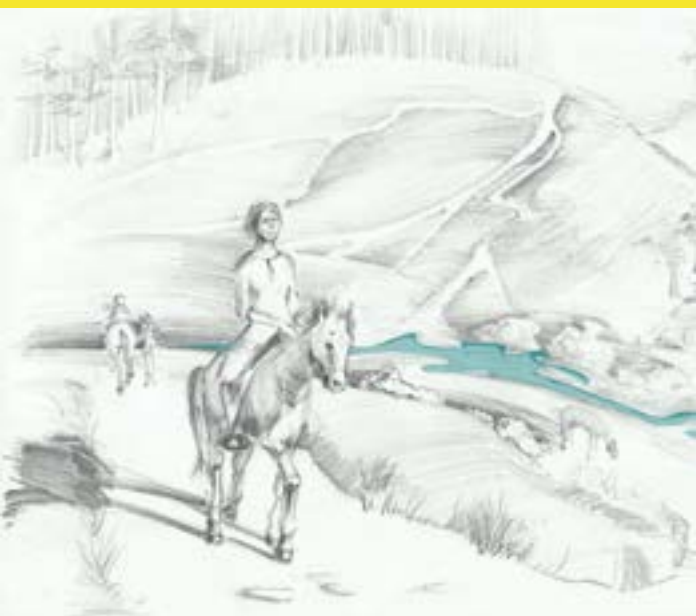
По другую сторону от ул. Маяковского предполагается развитие уже существующих собачьего питомника и конного клуба, расширение занимаемых ими территорий, повышение уровня доступности и благоустройств, с созданием буфера, который не причинит вреда природному каркасу.

Для более мягкого перехода от публичной зоны к особо охраняемой между ними создается лесопарковая полоса для спокойного отдыха посетителей, с обустройством троп, пикниковых стоянок, детских игровых и обзорных площадок, включением прибрежной территории и благоустройством набережной Каи. Особо охраняемая природная территория предназначена для восстановления и сохранения памятника природы; запрещены любые виды деятельности и благоустройств. Вся территория будет огорожена забором с регулируемыми входами. Функция этой части только прогулочная.

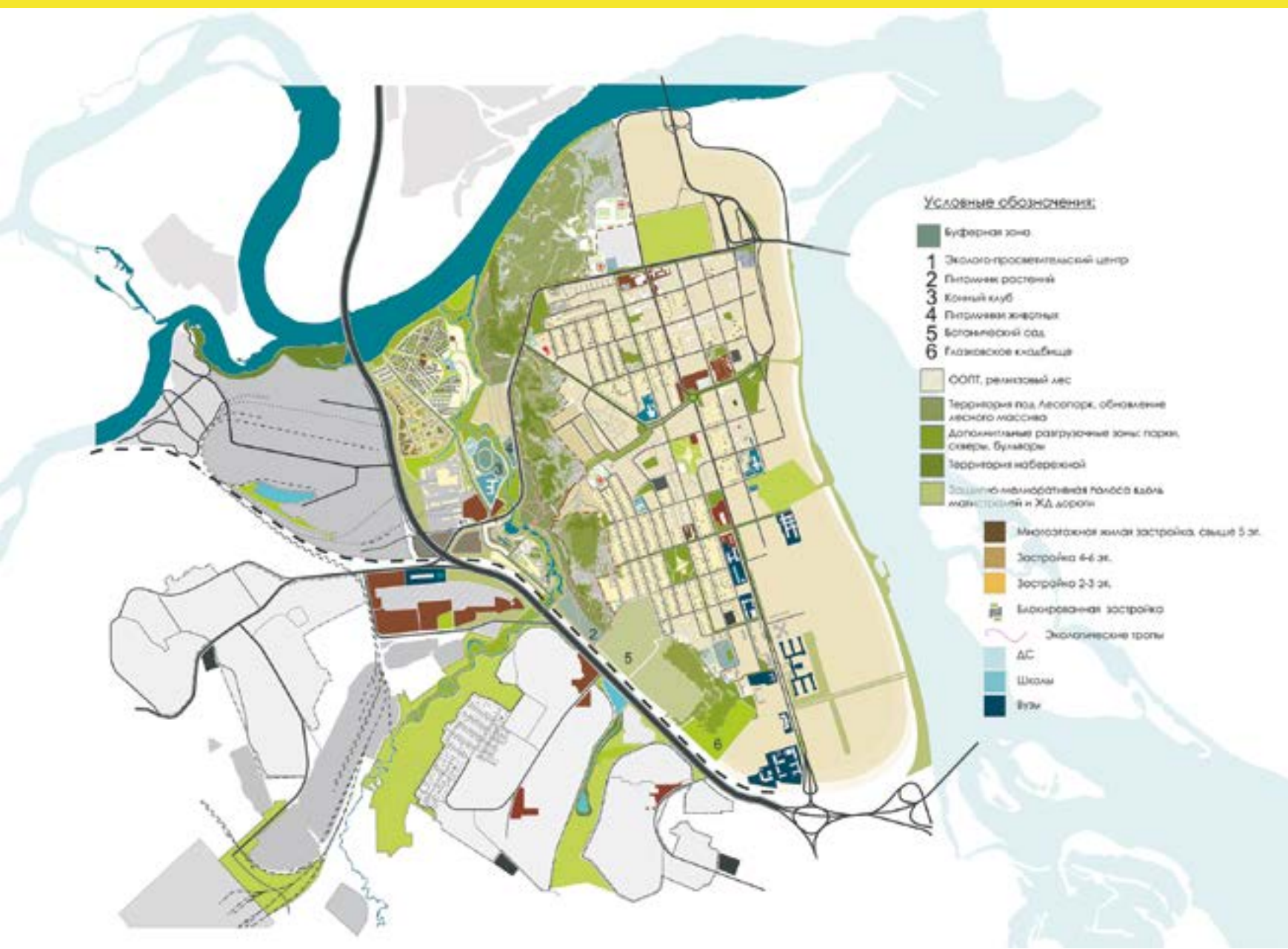
Во многом преобразования на данной территории связаны с предложением генплана 2009 года по созданию объездной скоростной магистрали в пойме Каи. Данный проект является альтернативным вариантом, учитывающим идею создания магистрали, но располагающейся таким образом, чтобы сохранить существующий природный каркас. В связи с размещением скоростной магистрали появится четкое разделение жилой и промышленной зон. Вдоль магистрали – многоэтажная секционная застройка, экранирующая негативное воздействие магистрали, и группа кварталов блокированной застройки на границе с рощей. Вдоль магистрали и железной дороги планируется посадка защитно-мелиоративных насаждений. Части рощи, изолированные друг от друга ул. Маяковского, будут соединены между собой зеленым мостом.

Решение проблем города – сложный процесс, требующий больших затрат, часто приходится чем-то жертвовать. Однако природный каркас должен быть сохранен, поскольку только в условиях живой природы человек может полноценно отдохнуть, восстановить свои жизненные силы. Мы должны находить такие пути решения, при которых все инфраструктуры будут складываться в единый организм, где одна его часть работает на обеспечение другой, а не исключает ее.

Анна Суродина / Anna Surodina

Development of the Territories Adjoining Kaiskaya Roscha for the Purpose of Preservation of Natural Heritage

Открытые общественные пространства бывшей территории ИВАТУ /

дипломный проект

автор проекта

студентка Института архитектуры и строительства ИРНИТУ

Олеся Сёмина

руководитель проекта

И. Е. Дружинина

Иркутский военный авиационный инженерный институт (ВШАТ, ИВАТУ, ИВШАМ, ИВВАИУ, ИВВАИИ) – военное учебное заведение (1931–2009), осуществлявшее подготовку инженеров и техников для Военно-воздушных сил СССР и Военно-воздушных сил Российской Федерации.

До 2009 года инфраструктура территории ИВАТУ служила интересам военного института и прочим военным учреждениям. Без поддержки министерства обороны, городской и областной администрации жилой район ИВВАИУ и объекты инфраструктуры училища лишились всякой защиты и материальной помощи. Деградикация уникального городского района (на территории проектирования находятся объекты культурного наследия регионального значения, относящиеся к дореволюционному периоду, ценные исторические постройки советского периода) происходит пугающими темпами. За последние годы функциональное наполнение территории существенно меняется, а согласно генеральному плану города Иркутска изменится еще значительно. Таким образом, инфраструктура и организация среды нуждаются в преобразовании в соответствии с новым функциональным наполнением.

Текущий проект планировки Октябрьского района, разработанный ОАО «Иркутскгражданпроект» по заказу администрации города Иркутска, требует поправок, так как в нем не была учтена фактическая ситуация, сложившаяся на территории. В ходе проведенной работы были проанализированы ведущие принципы и передовые ис-

следования по организации общественных пространств, их роль в жизни города, а также ряд примеров мирового опыта по их проектированию.

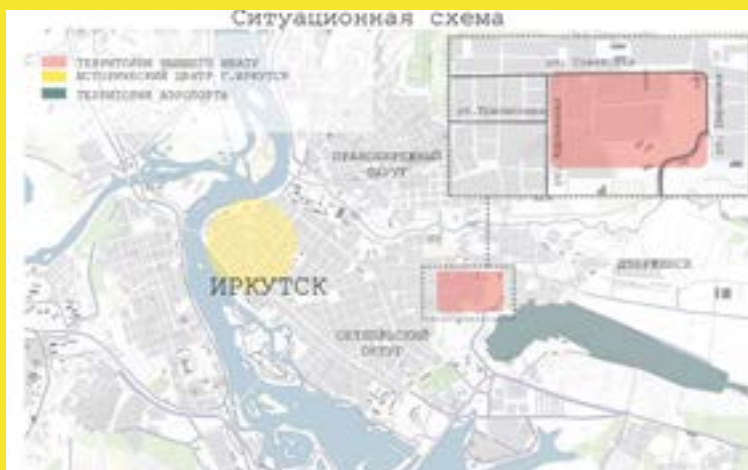
В процессе разработки данного проекта произведена оценка потенциала рассматриваемой территории (достоинства и недостатки, климатические особенности, наличие памятников истории и архитектуры), что помогло определить стратегию проектирования.

В ходе проектирования были поставлены и решены следующие задачи: обеспечение комфортности и привлекательности общественного пространства с точки зрения основных видов человеческой деятельности, а также возможности самовыражения. Для решения этих задач, в частности, были спроектированы малые архитектурные формы, отвечающие высоким эстетическим характеристикам.

Учет ситуации в течение дня и ночи, а также в разное время года – неотъемлемая часть работы по оптимизации городского пространства, особенно в местном климате, преимущественно неблагоприятном для длительного нахождения на улице. Поэтому проектом предусмотрен ряд приемов для защиты от ветра и холода.

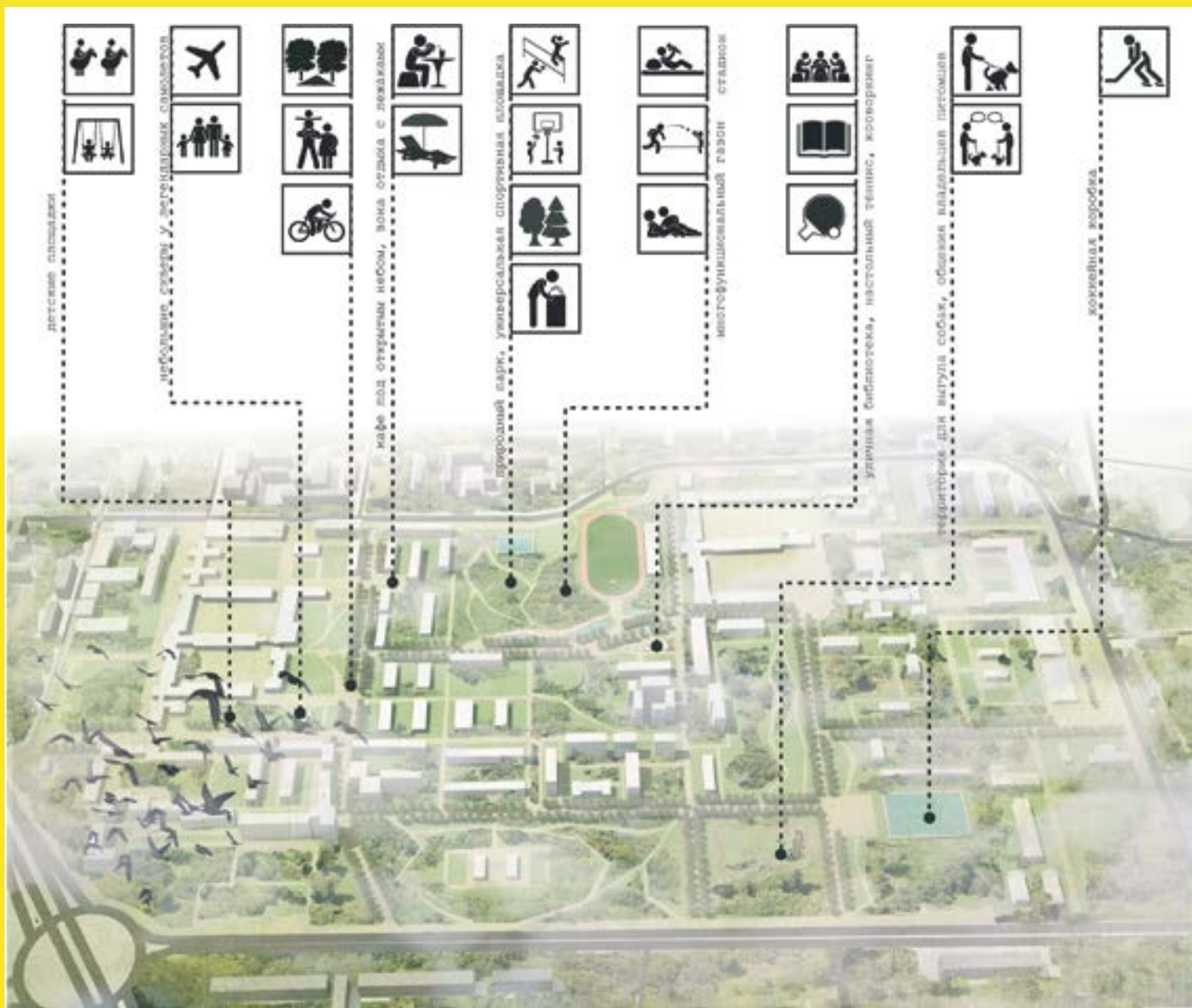
Таким образом, забота об удобстве подразумевает прежде всего организацию места в соответствии с потребностями человека, предоставление возможности наслаждаться природой и получать эстетическое удовольствие, чему способствуют хорошая архитектура и дизайн.

Олеся Сёмина / Olesya Semina

Open Public Spaces of the Former Territory of the Irkutsk Military Aeronautical Technical School

Все процессы урбанизации в СССР коренным образом отличались от аналогичных за рубежом. С началом индустриализации все города-новостройки возводились в отдалении от существовавших крупных городов, выполнявших в рамках советской градостроительной доктрины роль опорных пунктов расселения. Дореволюционная структура хозяйственного районирования целенаправленно заменялась новой, в которой «промышленно-селитебные» образования - места узловой концентрации населения - искусственно располагались там, где это было выгодно с точки зрения размещения объектов военно-промышленного комплекса. Урбанизация в СССР была сознательно превращена советской властью в «вынужденного попутчика» промышленно-транспортного строительства и ресурсодобычи и оставалась таковой, фактически, все годы существования Советского Союза.

Ключевые слова: урбанизация в СССР, соцгород, административно-территориальное районирование, военно-промышленный комплекс/

All urbanization processes in the USSR were quite different from those in other countries. When the industrialization started, all new cities were built far from the existing big cities, which served as supporting points of displacement of population within the framework of the Soviet town-planning doctrine. The pre-revolutionary structure of economic zoning was purposefully replaced by a new one, where 'industrial-residential' formations – the places of nodal conglomeration of population – were deliberately located in the area favorable for allocation of war productive facilities. The Soviet government willfully turned urbanization into 'an involuntary companion' of industrial and transport construction and resource development. It remained such as long as the Soviet Union existed.

Keywords: urbanization in the USSR; social city; administrative-territorial zoning; war productive facilities.

Уникальность урбанизации в СССР: искусственное формирование системы расселения /

Исследователи советской модели урбанизации склонны определять ее как «провальную» [1], потому что советской власти не удалось обеспечить комплексную реализацию важнейшей «субъектной» составляющей урбанистического развития – «человека с его разнообразными потребностями и возможностями». Они пишут о том, что и в постсоветский период урбанизация в СССР не смогла «преодолеть резкое отставание СССР – России от общепринятых в развитых странах норм и стандартов образа и качества жизни горожан, их культуры, доходов, состояния городской среды и т. д.» [1], и поэтому до сих пор остается «недоурбанизацией».

Это верные оценки, если рассматривать процессы урбанизации в СССР в сравнении с западными моделями формирования систем расселения и зарубежной градостроительной практикой. Однако в СССР все процессы урбанизации: возведение промышленных поселений на пустом месте, мотивы перемещения сельского населения в города, цели формирования среды обитания и т. п. – коренным образом отличались от аналогичных за рубежом.

Советское руководство и не собиралось развивать «разнообразнейшие потребности и возможности» человека, не планировало достигать западных стандартов качества жизни горожан. Никто в сталинском руководстве и не стремился развивать «гражданское общество», никто в хрущевском правительстве не ставил задачи

наделить каждую семью машиной, холодильником и собственным домом, никто в брежневском Политбюро не стремился привнести в каждую квартиру персональный компьютер... Да, советская урбанизация являлась лишь «...побочным продуктом индустриализации, а человек – всего лишь «винтиком» огромной государственной машины» [2]. Но именно так ее концептуально и рассматривала марксистская доктрина. Именно так ее практически и формировало сталинское руководство.

Начиная с середины 1920-х годов руководство страной провозгласило доктрину промышленного развития, основой которой стала добыча и продажа зарубежным странам сырьевых ресурсов. Для того чтобы на вырученные деньги закупать чертежи, станки и промышленные технологии для выпуска вооружений. Эта доктрина стала именоваться «индустриализацией». В ее рамках к собственному населению сталинское руководство относилось точно так же, как к природному ресурсу, который был предназначен лишь для того, чтобы обеспечивать достижение наиглавнейшей задачи – превращения великого государства в мощный военный механизм. Именно развитие военно-промышленного комплекса являлось основной целью, смыслом и содержанием советской индустриализации, которая исключительно предопределяла процесс урбанизации в стране.

Любой человек, выросший в СССР или много читавший об устрой-

стве советской власти, прекрасно понимает, что в Советском Союзе после запрещения НЭП никакого жилищного строительства по частной инициативе и собственными силами граждан не происходило. Кроме, пожалуй, жилищного самостроя в деревнях и самовольного возведения нахаловок на окраинах городов. Любая мало-мальски значимая стройка: строительство многоэтажного здания или нового цеха завода, не говоря уж о целых поселках или городах, – была делом исключительно государственным, абсолютно подконтрольным и

полностью управляемым. Тем более в условиях острейшего дефицита финансовых и материальных ресурсов, строительных материалов и рабочей силы, нехватки средств транспортировки, машин и механизмов и всего прочего, что можно было получить лишь посредством их квотированного государственно-распределения.

Однако, несмотря на полностью искусственный, плановый характер советской урбанизации, она, а также процессы, стимулировавшие ее развитие, в советской историографии описывались (и до сих пор

Uniqueness of Urbanization in the USSR: Artificial Formation of the Settlement System

представляются) так, как будто бы они происходили сами по себе. Естественным образом. В итоге делаются выводы о возникшем «консервативном» характере «советского варианта модернизации» [2, с. 187]; о том, что советская экономика сама собой «переходила» от своего «аграрного состояния к индустриальному» [1], что «периоды реформирования» сами по себе «сменялись годами застоя», а «консолидация общества – его расколом» и т. д. [2–4]. Выстраивается картина, согласно которой советская урбанизация как бы существовала в условиях «саморазвития», которое неким непонятным образом оказывалось «сопровождаяемым» милитаризацией. Увы, все это ложные разъяснения, поскольку в СССР «само по себе» не происходило совершенно ничего по-настоящему масштабного, требовавшего вложения государственных ресурсов, мало-мальски связанного с внутренней геополитикой...

Научные труды, появившиеся в последние десятилетия [5–10], позволяют сделать однозначный вывод о том, что советская урбанизация не «сопровождалась» милитаризацией, напротив, это милитаризация «сопровождалась» урбанизацией. Потому что партийное руководство страной готовило системе расселения в СССР особую роль – служить средством пополнения милитаризованного «народного» хозяйства рабочей силой. Эта рабочая сила должна была формироваться из крестьянства, вытесняемого коллективи-

заций на новостройки пятилетки. Именно на осуществляемой властью коллективизации прежде всего и основывалась урбанизация в СССР. На том, что после реформирования индивидуального сельскохозяйственного производства в коллективное, избыточная однородная масса крестьян с неизбежностью хлынет из деревни в города и превратится в не менее однородную массу государственных рабочих и служащих, лишенную внутреннего разнообразия, а главное, характерных черт среднего слоя населения буржуазного общества. Так все и было осуществлено: только за первую пятилетку городское население (существовавших городов и соцгородов-новостроек) увеличилось на 13,5 млн чел.

Специфической чертой советской системы расселения было то, что в Советском Союзе вовсе не концентрация населения (как на Западе) инициировала появление новых объектов производства, энергетики, транспорта. А наоборот, возведение объектов энергетики вызывало размещение вокруг себя энергоёмких производств, которые, в свою очередь, требовали сосредоточения здесь же трудоспособного населения. Именно этот процесс и закреплялся в схемах районной планировки. Урбанизация была лишь побочным продуктом расширения инфраструктуры ресурсодобычи, возведения предприятий по переработке, обогащению и перегрузке сырья; следствием развертывания систем транспорта и энергетики, нуждав-

шихся в сельхозе для размещения трудовых ресурсов. В ее основе лежало создание структуры такого «территориально-административного управления», которое основывалось на искусственном формировании «центров концентрации пролетариата», целенаправленно превращаемых в административно-управленческие центры новой структуры расселения. Соцгорода-новостройки представляли собой «промышленно-селитебно-энергетические комплексы», т. е. иными словами – поселения для рабочих при промышленных гигантах. Формировались они, как правило, в отдалении от существовавших крупных городов, которые трактовались в рамках советской расселенческой доктрины как базовые, опорные пункты расселения – фокусы «пролетаривания» крестьянского населения и последующей переброски их к местам промышленных новостроек. Соцгорода располагались в слабо освоенных либо вообще пустынных территориях с целью заполнения их населением (кстати, эта политика продолжалась потом долгие годы). Именно поэтому «промышленно-селитебно-энергетические комплексы» (соцгорода) в специальной литературе подготовительного периода индустриализации именовались «расселенческими упорами». Именно под цель равномерного распределения по территории страны искусственно формируемых мест узловой концентрации населения и изламывалась – осмысленно и целенаправленно – дореволюци-

онная структура хозяйственного районирования.

Исследователи советской урбанизации пишут о том, что серьезным недостатком урбанистического процесса в СССР являлся разрыв между количественными показателями переселения масс деревенского населения в города и утверждением городского образа жизни как феномена культуры [11]. Они констатируют, что темпы территориальной концентрации населения опережали «процессы адаптации вчерашних сельских жителей к городскому образу жизни, усвоение ими городской культуры, новой системы ценностей» [1]. В этом они видят «непоследовательность» воплощения урбанистической модели. Однако в руководстве СССР того периода никто и не планировал адаптировать крестьян-мигрантов к городскому образу жизни. Да подобного,

«городского» образа жизни и не существовало в соцгородах-новостройках, которые на 90 % были застроены бараками (рассчитанными на вселение 80–120 чел. каждый) и на 90 % заселены коммунально. В соцгородах-новостройках не было и никакой «городской культуры». А была лишь грязь по колено и деревянные щитовые тротуары, которые в период весенних и осенних дождей кидались прямо сверху на раскисшую глину, чтобы пешеходы могли хоть как-то пробираться и не тонуть в тестообразном месиве; не было ванн и индивидуальных кухонь; воду население получало от водовозов или в лучшем случае из квартальных водоразборных колонок; в жилище не было туалетов: они располагались на улице, в отдельно построенных деревянных сооружениях на 8–12 посадочных мест, не разделяемых перегородками... Какую особую «городскую

культуру» в этих условиях должны были «усваивать» вчерашние сельские жители, но так и не усвоили, что потом плохо сказалось на «состоянии урбанизации»?

Ученые, изучавшие процессы урбанизации в СССР писали о том, что «подлинная» урбанизация всегда связана с «вложениями в человека» [1, с. 109]. А советская, мол, являлась «неподлинной», недоразвитой, недоразвивавшейся, потому что в ней «вложения в человека» были недостаточными. Они отмечают, что быстрый рост городов и концентрация населения в индустриальных центрах происходили на фоне сохранения традиционных особенностей российского общества – архаично-экстенсивного характера городской деятельности, сельского общинного сознания «новых горожан», их аграрного менталитета, низкого уровня жизни [1]. Но ничего иного советской властью и не планировалось. Все – в точном соответствии с той концепцией урбанизации, которая именовалась «концепцией соцрасселения» и которая была последовательно и планомерно реализована:

1. Сохранение традиционных форм общинного сознания, способствующего существованию трудо-бытовых коллективов.

2. Создание иерархизированного (стратифицированного) уровня жизни – низкого (прожиточный минимум) для подавляющей массы населения.

3. Поддержание экстенсивного характера городской жизнедеятельности,

так как главной задачей являлось восстановление сил для следующего трудового дня, а не активное включение в разнообразные формы досуга, развлечений и стилей (образов) жизни.

4. Строгий контроль (за счет введения прописки, паспортной системы, структуры распределения жизненных ресурсов: продуктов питания, одежды, жилища, медицинского обслуживания и проч.) за фактическим количеством контингентов трудоспособного населения, сконцентрированных в сельхозпроизводственных комбинатах, численность которых рассчитывалась по формулам в зависимости от «трудоемкости градообразующих предприятий».

5. Поддержание аграрного менталитета и связанных с ним форм дополнительного самообеспечения населения продуктами питания под контролем администрации предприятий и учреждений.

Воплощение этой концепции обеспечивалось сознательно формируемой системой организации процессов городского быта и своеобразной «городской политикой», сутью которой была минимизация государственных расходов на человека путем жесткой экономии на жилищно-коммунальном строительстве, социально-культурной сфере, городском транспорте [11] (что автоматически приводило к формированию и удержанию нищенского уровня жизни рядовых рабочих и служащих) и т. д. и т. п.

В СССР в основу урбанизации закладывалась именно «матери-

ально-производственное», а не «антропокультурное» содержание. Так чего же сегодня сетовать на то, что в советской модели мало оказалось того, чего там вообще не должно было быть... Как следствие, несмотря на утверждения некоторых ученых [1] о необходимости применения «антропокультурного подхода» в качестве основного методологического средства для оценки реальных итогов российской урбанизации, именно он для этой задачи и не подходит.

При изучении характера советской урбанизации следует принять за исходный методологический постулат тот факт, что все без исключения процессы градоформирования в Советском Союзе с конца 1920-х – начала 1930-х годов оказались нарочно «присегнутыми» (образное выражение Ю. Л. Пивоварова) к форсированной индустриализации. Соцгорода-новостройки, несмотря на все декларационные заявления об их роли в формировании особого – счастливого, сытого, прекрасного, комфортного – советского образа жизни, играли лишь роль «тары» для размещения «производственного персонала» [3]. Урбанизация была сознательно превращена советской властью в «вынужденного попутчика» промышленно-транспортного строительства и ресурсодобычи и оставалась таковой фактически все годы существования СССР. Советская урбанизация существовала исключительно благодаря особому «государственному движущему механизму» [1] в рамках которого

директивно-плановая экономика сознательно и целенаправленно превратила процесс градоформирования (вслед за индустриализацией) в искусственно-форсированно-ускоренный [12].

Изучение процесса индустриализации в СССР, особенно в ее начальный период (середина 1920-х годов и первые пятилетки), требует своего коренного методологического пересмотра. Требуется выработка особой исследовательской оптики, основанной не на сопоставлении с закономерностями урбанизации в капиталистических странах, а на выявлении специфики урбанистических процессов в СССР. Выявление их неразрывной связи с марксистско-ленинской идеологией; с реализацией программы формирования военно-промышленного комплекса; искусственным формированием «промышленных» трудовых ресурсов (в том числе и за счет коллективизации) и их принудительным перемещением на стройки пятилетки; с развертыванием глобальной системы принудительного труда; формированием среды обитания, предусматривавшей обеспечение лишь минимального уровня жизненных условий; созданием в целом дезурбанизированной системы расселения с искусственно формируемыми центрами узловой концентрации «пролетариата» (трудоустроенного населения – рабочих и служащих и членов их семей) в фокусах административного управления территориями.

Марк Меерович

Список литературы

1. Пивоваров Ю. Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 6. – С. 101–113.
2. Вишневецкий А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. – М. : ОГИ, 1998. – 432 с.
3. Ахиезер А. С. Город – фокус урбанизационного процесса // *Город как социокультурное явление исторического процесса*. – М. : Наука, 1995.
4. Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. – М. : Новый хронограф, 2009. – 372 с.
5. Баженов А. Ю. Организационно-экономические основы создания и развития бронетанкового производства в Сталинграде : автореф. ... дисс. канд. эк. наук. – Волгоград, 2010 [Электронный ресурс]. – <http://www.dissercat.com/content/organizatsionno-ekonomicheskie-osnovy-sozdaniya-i-razvitiya-bronetankovogo-proizvodstva-v-st>
6. Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). – СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2002. – 472 с.
7. Савицкий И. М. Строительство предприятий оборонной промышленности в Новосибирской области в предвоенные годы (1929–1941) // *Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.* // Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2002. – С. 142–155.
8. http://www.zaimka.ru/06_2002/savitsky_prewar
9. Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. – М. : АИРО-XX, 2001. – 296 с.
10. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. – М. : Российская политическая энциклопедия, 1996. – 336 с.
11. Пивоваров Ю. Л. Основы геурбанистики: урбанизация и городские системы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – 232 с.
12. Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. – М. : Наука, 2003. – 286 с.

Наш мир стоит накануне радикальных перемен и трансформаций, и оттого, насколько ясно профессиональное сообщество сможет сформулировать, что сегодня происходит с архитектурой, зависит будущее профессии. Казалось бы, строится огромное количество зданий и сооружений, города приобретают совершенно новый облик. Вместе с тем ситуацию в архитектуре и градостроительстве можно оценить как кризисную. Архитектура стала в наши дни своего рода ответвлением промышленного дизайна, и ее смысловой потенциал минимизирован до чистоты, удобства и экономичности. Мечта авангардистов начала XX века осуществилась. Старое разрушено почти до основания. Смыслы архитектуры прошлого, в том числе и XX века, общество в целом перестало понимать. Такое положение дел приводит к неосознанному варварству по отношению к историческому наследию.

Ключевые слова: ситуация в архитектуре и градостроительстве, историческая архитектура, неосознанное варварство, судьба профессии.

Our world is on the eve of drastic changes and transformations. The future of the architectural profession depends on how clearly the professional society can formulate the actual state of architecture.

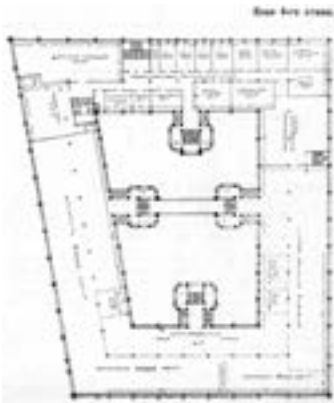
A great number of constructions are being built, and cities acquire a brand new image.

At the same time, the situation in architecture and town planning is critical. Contemporary architecture has become a sort of branch of the industrial design with its semantic potential minimized to purity, convenience and economical efficiency.

The dream of avant gardists of the early XXth century has come true. The old has been almost completely destroyed. The society fails to understand the sense of architecture of the past, including the XXth century. Such situation leads to unconscious barbarism towards historical heritage.

Keywords: state of architecture and town planning; historic architecture; unconscious barbarism; destiny of the profession.

Трещинка, пропасть, бездна... / A Crack, a Gulf, an Abyss...

^ Конкурсный проект здания Центрального телеграфа. Архитекторы братья Веснины, 1925 год

^ Интерьер клуба завода им. Лихачева. Архитекторы братья Веснины

^ Дворец Культуры завода им. Лихачева. Архитекторы братья Веснины, 1933 год

Моисей Гинзбург, идеолог конструктивизма, в программной статье первого номера журнала «Современная архитектура» за 1926 год писал: «Одно десятилетие отделяет нас от архитектурного благополучия довоенного времени, когда в Ленинграде, Москве и других крупных центрах лучшие русские зодчие беззаботно насаждали всевозможные «стили». Много ли десятилетие? Маленькая трещинка времени. Но революция, уничтожив косные предрассудки и отжившие каноны, превратила трещинку в пропасть».

Мы уже никогда не узнаем, лукавил ли тридцатичетырехлетний ниспровергатель основ, мечтавший о новаторской архитектуре, когда писал эти строки. Гинзбургу и его соратникам октябрьский переворот дал уникальный шанс воплотить в жизнь новаторские проекты: российская архитектурная элита в результате революции и Гражданской войны была частично рассеяна по миру, частично уничтожена физически. Послереволюционная эйфория дала возможность экспериментировать с новыми типами зданий, создавать проекты реконструкции городов, не принимая во внимание желания владельцев земельных участков и недвижимости. Такого шанса не было ни у Ле Корбюзье, ни у Гропиуса, ни у Мис ван дер Роэ... Новая власть на первых порах благоволила к авангарду. Ей на фоне всеобщего хаоса и разрухи нужны были образы нового мира,

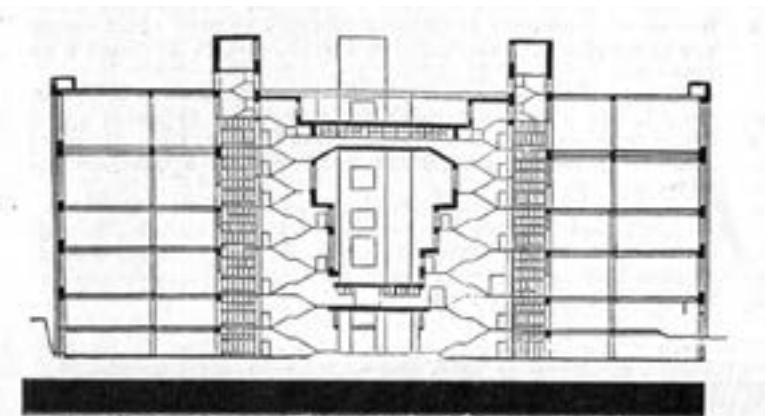
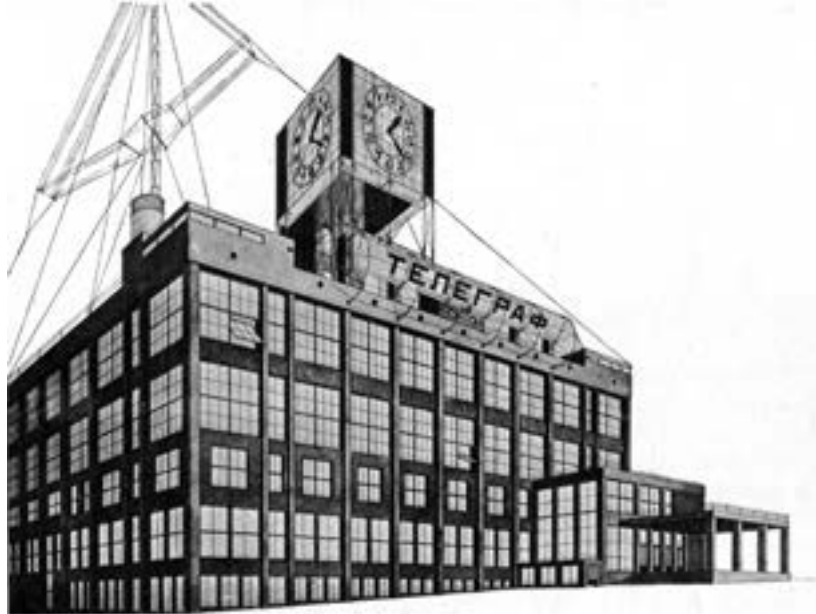
явленные в зданиях, сооружениях, театральных постановках, кинофильмах, живописи и скульптуре.

Попытка классициста Ивана Владиславовича Жолтовского стать демиургом на послереволюционном архитектурном Олимпе не увенчалась успехом. В 1919 году Жолтовский, явившись к Ленину с рекомендательным письмом Луначарского, добился благосклонности власть имущих, занял официальные командные посты в профессиональном мире, но развить свой политический успех не сумел. В 1923 Жолтовский неожиданно для всех уехал в Италию на три года. Вернулся Иван Владиславович в 1926 году, когда настало звездное время авангардистов. Власть, правда, поиграла с новаторами как кошка с мышкой. Короткое время им было позволено проектировать и строить по-новому, выпускать журналы, полемизировать, дерзить.

Дома, построенные на рубеже XIX–XX веков и ранее, революционным интеллектуалам из ОСА и АСНОВА казались смешными, а Иван Владиславович, верный заветам Андреа Палладио, и его сторонники архаичными. Добротные дореволюционные здания, как по команде, стали именоваться «сундуками», а изысканные особняки в стиле art nouveau и неоклассицизма пошлыми упадочными творениями, «кремовыми тортами» и пр. Было время разбрасывать камни и создавать «проуны» (проекты утверждения нового – термин Л. М. Лисицкого). Нет оснований считать лидеров архитектурного авангарда

начала XX века простодушными или наивными. Они искренне считали, что закладывают основы нового мира и принципиально хотели создать архитектурную оболочку этого мира с нуля, с чистого листа. Они сознательно хотели быть родства со старой архитектурой не помнящими. Их взгляд был обращен в будущее, наполненное в мечтах светом, воздухом и радостью. В переводе на язык архитектуры – стекло, бетон, небоскребы, открытые зеленые пространства, линейные поселения, планировочные параболы, разрывающие кольцевые системы сложившихся городов... Трудности коммунального быта, отсутствие элементарных вещей и удобств представлялись временными. Коммунистическое будущее, где пролетарии построят летающие города, – прекрасным. А пока, в середине 20х годов, братья Веснины жили в московском переулке, в коммунальной квартире, занимали одну комнату, где стояли три кульмана и три железные кровати, чертили карандашами и рейсфедерами с помощью деревянной рейсшины. На бумаге возникали невиданные здания нового мира. То, что было воплощено в жизнь, шокировало обывателей и радовало революционную молодежь.

Провидец Гинзбург, получивший прекрасное архитектурное образование в Италии, Франции и России, где его учили тонкостям «проектирования в стилях», расчету строительных конструкций и прочим премудростям уважаемой профессии, чувствовал, что в архитектуре

^ Конкурсный проект здания Центрального телеграфа. Архитекторы братья Веснины, 1925 год

v «Огурец» Нормана Фостера

^ Дом Морозова. Архитектор В. Мазырин

^ Особняк Рябушинского. Архитектор Ф. Шехтель

начинается новая эра и революционные изменения в профессиональном сознании будут необратимы. Он ошибся на 80 лет. Необратимыми они стали в начале XXI века. Хотя всё еще живы в профессиональной среде неоклассические призраки. Правда, неоклассики ныне называют весьма сомнительные постройки и проекты. Например, те, что делаются в казанской мастерской «Антика». «Дети Иофана», конечно, более грамотны, но все равно современные «неоклассицисты» погоды в профессии не делают. Похоже, они пытаются говорить с миром цитатами на уже мертвом языке.

Сомнения в необратимости революции в архитектуре одолели Моисея Яковлевича Гинзбурга через десять лет, в середине 30х годов, когда творения авангардистов стали называть «коробками». Оказалось, что победившему пролетариату нужно что-то другое. (Пролетариат, правда, об этом и не подозревал. Счастьем было получить комнату в коммунальной квартире, нормой была койка в общежитии.)

Времена быстро перестали быть «вегетарианскими». Советский Союз стал мнить себя империей, которой идеологически необходим был в архитектуре подавляющий воображение римский размах с величественными колоннадами, портиками, капителями...

В начале 30х годов XX века рафинированное палладианство И. Жолтовского и его учеников, «красная дорика» И. Фомина,

классицистический конформизм А. Щусева, эксперименты Б. Иофана и А. Бурова стали хрупким мостиком, который встал над временной пропастью, о которой говорил Гинзбург. Этот мостик рухнул в конце 50х годов XX века. В один миг любовно нарисованные портики и капители называли «излишествами», а дома, построенные в это время, вновь стали напоминать «сундуки».

В середине 60х годов XX века молодые архитекторы жаждали перемен и яростно ненавидели советский неоклассицизм. В пылу полемики они не замечали, что классическая выучка ничему не противоречит. «Коробки» конструктивистов, как запретный плод, вновь стали для них желанными. Книга С. О. ХанМагомедова «Пионеры советской архитектуры», выпущенная в 70х годах XX века, правда, сначала в ГДР и на немецком языке, стала бестселлером. Но об этом так и не узнал умерший в 1959 году гений авангарда Иван Леонидов, не узнали ни Эль Лисицкий, ни братья Веснины, ни Моисей Гинзбург... Сердца и нервы архитекторов-новаторов не выдержали страстей сталинской эпохи. Их полный треволнений жизненный путь, как правило, был коротким.

Ученикам Ивана Владиславовича Жолтовского пришлось в начале 60х годов учиться заново. Но, как всегда, нет пророков в своем отечестве. Учиться они стали у западных мастеров «интернационального стиля», которые своими учителями считали архитекторов советского авангарда 20х годов.

Что было после? Едва оформившийся советский модернизм был убит сарказмом постмодерна, заморожен деконструктивистским холодом. Модернистские «коробки» в начале XXI века попробовали приукрасить. В ходе капитальных ремонтов их одели в пластик и стекло. Короче говоря, испортили, не поняв эстетики минимализма. Возможно, если архитекторы и их уважаемые заказчики не опомнятся, идентичных памятников советского модернизма не останется совсем.

В начале XXI века в российских городах начали расти стеклянные небоскребы, гигантские торговые центры, жилые комплексы-«человейники». А за городом особнячки и даже замки «в стилях», с башенками и без. Кирпичные и деревянные. (Представление о богатстве, уюте, красоте у новой российской буржуазии по прямой восходит к XIX веку, и с этим ничего не поделаешь. Но вот беда – цитаты из архитектуры рубежа XIX–XX веков, которые предлагают нашим нуворишам архитекторы, в основном грубы и фальшивы.)

А что же с наследием? Что с «сундуками» и «тортиками» XIX века (и более ранними), с «коробками» конструктивистов, модернизированными «сундуками» советских неоклассицистов, наконец, с «коробками» советских модернистов? Выживут ли они в новом мире?

Есть замечательный анекдот. Большой? Доктор, скажите, я жить буду?

Доктор: Будете, конечно! Но погааано...

Историческую архитектуру пока не разрушили окончательно. Но старые здания повсеместно портят, приспособляя под новые нужды, грубо реконструируют, «встраивают» в новые «объекты», оставляя подчас одну стену от исторического дома. Рекламные плакаты вешают поперек классических портиков. На крышах громоздят огромные видеозащиты.

Архитекторы, конечно, не стремятся намеренно портить постройки своих предшественников. Дело в том, что мало-помалу язык исторической архитектуры стал для них мертвым. Ушло и представление об ансамбле в архитектуре. Пропасть, о которой говорил Гинзбург, превратилась в бездну совсем недавно.

Можно возразить: города перестраиваются и постоянно обновляются. Большинство строений живет около 300 лет, а затем исчезает. Да, это нормальный процесс до тех пор, пока не происходит кардинальная смена социальной парадигмы и, как следствие, смена архитектурной парадигмы.

При смене архитектурной парадигмы общество в целом перестает понимать смысл предшествующей архитектуры, что выливается в неосознанное варварство как архитекторов, так и потребителей. Иницируют революционную смену социальной и архитектурной парадигмы, новые технические средства, меняющие все параметры жизни (см. книгу Маршалла Маклюэна «Понимание медиа»). В результате происходит резкая смена технических и художественных норм, смена

^ Здание общества «Динамо» в Москве. Архитекторы И. Фомин, А. Лангман, 1931 год

^ Здание Наркомзема. Архитектор А. Жусев

v План Москвы. Архитектор Н. Ладовский, 1932 год

масштабов, скоростей передвижения, меняется скорость передачи и масштаб потребления информации.

Можно возразить: европейцы бережно относятся к исторической архитектуре, они не утратили способность к ее пониманию. Это в России, как всегда, все плохо...

Да, туристы со всего мира предпочитают гулять по средневековым улочкам Праги и Брюгге, посещать барочные дворцы и мельком смотрят новые районы. Центры тысячелетних городов для них музей под открытым небом, приятный аттракцион. Но кто сказал, что посетители музеев понимают и ценят музейные экспонаты... Принято культурным людям посещать музеи. Но смотреть и видеть – разные вещи.

В то же время жители исторических районов нередко испытывают массу неудобств. К дому затруднен проезд – улицы узкие, бесконечные пробки, нигде парковать машину, нет близко супермаркетов, где можно купить продукты, утомляют толпы туристов... Средний класс покидает, как правило, центры исторических городов и селится в новых районах. Так, например, в районе башни «Галата» в Стамбуле социальный состав населения сменился в течение нескольких десятилетий. Там, где жили состоятельные люди, поселилась беднота. Дома XIX века и более ранние разрушаются. У жителей нет средств на их поддержание. Толпы туристов равнодушно смотрят на обветшалые строения. Для них это экзотика и хороший фон для селфи. Ночевать они будут в унифицированных

номерах современных гостиниц.

Понимание языка архитектуры – это способность большинства членов общества отличать настоящее от подделок, понимать какие критерии работают в оценках, что красиво, что безобразно. Критериев для оценки строений, появляющихся сегодня по всему миру, практически нет. Поэтому прекрасен ли фостеровский «огурец» в Лондоне – сказать трудно. Необычен, технологичен, функционален – да! Красив? Может быть, и красив... На вкус и цвет товарищей нет. Да и критики ничего о красоте предпочитают не говорить. То, что в архитектуре ситуация нестабильна и наступил кризис, пишут, а о красоте молчат.

В начале XX века особняк Арсения Морозова на Воздвиженке, построенный в мавританском духе архитектором Виктором Мазыриным, разве что ленивый не называл отвратительным и безвкусным. Мать Арсения, Варвара Алексеевна Морозова, сказала историческую фразу своему сыну: «То, что ты дурак, знали единицы. Теперь об этом будут знать все».

О творениях Франца Осиповича Шехтеля, созданных в это же время, никто и никогда не говорил, что они безвкусны. Сегодня редко кто сможет объяснить, почему так ругали Мазырина и его богатого заказчика, и почему так хвалили Шехтеля. Вероятно, что-то люди рубежа XIX–XX веков понимали такое, о чем сегодня и не подозревают ни архитекторы, ни заказчики: им все равно, что Мазырин, что Шехтель,

v Дворец Советов. Автор проекта Б. Иофан, 1931–1933 годы

что Жолтовский. А если все равно, значит, все хорошо. Какие уж тут тонкости и различия!

Когда теоретики архитектуры говорят сегодня, что архитектура умерла, они, как это ни печально, правы. Новые строения не претендуют, так же как и объекты дизайна, на долгую жизнь, а в пределе – на вечность, что всегда было одним из основополагающих качеств архитектуры. То есть новые сооружения являются дизайнерскими творениями, которые могут быть заменены в любой момент без ущерба для окружающей среды. Увы, историческая архитектура в современной культуре так же непонятна для

большинства, как древнегреческий, латынь, арамейский и другие мертвые языки. Впрочем, перевранными латинскими цитатами пижоны с удовольствием украшают свою речь, а архитекторы позволяют себе «клеить» на стеклянные фасады несообразные «классические» портики, пилястры, капители... Так уже было. В Коломне есть дом XVII века, где колонна поставлена вниз капителью. Не понял провинциальный зодчий смысла ордерной архитектуры, он просто украшал фасад... Цитата, понимаете ли... Классика. «Вени. Види. Вицин...», как сказал один знаток латыни.

Елена Багина / Elena Bagina

ЧТО ИМЕЕМ – НЕ ХРАНИМ...

Дом Шиллинга в Чите /

WE KNOW NOT WHAT IS GOOD UNTIL WE HAVE LOST IT

Shilling House in Chita

В статье говорится о бедственном состоянии объектов культурного наследия в Чите. В частности, вызывает тревогу современное состояние памятника архитектуры начала XX века – дома Шиллинга, одного из ярких примеров стиля модерн. Ключевые слова: Дом Шиллинга, модерн, деревянная архитектура, объект культурного наследия, утрата архитектурных ценностей. /

The article features disastrous conditions of cultural heritage sites in Chita. The current condition of Shilling House - a monument of architecture of the XX century and an outstanding example of Art Nouveau - is of particular concern.

Keywords: Shilling House; Art Nouveau; wooden architecture; cultural heritage site; loss of architectural values.

Во второй половине XIX века Чита в основном застраивалась одноэтажными деревянными домами, архитектурное оформление которых осуществлялось без особых изысков. Но с повышением статуса Читы, «возведением ее в 1851 году на степень областного города», стали появляться строения, в архитектуре которых можно увидеть влияние соседних сибирских городов. Нередкими стали двухэтажные дома с развитыми размерами в плане.

Пространственный образ города формировался на основе «Плана на обустройство города Читы», выполненного декабристом Дмитрием Иринарховичем Завалишиным. Им же план линий регулирования застройки был вынесен «в натуру». Причем выполнена эта работа была с исключительной точностью. Эта планировочная схема до настоящего времени помогает удерживать градостроительный порядок в застройке центральной части города.

Строительство Транссиба на рубеже XIX–XX веков стало основой для дальнейшего развития города. Новая система организации жизни края и его центра принесла с собой

обогащение языка форм и средств архитектурной выразительности, развитие новых методов архитектурного творчества.

В свои права вступил модерн – архитектурный стиль начала XX века, который начинал новый этап в истории архитектуры. Его создатели стремились достичь эмоционально-эстетической выразительности архитектурной среды путем художественного осмысления утилитарных элементов. Включение живописных зданий, выполненных в стиле модерн, в достаточно жесткую застройку, подчиненную прямоугольной системе кварталов, вносило в ансамбли улиц определенную живость и разнообразие. Отвергая архитектуру второй половины XIX века, модерн тем не менее не отказался от орнаментального декора, который отличался характерными напряженными, извилистыми и плавными линиями растительных мотивов и геометрических фигур. К большому сожалению, развитию этого стиля помешала начавшаяся в 1914 году война.

В деревянной архитектуре Читы модерн сразу убедительно проявил себя в строениях, спроектированных, вполне возможно, столичными архитекторами. Одним из ярких примеров стиля модерн в Чите является так называемый дом Шиллинга, расположенный на ул. Подгорбунского, 40 (имя автора проекта неизвестно). Здание построено в 1908 году. Одно- и двухэтажные объемы срубов размещены на бутовом фундаменте, цоколь которого облицован гранитными

плитами с «кованой» поверхностью. Асимметричные блоки здания соединены между собой H-образно. Пластическая выразительность фасада достигается художественной обработкой всех элементов здания: фронтонов, различного рода поясков, форм оконных проемов, отдельных деталей, таких как кронштейны, капители стоек, угловые и оконные обрамления. И что самое главное, все элементы здания находятся в художественном единстве, восхищая зрителя своей цельной красотой.

Это здание – архитектурный шедевр, и не только по масштабам Читы. Любой город посчитал бы за честь иметь в застройке такой памятник. Несмотря на то что здание числится объектом культурного наследия федерального (!) значения, это мало способствует его сохранению. Современное состояние дома Шиллинга весьма плачевно. Тлен и разруха уже давно вступили в свои права. Дом дважды горел. Металлические ракушки незаконных гаражей вплотную облепили дом. Местная печать нет-нет да и опубликует напоминание о том, какие архитектурные ценности в Чите невосвратимо пропадают. Ведь пример дома Шиллинга далеко не единичен.

Кирпичные многоэтажные безликие контейнеры для людей продолжают неостановимое наступление на яркие достижения прежних времен. Что имеем – не храним, потерявши – плачем. А заплачем ли?..

Арина Шаравина / Arina Sharavina

АВТОРЫ

Антипин Люциан Федорович – архитектор, градостроитель (Иркутск)

Астраханцева Виктория Вагановна – заслуженный архитектор РФ, директор ПАМ «Аллегро», председатель правления Братской организации СА России, советник РААСН

Багина Елена – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Бармин Александр – архитектор (Екатеринбург)

Бражникова Инесса Борисовна – ведущий редактор Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (Иркутск)

Вандл, Александр – докторант, научный сотрудник факультета архитектуры и строительства Дельфтского Технического Университета (Нидерланды)

Григорьева Елена Ивановна – заслуженный архитектор РФ, член-корреспондент РААСН, вице-президент Союза архитекторов России

Демков Сергей Борисович – главный архитектор ОАО «Иркутскгипродорнии», профессор кафедры дизайна Института изобразительных искусств и социально-гуманитарных наук ИРННТУ

Деринг Александр – архитектор, генеральный директор ЗАО «Классика» (Барнаул)

Добрицына Ирина Александровна – заведующая отделом проблем теории архитектуры Научно-исследовательского института истории и теории архитектуры и градостроительства РААСН, доктор архитектуры, профессор (Москва)

Дружинина Инна Евгеньевна – главный архитектор ПАМ «Аллегро», доцент кафедры архитектурного проектирования ИРННТУ, член правления Иркутской региональной организации Союза архитекторов России

Железняк Ольга Евгеньевна – заведующая кафедрой дизайна факультета изобразительного искусства ИРННТУ, кандидат искусствоведения, профессор, член Союза дизайнеров России, Союза архитекторов России

Казакова Валентина Игоревна – архитектор, член Клуба молодых архитекторов (Иркутск)

Козак Александр Игоревна – директор Международного Байкальского зимнего градостроительного университета ИРННТУ, архитектор агентства развития территорий «Градостроительная школа» (Иркутск)

Кремлёва Дарья Михайловна – архитектор Сибирской лаборатории урбанистики, член Клуба молодых архитекторов (Иркутск)

Кулеш Дарья Леонидовна – архитектор (Иркутск)

Лидин Константин Львович – доцент кафедры менеджмента ИРГУПС, кандидат технических наук, докторант психологии

Лихачева Вероника – архитектор (Иркутск)

Логвинов Виктор Николаевич – член-корреспондент РААСН, действительный член МАА, заслуженный архитектор Российской Федерации, руководитель мастерской «Архитектурный центр»

Ляпин Андрей Александрович – доцент кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры и строительства ИРННТУ

Меерович Марк Григорьевич – кандидат архитектуры, доктор исторических наук, член-корреспондент РААСН, профессор кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры и строительства ИРННТУ, заслуженный архитектор России

Мироненко Алла Корнеевна – архитектор, директор ООО НПМ «Традиция» (Иркутск)

Пикнов Иван Владимирович – архитектор ОАО «Иркутскгражданпроект»

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член Союза московских архитекторов, член Союза дизайнеров России, обозреватель интернет-журнала «Архитектор», член Международной ассоциации архитектурных критиков

Самойленко Ирина Борисовна – главный архитектор мастерской территориально-градостроительного планирования ОАО «Приморгражданпроект», советник РААСН (Владивосток)

Сёмина Олеся – архитектор Сибирской лаборатории урбанистики (Иркутск)

Смирнова Ольга Федоровна – главный архитектор ландшафтной фирмы «Сады Семирамиды», член Союза архитекторов России (Красноярск)

Суродина Анна Андреевна – архитектор (Иркутск)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии БГУЭП, сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск), член Союза журналистов России

Токарев Никита Владимирович – архитектор, директор Московской архитектурной школы МАРШ

Триголос Ольга – архитектор (Екатеринбург)

Хуен, Франкван дер – доктор философских наук, доцент кафедры градостроительного проектирования, директор по науке факультета архитектуры и строительства Дельфтского технического университета (Нидерланды)

Шаравина Арина Викторовна – архитектор (Чита)

Ямова Евгения Викторовна – заместитель директора Международного Байкальского зимнего градостроительного университета ИРННТУ, архитектор агентства развития территорий «Градостроительная школа» (Иркутск)

AUTHORS

Lyutsian Antipin – architect, urban-planner (Irkutsk)

Victoria Astrakhantseva – honoured architect of Russia, chairperson of the Board of the Bratsk Organization of the Union of Architects of Russia, advisor of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS) (Bratsk)

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Alexander Barmin – architect (Yekaterinburg)

Inessa Brazhnikova – leading editor of V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS

Alexander Wandl – Researcher and PhD candidate at TU Delft, Faculty of Architecture and the Built Environment (Netherlands)

Elena Grigoryeva – honoured architect of the RF, corresponding member of the RAACS, full member of the International Academy of Architecture (IAA), Moscow Branch, Eurasia (IAAM)

Sergey Demkov – chief architect of Irkutskgiprodornii OJSC, Professor of the Department of Design at Institute of Fine Arts, Humanities and Social Sciences of Irkutsk National Research Technical University (INRTU)

Alexander Dering – architect, director general of “Classika” CJSC (Barnaul)

Irina Dobritsyna – head of the Theory of Architecture Department at Research Institute of History and Theory of Architecture and Town Planning of RAACS, Doctor of Architecture, Professor (Moscow)

Inna Druzhinina – member of the Board of the Irkutsk Organization of the Union of Architects of Russia, chief architect of the personal architectural bureau “Allegro”, Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering at Institute of Architecture and Construction of INRTU

Olga Zheleznyak – Professor, Ph.D. in Art History, head of the Department of Design at Institute of Fine Arts, Humanities and Social Sciences of INRTU, member of the Union of Designers of Russia, of the Union of Architects of Russia

Valentina Kazakova – architect, member of the Club of Young Architects (Irkutsk)

Alexandra Kozak – director of the INRTU International Baikal Winter University of Urban Planning Design, architect of the Agency for Development of Territories “Urban Planning School” (Irkutsk)

Darya Kremlyova – architect of the Siberian Laboratory of Urbanistics, member of the Club of Young Architects (Irkutsk)

Darya Kulesh – architect (Irkutsk)

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor of the Department of Management at Irkutsk State University of Railway Engineering

Veronica Likhacheva – architect (Irkutsk)

Victor Logvinov – corresponding member of the RAACS, full member of the IAA, honoured architect of the RF, director of the bureau “Architectural Center”

Andrei Lyapin – Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering at Institute of Architecture and Construction of INRTU

Mark Meerovich – Doctor of Historical Sciences, Ph.D. in Architecture, corresponding member of the RAACS, Professor of the Department of Architectural Engineering at Institute of Architecture and Construction of INRTU, honoured architect of Russia

Alla Mironenko – architect, director of ООО НПМ Traditsiya (Irkutsk)

Ivan Piknov – architect, Irkutskgzhdanproject OJSC

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, member of the Union of Moscow Architects, member of the Union of Designers of Russia, observer of the UMA Internet-magazine “Architector”, member of the International Association of Architecture Critics

Irina Samoilenko – chief architect of the bureau of territorial planning of Primorgrazhdanproject OJSC, advisor of the RAACS (Vladivostok)

Olesya Semina – architect of the Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Olga Smirnova – the chief architect of Semiramida Gardens Landscape Company, member of the Union of Architects of Russia (Krasnoyarsk)

Anna Surodina – architect (Irkutsk)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy at Baikal State University of Economics and Law, member of the Center for Independent Social Research and Education (Irkutsk), member of the Union of Journalists of Russia

Nikita Tokarev – member of the Board of the Union of Moscow Architects, director of the Architectural School MARCH (Moscow)

Olga Trigolos – architect (Yekaterinburg)

Frank van der Hoeven – Ph.D., Associate Professor & Director of Research at TU Delft, Faculty of Architecture and the Built Environment (Netherlands)

Arina Sharavina – architect (Chita)

Evgenia Yamova – deputy director of INRTU International Baikal Winter University of Urban Planning Design, architect of the Agency for Development of Territories “Urban Planning School” (Irkutsk)

В журнале «Проект Байкал» № 44 на стр. 30–31 перепутаны подписи к картинкам. Вместо подписи на стр. 30 «2-е место. ООО «Градостроительная мастерская «Линия», девиз «РОКС», авторы К. Л. Здышев, О. Ю. Куцакова, С. О. Соколов, Р. А. Хотулев» следует читать: «3-е место. ООО НПМ «ТРАДИЦИЯ», девиз «63/15», авторы А. А. Бобрышева, Е. В. Жушман, А. К. Мироненко, А. Ю. Михайлов, Т. А. Пензина».

Вместо подписи на стр. 31 «3-е место. ООО НПМ «ТРАДИЦИЯ», девиз «63/15» авторы А. А. Бобрышева, Е. В. Жушман, А. К. Мироненко, А. Ю. Михайлов, Т. А. Пензина», следует читать: «2-е место. ООО «Градостроительная мастерская «Линия», девиз «РОКС», авторы К. Л. Здышев, О. Ю. Куцакова, С. О. Соколов, Р. А. Хотулев».

НОВОЕ ВРЕМЯ
НОВЫЕ РЕШЕНИЯ
НОВЫЕ ФОРМЫ

г. Иркутск ул. Ф.Энгельса 17А, оф. 510 БЦ «Сотня»
компания «Фасадные технологии»
+7 (3952) 484-184
www.gradas.ru